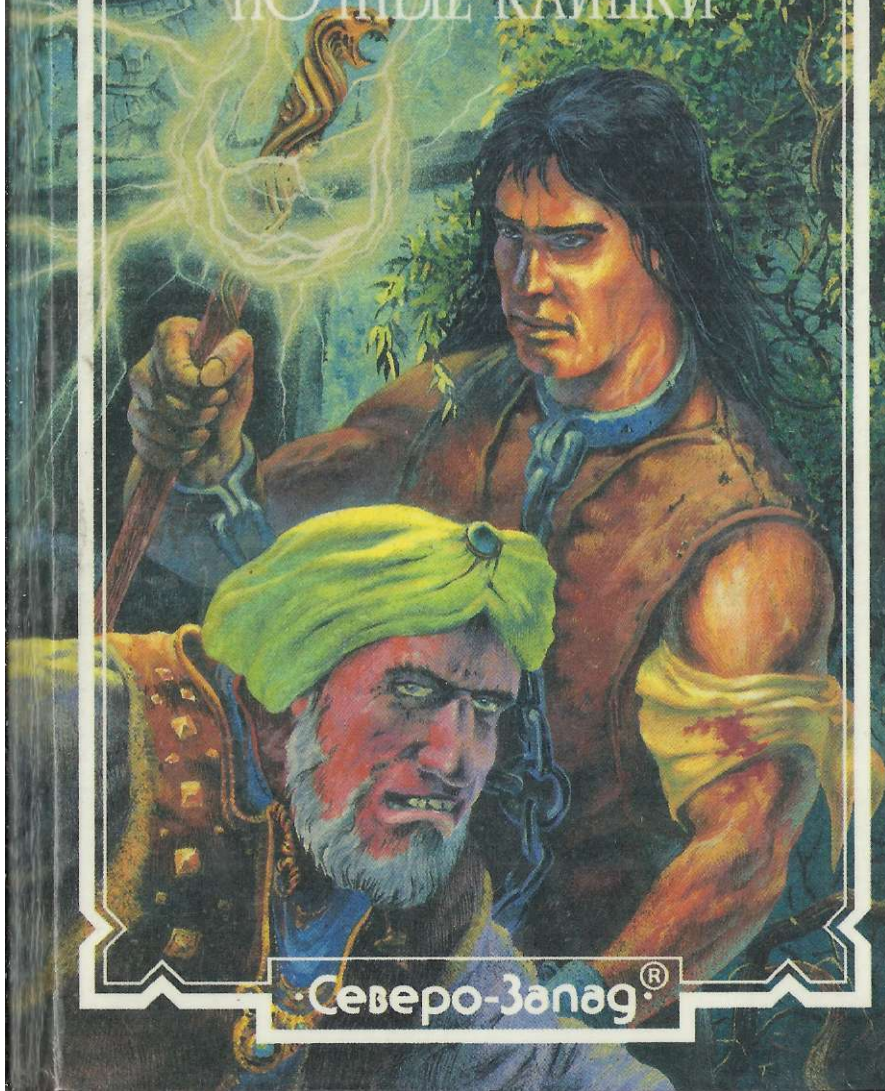
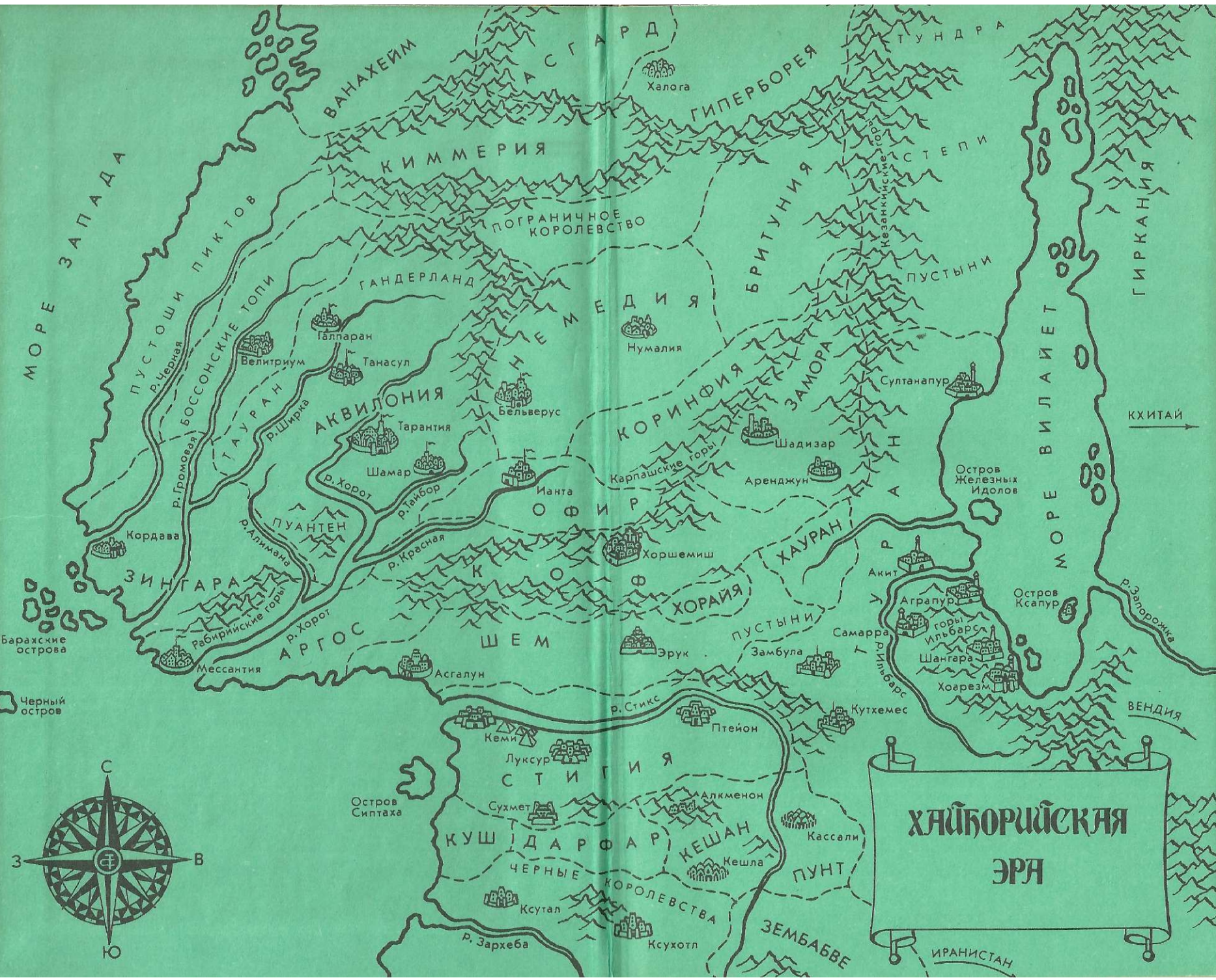

БРИЛЛАНТ **КОНАН**

КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ

Северо-Запад®

Конан и Ночные Клиники Романы. СПб.: «Троль», 1995. — 448 с.

ISBN 5—87365—019—5

- © С. Корджи, 1995
- © О. Эйрикссон, 1995
- © Троль, составление и подготовка текста, 1995
- © Северо-Запад, Серийное оформление обложки и форзаца, 1995
- © Троль, Иллюстрации, шмуцтитутлы, 1995
- © П. Степняк, обложка, 1995
- © В. Асадуллин, графика, 1995

Глава 1. НОЧНОЙ БРОДЯГА

Ночь окутала Тарантию, великий город великого королевства. Черное небо усеяли крупные звезды; казалось, они нависли так низко, что касаются своими лучами крыш, парапетов городских стен и могучих башен, что охраняли каменный пояс Тарантии. Столица Аквилонии спала. Ночную тишину нарушали лишь звонкие удары колотушек сторожей, обходивших дозором свои участки. Время от времени они перекликались зычными голосами, но крики их не тревожили сон обитателей города. Наоборот, заслышав сквозь дрему протяжный долгий вопль, купец или ремесленник, либо кто-либо иной из городских жителей — вместе со своей супругой и домочадцами — засыпал еще крепче, поглубже зарывшись в подушки, и сны его были сладкими и радужными. Только воров, грабителей да прочую нечисть, промышляющую темной порой, звуки колотушек и крики стражей заставляли вжиматься в стены и прятаться в подворотнях. Но на этом их тревоги не кончались: отряды городской стражи прочесывали улицы и кривые переулки, отлавливая любителей ночной поживы. Так повелел Конан, король Аквилонии.

Едва миновала вторая стража, о чем оповестили голоса ночных охранников, как окно на втором этаже постоялого двора «Одноглазый Волк» распахнулось, ударив о стену затянутыми бычьим пузырем ставнями. Из окна во двор выпрыгнул человек, легко приземлился на утопанную почву и сразу встал на ноги. Привязанные рядом лошади обеспокоенно захрапели, встревоженные его внезапным появлением; храп лошадей разбудил большого рыжего пса с обрубленными ушами, мирно дремавшего в конуре — он, громыхая цепью, кинулся к незнакомцу и залезл утробным низким лаем. Человек сделал два шага навстречу собаке, и пес захлебнулся, отпрянул и, поскуливая, забился в конуру.

За дверями, что вели внутрь постоялого двора, грохнул засов, и незнакомец, метнувшись за угол, прижался к стене. Дверь распахнулась. Заспанный гостиничный прислужник появился на пороге с зажженной лампой в руке, протирая кулаком веки; потом он поднял лампу повыше, уставившись в темноту двора припухшими со сна глазами. Но лошади уже успокоились, собака не вылезала из конуры, поэтому на заросшей щетиной физиономии по-

явилось недоумение. Слуга, здоровенный малый с плохо мытой шеей, потоптался на пороге, решая, что делать дальше: произвести обход или пойти досыпать. Приняв решение, он пошарил за дверью, извлек оттуда увесистую палку и, с палкой в руке, направился к собачьей конуре. Пес выскочил из своего убежища на зов и, радостно повизгивая, завертел хвостом. Некоторое время слуга тупо следил за проявлениями собачьей преданности, потом озарение коснулось его дремлющего мозга.

— Ублюдок... пустобрех... отродье Нергала! — хрипло проревел он и вытянул бедного пса палкой вдоль хребтины.

Собака с истошным визгом прыгнула назад, в конуру. Слуга посмотрел ей вслед и с чувством сплюнул. Он сунул палку под мышку; пасть его распахнулась в звучном зевке. Затем, почесав толстыми пальцами копчик, он пополз к дверям гостиницы. Дверь за его спиной со стуком захлопнулась, загремел засов и наступила тишина.

Тогда незнакомец, скрывавшийся в тени, покинул свое убежище и быстрым шагом пересек двор. Пес не казал носа из конуры, кони мерно хрупали зерном. Человек поднял перекладину, запирающую ворота, толкнул тяжелую створку ворот и проскользнул в образовавшуюся щель.

Покинув двор гостиницы, незнакомец огляделся. Улица была пуста, окна близлежащих домов темнели, словно бездонные провалы пещер. Он развернулся и побежал вдоль улицы ровным упругим шагом воина, держась поблизости от стен, чтобы в случае чего иметь возможность быстро скрыться. Судьба, однако, оказалась к нему благосклонна: препятствий на пути не встретилось. Ночной путник пересек кварталы знати и очутился перед стеной, окружающей королевский дворец. Здесь он остановился.

Человек поднял голову, цепким взглядом ощупав верх стены. Заметив силуэты двух часовых, он покрутил головой и ухмыльнулся каким-то своим мыслям; затем подобрался к стене поближе — к тому месту, где тень от сторожевой башенки черной непроницаемой завесой падала на камни кладки. Вступив в темноту, незнакомец точно слился с ней и стал невидим. Он вытащил из-за пояса два узких стилета с прочными четырехгранными клинками и, вонзая кинжалы в щели меж камней, начал подъем.

Конан, король Аквилонии, варвар из Киммерии, спал, раскинув по широкому ложу руки, способные свернуть шею быку.

Это были личные покои короля, в которых он уединялся, когда не спал в опочивальне Зенобии, своей королевы. Здесь же, собрав военачальников, он провел уже не один военный совет. Сюда приводили гонцов, примчавшихся на взмыленных лошадях, отсюда же они уходили, унося в сумках приказы, скрепленные королевской печатью, оттиснутой на цветном воске. Стены покоев, задрапированные плотной темно-зеленой тканью, несли на себе груз разнообразнейших доспехов и оружия. Кованые, склепанные из тысяч колечек кольчуги соседствовали с панцирями из кожи, покрытыми тонкими металлическими чешуйками в несколько слоев; кривые кхитайские мечи висели рядом с тяжелыми прямыми эспадонами, сработанными кузнецами Асгарда и Ванахейма; изогнутые кинжалы кочевников пустынь широким веером окружали боевые топоры с массивными топориками, отполированными до блеска прикосновениями ладоней воинов, огрубевших от мозолей. Укрепленные в специальных стойках, вдоль стен выстроились копья, дротики и алебарды. Доспехов и оружия, которые находились в королевских покоях, хватило бы на то, чтобы до зубов вооружить небольшой отряд ратников.

Посреди залы стоял большой шестигранный стол, сколоченный из дубовых досок и покрытый темным лаком. Стол окружали дубовые кресла; их ножки, вырезанные в форме львиных лап, покоились на красном туранском ковре. Одну из стен занимал огромный камин, сложенный из гранитных валунов; у противоположной стены находилось широкое ложе, застланное множеством шкур, в изголовье которого висел длинный и широкий меч в старых потертых ножнах.

Легкий, еле слышный шорох, раздавшийся в тишине чертога, мгновенно разбудил короля. Конан сел в постели, хмурясь и протирая глаза; лицо его, только что спокойное и безмятежное, приняло сосредоточенное выражение. Источник звука он определил сразу — подозрительный шорох доносился из каминной трубы, от огромного очага, украшавшего его спальню. Киммериец прислушался, и в его холодных синих глазах сверкнуло раздражение. Столь-

ко шума мог производить только человек! Какой-то ополумевший вор, решивший пожить в дворце тем, что плохо лежит? Что ж, он попал прямо туда, куда нужно! С угрюмой ухмылкой король откинул в сторону шкуру, служившую одеялом, и протянул руку к мечу, висевшему в изголовье. Стражу, что ли, позвать, мелькнула ленивая мысль. Он отмахнулся от нее и, бесшумно соскользнув с ложа, неслышным шагом подкрался к камину. Глазам его темнота помехой не была: он сразу разглядел конец веревки, свисающий из дымохода. Веревка дергалась туда-сюда, а из трубы явственно был слышен негромкий шорох. Памятуя свой собственный опыт в подобных делах, Конан убедился, что вор лезет в одиночку. Совсем спятил, решил он. Раздражение его улегчилось, и во взгляде киммерийца, направленном в отверстие дымохода, появилось нечто вроде симпатии.

Надев набедренную повязку, он обдумал план своих действий. Вор — явно сумасшедший, ибо только безумец мог решиться на такую авантюру. Стражу звать не стоит, а лучше затаиться где-нибудь в покоях и понаблюдать за незванным гостем. Потом незадачливого грабителя можно разок стукнуть по голове, а когда очнется, порасспросить. Ежели вор, пробираясь сюда, не прикончил никого из дворцовой охраны, то пусть убирается на все четыре стороны — тем же путем, каким прибыл; если же он совершил убийство, то будет принародно казнен, чтобы другим неповадно было. Внезапно губы Конана тронула довольная улыбка. Хоть какое-то развлечение в монотонной дворцовой жизни! Он начал уже уставать от пиров, охоты и государственных дел.

Сняв со стены меч, король освободил его от ножен. Ножны он спрятал под шкурами, а лежавшую рядом одежду засунул под кровать. Создав видимость пустой опочивальни, с мечом в руках Конан вернулся к камину. Свободной рукой он по дороге прихватил одно из массивных дубовых кресел и притаился за ним сбоку от камина, чтобы отрезать грабителю путь к бегству. Ждать киммерийцу пришлось совсем недолго.

Шорох в дымоходе усилился, и вскоре Конан услышал, как в камине тихо скрипнула под подошвами зола. Спустившись, вор замер, прислушиваясь, затем сделал несколько осторожных шагов, и король уперся взглядом в его спину. Человек в короткой тунике-безрукавке темного цвета стоял посреди покоя и, озираясь, вертел головой.

Конан, сидя на корточках за креслом, видел каждое его движение сквозь резную спинку, сам оставаясь незамеченным. Вот незнакомец крадучись стал пробираться в центр обширной залы... вот он снова замер, недвижимый, словно скала... вот голова его повернулась к королевскому ложу...

Конан неслышно поднялся в полный рост, намереваясь швырнуть кресло под ноги незваному гостю, подскочить к упавшему и оглушить его одним мощным ударом, но неожиданно тот обернулся: глаза короля и вора встретились. В следующее мгновение Конан сильным толчком швырнул кресло. Однако грабитель оказался не так-то прост; стремительно отпрыгнув в сторону, он увернулся от летящего в него снаряда, и кресло с грохотом врезалось в противоположную стену. Киммериец выскочил вперед, отсекая вору путь к отступлению.

У дверей в королевскую опочивальню стояли в ночном карауле два гвардейца. Король их, однако, был не из тех людей, что нуждаются в охране, и стражи от нечего делать убивали время за игрой. По команде «три» оба одновременно выбрасывали из-за спины руки с растопыренными пальцами; при нечетном их числе выигрывал один, при четном — другой. Играли на мелкую медную монету, не ради денег, а на интерес; бессмысленное занятие, конечно, но оно помогало скоротать томительное ночное дежурство.

Грохот, вдруг донесшийся из высочайших апартаментов, заставил стражей переглянуться. Они бросили игру и замерли, озадаченно прислушиваясь; король не любил, когда его беспокоили попусту, а крутой нрав его был известен всем. Наконец старший караульный принял решение: сняв со стены горящий факел, он осторожно приоткрыл двери и заглянул в королевские покои. То, что он увидел, повергло его в изумление — король, пригнувшийся, как хищный зверь, стоял перед камином в одной набедренной повязке и с обнаженным мечом в руке.

Конан услышал, как за его спиной тихонько скрипнула дверь, но даже не обернулся. Ткнув острием клинка в сторону вора, он отдал краткий приказ:

— Схватить его!

Воин направил свой взгляд туда, куда повелительно указывал королевский меч, и обнаружил незнакомого человека, замершего у стены, увешанной оружием. Уже безо всяких сомнений гвардеец широко распахнул створки дверей и вполголоса сказал напарнику:

— Еще двоих сюда. Быстро!

Тот кивнул и, выскочив на середину коридора, коротко и негромко свистнул. Из-за ближайшего поворота высунулась голова в шлеме. Страж показал два пальца и призывно махнул рукой.

Трое гвардейцев, бряцая доспехами, направились к грабителю; четвертый с факелом остался у двери, блокируя выход.

Вор, однако, не стал дожидаться, пока солдаты приблизятся вплотную, и проворно метнулся в угол, где резными ножками кверху валялось кресло. Стражники кинулись за ним. Они были уже в двух шагах от преследуемого, когда тот, ухватившись за ножки кресла, не глядя швырнул его себе за спину. Кресло смело двух солдат, которые бежали впереди; покотившись по полу, они сбили с ног своего товарища. В следующий миг незнакомец подскочил к поверженной страже и одним ударом отправил в беспамятство последнего, не оглушенного креслом гвардейца; затем звонко и презрительно расхохотался.

— Эй, король, — вскричал он, — я без оружия!

Конан на мгновение растерялся. Он уже понял свою ошибку — этот незванный гость мог быть кем угодно, но только не вором! В душе киммериец одобрил его действия; он и сам бы поступил точно так же. Теперь этому парню осталось только схватить со стены что-нибудь из оружия и пробиваться на свободу — коль уж он попал в такое безвыходное положение. Но странный незнакомец не делал попытки завладеть мечом или топором; наоборот, он предупреждал, что безоружен.

— Кром! — рявкнул киммериец. — Кто ты такой и чего тебе надо?

— Я — вор, — с ухмылкой ответил пришелец. — Вор, который пришел украсть у тебя кое-что.

— По-моему, ты больше похож на помешанного, — пробормотал Конан. — Только безумца во дворце мне и не хватало!

Незнакомец стоял среди тел оглушенных стражников, скрестив на груди руки, и улыбался, сверкая белыми зубами. Конан расслабленно опустил руку с мечом; похоже, его предположения об окончательно спятившем воре подтвердились настолько точно, что он этому уже не был рад. Окинув хмурым взглядом сумасшедшего, застывшего в горделивой позе, словно изваяние, король повернулся к гвардейцу, стоящему с факелом у двери.

— Ну-ка, парень, кликни людей. И пусть принесут сеть, — распорядился он.

— Но, ваше величество... — попытался возразить солдат.

— Это просто сумасшедший, — прорычал Конан. — Не беспокойся, я присмотрю за ним! Кром, как я хочу спать... — Он широко зевнул.

— Не надо никаких сетей, — грозно предупредил безумец, — а то я возьмусь за меч. Пусть твой воин остается на месте.

— Останется, останется, — проворчал киммериец и подмигнул солдату. Тот скрылся за дверью.

— Вот как ты встречаешь гостей! — с негодующим возгласом сумасшедший устремился к выходу.

— Стой на месте, недоумок! — приказал Конан, но безумец будто бы и не слышал.

Король отшвырнул меч и кинулся ему наперерез, но не учел прыти сумасшедшего — тот неся, как ураган, опрокидывая по пути мебель. Конан занес тяжелый кулак, метя в голову, но сумасшедший вор внезапно нырнул вниз и прокатился по полу, с силой ударив короля по ногам. Потеряв равновесие, Конан рухнул, пытаясь ухватить его за тунику, но промахнулся. Безумец, сделав ловкий кувырок, вскочил на ноги и полетел к двери.

Сыпя отборнейшими ругательствами, король выбежал в коридор.

— Держите его! — взревел он во всю мочь своей могучей глотки.

Темная туника мелькала уже в самом конце прохода. Навстречу ее обладателю с копьями наперевес выступила пара солдат ночной охраны.

— Взять живым! — вскричал король.

С такого расстояния ему не удалось разглядеть, что сделал незнакомец, только солдаты, будто тряпичные куклы, разлетелись в обе стороны и остались лежать неподвижно. Сумасшедший разразился громким хохотом и стремительными прыжками помчался дальше.

— Ваше величество! — крик позади заставил Конана обернуться.

К его покоям спешил отряд из пятнадцати человек во главе с Паллантидом, командиром Черных Драконов — личной гвардии аквилонского владыки. Чешуйчатые доспехи воинов поблескивали в свете факелов, на высоких

шлемах развевались конские хвосты; почти все эти отборные солдаты не уступали ростом самому королю.

— За мной! — приказал Конан.

Паллантид догнал его и пристроился рядом.

— Что случилось, ваше величество? — спросил он на бегу.

— Во дворце сумасшедший, — кратко ответил король.

Командир Черных Драконов чуть не споткнулся от неожиданности. Они пробежали мимо валявшихся без сознания охранников.

— Эй, кто-нибудь! Осмотреть и доложить, — бросил Паллантид через плечо.

Один из солдат отстал; он склонился по очереди над бесчувственными телами, затем поспешил вдогонку отряду. Поравнявшись с командиром, солдат произнес:

— Ран нет. Оба только оглушены.

— Ваше величество, вы уверены, что этот парень — простой сумасшедший? — осторожно поинтересовался Паллантид.

— Что? — переспросил Конан. — Проклятье! — Он выругался, заметив еще одного солдата, без памяти валявшегося у стены.

— По-моему, он направляется к покоям королевы, — вырвалось у командира гвардейцев. Король ожег его таким взглядом, что Паллантиду стало не по себе.

— Прибавить шаг! — гаркнул Конан. — Быстрее!

Сам он припустил по коридору со всей скоростью, на которую был способен. Грохоча сапогами и лязгая оружием, солдаты устремились за королем.

У дверей в чертог королевы происходила схватка между сумасшедшим и тремя Черными Драконами, в эту ночь хранившими покой и сон повелительницы Аквилонии; четвертый воин караула вытянулся в стороне на полу, не подавая признаков жизни. В руках солдат сверкали мечи, а безумец отбивался от них, вращая копьем, которое, по-видимому, похитил по дороге.

Конан опытным взглядом оценил шансы сражающихся; его невольно поразила сноровка в обращении с копьем, какую демонстрировал безумец. Трое меченосцев в полном бессилии кружили вокруг него, и единственное, что им удавалось — непрерывными атаками удерживать незванного гостя на одном месте. Он же с легкостью отбивал нападение солдат, не давая им подойти слишком близко. Света от шести факелов, укрепленных в подставках, впол-

не хватало, и можно было разглядеть, что на обнаженных руках сумасшедшего нет ни одного пореза, ни одной раны. Он размахисто ударил копьем, заставив отскочить противников; вслед за этим безумец стремительно прыгнул вперед и нанес удар в грудь одному из солдат. Воин сложился пополам, загребая руками воздух, и рухнул на пол. Теперь у безумца оставалось всего два противника.

Топот множества ног за спиной принудил странного вора обернуться.

— А вот и король! — заорал он, не забыв, тем не менее, свести на нет очередную атаку двух оставшихся стражей. — Медленно же ты бегаешь, киммериец!

Когда королевский отряд приблизился, сумасшедший занял позицию у стены, не давая возможности окружить себя. Он начал вращать свое оружие с бешеной скоростью, так что копье разрезало воздух с непрерывным низким гудением.

— Так ли он безумен, государь? — еще раз спросил Паллантид, оценив опытным взглядом сноровку виновника ночной тревоги.

Король не слушал.

— Сеть! — кратко бросил он.

Трое солдат бросились разматывать принесенную сеть.

— Растяните ее позади меня и будьте наготове, — приказал Конан.

— Что вы задумали, ваше величество? — обеспокоенно спросил Паллантид. — У нас достаточно солдат, чтобы справиться с ним.

Киммериец не отвечал; он впился глазами в человека у стены. Сумасшедший по-прежнему вращал копье, не останавливаясь ни на секунду. Сейчас король мог рассмотреть непрошенного ночного гостя гораздо подробнее, чем при скудном освещении в собственной спальне. Он был на полголовы ниже Конана, поуже в плечах и с менее развитой мускулатурой, но все же не производил впечатление обычного человека. Казалось, мышцы обвивают его тугими канатами; сухое натренированное тело профессионального бойца поражало соразмерностью и мощностью.

— Паллантид, этот парень снесет голову любому из твоих парней даже не поморщившись, — наконец буркнул король и повернулся к солдатам. — Сеть готова? — спросил он.

— Готова, государь.

— Растяните ее за моей спиной и приготовьтесь.

Командир отдал Черным Драконам распоряжение, и Конан вышел вперед. Драконы рассредоточились в коридоре, полукругом охватив безумца; оба воина, оставшиеся на ногах, из караула у дверей в опочивальню королевы, присоединились к отряду. Они тяжело дышали, пот ручьями стекал по их красным лицам.

Конан, весь напрягившись, внимательно следил за безумцем. Тот будто бы врос ногами в пол, откинув светловолосую, перемазанную сажей голову; на лице его блуждала странная улыбка, словно предстоящая схватка была всего лишь забавным аттракционом. Глаза Конана и незнакомца встретились, и подозрения Паллантида пришли на ум королю — в зрачках этого человека, проникшего ночью во дворец с неведомой целью, не было ни капли безумия. Осмысленный взгляд незнакомца столь же пристально следил за окружившими его людьми. Правда, в глазах его пряталось нечто такое, от чего у киммерийца пробежала холодная волна по телу, но безумием это назвать было нельзя. Тайну пришельца можно было разрешить, только схватив его, что оказалось весьма непростым делом.

Незнакомец перестал вращать копьем и застыл, готовый отразить любую атаку.

— Брось копье и сдавайся! — раздался повелительный голос Паллантида.

— Попробуй, отбери его сам, — безмятежно отвечивал пришелец, не выказывая даже признаков страха или желания повиноваться.

Конану не хотелось губить зря своих воинов; он понимал, что если странный гость выхватит у кого-нибудь меч, то солдатам не поздоровится. Судя по тому, что натворил пришелец голыми руками, он способен если не пробиться на свободу с мечом в руках, то положить столько человек, что подсчет павших поразит кого угодно. На своем веку киммериец повидал немало фехтовальщиков и бойцов, чье искусство стало легендарным, но всем им было далеко до этого человека, стоявшего сейчас в коридоре королевского дворца. Но пришелец, похоже, не жаждал крови — он не убил за время пребывания во дворце никого, хотя мог бы сделать это с легкостью. Воины, поверженные им, уже подавали первые признаки жизни; один застонал, другой попробовал подняться и повалился на колени. Они медленно приходили в себя.

Конан решил сделать последнюю попытку.

— Слушай, вор, — сказал он незнакомцу, — мне по нраву твоя доблесть в бою. Ты не обагрил своих рук лишней кровью. Сложи оружие и убирайся, а утром можешь смело возвращаться снова. В войске всегда нужны такие умельцы, как ты. Слово короля, ты свободно покинешь дворец, никто не будет чинить тебе препятствий.

— Спасибо и на том, но без нужного мне я не уйду, — пришелец отвесил легкий поклон, тряхнув светлыми прядями.

— Кром! Что тебе нужно, мерзавец? — поинтересовался король и добавил: — Твою наглость я прощаю.

— Увидеть королеву Зенобию.

— Что?!

— Увидеть королеву Зенобию, — повторил пришелец.

Король начал поднимать меч, но тут за его спиной раздался спокойный голос:

— Конан!

Головы людей невольно повернулись. В дверях покоев стояла королева, закутанная в синий плащ; в правой руке она сжимала длинный прямой кинжал. Из-за спины Зенобии испуганно выглядывала прислуживающая ей девушка.

— Шум, который подняли вы, разбудит даже мертвеца, — громко произнесла супруга Конана и вызывающе спросила: — Ну, кто хотел увидеть королеву?

Вдруг киммерийца как громом ударило предчувствие беды; он ощутил, что сейчас произойдет нечто непоправимое.

— Зенобия, — закричал он, — уходи!

По коридору пронесся порыв холодного ветра, и люди оцепенели, не в силах двинуться с места.

Пришелец выбросил в сторону королевы руку, и выкрикнул несколько слов — странных слов, чуждых человеческому уху. С пальцев незнакомца слетела зеленая молния и ударила королеву в грудь. Кисть ее бессильно разжалась, ослабевшие пальцы выпустили клинок; потом тело королевы на миг окутало зеленоватое свечение, и она медленно опустилась на пол.

Ослепший от горя и ярости киммериец усилием воли сбросил с себя невидимые путы. Затем он вскинул меч и, взревев глухо и яростно, прыгнул вперед.

Незнакомец развернулся навстречу летящему в прыжке королю и нанес ему стремительный удар копьем. Подошвы Конана еще не коснулись твердой опоры, но лезвием

меча он срезал половину древка, как тонкую тростинку. Острие описало в воздухе дугу, и прищелец не успел перехватить обрубок, чтобы парировать второй удар короля; отточенная полоса стали со свистом врезалась ему в шею, и голова, нелепо кувыркаясь, взлетела вверх.

Обезглавленное тело слегка покачнулось от удара, но и только; ни капли крови не вытекло из перерубленных вен и артерий. Затем труп опустился на колени и стал слепо шарить вокруг в поисках утерянной головы, которая откатилась далеко от места схватки. Это было так неожиданно, что Конан на мгновение отпрянул. Однако подобная чертовщина была не в диковинку для короля Аквилонии — во время своих странствий, полных приключений, он навиделся всякого. С ожившими мертвецами Конан имел дело не раз и прекрасно знал, как с ними надо обращаться. Ухватив страшного гостя за тунику, он швырнул его в сеть.

— Свяжите его! — рявкнул король. — Да побыстрее, недоумки!

Грозный его окрик вывел людей из оцепенения. Хотя лица солдат побелели от страха, послушаться приказа не посмел никто; они скопом навалились на внушающего ужас врага, подбадривая друг друга криками. Обезглавленное тело прищельца туго запеленали в сеть, но оно безостановочно извивалось в путах, стремясь вырваться на свободу.

Конан подбежал к неподвижно лежащей королеве. Девушка-прислужница стояла на коленях перед Зенобией, закрыв лицо ладонями; плечи ее тряслись. Король опустился на колени рядом с ней и прижался ухом к груди жены. Когда он поднял голову, лицо его было искажено гримасой отчаяния.

Верный Паллантид осторожно приблизился к королю.

— Государь, что с королевой? — тихо спросил он.

— Она мертва, Паллантид, — глухо ответил Конан, поднимая сжатые кулаки над головой. — Мертва! — прорычал он со стоном, тяжело поднимаясь с пола.

— Унесите королеву в ее покои... — начал было он, но сам себя прервал. — Нет. Я сам!

Он бережно поднял тело Зенобии, прижал к могучей груди и со своей печальной ношей направился к дверям опочивальни. Девушка последовала за ним, не переставая плакать.

— Ваше величество, — окликнул киммерийца командир Черных Драконов, — а что делать с этим? — Паллантид мотнул головой в сторону кокона из сети, извивающегося в ногах у солдат.

Конан хмуро взглянул на него; в синих глазах короля бушевало холодное пламя.

— Подождите. Я сейчас вернусь, — сказал он.

Не в силах выдержать взгляда короля, Паллантид склонился в поклоне и не разгибал спины, пока дверь не скрыла за собой государя.

Конан бережно уложил тело Зенобии на ложе. Пальцы его, огрубевшие от меча, коснулись вороных прядей. Волосы разметались по пышным подушкам, обрамляя белое, как мел, лицо.

— Позови остальных, — приказал Конан служанке. — Оденьте и приберите ее.

Девушка бросилась выполнять приказание. Когда она вернулась, короля в покоях уже не было.

* * *

Солдаты столпились вокруг безголового, с суеверным ужасом наблюдая за его конвульсиями. Опытные бойцы, ходившие с королем не в один поход, участвовавшие в разгроме армии Ксальтотуна, они все же никогда не сталкивались с колдовством так близко. Тем более с таким! Воины нерешительно переминались, вполголоса переговаривались между собой. Когда тело вдруг перестало биться в тщетной попытке разорвать крепкие сети, вздох облегчения вырвался у всех разом, как по команде. Паллантид отослал троих охранять голову незнакомца, и солдаты окружили ее, держась на почтительном расстоянии. Голова лежала на полу и строила угрожающие гримасы, от которых у воинов под кольчугами бежали струйки холодного пота. Командир Черных Драконов неторопливо расхаживал между телом и головой, положив руку на рукоять меча; ему тоже было не по себе, но он старался сохранить бесстрастность. Когда король вышел из покоев Зенобии, Паллантид поспешил ему навстречу.

Киммериец мельком взглянул на спеленутое тело и напрямик направился к голове. Паллантид последовал за ним, держась позади. Конан присел на корточки перед головой, которая тут же перестала корчить гримасы и устремила на короля светло-желтые глаза.

— Кто ты? — спросил Конан. — Отвечай! Клянусь Кромом, я найду способ развязать тебе язык. Из какой преисподней ты явился?

— Меня зовут Зольдо, — ответила голова.

— Зовут? — прорычал киммериец. — Лучше скажи, звали! Не думай, что твои колдовские фокусы делают тебя неуязвимым. У каждого есть своя смерть, и я — клянусь Кромом! — найду, где лежит твоя!

— Тогда считай, что мы договорились, — сказала голова. — Надеюсь, слово короля так же крепко, как и его удар мечом.

— Что ты несешь, падал? — взревел Конан и, схватив голову за длинные пряди, поднял в воздух.

Зольдо страдальчески наморщил лоб.

— Король, — протянул он, — твоя королева не мертва, она всего лишь уснула. Слышишь, уснула! Ты понимаешь, что я сказал?

До Конана дошел смысл этих слов, и он разжал пальцы. Голова с гулким стуком шлепнулась на пол.

— Полегче, король, — заявила она, подскочив при падении, — со своей головой ты бы так не обращался.

Конан подхватил ее и поставил на обрубок шеи.

— Так-то будет лучше, — удовлетворенно отметил Зольдо.

— Значит, уснула? — переспросил киммериец. Сам не зная почему, он сразу поверил речам пришельца; в безумных его поступках была какая-то логика — впрочем, совершенно непонятная Конану. — Но как я могу тебе верить? Ведь ты — колдун и нечисть?

И тут голова сказала то, что повергло короля в изумление.

— Спроси Пелиаса, — произнесла она. — Он подтвердит мои слова.

Глава 3. ОДИН НА ОДИН С ГОЛОВОЙ

Командир личной гвардии с неменьшим изумлением услышал приказ, исходящий из уст государя: — Отнесите тело в мои покои.

Паллантид не осмелился возразить — тем более, что король, небрежно ухватив голову Зольдо за волосы, встал и направился мимо ошарашенных солдат.

Необычное шествие проследовало по королевскому дворцу. Возглавлял его сам Конан; он нес отрубленную голову, крепко ухватив ее за длинные светлые пряди. За ним трое солдат тащили на плечах ношу, туго стянутую сетью. Остальные воины почетным караулом окружили короля и его сопровождающих.

Навстречу шествию торопился большой отряд, поднятый по тревоге. Конан жестом позвал к себе начальника Черных Драконов.

— Паллантид, отпусти людей. Отмени тревогу и прикажи держать язык за зубами. Кто проболтается, тому не сносить головы.

Паллантид, выслушав приказ, поклонился и поспешил его выполнить. Он опередил шествие и взмахом руки остановил солдат, затем отдал распоряжение лейтенанту; тот рывкнул на своих людей, и воины, развернувшись, направились назад, в казармы.

— Ваше величество, после того, как вы пройдете в опочивальню, я прикажу сменить все караулы, — отпартовал вернувшийся Паллантид.

— Хорошо. Но проследи, чтобы не было лишних разговоров.

Когда король остался в покоях наедине со своим ужасным собеседником, Паллантид выстроил участвовавших в ночном сражении гвардейцев и обратился к ним с небольшой речью.

— Сейчас придет смена, и вы отправитесь в казармы. О виденном языками не плести! Королева жива. Преступник схвачен и обезглавлен. Понятно? Обезглавлен! Кто ляпнет лишнее, окажется на северной границе или в Боссонских топях. Это в лучшем случае! Я прослежу сам. В худшем — будет искать свою башку, если сумеет. Все!

После произнесения этих слов Паллантид придирчиво оглядел солдат, желая определить, какое впечатление произвела на подчиненных его краткая речь. Результаты осмотра удовлетворили его. Гвардейцы были поражены: обычно командир ронял два-три слова, а тут целая речь! Что касалось мрачных перспектив, нарисованных им, то они прекрасно знали, что все это правда: Паллантид всегда выполнял свои обещания, какими бы они не были. И, естественно, служба во дворцовой охране не стоила того, чтобы менять ее на границу. Поэтому каждый солдат поклялся себе молчать до самой могилы. Паллантид же знал, что все солдатские клятвы — до третьего кувшина вина в харчевне. Но ничего! Первое время они будут молчать под страхом наказания, ну а дальше, когда все уляжется, выболтанная под страшным секретом тайна превратится всего лишь в пьяную болтовню упившегося солдата.

Сам же командир Черных Драконов отправляться спать не собирался; проследив за сменой постов, он вернулся к покоям короля. Для него было ясно как дважды два, что все еще только начинается.

* * *

Оказавшись снова в своих покоях, король громким голосом потребовал огня. Паллантид без промедления вошел к нему с факелом. Он собрался зажечь свечи, но Конан отобрал у него факел и движением руки повелел удалиться. Положив голову Зольдо на стол, он снял с каминной полки литой бронзовый подсвечник с целыми свечами и запалил их от факела, который загасил о решетку очага и отбросил прочь. Затем киммериец поставил подсвечник на стол рядом с головой. Расплавленный воск капнул со свечи ей на щеку, и Зольдо, скосив глаза, недовольно поморщился. Король тем временем поднял тело и перенес его на середину комнаты — так, чтобы оно было в поле зрения. Наконец он сел в одно из кресел и, протянув руку, повернул голову лицом к себе.

— Ты знаешь Пелиаса, огрызок? — спросил он мрачно.

— Еще бы мне его не знать, — ответил Зольдо и добавил: — Не зови меня так — я ведь сказал тебе свое имя.

— Я сожгу тебя по частям и развею пепел по ветру! — Конан так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев.

— Полно, король, твой гнев бессилен, а угрозы смешны, — голова моргнула и ухмыльнулась. — Сон твоей супруги тогда продлится на весь срок жизни, отпущенный ей богами, и тихо перейдет в смерть. В таком случае можешь укладывать свою жену в усыпальницу прямо сейчас. А меня ты этим не убьешь.

— Что тебе надо, нечисть? Выкладывай! — Конан испустил тяжелый вздох.

— Я не нечисть, киммериец! — рывкнула голова. — Я — Зольдо! Бессмертный Зольдо! Запомни это!

Заявление головы повергло Конана в тяжкие раздумья. Так или иначе смерть жены он не собирался оставлять без отмщения, и путь его — учитывая странные обстоятельства дела — все равно вел к волшебнику Пелиасу. Только этот чародей мог дать ответы на его вопросы, как уже случалось и раньше. С волшебником киммериец поддерживал отношения, которые можно было бы назвать дружескими, если бы Пелиас не был колдуном. Кроме того, Конан однажды вызволил волшебника из плена у черного мага, и потому Пелиас был единственным колдуном, которому он хоть сколько-то доверял.

Поразмыслив некоторое время, король снова устался на голову Зольдо и недоверчиво переспросил:

— Так ты бессмертный?

Голова помрачнела.

— Да, мой король. И я пришел к тебе предложить сделку: жизнь за жизнь, смерть за смерть.

— Как это?

— Ты сам сказал: у каждого есть своя смерть. Есть она и у меня, только мне ее не достать. Я хочу, чтобы ты нашел мою смерть.

— И что же потом?

— Когда я умру, чары развеются и королева проснется.

— Да? — Конан недобро усмехнулся. — Ты уже солгал, когда назвал себя бессмертным: если у тебя есть смерть, то твоему бессмертию — грош цена.

— Ты мне не веришь? — удивилась голова.

Король яростно оскалился.

— Кром, владыка Могильных Курганов, пошли мне терпение! Почему это я должен тебе верить? Тебе, отродью Нергала?

— При чем тут Нергал? Я тебя не обманывал с самого начала. Я сказал тебе, что пришел обокрасть тебя — сделал это: я украд у тебя королеву. А теперь я тебе говорю, как ты можешь ее вернуть, в этом есть и моя выгода. Я — честен!

— Ты — кусок протухшей мертвечины! Ублюдок, который тайком пролез в мой дворец, чтобы добраться до ни в чем не повинной женщины! — заорал Конан, стискивая огромные кулаки.

Зольдо нахмурил брови.

— А что мне было делать? — глухо проговорил он. — Выполнить мое условие в силах только ты... только ты, и никто больше.

— Кто тебе это сказал? — вскинулся король.

— Пелиас, — отрезала голова.

— Ладно, — Конан покачал головой, — я верю тебе в том, что моя супруга жива — в это я просто хочу верить. Другого выхода у меня нет. Я отправлюсь к Пелиасу поутру, твоё тело останется скованным в темнице, а ты, огрызок, в мешке отправишься со мной, как залог своих собственных слов.

— Не стоит этого делать, король. Ты ведь можешь потерять меня по дороге, не так ли? И нужно ли понапрасну терять столько времени на поиски? — попыталась возразить голова. — Проще послать гонца к Пелиасу и подождать, пока он не прибедет.

— У тебя, видно, через шею вытекли все мозги, — сморщился Конан. — Вряд ли Пелиас покинет свое логово, даже ради удовольствия лицезреть тебя разделенным на две части. Паллангид! — гаркнул он.

Командир Черных Драконов безмолвно вырос на пороге. Конан ткнул пальцем в неподвижный сверток на полу опочивальни.

— Тело отнести в темницу, — приказал он. — Сетей не снимать. Заковать в цепи и приковать к стене. Поставить охрану. Глаз не спускать.

— Слушаюсь, государь, — Паллангид замялся. — Государь...

— Что еще? — нахмурился Конан.

— Может, стоит сообщить графу Просперо...

— Ты прав, — кивнул король. — Распорядись, чтобы послали за графом. Он мне понадобится. Да, и прикажи принести мне крепкий ларь — с замком и ключами.

Паллангид, отвесив еще один поклон, шагнул вперед.

— Ты куда? — брови Конана снова сдвинулись.

— Я отнесу тело сам, господин, — ответил Паллангид. — Палач — немой, не проболтается, а лишние слухи нам ни к чему.

Конан озадаченно почесал в затылке.

— Похоже, я тебя недооценивал, — произнес он.

Паллангид лишь пожал плечами, затем, взвалив тело на плечо, покинул королевскую опочивальню. Конан пристально смотрел ему вслед.

— Киммериец, — позвала голова со стола, — ты недооцениваешь своих слуг, но переоцениваешь себя. Садись и слушай! А выслушав, немедленно посылай гонца за волшебником. Пелиас приедет, не беспокойся.

Глава 4. КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ

Граф Просперо, полководец и правая рука правителя Аквилонии, нашел своего владыку в опочивальне королевы Зенобии.

Графа поднял с постели запыхавшийся нарочный, принесший в тарантийский дворец Просперо записку Паллантида, командира Черных Драконов, королевской гвардии. Король призывал графа к себе. Срочно.

Просперо, известный мудростью и опытом, не стал гадать, что заставило короля выгнать его ночью из постели. С таким владыкой, как Конан, придворным и рыцарям спокойная жизнь не грозила — что, впрочем, устраивало графа гораздо более, чем дворцовые интриги; он был с Конаном с самого начала его правления и делил с ним все превратности судьбы. Итак, граф покинул ложе, спешно оделся и направился во дворец, где его встретил Паллантид. Брови Просперо полезли вверх, когда командир Черных Драконов сообщил ему последние новости. Граф рассеянно коснулся украшенной драгоценными камнями рукояти меча, когда Паллантид упомянул о чарах, поразивших Зенобию, нахмурился, но не сказал ни слова.

Дурманивший аромат благовоний ударил в ноздри графа, когда он вошел в покои королевы. Хоть Просперо и был подготовлен рассказом Паллантида, все же вид Зенобии, лежащей на украшенном ложе в богатом траурном платье, заставил его вздрогнуть. Вокруг ложа в курильницах дымились благовония; облаченные в цвета скорби девушки-прислужницы глазами, полными слез, смотрели на короля, замершего посреди зала.

Граф закашлялся, когда клуб дыма из курильницы попал ему в горло. Король обернулся.

— А-а, Просперо, — мрачно прогудел он, увидев графа.

Просперо с тревогой отметил, что король одет по-походному.

— Я поторопился, сказав о смерти Зенобии, — продолжал Конан, — а теперь ничего не могу поделать с этими глупышками. Им бы радоваться тому, что королева жива, а они только молятся, плачут да таращат глаза — со страху, что я совсем рехнулся. И кого только Зенобия себе выбрала... Я еще раз повторяю, — снова обратился

он к девушкам. — траур убрать! Королева жива. Она спит. Ясно?

Одна из прислужниц испуганно закивала.

— Ну, слава богам. — король повернулся к Просперо. — Пойдем, граф, нам есть о чем потолковать.

Тот на шаг отступил, пропуская Конана вперед. На пороге киммериец еще раз бросил через плечо девушкам:

— Траур убрать! Я зайду и проверю. Сам! — И, провожаемый напуганными взглядами, вышел.

Просперо последовал за ним.

Конан широкими шагами двинулся вперед. Граф пошел рядом.

— Паллантид рассказал мне многое, но, видно, не все, — произнес он и спросил: — Что значит твой наряд, Конан? Надо готовить войско?

— Войско? — Из широкой груди короля вырвался вздох. — Нет, войска не надо.

— Почему?

Удивленный возглас Просперо вызвал у короля мимолетную гримасу.

— Я расскажу тебе остальное, — пообещал он. — И покажу нечто.

В знакомых покоях, увешанных оружием, где графу приходилось бывать частенько, он увидел кое-что новое — на дубовом столе находился небольшой крепкий ларец, окованный бронзовыми полосами. Король снял с пояса ключ и отпер ларь.

— Взгляни, Просперо на этот кусок говорящего мяса, — Конан откинул крышку ларца.

Просперо осторожно заглянул внутрь, и перед его взором предстала отрубленная человеческая голова. Она смотрела на графа широко раскрытыми желтыми глазами; светлые волосы, обрамлявшие ее, были перемазаны сажей.

Голова шевельнула глазными яблоками и раскрыла рот.

— Я не знаю, кто ты, — сказала она, — но убеди короля дожидаться Пелиаса здесь.

Просперо невольно отшатнулся.

Конан свирепо хлопнул крышкой ларца.

— Рассказывай, — потребовал граф.

Король опустился в кресло, скрипнувшее под его тяжестью. Граф остался стоять.

— Садись, — Конан махнул рукой, и Просперо опустился в кресло напротив.

— Это чудовище, — король ткнул пальцем в сторону ларца, — проникло во дворец через дымоход. Там по-прежнему висит его веревка. — Просперо оглянулся на камин. — Остальное ты знаешь со слов Паллантида.

— Так, — сказал граф. — Что дальше?

— Дальше! — Конан грохнул кулаком по столу. — Этот ублюдок своим заклятьем погрузил Зенобию в сон, колдовской сон, который распадется только тогда, когда он подойдет!

Просперо хранил молчание. Король немного успокоился.

— Ты видел голову, — хмуро произнес он, — тело же находится в темнице. Этот ублюдок, Зольдо, говорит, что не может умереть сам. Его отправит в преисподнюю лишь какой-то дьявольский талисман, а я единственный, кто может добраться до него, сохранив свою шкуру. Поэтому он желает, чтобы я принес этот треклятый талисман ему.

— И что же? — спросил Просперо, видя, как король вновь закипает.

— Вернее, не ему, а Пелиасу, — поправился Конан, — тот знает, что с ним делать.

— Значит, ты отправляешься к Пелиасу, — задумчиво проговорил граф.

Конан ответил утвердительным кивком.

— Да, и захвачу с собой в мешке эту башку. Если Пелиас подтвердит то, что она мне наговорила, мне придется выполнить ее условие. Проклятье! — выругался он.

Граф погрузился в молчание, обдумывая услышанное.

— На время моего отсутствия ты будешь регентом, — добавил король.

Просперо рассеянно пошевелил пальцами.

— Почему голова просила меня убедить тебя остаться? — поинтересовался он.

На лице короля появилось выражение крайнего неудовольствия и досады.

— Боится потеряться в пути, — раздраженно фыркнул он. — Желает, чтобы я отправил к волшебнику гонца, уверяя, что тот не замедлит объявиться.

Просперо снова умолк.

Немногим более года назад король однажды покинул свое королевство, отправившись на поиски жены, которую похитили прямо из дворца. Во время пышного бала ее унесло в когтях жуткое чудовище, вызванное с Гор Ночи колдуном из далекого Кхитая, решившим уничтожить Конана. Тогда король в одиночку, в одежде простого наемника, отправился в путь. И сейчас снова в жизнь его ворвалась магия, опять коснувшись королевы.

— Может быть, стоит прислушаться к совету головы? — задумчиво произнес Просперо. — С Пелиасом тебя связывают давние приятельские отношения... Помнишь, он же помог тебе, когда Зенобию утатило мерзкое исчадие Нергала, науськанное черным кхитайским магом! Что мешает Пелиасу откликнуться на твой зов сейчас?

— О нет, Просперо, — возразил король. — Чтобы Пелиас покинул свое логово, свои книги, зелья и прочую колдовскую дребедень? Если такое и случится, то я не знаю, что может быть тому причиной, но только не моя Зенобия! Если что понадобится ему самому, тогда еще можно ждать его появления, ну а в противном случае надо добираться до него.

— Понятно, — кивнул Просперо. — И все же я попытаюсь тебя убедить...

Король прервал его взмахом руки.

— Друг мой, — сказал он, — я благодарен тебе, но ты меня не переспоришь. Я боюсь.

Чего-чего, а вот такого заявления граф никак не ожидал. Он с пораженным видом воззрился на короля. Синие глаза Конана прищурились.

— Я боюсь, Просперо, — король тяжело вздохнул. — Я знаю Пелиаса несколько лет, с тех пор, как впервые увидел его плененным в Алой Цитадели. Он могущественный чародей, который зарылся в свои свитки и знать не хочет ничего кроме них — по крайней мере, так было раньше. Но иногда у них, у колдунов, что-то шелкает в голове, и тогда нам, обычным людям, приходится несладко. Вспомни Ксальтогуна, Просперо! Зачем его вызывали

Валерий, Тараск и Амальрик? И что из этого вышло? А теперь ночью в моем дворце появляется невеста какая нечисть и вынуждает меня добывать чародейский талисман, и для кого? Для Пелиаса! Зачем? Что, если Пелиас решил перестать быть отшельником? А?

— Ну, тогда он обязательно должен откликнуться на твой зов.

Конан тяжело вздохнул.

— Эх, Просперо, мудрость твоя в этот раз тебя подвела. Неужто ты думаешь, что если у Пелиаса окончательно съехали мозги набекрень, я позволю ему появиться в столице моего королевства? Нет, я еще в своем уме! Я никогда особенно не жаловал колдунов и доверять им впредь тоже не собираюсь. Решено, я отправляюсь в Ханарию к нему сам и выведаю все, что смогу. — Конан замолчал на мгновение, лицо его помрачнело еще больше. — Зенобия попала в беду, и оставить это так просто я не могу. Но если происшедшее — дело рук Пелиаса, то пусть побережится — я никому не спускал подобных шуток со мной!

Граф понял, что разговор окончен. Он все-таки задал последний вопрос, хотя знал ответ на него заранее:

— И когда же ты намерен отправиться?

— Немедленно.

Король легко поднялся из кресла, и граф тоже поспешил встать. Конан уже потянулся за ларцом, когда в покои торопливым шагом вошел Паллантид.

— Государь, какой-то человек хочет пройти во дворец, — доложил командир Черных Драконов. — Он желает видеть ваше величество и уверяет, что вы знакомы. Стража напугана, потому что он — колдун. Его имя — Пелиас.

Глава 5. ВОЛШЕБНИК ПЕЛИАС

Седовласый, но стройный, как юноша, в длинных шелковых одеяниях и с деревянным посохом в узкой руке, чародей появился перед графом и королем. Упругим шагом он вошел в королевские покои и приветствовал Конана изящным почтительным жестом и словами:

— Друг мой, сколь рад я видеть тебя вновь! — Точенные черты волшебника озарила широкая улыбка. — Я думаю, ты удивлен: Пелиас покинул свои занятия и отправился в путешествие. Приношу свои извинения за то, что пришлось немного попугать стражу — уж очень недоверчивые у тебя солдаты, а мне, прбсти, ждать недосуг.

— Ты вовремя появился, Пелиас, — загремел Конан, прервав речь чародея. — Надеюсь, ты мне объяснишь, что все это значит! — Он грохнул кулаком по ларцу.

— Зная твой горячий нрав, именно за этим я и появился, — ничуть не смущаясь, ответил волшебник. Между делом он поприветствовал, как старого знакомого, графа Просперо. — Лучше прикажи принести вина и еды — в дороге я проголодался, да и в горле порядком пересохло.

— А, так значит, это ты мне его подослал? — Конан навис над Пелиасом, сверля чародея взглядом. Рядом с варваром волшебник казался тонким хрупким деревцем, выросшим по соседству с исполинским стволом дуба.

— И да, и нет, — ответил чародей и посмотрел в глаза киммерийцу. Веселость его пропала во мгновение ока; теперь лицо Пелиаса стало бесстрастным, а взгляд — жестким и решительным.

— Друг мой, поверь мне: твоей королеве ничего не грозит, если ты выполнишь то, о чем просит Зольдо, — сказал он, устало опускаясь в кресло. Маг положил посох на колени и поинтересовался: — А, кстати, где он сам? Где Зольдо?

— Один кусок здесь, другой — в темнице. — Король стоял, уперев руки в бедра, и синие его глаза, сверкавшие из-под смоляных прядей, пылали бешенством. Он не мог смириться с предательством чародея; казалось, еще немного, и король набросится на него.

— Не горячись, Конан, смири свой гнев и выслушай меня, — голос Пелиаса оставался спокойным, тон — дружеским. — Однажды я говорил тебе, что судьбы — твоя и твоей королевы — тесно переплетены с судьбами мира. Ты тогда не принял моих слов во внимание. Твой гнев — результат этого. Если б ты прислушался к моим речам, то воспринял бы происшедшее гораздо спокойнее.

— Хорошо, рассказывай, — проворчал киммериец. Он отступил на шаг и застыл, скрестив на груди руки.

Пелиас печально вздохнул:

— Может быть, ты прикажешь принести немного вина?

Конан громко хлопнул в ладоши. Появившемуся слуге, который испуганно косился на волшебника, он приказал:

— Вина и еды! На троих.

Пелиас омыл руки в поднесенной ему чаше с водой, вытер их полотенцем и с видимым удовольствием принялся смаковать вино из кубка маленькими глотками. Утолив жажду, он подвинул блюдо поближе. Конан тоже принялся за еду — аппетит киммерийца ничто в жизни испортить не могло. Граф Просперо трапезовал не спеша, искоса поглядывая то на волшебника, то на короля.

Прожевав очередной кусок мяса, Конан буркнул:

— Ну? Говори!

Пелиас откинулся на спинку кресла, взял кубок и спросил:

— Зольдо успел тебе что-нибудь поведать?

— Немного, хотя времени у него было предостаточно. В основном он убеждал меня послать за тобой гонцов.

— Но ты собирался приехать ко мне сам, прихватив и Зольдо с собой, — закончил вместо киммерийца Пелиас.

— Не всего, нет, не всего... Только голову этого ублюдка, — буркнул Конан.

Брови чародея поднялись на какой-то миг, затем он снова с бесстрастным выражением прильнул к чаше.

— Значит, о нем ты не ведаешь ничего?

— Кроме того, что он называл себя бессмертным, — сказал Конан. — Да и какое это имеет значение?

— Можно попросить тебя об одном одолжении?

— Каком же?

— Верни Зольдо его голову. Он больше не причинит вреда.

— Ну уж нет! — Конан со стуком поставил кубок на стол. — Если он бессмертный, то подождет и так! А я пока послушаю тебя и решу, стоит ли это делать вообще.

— Ладно, пусть будет так, — согласился Пелиас. — Но мой рассказ окажется не из коротких.

Он поудобнее устроился в кресле и, неспешно потягивая вино, заговорил:

— В незапамятные времена, когда мир еще только зарождался, боги, чьи имена уже забыты, бились с демонами. Во главе демонов стоял сам мрачный Сет, Великий Змей, Пожиратель Миров. Велики и ужасны были те битвы, от них кипели океаны и рассыпались в прах горные хребты. Люди, которые жили тогда, исчезли почти все, только малая их горстка сохранилась и влачила жалкую жизнь; остальные же погибли в величайших катастрофах, сопровождающих сражения между богами и демонами. В решающем бою светлые боги поразили Сета и отсеки часть его ужасного тела. Она упала на землю. Демон не мог вернуть ее себе: раненый, он вынужден был спастись бегством. Войско его, потерявшее главу, распалось; исчадия Сета передрались между собой. Боги воспользовались возникшей междоусобицей и изгнали их из своих владений. Сет же укрылся где-то во вселенной и залечил свою рану, но собрать новое войско из рассеянных демонов ему уже не удалось. А в нашем мире в глубинах океана так и осталась частица его тела. Тысячи тысяч лет минуло с тех пор. Поднимались из морских волн новые континенты, другие же материки, заселенные вновь размножившимися людьми, опускались под воду. Леса заносило песками, и они превращались в пустыни, и, наоборот, на месте пустынь вырастали джунгли... Так шло время, и однажды та часть морского дна, где лежал отсеченный кусок тела Сета, поднялась на поверхность, явив миру Камень Мертвых — ибо плоть демона приняла вид камня. Люди вскорости разыскали его, а жрецы и святые поведали остальным о его происхождении. Вокруг него возвели святилище, ему приносили жертвы, пока

страна, где его нашли, не обезлюдела. А Камень Мертвых так и лежит в заброшенном святилище.

Пелиас умолк для того, чтобы оросить пересохшее горло вином.

— Историю ты поведал занятную, — Конан протянул руку к кувшину, схватил его и осушил через горлышко. — Но скажи, для каких черных дел понадобился этот камень тебе?

— Мне?! — усомниться в искреннем изумлении волшебника было нельзя. Пелиас удивленно приоткрыл рот и несколько раз моргнул; затем внезапно расхохотался: — Ах, Конан, Конан, мой король... — сквозь смех проговорил он, а отсмеявшись, продолжил: — Так вот в чем ты меня заподозрил, мой друг! Смею тебя заверить, что для меня этот талисман столь же бесполезен, сколь и опасен.

— Это почему же? — киммериец нахмурился.

— Просперо, прошу тебя, подлей мне вина, — обратился Пелиас к графу. Лицо его снова засияло улыбкой. — А я-то сижу и не совсем понимаю, в чем дело... Ну, да ладно! Друзья мои, ни один из магов-некромантов — даже из тех, кто принадлежит Черному Кругу — не решится взять Камень Мертвых в руки... даже близко подойти не осмелится! Да, в Камне Мертвых заключена великая сила — возможно, это самый могущественный талисман в нашем мире, потому что он — частица демона, и не какого-нибудь, а Сета, Владыки Вечной Ночи, Пожирателя Миров. Но камень сей — всего лишь часть, не обладающая разумом демона; она может только уничтожать и разрушать. Подумай, мой король, что прельщает человека, обратившегося к магическим силам? Власть! В первую очередь власть! Власть над силами природы, людьми или, на худой конец, предметами... Коли маг вступит во взаимодействие с Камнем Мертвых, то он будет уничтожен в первую очередь; а уж посредством его тела и магических способностей, что возрастут тысячекратно, Камень постарается уничтожить все в нашем мире и сам мир в придачу. С демоном еще как-то можно договориться, а это же просто камень, тупой и безмозглый. За все время, пока он лежал на земле, ни один маг — слышите, ни один! — не рискнул воспользоваться

им. Проще вспороть самому себе живот... тогда и ходить-то никуда не надо! Ну, друзья мои, похож ли я на безумца, который решил отправиться в тартарары, да заодно и прихватить с собой весь мир?

Пелиас замолчал; Конан и Просперо переглянулись. Потом граф Понтайнии первым нарушил молчание.

— Но, Пелиас, зачем же тебе Камень Мертвых, если он опасен в первую очередь для тебя самого? — спросил он.

Чародей вздохнул и покачал седой головой.

— Это уже другая история. Началась она давно, и мне придется рассказать ее вам, — Пелиас чуть прикрыл веки; на лбу волшебника залегла глубокая складка. — Однажды у меня в башне появился странный гость. Он поведал мне, что прислал его один из тех, кто в свое время обучался у меня магии. Звали пришельца Зольдо. Да будет вам известно, что у некромантов есть чары, с помощью которых можно вернуть к жизни мертвеца. Жизнью, конечно, назвать это нельзя, но душа возвращается с просторов Серых Равнин и вновь вселяется в тело. Многие колдуны, особенно приверженцы черной магии, создают себе подобных и делают из них слуг, которые полностью зависят от воли господина. Только смерть мага освобождает души этих несчастных из плена, позволяя им вернуться туда, откуда они были призваны злой волей. Зольдо тоже один из этих «живых мертвецов». Когда-то он был воином — и стал бы великим воином, если бы не погиб.

Чародей сделал паузу и продолжил:

— Был у Зольдо единоутробный брат-близнец, молодой маг, чьи таланты и природная склонность к волшебству позволяли сделать большие успехи на поприще чародейства. Получив известие о смерти Зольдо, брат его отправился в путешествие и, вернувшись, привез с собой мертвое тело. Он совершил над ним надлежащие ритуалы и вернул Зольдо к видимости жизни. Но не желание обрести слугу, а слепая любовь к брату была тому причиной! Зольдо, однако, потребовал вернуть его на Серые Равнины. Брат отказался, хотя видел, что не принес своему родичу ничего, кроме страданий. Желая как-то исправить, свою

ошибку, он совершил другой ритуал и великими по силе заклятиями связал душу Зольдо с его мертвым телом навечно: теперь даже его собственная гибель никак не могла повлиять на оживленного. Узнав о содеянном над ним, Зольдо сошел бы с ума, если б мог. Он бы убил брата, но создание чародея не может поднять руку на своего создателя. Маг же считал, что совершает благодеяние; он отпустил Зольдо на все четыре стороны, говоря, что наконец-то спокоен за него. Зольдо ушел, напоследок прокляв брата. Он решил сам найти способ вернуться на Серые Равнины, в царство мертвых, и поиски привели его ко мне. Чары, наложенные на Зольдо, оказались мне неизвестны, — увы, и я не знаю всего в этом мире! — но сила их такова, что разрушить действие заклинаний, к сожалению, может только Камень Мертвых. Об этом я ему и сказал.

— Я благодарен тебе, Пелиас, за интересные сказки, но нельзя ли поближе к делу? — раздраженно прервал Конан волшебника: разъяснения чародея утомили его.

Пелиас отставил прочь кубок и сжал посох тонкими пальцами.

— Тебе, Конан, надлежит освободить пленника и отправиться вместе с ним за талисманом. Зольдо будет тебе проводником, — сказал он.

— А не проще ли собрать армию и пощекотать мечом ребра его братцу, если уж на то пошло?

— Некому щекотать, Конан, его уже нет в живых! Век его оказался не столь долгов, как он предполагал.

— Туда ему и дорога, — злорадно сказал король. — Собрать бы вас, колдунов, всех вместе и отправить вслед за ним!

Волшебник пропустил эту реплику мимо ушей.

Конан, не сдерживая ярости, вскочил с кресла и отшвырнул его пинком в сторону.

— Я не верю тебе! — рявкнул он. — По твоим словам выходит, что ты это все затеял... ты! И лишь для того, чтобы этот ходячий кусок мертвечины мог спокойно сгнить в могиле! Потому моя Зенобия сейчас лежит бездыханной! Скажи-ка, откуда твой труп знает заклинания, если он простой воин? Уж не ты ли обучил его

колдовству? Для чего? Для того, чтобы отправить меня добывать очередную дьявольскую игрушку, которыми вы, колдуны, любите себя тешить на беду всем нормальным людям — ведь добыть ее могу только я! Ты сам это ему сказал. Я жду от тебя, Пелиас, ответа.

Волшебник поднял руку, призывая короля к спокойствию.

— Но, Конан, я ведь еще ничего толком не объяснил, — произнес он примиряющим тоном.

— А ты думаешь, я буду ждать еще месяц, пока ты доберешься до конца? Только нашей былой дружбе ты обязан тем, что я выслушиваю твои бредни!

Лицо Пелиаса помрачнело, плечи его сгорбились.

— Хорошо, — кивнул чародей, — я буду краток. Тебя, король, в отличие от меня, никогда не волновали судьбы мира, но я скажу тебе... Если тот, кто пробрался в твой дворец ночью, войдет в святилище и коснется Камня Мертвых, то нам всем небо покажется с овчинку... Вот так! Я же хочу повернуть колесо судьбы и пустить его другой колесей. И это выполнишь ты, Конан, ибо больше некому.

Лик короля стал чернее тучи; он сжал рукоять меча. Пелиас видел это, но у волшебника не дрогнула ни одна жилка. Он продолжал говорить спокойно и холодно:

— Пусть тебе послужит утешением то, что в противном случае твоей королеве суждена ранняя смерть. Считай, что я таким образом спасаю ей жизнь.

— Горазды вы, колдуны, жар чужими руками загребать, — в голосе киммерийца, казалось, не осталось ничего человеческого; лишь неутолимая звериная жажда крови звучала в нем. Граф Просперо вздрогнул; ни разу до сих пор он не видел своего короля таким. — Хорошо, я поеду! Ты не оставляешь мне выхода.

— Освободи пленника. Он отправится с тобой.

— Ну нет, колдун, — протянул киммериец, — проводником со мной поедет одна голова. Этого хватит.

— Конан! — Голос чародея загремел, заполняя собой покой. — Освободи его, или это сделаю я!

— Даже так? — удивился киммериец. Пелиас молчал. — Значит, ты мне еще не все сказал, колдун.

— Я тебе многого не сказал. Ты знаешь только то, что тебе нужно знать.

Конан задумался. Просперо сидел, затаив дыхание. Казалось, разговор с волшебником принимает не совсем приятный оборот.

— Я могу остаться во дворце заложником, — вдруг произнес Пелиас. — Можесть даже заточить меня в темнице. Даю слово, что не попытаюсь бежать.

Конан криво усмехнулся:

— Убирайся назад в свое логово, и чтобы ноги твоей здесь не было! Я освобожу его, твоя взяла! Он поедет со мной, а твоего смрадного духа во дворце мне не нужно. Я дам тебе знать, когда мы вернемся... И если слова твои лживы, то берегись, маг!

Глава 6. НАЧАЛО ПУТИ

В сопровождении Просперо и Пелиаса король спустился в темницу, где, опутанное сетью и цепями, лежало тело Зольдо. Палач, немой и горбатый, страшный, как само это подземелье, снял цепи и, повинаясь взмаху королевской руки, прихрамывая, удалился. Конан поставил на сырой пол ларец, который принес с собой, затем склонился над телом и несколькими взмахами ножа освободил его от оставшихся пут.

Обезглавленное тело, почувствовав свободу, сразу пришло в движение, поднялось на ноги и уверенными шагами направилось к ларцу; обрывки сетей свисали с его плеч и волочились по полу. Шумный вздох прорезал тишину, царившую в темнице. Граф Просперо, с побледневшим лицом, расширившимися глазами следил за действиями мертвеца. Взгляд графа был прикован к обрубку шеи, где на ровной поверхности среза белела кость, и круглым провалом виднелось отверстие перерубленного горла.

Тело приблизилось к ларцу и опустилось перед ним на корточки. Действия обезглавленного трупа были четкими и осмысленными, как будто голова, лежащая в ларце, на расстоянии управляла им. Руки уверенным движением подняли крышку ларца и извлекли из него голову, затем приставили ее к шее; бледный, еле заметный сполох пробежал в том месте, где отточенная сталь рассекла мертвую плоть.

Зольдо опустил руки и сделал несколько вращательных движений головой.

— Наконец-то, — сказал бессмертный и принялся сбрасывать с себя остатки сети.

Киммериец резко повернулся и, не сказав ни слова, покинул подземелье, оставив чародея и графа в растерянности.

— Следуй за нами, — повелел Пелиас бессмертному. Желтые глаза Зольдо остановились на Просперо, изучая его; графу стало неуютно под пристальным взглядом того, кого первый и бесстрашнейший из полководцев Аквилонии справедливо считал чудовищем.

— Пойдем, Просперо.

Волшебник коснулся плеча графа, и Просперо еле сдержался, чтобы не отпрянуть. Но внутренний порыв полководца ничто не могло скрыть от Пелиаса. Лицо чародея стало печальным.

— Ах, Просперо, Просперо... — грустно обронил он.

Они поднимались по крутой узкой лестнице. Граф шел впереди, освещая дорогу; за ним, постукивая посохом по каменным ступеням, поднимался Пелиас. Зольдо шел третьим, чему граф был несказанно рад: меньше всего на свете ему бы хотелось, чтоб за его спиной вышагивало исчадье с Серых Равнин, приводившее его в дрожь. Просперо никогда не был трусом; своей отвагой полководец заслужил уважение солдат, которыми командовал в десятках сражений. Конечно, не только храбрость сопровождала его славу среди друзей и недругов, но и она была не последним его достоинством. Однако колдовство внушало страх Просперо, как и любому другому человеку, столкнувшемуся с ним. За время своей службы королю Просперо приходилось уже встречаться с магией, но так близко и зримо это происходило впервые.

Граф шел, сжимая роняющий капли смолы факел, и мучительные раздумья переполняли его. В свое время, когда король в одиночку отправился в дебри Кхитая, Просперо частенько навещался к Пелиасу, который с помощью магии старался следить за киммерийцем и передавал графу новости о странствующем короле. Жизнерадостный и насмешливый, чародей пришелся по нраву Просперо. А теперь Пелиас предстал ему с совершенно иной стороны.

Когда узкая лестница окончилась, граф Понтайнии решил. Замедлив шаг, он поравнялся с магом.

Волшебник предугадал его желание.

— Я слушаю тебя, граф Просперо, — произнес он.

Полководец замялся, подбирая нужные слова.

— Пелиас, я вполне могу поверить твоим речам о грозящих нам бедствиях, заключенных в ... — Просперо незаметно качнулся головой в сторону Зольдо. — Я доверяю тебе, сам не знаю почему... Но что заставило тебя поступить именно таким образом? Наша бедная королева... Неужели не было другого выхода?

По губам волшебника пробежала невеселая улыбка.

— Друг мой, — сказал Пелиас, — я надеюсь, что ты позволишь мне называть тебя так? — Просперо кивнул. — Когда на чашу весов положено так много, то приходит время нелегких решений. Если ты обеспокоен тем, что между мной и королем пробежала черная кошка, то тут уж пока ничего не поделаешь. Лишь время исправит это, расставив все по своим местам.

— Но ты ведь мог приехать и рассказать обо всем Конану, не впутывая в это дело королеву Зенобию?

Волшебник вздохнул.

— Дорогой Просперо, неужели ты так плохо знаешь своего короля? Да, я бы мог приехать и все рассказать ему... Возможно, он бы согласился, а возможно, и нет. А вот его «нет» — этого мне допустить никак нельзя. Мне необходимо было вынудить его ехать, чего бы это ни стоило! Поверь, я бы мог вообще остаться в тени — Зольдо вынудил бы его ехать, а я — я вышел бы на сцену лишь в последний момент. Но, памятуя о нашей дружбе, я решил не прятаться.

— Он никогда не простит тебе того, что ты сделал.

— О, нет! Конан был и остался в душе тем, кто он есть. Поверь, он возможно даже и рад, что вновь отправится в путь, как в старые добрые времена. Он гневается на меня за то, что я вынуждаю его — не в привычках Конана действовать помимо своей воли. Однако предстоящее странствие делает его счастливым.

— Но ты противоречишь самому себе! — Тень недоверия легла на лицо полководца.

— Это только кажется, потому что мне ведомо больше, нежели я вам сказал.

— Почему же тогда ты таишься? Это вредит тебе самому.

Пелиас улыбнулся:

— Друг мой, неведение — самый лучший путь для тех, кто не связан с магией.

— Возможно. Но почему король должен ехать один, сопровождаемый лишь мерзким монстром? Почему, Пелиас? Небольшой отряд верных рыцарей готов сопровождать его хоть на край света...

— Конечно, друг мой! И ты, естественно, будешь во главе отряда?

Волшебник легко угадал невысказанные мысли графа. Переложив свой посох в правую руку, он левой коснулся плеча Просперо.

— Он должен ехать один. Один, понимаешь? И с этим ничего не поделаешь.

* * *

— Ты еще здесь? — прорычал Конан, увидев Пелиаса. — Тебе, по-моему, лучше убраться отсюда — да побыстрее!

Командир Черных Драконов невольно положил ладонь на меч, когда разглядел за спиной волшебника фигуру ночного гостя, доставившего ему столько неприятностей. Тот никак не отреагировал на жест Паллантида, будто никогда и не встречал его.

Чародей развел руками.

— Я прошу извинения, мой король. Я задержался лишь потому, что хочу попросить тебя выполнить мою просьбу.

— Просьбу? — Киммериец хлопнул себя по бедрам. — Просперо, ты только послушай его! Колдун, ты связал меня по рукам и ногам, а теперь всего лишь просишь? Так что же тебе надо?

— Я прошу тебя отложить отправление до ночи. Я помогу тебе сократить дорогу.

— Нет!

— Но, друг мой...

— Я тебе не друг!

Пелиас внезапно сник; плечи волшебника сгорбились, он отвесил королю глубокий поклон, повернулся и пошел прочь.

Конан просверлил взглядом спину чародея и обратился к бессмертному:

— У тебя нет оружия, можешь выбрать его сам. Кони готовы. Когда соберешься, дай знать. И не мешкай! Паллантид тебе поможет.

Зольдо не проронил ни слова, а только выжидающе уставился на Паллантида. Командир гвардии холодно кивнул ему, приглашая следовать за собой, и они удалились.

— Конан, к чему такая поспешность — ведь ты даже не знаешь, куда отправиться, — вырвалось у графа Понтайнии.

— Какая разница, Просперо... хоть в самую преисподнюю! — Конан с досадой передернул могучими плечами. — Я буду у Зенобии. Пошли за мной, когда все будет готово.

— Хорошо. Только...

— Что еще?

— Мне не дает покоя Пелиас...

— Я не желаю слышать этого имени! — резко оборвал графа Конан. — Не произноси его при мне!

Полководец умолк и только сокрушенно покачал головой. Он смотрел вслед королю, и мысли его были печальны.

В покоях королевы киммериец обнаружил Пелиаса. Траурное убранство, равно как и погребальные одежды вместе с курильницами, исчезло. На ложе королевы опустился полог из кисеи, за которым, посередине широкой кровати, лежала она в повседневном наряде, с легкой короной поверх густых темных прядей.

Волшебник сидел в мягком кресле у ложа Зенобии, уперев подбородок в кулаки, и смотрел на спящую. У изголовья ложа на низком пуфе пристроилась одна из прислужниц — киммериец не помнил ее имени — и тихонько перебирала струны лютни, которую держала на коленях.

— Так... — процедил сквозь зубы Конан. — Что это значит?

Звуки лютни затихли. Девушка, подхватив инструмент под мышку, соскользнула с пуфа и исчезла за драпировкой, найдя укрытие от гнева короля в соседнем помещении.

— Какого дьявола тебе здесь надо? — продолжал Конан. Он направился к волшебнику, намереваясь вышвырнуть того вон собственноручно. — Ты что — ищешь собственной смерти, колдун?

Пелиас оторвался от созерцания спящей и повернул лицо к королю.

— Конан, ради нашей прежней дружбы выслунай меня, — сказал он.

Киммериец остановился. Голос Пелиаса был полон искреннего сожаления.

— Ну, говори, — произнес король.

Маг, хрустнув гибкими пальцами, удрученно вздохнул.

— Я не мог поступить иначе, друг мой. Я боялся. Боялся того, что добровольно ты не пойдешь за Камнем Мертвых.

— Так вам, магам, тоже знаком страх? — спросил с насмешкой киммериец.

— Да, Конан, когда дело касается таких вещей, как судьбы мира, — подтвердил Пелиас.

Конан подошел к ложу королевы и откинул полог в сторону.

— Мне нелегко простить тебя, — сказал он, указывая на Зенобию. — Я бы понял это, будь ты моим врагом, но таковым я тебя не считал. Ты ударил мне в спину.

— Я объяснил, почему это сделал. Я боялся, что ты не пойдешь добровольно.

— Вот в это я могу поверить, — согласился Конан. — Ладно, Пелиас, считаться будем после моего возвращения. Где хоть находится твое святилище?

— На юге, в джунглях за Черными Королевствами. Где-то за рекой Зархемой.

Конан нахмурился.

— Далековато.

Пелиас согласно кивнул.

— Поэтому я и хочу предложить способ сократить дорогу.

— Как?

— Я вызову двух созданий — из тех, что подвластны мне. На своих крыльях они донесут тебя и Зольдо либо до побережья Аргоса или Шема, либо в глубь Стигии. Дальше они не смогут. Там вы купите лошадей или места на корабле.

— А такое исчадье, чтобы донесло до самого храма, ты вызвать не сможешь?

— Это сложно и опасно, Конан, да и время ныне не подходящее.

— Хорошо. Тогда пусть доставят нас на побережье. Пойдем морем, а то в Стигии чужестранцев не жалуют.

Конан отвернулся от волшебника. По-прежнему сжимая кисею в сильных пальцах, он смотрел на лежащую перед ним супругу.

— Пелиас, — тихо сказал киммериец, не поворачиваясь, — иди и вызывай своих тварей. И оставь меня одного. Сейчас.

* * *

Сумерки опустились на Тарантию, великую аквилонскую столицу. Тени удлиннились, воздух стал прохладным, а солнце приобрело красноватый оттенок.

Конан придирчиво оглядел снаряжение своего спутника. Оружие и доспехи, выбранные Зольдо, доказывали, что в воинском деле он действительно не новичок. Бессмертный выбрал прочную, но не тяжелую кольчугу, крепкий боевой браслет и небольшой круглый шлем, который при надобности можно было укрыть под головным убором. Прямой меч и длинный кинжал составляли его вооружение. Помимо кинжала из-за пояса торчали рукояти двух стилетов. Он также сменил одежду, в которой появился, на другую, более богатую и изукрашенную шитьем — Просперо предложил, чтобы Зольдо представился в роли путешествующего аквилонского дворянина из мелкопоместных. Королю в этом случае выпадала роль слуги. Сам Конан в ответ на это только пожал плечами.

Пелиас стоял посреди обширного дворцового двора, возведя очи горе; губы волшебника шевелились — он неслышно читал заклинания. Когда в зените появились две едва заметные точки, он удовлетворенно облизнул губы и кивнул. Удивленные крики стражей на стенах заставили всех поднять головы; две точки стремительно росли, превращаясь в двух огромных крылатых существ. Конан спешно подошел к чародею и тронул того за рукав. Пелиас обернулся.

Король взглядом показал ему на бессмертного.

— Ты так настойчиво отправлял его со мной, — тихо проговорил он. — Мне ведь придется снести ему голову еще раз, верно? Только там, в святилище? И уже навсегда?

Пелиас мигнул, но ничего не ответил.

Два гигантских нетопыря, свистя перепончатыми крыльями, опускались на мощный камнями двор. Чудовища с шумом приземлились; от взмахов крыльев поднялся ветер, в котором затрепетали плащи и волосы людей. Монстры царапали когтями камень и недовольно скрежетали; в глазах их горел красный огонь.

Киммериец взобрался на шею летающей твари. Та негодующе рыкнула, протяжно и гнусаво; заклятье колдуна не давало ей сбросить седока и разорвать его на части.

Бессмертный Зольдо оседлал свое чудище.

— Ну, Пелиас, мы готовы! — крикнул Конан.

Маг гортанно и хрипло произнес несколько непонятных слов.

Монстры взмахнули крыльями, поднялись вверх и быстро растаяли в темном вечернем небе.

Гигантский нетопырь мерно и неторопливо махал крыльями. Под ним, далеко внизу, проплывали леса и горы, города с крепостными стенами, укрепленные замки и беззащитные селения. Обжитые людьми места чередовались с опустевшими и даже такими, где еще не ступала нога человека. Серебристыми лентами сверкали реки, темными нитями тянулись дороги, протоптанные бесчисленными караванами. Уже светало, и первые солнечные лучи обагрили верхушки гор.

Конан проснулся, открыл глаза и зевнул. Киммерийцу, опытному всаднику, не составляло труда подремать в седле; теперь он воспользовался этим своим умением и выпался на шее монстра, чтобы не терять время зря. Второе чудовище летело чуть впереди. Когда оно опускало широкие кожистые перепонки, на шее нетопыря становилась видимой фигурка оседлавшего его Зольдо.

— Эй! — крикнул киммериец.

Всадник на чудовище остался недвижим.

— Гнилое мясо! — в сердцах выругался Конан и заорал снова: — Зольдо!

Бессмертный оглянулся и махнул рукой, показывая, что у него все в порядке.

Сколько еще должны были пролететь твари — перед тем, как опуститься на землю — Конан не знал. От нечего делать он принялся рассматривать проплывающую под ним местность. Солнце уже поднялось над верхушками гор и неудержимо продолжало свой бег по небосводу. Далеко впереди, на нитке торгового тракта, появилось крохотное облачко; оно тянулось за крупным караваном, что вез товар к шемскому побережью. Конан видел с высоты линию берега, за которой начиналась слепящая гладь моря.

Но киммерийца больше заинтересовал караван, который они быстро нагоняли.

— Зольдо! — позвал он бессмертного. Тот обернулся.

Конан указал ему на облако пыли внизу, впереди которого уже можно было разглядеть маленькие фигурки верблюдов и вьючных лошадей.

Бессмертный кивнул, показывая, что видит караван.

— Там мы возьмем верховых лошадей.
— Нет, — ответил Зольдо и ткнул большим пальцем руки под себя. — Эти твари никак не хотят опускаться.
— Проклятье! — выругался киммериец. — А где они должны сесть на землю?
— Не знаю.
— Кром! Пошли чуму на головы этих колдунов, — пробормотал Конан.

Но он решил-таки заставить монстра опуститься.
— Вниз! — рывкнул он, слегка хлопнув нетопыря по затылку.

Чудище не обратило никакого внимания на шлепок и продолжало мерно взмахивать крыльями. Конан осторожно сдавил ногами толстую шею монстра. Никакой реакции снова не последовало. Конан усилил нажим; в ответ нетопырь издал отвратительный вопль и завертел головой так, что киммериец чуть было не свалился. Только грубая шерсть на шее монстра, за которую он цеплялся, помогла удержаться.

— А-а, мерзость! — Кулак Конана опустился между торчащих ушей твари.

Нетопырь взревел с подвыванием, завалился на крыло и косо пошел вниз к земле. Киммериец вцепился в шерсть на его загривке, проклиная свою неосторожность; он и не думал оглушить зверя, но, по-видимому, на темени монстра была какая-то уязвимая точка. Судорожно взмахивая кожистыми перепонками, тварь неуклонно падала вниз, словно подбитая птица. Второй монстр, заметив пропажу собрата, разразился призывными воплями, от которых кровь стыла в жилах. Он беспокойно закружил в воздухе и, обнаружив падающего нетопыря, сложил крылья и ринулся за ним.

* * *

Караванщик Шалим Арих мерно покачивался в седле в такт шагам иноходца. Товары, которые он вез на побережье, сулили немалую выгоду; некоторые из них будут прямо распроданы в Асгалуне, другие уйдут за море — и там, за морскими просторами, цена их возрастет вдвое. Эта мысль всегда приносила Шалиму Ариху боль,

что могла сравниться лишь с зубной. Но что делать — караванщик не выносил моря! Как только он поднимался на палубу корабля, ему становилось так плохо, что он чувствовал себя грешником, обреченным на вечные муки в чреве Нергала. Конечно, можно было бы нанять человека, чтобы тот отправился вместо Шалима Ариха с товарами на корабле. Но этот человек может обокрасть хозяина — это во-первых. Во-вторых, на море пираты; в-третьих — бури, из-за которых корабли идут на дно со всем товаром... Слишком много риска! На суше всегда было спокойнее и за товар, и за собственную жизнь. От непогоды укрытие не найдет только дурак, а слуги и помощники всегда под присмотром... Есть еще, правда, разбойники, но умный человек — каким Шалим Арих, естественно, считал себя — не пожалеет денег на крепкую охрану. И деньги окупятся, и на душе спокойней.

Шалим Арих в очередной раз изъял занозу из своего сердца. Она появлялась всякий раз, когда он шел с товаром к морю. Просветленный своими мудрыми мыслями, он принялся подсчитывать прибыль. Этого занятия хватит на весь день, а затем можно начать заново — это как игра, которая никогда не прискучит. Он также порадовался тому, что покинул презренное городишко, лежащий на пути, раньше своих собратьев по ремеслу. Эта мелочь, которая осмеливается называть себя торговцами, не способна даже собрать количество товара, приличествующее настоящему купцу! То ли дело его караван: там есть...

Дикие, леденящие душу вопли, раздавшиеся невзвесть откуда, прервали приятные мысли Шалима Ариха. Он встрепенулся в седле, огляделся; иноходец под ним замедлил шаг, прижал уши и испуганно захрапел. Местность вокруг дороги представляла собой пологую равнину с редкими низкими холмами и обильными зарослями колючего кустарника. В таких колючках если кто и мог прятаться, то лишь черепахи, покрытые панцирем. Чего так испугался конь? Словно в ответ на немой вопрос караванщика, протяжные вопли раздались снова, но в этот раз громче и ближе. Он уже понял, что они доносятся сверху, но увидеть того, кто их издавал, не мог, потому что конь под ним буквально взбесился, как и остальные животные в караване. Верблюды взревели и понесли, сби-

вая людей с ног и давя их; с лошадьми происходило то же самое. Воины охраны тщетно пытались удержаться верхом; один за другим они летели с взбесившихся лошадей на дорогу. Кони же ломились вместе с верблюдами и тюками сквозь колючие кусты и в неистовом галопе разбегались по долине. Всадники, которым повезло остаться в седлах, уносились лошадьми, бессильные что-либо сделать. Но и люди вскоре поступили точно так же: с криками ужаса они устремились вслед за животными, прочь от дороги. Шалим Арих сразу получил ответы на все свои вопросы, когда иноходец выбросил его из седла. От сильного удара о землю у караванщика потемнело в глазах. Но лучше бы эта тьма никогда не рассеивалась — вот что пришло ему в голову, когда пелена перед глазами спала.

Два ужасных чудовища, два порождения тьмы спускались на дорогу, где только что мирно шел его караван. Глаза их горели красным огнем, широкие кожистые крылья плескали в воздухе, пасти были угрожающе раскрыты. Шалим Арих мог бы заметить, что одно из чудовищ опускается неровно, как будто бы оно ранено, но караванщику было не до того. С истошным звериным воем он вскочил на четвереньки и пополз с дороги. Он лез в кусты, не замечая усеявших ветви длинных колючек; потом закрыл глаза, истово молясь, чтобы страшные чудовища его не нашли. По синим шароварам Шалима Ариха, оскверняя дорожную ткань, расплзлось мокрое пятно.

* * *

Нетопырь неуклюже упал на лапы и ткнулся носом в сухую почву; Конан, слетев с шеи монстра, перекувырнулся на земле и вскочил на ноги. Вторая тварь приземлилась следом, и Зольдо, прыгнув с нее, подбежал к Конану. Чудовище, переваливаясь с лапы на лапу, заковыляло к раненому собрату: его перепончатые крылья волочились по земле, вздымая маленькие клубы пыли. Приблизившись, нетопырь обнюхал приятеля; красные глаза его тревожно горели.

— Что ты с ним сделал? — спросил бессмертный.

— Я? — Конан озадаченно посмотрел на свой кулак. — Стукнул разок по темени.

Он повертел головой по сторонам.

— Ладно, пусть Пелиас разбирается со своими тварями сам. Пошли! Вон в тех кустах запуталось несколько лошадей — это то, что нам надо.

Они подобрались к животным. Уздечки их намотались на колючие ветви, и лошади уже не делали попыток освободиться; ноги их мелко дрожали, а глаза с ужасом косились туда, где толкались на дороге нетопыри. Коней было четверо, и три из них — оседланы. Конан приметил гнедого жеребца с высоким седлом.

— Возьмешь его себе — он подходит к твоему наряду, — сказал он бессмертному, — а мне сойдет и та кобылка.

Зольдо не ответил, и Конан обернулся к нему. Бессмертный, прищурившись, вглядывался в нетопырей.

— Кажется, он пришел в себя после твоего удара, — сказал он.

— Тем лучше! Меньше мороки будет с лошадьми, — буркнул киммериец.

Зольдо оказался прав. Нетопыри перекинулись заунывными воплями и разом прыгнули вверх. Лошади испуганно заржали и забились в кустах.

Конан, успокаивая гнедого, похлопал его по шее.

* * *

Шалим Арих несколько раз приподнимал веки, чтобы получились маленькие щелочки, и опять в страхе сжимал их, увидев, что монстры по-прежнему на месте. Он вжался в колючие ветви поглубже, когда чудовища огласили окрестности ужасными воплями. Но с ним не произошло ничего плохого: никто не вытаскивал его из кустов и не пытался сожрать. Отважившись, караванщик приоткрыл глаза еще раз — и вознес хвалу Богине-Матери Иштар: чудовища исчезли. Раскрыв глаза во всю ширь, Шалим Арих увидел высоко в небе две крохотные точки и возблагодарил богиню еще раз — за собственное спасение. Затем он выполз из кустов и возблагодарил богиню в третий раз, когда увидел двух человек, по виду воинов,

возившихся с лошадьми. Среди них был и его гнедой иноходец.

Караванщик поспешил к незнакомцам. Один из них — тот, что держал иноходца под уздцы, — выглядел знатным человеком; второй, видимо, слуга, направлялся к господину, ведя за собой двух чалых кобыл. Они заметили приближавшегося караванщика, но не обратили на него внимания.

Шалим Арих подошел и заговорил:

— Хвала Богине Матери за ваше появление здесь...

Закончить ему не удалось.

Синеглазый слуга с испещренным шрамами лицом тряхнул копной смоляных волос и вскочил в седло одной из кобыл. Поводья свободной лошади он привязал к седлу.

Шалим Арих почувствовал нехорошее, когда желтые глаза господина без всякого интереса скользнули по его лицу.

Желтоглазый одним махом взлетел в седло иноходца.

— Это мой конь! — отчаянно закричал караванщик и повис на поводьях гнедого, вцепившись в них мертвой хваткой.

Слуга подъехал на крик.

— Откуда этот? — спросил он у своего спутника.

— Выполз из кустов, — пожал плечами желтоглазый.

Шалим Арих понял, что ошибся, определяя господина. И, когда он заглянул в синие глаза второго, то пожалел, что вообще родился на свет.

— Прочь, — коротко и властно сказал синеглазый.

Руки караванщика разделись сами собой; уткнувшись носом в дорожную пыль, он не поднимал головы, пока стук копыт не затих вдалеке.

Тогда Шалим Арих медленно поднялся и осмотрелся. От целого каравана осталась одна выючная лошадь, которая неподалеку от дороги пощипывала траву — и все. Караванщик замер, не понимая, почему вокруг все качается и плывет — так, как будто он стоит на палубе корабля. Он никак не мог вспомнить, где видел это лицо — лицо синеглазого слуги. Потом ноги Шалима Ариха подкосились, и он в беспамятстве рухнул на дорогу.

Конан, как и положено слуге, расседлывал лошадей в небольшой конюшне, что примыкала к гостинице. Этот постоялый двор был не из самых больших и богатых в Асгалуне, но путники не желали привлекать к себе излишнего внимания; мелкопоместному дворянину из северных краев не пристало бросаться деньгами.

Внезапно чья-то фигура заслонила свет в дверном проеме, и киммериец на секунду оторвался от своего занятия, посмотрев поверх спины гнедого, кого еще принесла нелегкая. Похоже, к нему приближался хозяин гостиницы. Был он тощим, как жердь, и одежда на нем болталась и висела невообразимыми складками; создавалось впечатление, что ему необходимо сделать несколько шагов внутри своей одежды, прежде чем этот балахон сдвинется с места. Другой достопримечательностью его являлся громадный нос, типично шемитский, украшавший довольно невыразительную физиономию. Кончик носа крючком нависал над верхней губой и заметно шевелился, когда его владелец вступал в разговор. И немудрено, что сей почтенный муж прозывался соседями не иначе, как Скелет с Носом, хотя предпочитал отзываться на более благозвучное имя Фард.

Он подошел поближе и остановился; потом пошевелил кончиком носа, словно принюхиваясь, и раскрыл рот.

— Эй, чужестранец!

Конан снял с иноходца седло и повесил его на крюк, вбитый в стену конюшни, едва удостоив Скелета взглядом. Но тому, видать, было все равно, и нелюбезный прием совсем не охладил его.

— Скажи мне, чужестранец, чем твой господин смот так улестить купца Шалима, что он продал ему своего любимого иноходца?

Конан насторожился, сразу вспомнив нелепую фигуру в мокрых шароварах на дороге.

— Что? — переспросил он, как бы не расслышав.

— Этот гнедой, — Скелет похлопал коня по крупу.

— Что гнедой?

Скелет никогда не отличался особой храбростью; от грозного взгляда, брошенного киммерийцем, его прошиб-

ло потом. Фард затряс нижней челюстью и пустился в путаные объяснения.

— Видишь ли, почтенный, караванщик Шалим Арих всегда останавливается у меня в гостинице. Этот иноходец... Он купил коня год назад... Божился, что никогда не продаст... Вот я и удивился. И еще с седлом...

Конан внимательно выслушал сбивчивую речь хозяина, уже зная, что скажет в ответ.

— Я удовлетворю твоё любопытство, — произнес он. — Досточтимый караванщик одолжил этих коней моему господину, — эти слова дались киммерийцу с немалым трудом, тем не менее он продолжил: — Он также попросил оставить лошадей у тебя до своего прибытия в Асгалун.

Тут Конан извлек из кошелька золотую монету и подкинул ее в воздух. Золото притянуло взгляд Скелета, как магнит. Конан поймал монету и положил желтый кружок на толстый брус, разделяющий стойла.

— Присмотри за лошадьми до прибытия купца в город. Договорились?

Вид золотой монеты и прикосновение к ней примирили Скелета с грубостью северянина и развеяли его любопытство. Подхватив с бруса монету, хозяин молча удалился.

Конан подождал, пока его долговязая фигура не исчезнет из поля зрения, а затем направился к выходу из конюшни. На пороге он столкнулся с Зольдо.

— Куда ты пропал? — спросил бессмертный.

— Идем в порт. И поищем другую гостиницу.

— Что так?

Киммериец шагнул через порог, увлекая Зольдо за собой.

Они покинули постоянный двор Фарда и двинулись по шумным улицам Асгалуна к гавани.

— Купец, караван которого разбежался, ехал сюда. Эта страхолюдина, хозяин гостиницы, узнал гнедого иноходца, принадлежащего караванщику, — сказал Конан.

Зольдо прищелкнул языком.

— Тогда нам следует убраться отсюда поскорее.

Киммериец пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

— Эй, парни! — позвал низкий женский голос.

Путники непроизвольно оглянулись. Голос раздался совсем близко. Они шли по узенькой улочке, с обеих сторон которой впритык друг к другу ютились дома. Прямо напротив них, в открытой низенькой двери стояла женщина в синем платье, выставив обнаженную до бедра ногу в длинный разрез на платье.

— Не хотите поразвлечься, парни? — томно протянула она.

— Попозже, красавица, — сказал Конан. — Подскажи-ка лучше, как добраться в порт по вашим крысиным улочкам.

Густо намазанные брови поднялись на лбу, оштукатуренном чудовищным слоем белил. Шлюха недовольно скривила рот, подведенный ярко-красной помадой.

— Получишь монету. Серебряную! — пообещал киммериец.

Она передернула плечом.

— Если я пошлю сестру показать вам дорогу, дашь ей два кругляша? — спросила она, облизнув языком губы.

— Ладно, — согласился Конан.

Шлюха отлепилась от дверного косяка и крикнула внутрь дома:

— Гайдэ!

На зов прибежала девчушка лет десяти. Женщина показала ей на путников.

— Отведешь их в гавань.

Девочка кивнула и, подбежав к Конану, сказала:

— Пойдемте.

— Эй! — крикнула шлюха.

Конан и Зольдо остановились.

— Я передумала, — сказала она. — Две монеты сейчас.

Зольдо раскрыл кошелек, серебро полетело шлюхе в лицо. Она ловко подхватила деньги и помахала сжатым кулаком.

— До свидания, парни! Жду вас попозже.

Гайдэ уверенно вела их по кривым городским улочкам. Эта смуглая девчушка оказалась на удивление молчаливой; она вприпрыжку бежала впереди, часто оборачиваясь и посверкивая темными глазенками.

Киммериец шагал за девочкой, погруженный в свои мысли. Когда из подворотни вылетел лопухий пес раз-

мером с годовалого теленка и наскочил на Зольдо, идущего рядом, он не сразу сообразил в чем дело. Собака, грозно рыча, явно намеревалась вцепиться в ногу прохожего, но, не добрав, вдруг замерла на месте, словно наткнувшись на невидимую стену; шерсть на ее загривке встала дыбом, потом пес припал на передние лапы и начал отползать. Оказавшись на безопасном расстоянии, он уселся на задние лапы и глухо завыл, задрал к небу тупую морду. Зольдо не растерялся; схватив с земли увесистый камень, он запустил им в собаку. Бульжник угодил в покрытый свалявшейся шерстью бок, пес завизжал от боли и кинулся удирать со всех ног.

Гайдэ следила за собакой, приоткрыв свой маленький рот. Конан мельком оглядел улицу; к счастью, праздношатающихся зевак на ней не было. Девочка с изумлением воззрилась на спутников.

— Идем, — поторопил ее Конан.

Она шмыгнула носом, потерлась щекой о плечо и, развернувшись на одной ноге, побежала дальше. Мужчины двинулись следом.

Конан искоса поглядывал на бессмертного. Во дворце, охваченный гневом, он и не интересовался своим спутником; теперь ему пришлось в голову рассмотреть его поподробнее. Осмотр мало что дал: бессмертный на вид ничем не отличался от обыкновенного человека, разве что кожа его была бледна почти до синевы. Но и у некоторых северян можно встретить такую же бледную кожу. Зольдо, видимо, осмотр не принес удовольствия; он повернул к киммерийцу бледное лицо с желтыми радужками зрачков и произнес:

— Хочешь спросить?

— После, — ответил киммериец.

Гайдэ вывела их на широкую, мощенную камнем улицу и остановилась.

— Вон там, — она махнула рукой вдоль улицы. — Там лестница в гавань.

Киммериец и так уже заметил мачты, видневшиеся в дальнем конце улицы.

— Я пойду? — спросила девочка.

— Постой. — Конан вытащил из кошелька еще одну серебряную монету и протянул ее Гайдэ. — Держи. Только не говори о ней сестре.

Девочка юрким обезьяньим движением будто слизнула монету с ладони киммерийца, потом засунула ее за щеку и припустила бежать, не оборачиваясь.

— На тебя всегда воют собаки? — поинтересовался Конан.

— Всегда, — последовал краткий ответ.

— А лошади? Почему они не испугались?

— Они были и так достаточно напуганы.

— Значит, всякая живая тварь от тебя шарахается.

— Да.

— Кром! — буркнул киммериец. — Если каждый пес будет устраивать тебе столь громкую панихиду, то, в конце концов, это соберет толпу зрителей, и нам придется объясняться.

Зольдо молча пожал плечами.

— А крысы? — снова спросил Конан.

— Что крысы? — не понял бессмертный.

— Видно, тебе не приходилось плавать на кораблях...

— Не довелось.

— Если с корабля разбегутся все крысы, то нам никакими силами не заставить капитана выйти в море, пока они не вернутся. Разве что становиться самим на паруса, а ты ведь с этим, наверное, не знаком.

Зольдо посмотрел в сторону гавани.

— Крысы от меня не бегут, — сказал он и, подумав, добавил: — Как и люди.

Конан криво усмехнулся.

— Ну, тогда пойдем.

Они спустились в гавань, где царил обычная суeta. Конан полной грудью вдохнул давно забытые запахи и пробежал глазами по строю кораблей, оценивая их. Портовая мелочь обступила их, наперебой предлагая свой товар; эти побирушки и мелкие торговцы оказались столь назойливыми, что киммериец не выдержал и рывкнул на них. Они от неожиданности шарахнулись в стороны; Конан же взглядом выделил из толпы одного и поманил к себе. Лохматая личность весьма оборванного вида осторожно приблизилась к нему.

Киммериец ткнул его пальцем в грудь. Оборванец сморщился от боли и через силу заискивающе улыбнулся.

— Ты, ублюдок! Знаешь, куда какая посуда отправляется?

Тот с усердием закивал головой.

— Говори.

Торговцы и нищие сразу потеряли интерес к происходящему и стали потихоньку расползаться. Оборванец начал перечислять названия кораблей, имена капитанов и порты назначения. Информирован он был неплохо — видно, дни и ночи болтался в гавани; возможно, служил наводчиком для пиратов.

— Стоп, — наконец прервал его Конан. — Этот, «Покоритель Бурь», где он?

Оборванец повернулся к морю лицом и указал на большое судно, пришвартованное в дальнем конце гавани.

— Когда он уходит?

— Завтра с рассветом, если будет на то воля богов.

— Держи.

Конан кинул оборванцу серебряную монету. Тот округлил глаза, не веря привалившему счастью, и ослабил в широкой улыбке редкие, через один, зубы.

— А теперь проваливай, — приказал киммериец, предупреждая о том, что дальнейшие услуги не требуются.

Оборванец сгинул, как будто и не было его вовсе, и путники зашагали вдоль линии пирсов к «Покорителю Бурь». С капитаном судна дело сладили быстро; вид кошелька с золотом побудил почтенного морехода осведомиться, не желают ли господа, чтобы он освободил им свою каюту. Получив отказ, он рассыпался в любезностях и заверил, что плаванье будет спокойным: корабль выдержит любую бурю, а солдат на нем столько, что пираты всего лишь мелкая досадная помеха, которая может быть встретится, а может быть и нет. Было сговорено, что пассажиры явятся на борт ближе к вечеру, чтобы утром, с первыми лучами солнца, судно покинуло гавань и без помех ушло в плавание.

У Конана зазвенело в ушах от многословия капитана, поэтому он с большим облегчением вновь нырнул в сутолоку порта. Зольдо безмолвной тенью следовал за ним. Киммериец поймал за полу одежду еще одного

оборванца, опивающегося в гавани, и выяснил, где находится ближайшая харчевня с постоянным двором.

Зольдо внезапно отстал и принялся вертеть головой, что-то высматривая.

— Эй, чего ты там застрял? — окликнул его киммериец, выяснив все, что ему нужно было.

Бессмертный догнал варвара, и они направились к лестнице, ведущей из гавани в город.

— Я голоден, и горло у меня пересохло от жажды, — заявил киммериец. — Тебе-то, нежители, еда не нужна.

Харчевня оказалась недалеко, какие-нибудь полквартала от порта. Она была маленькой, всего на четыре стола, и явно не предназначалась для посетителей такого ранга, какими в глазах хозяина были киммериец и бессмертный. Поэтому он быстро освободил один стол от завсегдатаев и с низкими поклонами усадил за него вновь прибывших. Расторопная служанка мгновенно притащила блюдо с жареным мясом, свежие лепешки, хлеб и два кувшина вина.

Конан первым делом подхватил один кувшин и единым махом вылил его содержимое себе в глотку. Пустую посудину он бросил остолебеневшей девице и распорядился:

— Принеси-ка еще, милашка.

После этого он вытащил нож и отдал должное еде. Зольдо пил вино маленькими глотками и съел немного мяса с хлебом, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Хозяин, подождав, пока гости утолят первый голод, подошел и осведомился, не нужно ли чего еще.

— Комнаты есть? — спросил киммериец.

— Наверху.

Хозяин радостно потер руки, предвкушая поживу, но тут же к своему огорчению узнал, что комната нужна только до вечера. Тем не менее, Конан заплатил с королевской щедростью. Потом, прикончив второй кувшин, он послал служанку за третьим.

Остальные посетители харчевни притихли за своими столами, искоса рассматривая Зольдо, богатый наряд которого отличал бессмертного от этих голодранцев, как выделяется золотой самородок в сером речном песке. Зольдо лениво ковырял кусок мяса и был похож на

нобиля, невесть зачем забредшего в портовые трущобы. Завсегдатаи харчевни не были благородны ни видом, ни нравом, но мечи, висевшие на поясах непривычных посетителей, и их доспехи сразу охлаждали горячие головы. Покрытое шрамами лицо великана-северянина говорило о том, что клинок в его руках чувствовал себя привычно и уверенно. Что до его спутника в богатой одежде, то каждый, кто заглянул в его странные желтые глаза, ощущал, как по спине у него пробегает морозная волна озноба.

Бессмертный оставил в покое свой кусок мяса, вытер нож и вложил оружие в ножны.

— Конан, за нами следят, — спокойно произнес он.

Киммериец обвел взглядом харчевню.

— Эти? — он хмыкнул.

— Нет. За нами начали следить еще в гавани.

Киммериец положил кусок мяса на блюдо и отхлебнул вина.

— Тебе не померещилось?

— Нет, — сказал Зольдо.

* * *

Стигиец Сеннух, по прозвищу Гиена, не поверил своим ушам, когда услышал знакомый рык, советующий портовому отребью отвалить и не путаться под ногами. Только одному человеку во всей вселенной мог принадлежать этот могучий голос, и к этому человеку у стигийца был давний неоплаченный счет. Сеннух, прячась за спины, осторожно подкрался поближе. Едва взглянув на обладателя мощной глотки, стигиец понял, что не ошибся — это был он, Конан, варвар из Киммерии, а также Амра, предводитель черных пиратов. Сеннух-Гиена осторожно протолкался назад и укрылся за рядом бочек, дожидавшихся своей очереди на погрузку. Забившись меж ними словно крыса, он продолжил наблюдение.

В то время, когда имя Амры заставляло трепетать купцов из Аргоса, Зингары, Шема и Стигии, Сеннух был торговцем, человеком состоятельным и уважаемым. Правда, основу его богатства составляла перепродажа награбленного пиратами, но об этом мало кто знал, а те, кто ведал, сами были такими же гиенами и шакалами, пи-

тающимися крохами со стола льва. За свою неразборчивость в средствах, за жадность и трусость Сеннух и получил свое прозвище, опять же данное ему киммерийцем. Оно прилипло к стигийцу и стало чем-то вроде клейма или второго имени, которое быстро начало вытеснять данное при рождении. Гордость Сеннуха была уязвлена, но он терпел. Когда же варвара стала тяготить чрезмерная жадность скупщика награбленного, киммериец сошелся с менее прижимистыми партнерами, и поток дорогих тканей и редких безделушек начал иссякать, а через малое время прекратился совсем. Варвар не держал в секрете, что побудило его разорвать все сделки со стигийцем, в результате Сеннух остался без клиентов. Скупщику пришлось довольствоваться добычей мелкого воря, которому некуда было деться и приходилось идти на поклон Гиене; от бывшего богатства за считанные месяцы осталось всего-то ничего.

Наконец стигиец попытался заняться другим промыслом и ничего не смог придумать лучше, как снарядить несколько кораблей с товаром. Амра, проведая о том через своих осведомителей, пустил корабли стигийца ко дну, а товар, снятый с них, перепродал в том же городе. Скупщик мало того, что был разорен, но еще и стал посмешищем. Стигиец поклялся отомстить — тем более, что от прежнего компаньона к нему появился посланец, который передал совет убраться куда подальше и не портить воздух в Асгалуне своим гнилым дыханием.

Ненависть Сеннуха потопила остатки разума. За голову Амры была назначена немалая награда, но только сумасшедший мог бы попытаться заработать деньги таким способом. Стигиец, однако, решил рискнуть, убив двух зайцев сразу: избавиться от Конана и поправить свои дела, получив обещанную награду — да и не только ее. Скупщик явился к асгалунскому наместнику и сказал, что знает, как поймать пирата. Наместник, важный вельможа из благородных шемитов, имевший постоянный доход с добычи морских разбойников, а потому предпочитавший смотреть на многое сквозь пальцы, решил ради забавы выслушать безумца, пришедшего во дворец а потом упрятать его в тюрьму — ради собственного же спокойствия.

Однако план Сеннуха затронул ту струну в душе наместника, которая была у них общей — алчность.

Хитроумный стигиец предложил бросить в тюрьму верного человека Конана, главного из его наводчиков — да и всех остальных в придачу; скупщик знал их поименно. Амра непременно заявится, чтобы отомстить, и тогда нужно лишь солдат побольше, и дело будет сделано. Себя же самого стигиец предлагал в качестве приманки. Но не это убедило наместника, а другое: казнь всех скупщиков награбленного с конфискацией их имущества в пользу казны, сиречь самого наместника. После того как варвар будет схвачен и доставлен в столицу для публичной казни, он, Сеннух, приберет всю скупку к своим рукам, — пиратам все равно некуда будет деваться. Тогда стигиец выставит свои условия, и они, само собой, согласятся. Семьдесят процентов от торговли скупщик предложил наместнику, себе оставив скромных тридцать — как посреднику его светлости, который, естественно, останется в тени. Эти перспективы сделали свое дело, вскружив наместнику голову, и он дал согласие.

Злая судьба, однако, продолжала преследовать стигийца — злая судьба в лице варвара из Киммерии. Конан узнал о готовящемся предательстве раньше, чем его человек оказался в тюрьме. Ответ Амры последовал незамедлительно: однажды утром асгалунский наместник обнаружил в своей спальне мешок с отрезанными головами стражей, оберегавших его покой. Затем к нему явился начальник Тайной Канцелярии со срочным докладом — ему прислали головы всех шпионов, которых он с усердием, достойным похвалы, пытался внедрить в среду пиратов. К мешку, найденному в спальне наместника, было приколото письмо, содержания которого Сеннух никогда не узнал. Утром за ним явились солдаты и повели в узилище — наместник решил не испытывать судьбу и оставить все, как есть. Стигиец только чудом сбежал по дороге, подкупив стражей. Несколько дней он прятался в выгребной яме и покинул город в бочке золотаря, заполненной смердящим содержимым. Вырвавшись на свободу, стигиец долго отсиживался в окрестностях Асгалуна, таился на самом дне, опасаясь мести грозного Амры. Лишь когда Конан покинул своих чернокожих головорезов, канув

в неизвестность, а в Асгалуне сменился наместник, Сеннух осмелился вылезти из своей норы и потихоньку, с оглядкой, занялся прежним ремеслом. По иронии судьбы кто-то снова окрестил стигийца Гиеной; нелестная кличка снова вернулась к нему и прилипла намертво. Каждый раз, невзначай услышав ее, Сеннух вспоминал Конана, и лютая злоба начинала клекотать у него в душе.

И вот теперь, много лет спустя, Сеннух-Гиена снова видел перед собой источник всех бед и несчастий, свалившихся на его шею. Рядом с киммерийским варваром ошивался какой-то незнакомец, по виду из знати — это не удивило стигийца: от северянина всегда можно было ожидать чего угодно. Сеннух проследил за варваром и его спутником до самых дверей харчевни; старая жажда мести вновь вспыхнула жгучим пламенем. Стигиец не слышал, о чем толковал Амра с портовым оборванцем, но поход его врага на палубу «Покорителя Бурь» помог понять Сеннуху дальнейший ход событий. Стигиец знал, что корабль покидает гавань на рассвете; следовательно, у него осталось мало времени, если Амра собирается улизнуть из Асгалуна на этом судне.

Сеннух задумался. Что, если сообщить о госте городским властям? Голова Амры по-прежнему в цене, хотя прошло немало лет — такие преступления властями не забываются. Но он тут же отменил мысль о доносе. Хватит, уже один раз донес! Чем это кончилось, он помнил слишком хорошо. Оставалась только одна возможность отомстить, и ее упускать не следовало. Приняв решение, Сеннух немедленно приступил к делу.

Во всяком городе есть такие закоулки, куда человек, мянущий себя порядочным, не заглядывает никогда на свете — по крайней мере, пока обстоятельства не заставят его это сделать. Как всякий мерзавец, Сеннух не считал себя таковым, но других, как и водится, полагал мерзавцами и выродками. Больше всего на свете стигиец трясся за свою шкуру, а сейчас он направлялся туда, где ей грозила наибольшая опасность. Но жажда мести не оставила его и перед этим.

В грязной харчевне на задворках гавани имел постоянное пристанище некто, чья слава в Асгалуне не уступала славе самых темных демонов преисподней. Имени его не

знал никто, и был он известен как Бесноватый Упырь, его так и в глаза звали. Похожий более на животное, чем на человека, не знал он другой забавы, как убивать; даже золото для него имело меньшую цену, чем вид и запах свежeproлитой крови, от которого впадал Упырь в неистовство. Появившись в Асгалуне неведомо откуда, он быстро приобрел известность самого жестокого наемного убийцы — одного упоминания о Бесноватом было достаточно для того, чтобы устроить любого. Жертвы свои Упырь преследовал до конца, и умирали они в страшных мучениях. Вокруг него собралась шайка молодчиков, способных зарезать мать родную из-за медного гроша; боялись они своего атамана и слушались беспрекословно. Несколько раз кто-то нанимал людей, чтобы отправить Бесноватого на Серые Равнины, но безрезультатно: истерзанные трупы наемников потом по частям собирали на улицах города.

Сеннух протиснулся в низенькую дверь харчевни. Она даже не имела названия, да и нужды в нем не было — давно уже люди обходили этот притон стороной. Раньше времени состарившийся владеец его довольствовался тем, что перепало ему от Бесноватого. Сеннух, прищурившись, попытался разглядеть что-то в полутемном помещении; Упырь любил темноту. Вдруг цепкая рука ухватила скупщика за ворот и сильно толкнула с порога; не удержавшись на ногах, он повалился на пол и уткнулся носом в валявшиеся на утопанной глине объедки. Встать стигийцу не дали; его подхватили и поставили на колени, сунув под нос горящую лампу — да так, что он слышал, как трещат в огне его ресницы.

— А-а, Гиена, — протянул сумрачный голос.

Лампу убрали. Сеннух несколько раз зажмурился и наконец разглядел перед собой человека. Грязные нечесанные волосы свисали на низкий лоб, лицо его заросло столь же грязной бородой до самых глаз, тусклых и невыразительных. Стигиец понял, что перед ним сам Бесноватый Упырь.

— Что тебе надо, Гиена? — спросил Упырь.

— Откуда ты меня знаешь? — испуганно выдавил Сеннух и загнулся.

— Называй меня Упырем, Гиена, не бойся, — ласково сказал Бесноватый. — Мне это нравится. Знать тебя — знаю, а откуда — не твое дело, падаль. Говори, зачем пришел.

Стигийца трясло, поэтому слушал он невнимательно, а только выпалил заранее приготовленную фразу:

— У меня к тебе дело.

— Дело? — удивился Бесноватый. — Какое? Я не ворую, мне нечего предложить тебе.

Стигиец яростно замотал головой, отрицая подобное предположение, и выдохнул:

— Мне нужна голова одного человека.

Упырь оскалил в подобии улыбки кривые желтые зубы.

— Ну-ну... И сколько заплатишь?

— По десять золотых на каждого.

В тусклых глазах Упыря что-то промелькнуло.

— Ты же говорил об одной голове? Или я не расслышал?

— Их двое, — объяснил стигиец, — но мне нужна одна голова.

Бесноватый покивал понимающе и поинтересовался:

— Ты сказал — по десять золотых? За каждого из них, или на каждого из нас?

— На каждого из вас, — простонал Сеннух.

— Тяжело дались тебе эти слова, Гиена, — в тоне Упыря появилось нечто вроде сочувствия, за которым сквозило неприкрытое злорадство. — Ну, так и быть, послезавтра получишь свою голову. Говори, кто и где, а если вдруг не знаешь имен, то опиши наружность и, если что, не обессудь за ошибку.

— Не послезавтра, сегодня, — сказал стигиец.

В тусклых глазах появилось откровенное изумление.

— Значит, срочный заказ? Это будет стоить в два раза дороже.

Упырь назвал сумасшедшую цену — она и поначалу была совершенно безумной, но злоба лишила стигийца здравого смысла.

— Согласен, — сказал он.

Бесноватый наклонился к нему, и Сеннух почувствовал, как железные пальцы впились ему в горло.

— Нас восемь. Ты платишь сто шестьдесят золотых за одну голову?

— Да, — просипел стигиец.

Упырь дал ему глотнуть воздуха, а затем снова сжал пальцы.

— Кого ты пасешь, Гиена? Говори!

— Двое чужестранцев... Харчевня «Голубая Устрица»... Утром отплывают на «Покорителе Бурь»... — забулькал Сеннух, давась набежавшей в рот слюной.

— Дальше.

— Один северянин... другой желтоглазый... голову северянина...

Сеннух прекратил биться и покорно ждал, пока Бесноватому надоест над ним измываться, но тот и не думал прекращать.

— Ты знаешь его имя? Говори!

Только сейчас в мозг стигийца вкралось некое смутное подозрение, а в чертах Упыря промелькнуло что-то знакомое. Но было поздно в чем-либо раскаиваться.

— Ты знаешь его имя, — повторил Бесноватый.

Он сдавил горло стигийца и держал так, пока глаза у того от удушья не вылезли из орбит. Потом он ослабил хватку и потрянул скупщика, как тряпичную куклу.

— Говори!

— Конан из Киммерии, — пролепетал полузадушенный стигиец.

— Амра?!

— Да.

— Повтори.

Стигиец не отвечал.

— Эй, принесите еще лампу, — рявкнул Упырь, — и воды, плеснуть ему на башку.

На стигийца вылили кувшин воды. Он не пошевелился. Молодчик отставил посудину и склонился над телом.

— Упырь, а он того... сдох! — сказал он, распрямляясь.

Бесноватый почесал пятерней затылок и радостно заржал.

— Значит, узнал-таки меня!

Молодчик со злобой пнул неподвижное тело.

— Плакали наши денежки...

— Заткнись! — рявкнул Упырь. — Не то, клянусь Сетом, отправишься вслед за ним и там потребуешь у него должок!

Молодчик сразу скис.

— Ты и ты, — Упырь ткнул пальцем, — ноги в руки, и к «Голубой Устрице». Узнать о двух чужестранцах. Если они еще там — один следит, а второй — сюда. Ясно.

Двое бандитов поспешно скрылись в дверях.

* * *

Конан и Зольдо поднялись в комнату, затем киммериец тщательно запер дверь на засов.

— Ты видел того, кто следил за нами? — спросил он.

— Да. Похож на стигийца, но одет, как местный.

— Проклятье! Только этого не хватало! Если здесь кто-нибудь вспомнил Конана из Киммерии, то нам будет трудновато выбраться.

Зольдо промолчал.

Киммериец направился к кровати, которая стояла посреди комнаты, и улегся на нее. Ложе под ним жалобно заскрипело.

— Кром, — сказал Конан спустя недолгое время и поднялся на ноги. — Ладно. Уходим.

В дверь тихо-тихо постучали.

Он глазами показал бессмертному, чтобы тот занял место у стены. Обнажив меч, Конан подкрался к двери на цыпочках и отодвинул засов, а сам быстро отступил. Дверь немного приоткрылась, и в щель просунулась кудрявая головка давешней служанки. Увидев отточенное лезвие, она округлила глаза и ойкнула. Зольдо рывком втянул девушку в комнату и зажал ей рот.

— Тсс... — прошипел киммериец, приложив палец к губам. — Тихо, девочка. Тебе нечего опасаться.

Служанка быстро закивала, и он дал знак отпустить ее.

— Что тебе надо?

Служанка стрельнула в киммерийца влажными глазенками и зашептала:

— Уходите отсюда, господия мой. Вас ищут.

— Кто?

— Люди Бесноватого Упыря.

— Кого? — переспросил Конан, подняв бровь.

Девушка передернула плечами и со страхом оглянулась.

— Есть здесь такой. Убивает за деньги. Мучает и убивает. — Она оглянулась еще раз. — Хозяин не знает, что я пришла к вам. Я побегу? А то он хватится.

— Спасибо, девочка, — сказал киммериец, — и не беспокойся. Главное, чтобы никто не узнал, что ты нас предупредила.

— Не узнают.

Служанка бесшумно выскользнула из комнаты. Зольдо запер за ней. Киммериец вложил меч в ножны и потянулся так, что хрустнули кости.

— Зачем запер? — сказал Конан. — Попшли.

— Куда? — спросил Зольдо.

— Охотиться на Упыря, — объяснил киммериец. — Или ты остаешься?

— Я иду с тобой, — бессмертный кивнул.

Они спустились по лестнице в зал харчевни. Служанка, завидев Конана, едва заметным знаком показала на ближний от входа угол, где в одиночестве потягивал вино мрачного вида парень. На поясе у него болталась кривая сабля. Он занял место в углу так, чтобы держать выход из харчевни в поле зрения; зал его не интересовал.

— Пойдем присядем, — предложил киммериец.

Они уселись за свободный стол.

— Эй, милашка, — позвал Конан служанку, — принеси-ка вина.

Когда девушка прибежала с полным кувшином, он игриво обнял ее за талию и усадил на колени. Со стороны казалось, что киммериец заигрывает со служанкой; широко улыбаясь, он что-то шептал ей на ушко. На самом же деле Конан шепотом спросил девушку:

— Он один?

Служанка сразу поняла задумку киммерийца. Притворно отбиваясь и хохоча, она прошептала:

— Второй ушел. Только что.

Конан отпустил девушку, напоследок хлопнув ее по задку. Неожиданно она развернулась и залепила Конану в ответ звонкую пощечину. Киммериец опешил, а девушка, смутившись, убежала на кухню, провожаемая хохотом.

Киммериец потер щеку и расхохотался сам. Оплеуха была очень кстати — теперь девочку вряд ли кто-нибудь заподозрит.

Зольдо наблюдал за ним, и на губах бессмертного блуждала непонятная улыбка. Конан свирепо посмотрел на него, потом снова усмехнулся и негромко произнес:

— Он один. Выходим и скрываемся. Потеряв нас, он побежит к своему Упырю, а мы последуем за ним.

Зольдо бросил на стол монету, затем они поднялись из-за стола и пошли к выходу. Парень с саблей скосил на них глаза и опять уставился сквозь дверной проем на улицу.

Они вышли из харчевни.

Молодчик жестом подозвал к себе хозяина.

— Ты говорил, что они будут здесь до вечера, — прошипел он, брызгая слюной.

Побледневший трактирщик развел руками.

— Они мне так сказали, — умоляюще произнес он. — Я не знаю, почему они ушли.

— Ладно, Упырь с тобой сам разберется, попозже, — пообещал молодчик и поспешил из харчевни.

Он рассчитывал, что варвар и его спутник не уйдут далеко, но, выбежав на улицу, и следа их не обнаружил. Молодчик заметался, не зная, что ему предпринять. В конце концов, как и рассчитывал Конан, он решил отправиться к Упырю и свалить всю вину на владельца харчевни, дабы отвести от себя гнев Бесноватого. Молодчик кинулся по улице сломя голову. Тогда два человека прыгнули с плоской крыши маленькой пристройки рядом с харчевней и последовали за ним.

Бандит несся, как угорелый, даже не думая оборачиваться, так что не упустить его из виду не составляло большого труда. Киммериец и бессмертный следовали за ним по пятам. Улицы становились все уже и грязнее, дома — обшарпанней; в этих портовых кварталах витал запах нищеты, сдобренный вонью протухшей рыбы и нечистот. Наконец бандит резко затормозил перед низенькой, ничем не примечательной лачугой. Преследователи мигом нырнули за ближайший угол и прижались к стене.

Молодчик потоптался на месте, толкнул хлипкую дверь и, согнувшись в три погибели, скрылся в доме.

— Пришли, — пробормотал киммериец.

Он покинул импровизированное укрытие и побежал к дому; за его спиной слышался топот сапог бессмертного. Киммериец собрался уже толкнуть дверь, но вдруг пальцы Зольдо перехватили его запястье. Плоть бессмертного была холодна, как льды Асгарда. Конан, ошеломленный его поведением, резко повернул голову.

— Дозволь мне войти первым, — шепотом произнес Зольдо, предупреждая возглас спутника.

Киммериец гневно отмахнулся от него, но тут последовало то, чего он никак не мог ожидать: бессмертный подставил варвару подножку, затем резким толчком швырнул на землю. Конан рухнул в пыль, сбитый с ног предательским приемом. Падая, он извернулся в воздухе, как кошка, и приземлился на четвереньки, готовый к дальнейшим неожиданностям, но бессмертного уже и след простыл, только дверь со стуком затворилась за его спиной. Конан с проклятьем вскочил на ноги и ринулся следом.

За дверью его встретили лязг оружия и тьма, едва рассеиваемая огоньком одинокой лампы. Конан застыл на пороге, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте; похоже, его появление осталось незамеченным. В центре небольшой комнаты с низким потолком копошилась темная масса, с грохотом падала мебель, звон стали непрерывной нотой висел в воздухе. Кто-то истошно заверещал, визг быстро перешел в захлебывающийся крик, и от темной массы отвалился ком, в котором можно было разглядеть фигуру человека, схватившегося обеими руками за грудь. Раненый сделал несколько неверных шагов и наткнулся на стену.словно комок рухляди, сорвавшейся с гвоздя, он сполз вниз и опустился на пол, судорожно держа ногами. Вскоре Конан разглядел еще двоих, без движения валившихся под ногами сражавшихся.

— Ублюдок! — рявкнул он в темноту. Ругательство адресовалось бессмертному, но в то же время он хотел отвлечь на себя внимание нападающих.

Окрик подействовал, как ведро воды, вылитое на сцепившихся в драке котов — масса в центре комнаты распалась на отдельные фигуры. В середине круга стоял Зольдо с мечом и кинжалом; опешившие бандиты замерли, стараясь сообразить, что к чему. Соображали они недолго, но за это время Конан успел их сосчитать — десяток крепких парней самого разбойного вида. Через мгновение схватка возобновилась: трое с широкими кривыми саблями бросились к киммерийцу, остальные вновь накиннулись на бессмертного.

Меч варвара со свистящим шелестом вылетел из ножен. Конан не стал ждать, пока враги приблизятся, и сам прыгнул навстречу. Два клинка, прямой и изогнутый, столкнулись, высекая искры; сабля птицой вылетела из руки бандита и вонзилась в потолок с вибрирующим стоном. Киммериец ударом ноги отшвырнул противника к стене. Двое других отпрыгнули, чтобы напасть с двух сторон одновременно. Конан, не дожидаясь, пока они приведут свой план в исполнение, ринулся вперед — так, чтобы оказаться поближе к одному из противников. Бандиты разгадали маневр варвара, но слишком поздно.

Первая жертва покатилась по полу с распоротым животом, сжимая окровавленными пальцами рану; Конан же развернулся на месте и, как змея, скользнул к следующему. Тот начал вращать саблей в воздухе, рассчитывая, что не даст врагу приблизиться. Но Конан не интересовался фехтовальным искусством бандита; его меч с ужающей силой рухнул на саблю противника. Удар был таков, что бандита развернуло к киммерийцу спиной — и тут же острие меча Конана врезалось в тело врага и прошло по спине наискось от плеча до поясницы, перерубив позвоночник. Мертвый бандит еще не упал, а варвар уже был готов к продолжению боя.

Враг, которого он обезоружил и оглушил ударом ноги в самом начале схватки, пришел в себя. Увидев, что киммериец стоит к нему спиной, он вскочил на ноги и изо всех сил помчался к своему оружию, которое засело в балке низкого потолка. Острие сабли ушло в дерево совсем неглубоко, и рукоять оружия подрагивала, отсылаясь на топот множества ног, падения мертвых и стол-

кновения живых. Бандит ухватил саблю, выдернул ее и обрушил удар на киммерийца. Вернее, так ему показалось — глаза его расширились от изумления, когда он заметил, что у него больше нет руки, а только короткая культя, из которой хлещет кровь. Больше он не увидел ничего: варвар был стремителен — первый удар мечом перерубил руку бандита в плече, вторым ударом Конан развалил его надвое. Рука врага так и осталась висеть: пальцы мертвой хваткой вцепились в рукоятку сабли.

Конан отвернулся от мертвеца и опустил оружие. Комната казалась пустой. Дрожащий огонек лампы скудно освещал перевернутые столы и скамьи, а также трупы, вповалку лежавшие меж ними. Бессмертного в комнате не было, но до слуха киммерийца донесся отдаленный шум. Приглядевшись, он заметил в дальней стене еще одну дверь; шум слышался оттуда. Конан быстро пересчитал мертвецов — их было восемь. В живых еще двое, подумал киммериец и поспешил на шум. Звон металла в темном углу комнаты изменил его первоначальные намерения: кто-то затаился в темноте, пережидая. Видно, надеялся улизнуть, оставшись незамеченным.

Конан замер, потом повернулся лицом к углу и приказал:

— Выходи!

Тускло блеснув металлом, вылетел кинжал; следом за ним выскочил человек и бросился к двери, ведущей на улицу. Но киммериец был начеку. Кинжал он на лету отбил клинком, а затем перехватил меч в руке и собрался метнуть его, как копьё, в спину бандиту. Он не успел сделать это: короткий свист разорвал тишину, и бандит кубарем покатился по полу. Он упал лицом вниз, раскинув руки, и застыл неподвижно; в затылке у него торчала короткая палочка.

Бессмертный стоял в черном прямоугольнике внутренней двери.

— А, это ты, — проворчал киммериец.

Зольдо наклонился, подхватил что-то и направился к Конану. Это что-то было бесчувственным телом, которое он волок за шиворот. Он протащил ношу на середину комнаты и бросил ее к ногам киммерийца.

— Это Упырь, — сказал он. — Живой.

Зольдо пинком перевернул тело на спину.

— Принеси лампу, а то темно, хоть глаз выколи, — буркнул Конан. Бессмертный молча отошел. Вернувшись с лампой в руке, он подхватил перевернутый табурет и водрузил лампу на него. Рыжий огненный язычок поплясал немного и успокоился, вновь протянулся острием к закопченному потолку. Белки закатившихся глаз Упыря слабо заблестели, отражая неровный свет. Бесноватый не приходил в сознание.

— Крепко ты его, — заметил Конан и поинтересовался: — Вода здесь есть?

Зольдо пожал плечами.

— Не знаю.

— Дай-ка лампу, — киммериец протянул ладонь.

Бессмертный снял светильник со стула и подал Конану; тот поднес огонек к заросшему волосом лицу Бесноватого Упыря.

— Ну и ну, — вдруг вырвалось у него.

Киммериец отставил лампу, вложил в ножны меч, который до сих пор держал в руке, и вынул кинжал. Его острием он ткнул под ребра распростертое перед ним тело. Упырь тихо застонал.

— Давай, очухивайся побыстрее, — пробормотал Конан и ткнул сильнее.

Бесноватый глубоко вздохнул и медленно опустил веки.

Когда он пришел в себя от боли, то сразу сообразил, что к чему, и понял, что бежать ему не удастся: железные пальцы варвара крепко держали его за горло. Упырь вспомнил Сеннуха-Гиену и скривился.

— Ну, здравствуй, Рамес, — услышал он знакомый ненавистный голос и открыл глаза.

Лицо варвара с холодными синими глазами нависло над ним. Новые шрамы появились на нем, но не узнать Конана было невозможно. Упырь скосился и увидел второго. Желтоглазый смотрел на него словно на таракана — перед тем, как прихлопнуть насекомое ладонью. Из горла Бесноватого вырвалось хриплое проклятье.

— Ну, я вижу, ты уже в полном порядке, — насмешливо прогудел киммериец и встряхнул Бесноватого так,

что у того лязгнули зубы. — А теперь говори, скотина, кто тебя подослал?

Упырь, которого Конан назвал Рамесом, ощерился, с ненавистью глядя на варвара.

— Сеннух-Гиена, — процедил он сквозь зубы.

— Сеннух?! — удивился Конан. Память киммерийца годы не замутили: жадюгу-скупщика, который к тому же был предателем, он вспомнил сразу — как вспомнил и то, что сам разорил его; по мнению Конана, это было самым легким наказанием для Гиены. — Так он до сих пор не подох?

— Подох. Сегодня, — проскрежетал Рамес-Упырь.

Конан хмыкнул.

— Значит, сегодня... А кто ему угрожал — уж не ты ли?

— Я.

— Ну, спасибо, — развеселился киммериец. — А вот заплатил ли он тебе?

— Проклятый варвар! — заорал Упырь, брызгая пеной, выступившей у него в уголках губ. — Чего ты медлишь? Убей меня!

— Да ты что? — усмехнулся Конан. — Мы так давно не виделись, вонючий ублюдок, хотелось бы потолковать... Значит, решил сам со мной расквитаться?

— Я не решил, — просипел Упырь. — Я...

Он с силой дернулся, и вдруг лицо его застыло в изумлении, а в виске выросла рукоять стилета. Тело Бесноватого обмякло, и голова упала, глухо стукнувшись о пол.

Киммериец разжал сведенные на глотке бандита пальцы и фыркнул, как разъяренный тигр.

— Разве я тебя в телохранители нанял? — ледяным голосом спросил он бессмертного.

Но Зольдо только мигнул желтыми глазами.

— Он что-то достал из одежды, — произнес он бесцветным голосом и указал пальцем на сжатый кулак мертвеца.

Киммериец умолк. Он посмотрел на свой кинжал, спрятал его в ножны и оглянулся. За спиной у него валялся труп бандита; рядом с ним лежала сабля. Конан

поднял оружие и, просунув конец лезвия между стиснутых пальцев мертвеца, заставил кулак раскрыться. На ладони покойного Упыря темнел странный порошок.

— Черный лотос, — проговорил киммериец. — Ладно, беру свои слова назад!

— Ты знал его? — спросил Зольдо.

— Знал, — кивнул Конан, отходя от трупа. — Тоже стигиец, как и Гиена. Жрец-расстрига! Бежал сначала из своего гнилого храма, а после — из Стигии. Прибился к пиратам, но как был жрецом, так им и остался. Сколько козла не мой, он все равно воняет, — закончил он.

Зольдо наклонился над трупом Бесноватого.

— Лотос! — предупреждая его, воскликнул киммериец.

— Мне он не страшен, — сказал Зольдо.

Он выдернул из виска покойного свой стилет, вытер узкое лезвие о его грудь и спрятал нож за пояс.

Они пошли к выходу. Зольдо нагнулся к трупу, лежащему перед дверью, и вытащил второй стилет у него из затылка.

Неожиданный шум позади привлек их внимание; они насторожились. В проеме внутренней двери появился отсвет пламени, а вслед за ним возникла сгорбленная донельзя человеческая фигура с лампой в дрожащей руке. Свет вырвал из потемок морщинистое лицо — старик оглядывал мертвецов. Обнаружив тело Бесноватого, он что-то залопотал, а вслед за этим плюнул на покойника. Но, совершая свою старческую месть, он слишком сильно наклонился или, может быть, задел руку, в которой был смертоносный порошок — старик повалился на своего врага. Лампа выпала и покатилась, разбрызгивая горящее масло.

Оказавшись на улице, Конан прищурился на солнце.

— Время еще есть, — сообщил он. — Вернемся в харчевню, а то у меня в глотке пересохло.

И зашагал к гавани. Зольдо беспрекословно последовал за ним.

В харчевне «Голубая Жемчужница» Конан с порога зычным голосом потребовал вина. Служанка, увидев их, раскрыла рот от изумления, а хозяин побелел, как полотно. Киммериец уселся за стол, с удовольствием вытянув ноги; лишь сейчас он заметил, что на плечах бессмертного нет плаща.

— Где твой плащ? — спросил он.

— Остался там, — ответил Зольдо. — Зачем мне дырявый плащ?

— А-а...

И Конан перенес свое внимание на служанку, которая приближалась с объемистым кувшином. Она со стуком поставила посудину на стол и, сделав страшные глаза, прошептала:

— Почему вы вернулись?

Киммериец поймал ее за руку и отхлебнул из кувшина.

— Девочка, принеси еще один, — сказала он. — Этот я выпью, пожелав удачи демонам Нергала. Демонам, которые сейчас грузят душу Упыря в самый большой котел преисподней.

Служанка замерла.

— Хозяин послал к Упырю сына — сказать, что вы вернулись, — пролепетала она.

— Передай этому ублюдку, чтоб попридержал язык до вечера, пока мы не уедем, иначе я ему его отрежу. И пусть молится богам, чтобы я не отрезал его вместе с головой, — тряхнув косматой гривой волос, киммериец отыскал взглядом хозяина харчевни. Тот, поймав брошенный взгляд, аж посинел. Конан чуть подтолкнул девушку: — Ну, иди!

Она убежала, и, схватив хозяина за руку, утащила его на кухню. Больше на глаза киммерийцу он не показывался, а служанка, кроме вина, принесла еще и блюдо с мясом. Конан потянул носом и причмокнул губами. На кувшине, замшелом от старости, красовалась печать на воске, которым была залита горловина. Зольдо ударом кинжала отбил горлышко кувшина, понюхал содержимое и протянул кувшин Конану. Киммериец снял пробу.

— Ого! — весело сказал он.

Служанка стояла рядом и ждала, теребя фартук дрожащими пальцами.

— Что еще? — спросил Конан.

Девушка потупилась.

— Не держи на него зла, воин... Упыря все боялись, — сказала она.

Киммериец махнул рукой, и девушка, просияв, убежала на кухню. Конан посмотрел на Зольдо, который не спеша потягивал вино из кружки: брови киммерийца соплились на переносице.

— Зольдо, ты мне спас жизнь, — сказал он.

Бессмертный в знак согласия медленно наклонил голову.

— От ножа ты бы ушел, а от черного лотоса вряд ли, — бесстрастно подтвердил он и, помолчав, добавил: — Сделай для меня обратное — и мы будем квиты.

Глава 9. ПОКА КОРАБЛЬ ПЛЫЛ.

Ты еще на свет не родился, когда я был убит, — сказал Зольдо. Он вытянул руки вперед, глядяваясь в свои ладони. — Мертвая плоть не стареет... Меня убили, когда мне было тридцать лет. И убил тот, кому я доверял как себе самому.

Бессмертный замолчал, а потом тихо произнес:

— Нет в моей смерти чести для воина, и не хочу я о ней говорить.

В раскрытое окно каюты врывается соленый морской ветер, трепал и ерошил светлые волосы Зольдо. Конан точил меч и слушал его рассказ.

— Когда мой брат вернул меня с Серых Равнин, я пришел к своему убийце. Он думал, что я чудом остался жив, и взял меч, чтобы биться со мной. Я позволил ему выбить у меня из рук оружие. С криком радости он вонзил клинок мне в сердце, так что лезвие вышло из спины. Я стоял, пронзенный мечом насквозь, и хохотал. Он посидел от страха у меня на глазах, а потом я разорвал его в клочья голыми руками. На крики сбежались стражи, но, увидев меня с мечом в груди, они бросили оружие и пустились улепетывать в разные стороны. Я ушел и больше никогда не возвращался туда, где я родился. Я долго был у брата и все время умолял его вернуть меня на Серые Равнины, но он и слышать об этом не хотел. Тогда я ушел. Он отпустил меня, предрекая мне возвращение. Однако этого не случилось.

— А что произошло с твоим братом? — задал вопрос Конан.

Зольдо улыбнулся.

— Спроси о том у своего меча, киммериец.

— Что?!

Конан изумился. Он озадаченно потер шею кулаком с зажатым в нем точильным бруском.

— Это когда же?

— Вспомни Гулистан; горцы и лохищеная магами вендийская принцесса.

— Ты не похож на вендийца.

— А я и не говорил, что я — вендиец.

— Так кто же ты все-таки?

— Оживший мертвец, который не может умереть сам.

Конан сдул прядь волос, упавшую на глаза, и кивнул.

— Не хочешь говорить — и не надо. А дальше?

— Я ушел. Теперь я не считаю себя воином: скучно убивать тех, кто не может убить тебя, а я искал свою смерть. В конце концов я добрался до Пелиаса. Все остальное ты знаешь с его слов.

— Почему ты сам не отправился за Камнем Мертвых? Или тебя устроили рассказы старого пройдохи-чародея?

— Может быть, я бы и сам пошел за талисманом, но в этом случае смерть моя оказалась бы ужасной. Камень Мертвых не способен без мага разрушить заклинания, связывающие душу с мертвой плотью, но он может уничтожить саму душу, и тогда я никогда не вернусь на Серые Равнины. Об этом мне сказал другой маг, не Пелиас; Пелиас это только подтвердил.

— А потом вы подстроили дело так, чтобы я отправился за талисманом, — мрачно продолжил Конан.

— Пелиас сказал: ты — и никто иной.

— Чтоб его молния поразила, этого старого фокусника! Конан с лязгом вогнал меч в ножны.

— Тебе я не верить не могу, — сказал он. — Знал я в одно время оживленного, вроде тебя — тоже ни о чем, кроме Серых Равнин, думать не мог. Но Пелиас напустил столько туману...

— Я знаю не больше, чем ты.

Киммериец задумался.

— Сдается мне, что нам доведется скрестить мечи друг с другом, а то, что болтал Пелиас о возвращении с талисманом — брехня!

— Не знаю, — сказал бессмертный. — Если так, то я отдам тебе свое оружие.

— Что? — изумился киммериец.

— Я могу убить тебя, — пояснил Зольдо. — А к чему нам это?

Конана такой поворот дела немного озадачил. Он подпер подбородок ладонью и замолк в томительном раздумии.

— Что ж, может статься и так, — наконец произнес киммериец. — Но если ты умрешь, то умрешь с мечом в руках. Я же порешил твоего брата.

— Туда ему и дорога, — тихо обронил Зольдо.

Глава 10. ДЖУНГЛИ

Несколькими сильными ударами своего длинного кинжала Конан перерубил змеевидные стебли лиан, что перегородили путь. Из одного обрубка выплеснулся белый, похожий на молоко, клейкий сок. Киммериец выругался и вытер заляпанное плечо ладонью, но тут же понял всю опрометчивость подобного поступка. Он поднес ладонь к носу и сморщился от отвращения.

— Кром! Да от него несет падалью!

Зольдо обломил у черенков пару листьев, способных служить плащом в дождливую погоду, и протянул их киммерийцу. Тот обтер ладонь, тщательно вытер лезвие кинжала и отбросил скомканную зелень прочь.

— Давай-ка теперь я пойду впереди, — предложил бессмертный.

Конан не успел ответить. Отдаленный гул барабанов смешался с непрерывной трескотней, которую издавали тысячи существ, обитавших в сумеречной зелени джунглей. Грохот прокатился над кронами деревьев, сцепившихся кронами так, что лишь отдельные лучи солнца проникали под эту живую крышу, и затих.

Киммериец и бессмертный переглянулись; кажется, барабаны не сулили им ничего хорошего. С молчаливого согласия спутника Зольдо вышел вперед; теперь он прорубал дорогу в густой переплетенной зелени тропического леса.

Солнце четырнадцать раз поднималось над горизонтом с тех пор, как они переправились через реку Зархебу и углубились в джунгли. Плаванье к Черным Королевствам прошло гладко и спокойно; киммериец изнывал от безделья, слоняясь по палубе от борта к борту. Когда корабль нагнал большую стаю дельфинов и капитан решил между делом поохотиться на морских животных, Конан с превеликим пылом принял участие в этой затее. Его искусство в обращении с гарпуном, который варвар метал с борта судна в лоснящиеся мокрые спины, вызвало восхищение у всей команды. Варвар не знал промаха. Стоя на носу корабля, обнаженный по пояс, он принимал из рук подающего тяжелое древко, на одном конце которого сверкало длинное зазубренное жало гарпуна, а на другом

круглилось металлическое кольцо с привязанным к нему крепким тонким канатом. Прищулив синие глаза, чтобы не мешали блики солнца, пляшущие на воде, он выжидал, когда меж волн покажется черная глянцевая спина с торчащим серповидным плавником. Темные силуэты дельфинов стремительными молниями мелькали в прозрачной светло-зеленой воде. Когда у животного кончался запас воздуха, оно поднималось на поверхность, выпуская фонтан мельчайших брызг, а затем, набрав полные легкие, вновь скрывалось в глубине. Только на мгновение черная спина маячила среди волн, и этого мгновения терпеливо ждал варвар. С гортанным кличем, почти не замахинаясь, он метал гарпун, и, вслед за мощным броском, каждый раз раздавался торжествующий рев матросских глоток. Конану передавали очередной гарпун, потом на палубу вытаскивали жертву, пронзенную почти насквозь.

Вечером матросы пригласили Конана на свое ежевечернее сборище на палубе: испить чашу крепкого винца. Киммериец не чинился; он сидел в круте моряков, пил с ними и слушал морские байки. О чудищах, живущих в глубинах моря и поднимающихся наверх на погибель кораблям; о штормах и тайфунах, о далеких и таинственных землях, лежащих где-то за морями запада, ну и, конечно, о пиратах и схватках с ними, а из пиратов больше всего об Амре, Предводителе Черных, Грозе Океана. Один из матросов, по его словам, видел Амру самлично, когда судно, на котором он плывал в то время, было захвачено и разграблено, а ему только чудом удалось остаться в живых. Был жесток Амра и не знал он пощады! Конану захотелось за столь правдивую историю дать рассказчику по шее, он сдержался, хотя матрос не жалел красок, живописуя деяния грозного пирата. На вопрос, каков был на вид страшный северный варвар, подчинивший себе черных дикарей, в обычаях которых было не щадить инородцев, матрос нахмурил жидкие брови и принялся сосредоточенно скрести щетинистый подбородок. Он побегал глазами по лицам товарищей, с нетерпением ожидавших ответа, и остановил взгляд на киммерийце. Тут матрос хлопнул себя по коленям в избытке чувств и заорал:

— Ну вот как он, как господин Ольгар!

Взгляды матросов устремились на варвара, который этим именем назвал себя своим собутыльником. Конан не почувствовал в этих взглядах для себя никакой опасности — узнанным он быть не боялся.

А матрос тем временем продолжал описание, пользуясь живым примером:

— Только тот был в плечах пошире, да и повыше на голову, а то и поболее будет.

Матросы, как будто впервые увидев перед собой, ощущали взглядами фигуру гиганта-киммерийца с ног до головы и разом выдохнули:

— Да неужто?

Рассказчик принялся клясться всеми богами подряд: и морскими, и сухопутными.

Конан чуть было не расхохотался. Пытаясь хоть как-то скрыть смех, он поднял чашу с вином, пряча в ней лицо. Напиток, увы, попал не в ту глотку — киммериец поперхнулся, и соседи услужливо заколотили кулаками по широкой спине северянина. Разошлись далеко за полночь, но больше участия в ночных посиделках Конан не принимал. Всю дорогу у него чесались руки надрать уши матросу-вралю.

Бессмертный во время плавания почти не покидал каюты; лишь изредка, перед закатом, он проявлялся на палубе и стоял у борта, уперев взгляд в заходящий диск солнца.

Когда борт корабля ударился о камни пристани в последний раз, они покинули судно и, купив верховых животных, двинулись на юг к своей цели, меняя по дороге лошадей и верблюдов. Их появление в безвестной жалкой деревушке на берегу Зархебы было воспринято ее жителями почти как чудо: никогда до сих пор обитателям этого селения не приходилось видеть светлокожих рыцарей в кольчугах с длинными прямыми мечами на боку. Синие глаза киммерийца и желтые — Зольдо привели бесхитростных селян в детский восторг.

Конан с охотой принял гостеприимство дикарей. Жители деревни, узнав, что их гости держат путь в глубь джунглей, ужаснулись и стали отговаривать странников с глазами, похожими на цветные камешки из ручья. Когда же уговоры не возымели действия, чернокожие без лиш-

них слов снарядили лодку и переправили киммерийца и бессмертного на другой берег реки, где и попрощались с ними, горько сетуя об их дальнейшей участи. Конан и его спутник углубились в джунгли. Они оставили своих верблюдов в деревне и шли пешком, потому что так было легче продираться сквозь встретившие их заросли, сплошь и рядом усыпанные колючками. На десятый день путешествия Конан наткнулся на свежее кострище, возле которого валялись обглоданные человеческие кости и черепа, сложенные в кучу. Дикие звери так не поступают со своими жертвами — то были остатки трапезы людоедов.

Зольдо шел впереди. Правая рука бессмертного мерно опускалась и подымалась вновь — он расчищал дорогу. Громкий топот, раздавшийся справа, заставил его приостановиться. Кроме топота слышался треск ломаемых ветвей, словно кто-то напролом несся через лес, не разбирая дороги. Шум быстро приближался.

— Лезь на дерево! — услышал он голос киммерийца.

Зольдо не успел последовать совету. Спутанные ветви рядом с ним с треском раздались, и какая-то темная масса с чудовищной силой ударила бессмертного в бок; он подлетел в воздух, упал, и его снова ударило так, что он кубарем покатился по сырой почве, покрытой гнильем. Теперь Зольдо разобрал хрюканье и разъяренный визг кабана. Боли он не чувствовал, не мог чувствовать, но непрерывно атакующий зверь не давал бессмертному воину ни подняться на ноги, ни обнажить оружия. Перед его глазами мелькала то морда кабана с маленькими налившимися кровью глазками и бледно-желтыми клыками в хлопьях пены, то влажная земля, взрытая копытами взбешенного зверя. Вдруг кабан испустил истошный предсмертный визг, затем Зольдо услышал, как визг перешел в захлебывающееся хрипение. Бессмертный перевернулся на спину и увидел над собой киммерийца с окровавленным мечом в руке.

Когда зверь свалил Зольдо и принялся катать по земле словно бревно, Конан соскользнул с дерева, на которое успел вскарабкаться. Первым его порывом был броситься на помощь спутнику, но потом киммериец решил не спешить, вспомнив, что гибель Зольдо не грозит. В спине зверя торчал обломок копья; видно, это и послужило

причиной яростной атаки кабана — он был ранен. И сейчас, направляя все силы на уничтожение одного противника, зверь совершенно не замечал другого. Памятуя о том, как спокойно Зольдо отнесся во дворце к потере головы, и решив, что несколько кабаньих ударов не принесут бессмертному вреда, Конан извлек из ножен меч и бесшумно подкрался к зверю. Кабан не услышал ни приближения киммерийца, ни резкого свиста меча.

— Как ты? — спросил Конан, сверху вглядываясь в бессмертного.

— Ты не слишком торопился, — заметил Зольдо и сел, тяжело вздохнув. — Этой твари меня не убить.

Бессмертный огляделся и, увидев разрубленную надвое тушу зверя, прищелкнул языком.

Киммериец заботливо очистил лезвие от крови, затем вложил меч в ножны и присел над убитым животным.

— Разведи-ка костер. Коли так случилось, отдохнем и свежего мяса попробуем, — сказал он.

Бессмертный поднялся на ноги и принялся отряхиваться.

Вскоре в пламени весело затрещали сучья. Конан отделил от туши ногу, насадил ее на крепкий сук и подвесил этот импровизированный вертел над кострищем. Зольдо подбрасывал в огонь сухие ветки, пока киммериец не кинул ему обломок копья, вырезанный им из кабаньего горба. Бессмертный поднял окровавленное древко, повертел перед глазами, а затем с безразличием отшвырнул прочь.

— Сколько нам еще идти? — спросил Конан, присаживаясь на землю рядом с бессмертным.

— Не знаю, — Зольдо поворошил угли палкой. — Не меньше, чем мы уже прошли. Мы приближаемся к святыщу.

Конан, пробурчав что-то нелестное, принялся следить за мясом.

* * *

Еще пять раз небесное светило поднялось в зенит и снова скрылось за краем земли. Лес понемногу стал редеть; тут и там появились проплешины, поросшие гу-

стой высокой травой, в полдень залитые слепящим сиянием солнца. После сумерек, царивших под густыми кронами, дневной свет на открытых участках немилосердно резал глаза. Почва стала суше, и идти по ней было значительно легче.

Огромный коричневый ствол лежал на земле, задрав в воздух вывороченные корни. Конан остановился перед упавшим деревом и ткнул его носком сапога; посыпалась высохшая кора. Толщина этого лесного исполина была такой, что он доходил киммерийцу до пояса. Конан проверил, не сгнило ли дерево: обходить его было делом муторным и долгим. Убедившись, что древесина под ним не провалится, он положил ладони на шершавую кору, собираясь единым махом перекинуть тело на другую сторону. Бессмертный появился из кустов вслед за ним, отряхивая с плеч налипшую листву.

— Тихо, — вдруг сказал варвар и резко присел.

Зольдо не стал спрашивать, в чем дело; он пригнулся и быстро подскочил к киммерийцу. Ствол поваленного дерева стал укрытием для них обоих.

— Слышишь? — шепотом спросил Конан.

— Слышу, — так же шепотом ответил Зольдо.

Где-то неподалеку переговаривались несколько человек. Голоса были мужскими, и их обладатели не таились, болтали громко, как хозяева; язык, на котором они говорили, был певучим и протяжным со странными прищелкиваниями в конце слов. Один из них произнес длинную непонятную фразу. Остальные ответили на нее раскатистым громким смехом.

Конан приподнялся и осторожно глянул вверх ствола. Бессмертный последовал его примеру. На расстоянии, примерно равном полету стрелы, они увидели группу чернокожих воинов. То, что это воины, было вне всяких сомнений — каждый нес большой, ярко раскрашенный щит и копье с широким наконечником. Киммериец пересчитал чернокожих — их было пятнадцать человек. Его удивили их головные уборы, размалеванные красками сооружения размером с хорошую тыкву. Форму эти шапки имели самую причудливую.

Удовольствовавшись осмотром, он пригнулся и посмотрел на бессмертного. Тот все еще следил за передви-

жением отряда, и киммериец легонько толкнул его в бок. Зольдо покосился на спутника через плечо.

Не было слышно ни хруста сухой ветки под ногой, ни чего-либо еще — только звериная интуиция варвара заставила Конана повернуться в ту сторону, откуда они с бессмертным только что пришли. Первое, что он увидел — выкрашенный в ядовитые цвета колпак над свирепым черным лицом. Потом в глаза ему бросилось белое костяное кольцо, вдвое в плоский нос с вывернутыми ноздрями; над ним блестели темные глаза.

Дикарь, обнаружив, что его заметили, раскрыл рот и пронзительно крикнул. Его зубы, ослепительно белые на черном лице, были подпилены и, казалось, что у него не рот человека, а пасть хищной твари, заполненная острыми треугольными зубами.

Теперь прятаться не имело никакого смысла. Будто невидимая сила подбросила киммерийца вверх; вопль дикаря еще не затих, а Конан уже стоял на ногах. Ошеломленный подобной быстротой чернокожий отпрянул, прикрываясь щитом, на котором был намалеван жуткий лик какого-то дикарского божка; по краям щита бахромой свисали пышные перья. Дикарь взмахнул рукой, и Конан увидел копье, нацеленное ему в грудь; широкий обсидиановый наконечник блеснул на солнце.

Киммериец усмехнулся. Каменному копью не пробить доброй кольчуги, сработанной лучшими аквилонскими оружейниками, но он не стал проверять свои доспехи на прочность. Он не дождался, пока дикарь метнет свое оружие, а прыгнул навстречу, вырвав из ножен меч. Острое, словно бритва, закаленное лезвие прошло сквозь древко копья, как сквозь масло; чернокожий даже не понял, что остался без оружия. Он издал воинственный клич и выставил щит, чтобы парировать удар, но меч Конана со свистом рассек щит сверху донизу. Дикарь отчаянно заверещал, когда вместе с половиной щита лишился и левой руки по самый локоть; следующий удар снес его голову вместе с разноцветным колпаком, и труп рухнул в кусты. Конан настороженно замер, но дикарь, зашедший им с тыла, видимо, был один.

Однако с другой стороны неслись дикие вопли и улюлюканье чернокожих соплеменников убитого — и уже не

так далеко, как раньше. Конан повернулся навстречу врагу. Бессмертный тоже поднялся во весь рост и ждал приближения орущей орды; он неспешно раскачивал обнаженный меч из стороны в сторону, разминая руку. Схватка Конана с дикарем заняла считанные мгновения, и завывающая на разные голоса толпа не успела еще приблизиться вплотную, однако длинные ноги дикарей несли их вперед с поразительной быстротой.

Конан и Зольдо перескочили через ствол поваленного дерева и приготовились к отражению атаки. Их враги, по-видимому, и понятия не имели о таких вещах, как тактика и стратегия — они просто неслись, потрясая щитами и копьями и оглашая окрестности леденящим душу воем. Из одежды дикари имели на себе только высокие колпаки ожерелья и зубов на шее. Конан подумал и присовокупил к мечу кинжал, взяв его в левую руку.

Путники не дали дикарям возможности атаковать их первыми; они бросились навстречу им сами, когда до врага оставалось не более пятнадцати шагов. Дикари завопили еще громче; затем Конан и Зольдо врезались в толпу чернокожих, и их воинственные клики смешались с предсмертными стонами и хрипением.

Конан рубил мечом, колот кинжалом и наносил удары сапогами. На врагах не было даже небедренных повязок, а меч играючи распарывал раскрашенные щиты; лезвие со свистом резало воздух, и каждый удар повергал противника на землю. Краем глаза киммериец глянул, что поделявает бессмертный. Зольдо косил дикарей так, как мальчишка косит палкой траву, воображая, что палка — это меч, а трава — несметное войско неприятеля. Грозный вопль дикарей стремительно перешел в общий крик ужаса; оставшиеся в живых развернулись и бросились бежать едва ли не быстрее, чем при атаке. Поле боя опустело, лишь на земле валялось шесть распростертых безжизненных тел, и почва жадно впитывала их кровь.

Конан, нахмурившись, смотрел вслед удиравшим во все лопатки дикарям. Догонять их было пустым делом; они пересекли открытое пространство и затерялись между деревьями в лесу.

Бессмертный обходил трупы убитых.

— Конан, — позвал он, — иди сюда.

Киммериец приблизился к нему.

— Что тебе? — спросил он.

Зольдо кивнул на тело, лежащее перед ним.

— Этот живой. Притворяется мертвым.

Конан всмотрелся в лицо дикаря, и черная кожа того посерела. Он казался мертвым, но киммериец заметил, что ресницы чернокожего мелко дрожат. На бедре его была большая рана от удара мечом.

— Добей его, — равнодушно сказал киммериец и отвернулся.

Бессмертный коротко взмахнул клинком, дикарь дернулся и застыл.

— Теперь нам надо спешить вдвое против прежнего, — мрачно сказал киммериец. — Чернокожие, что живут здесь, менее гостеприимны, чем те, которых мы встречали раньше. За нами будут охотиться.

Громыхание барабанов, казалось, заполнило все небо; замысловатые дробь из раскатистых низких звуков вели переключку, которая продолжалась весь день. Она притихла только перед сумерками, стала реже, но время от времени тяжелая дробь издали поднималась к покрасневшему небосводу.

Киммериец оперся спиной о замшелый валун, что торчал из земли подобно острому зубу, нацеленному в зенит, спугнув ящерицу, которая грелась в предзакатных лучах солнца. Рептилия испуганно метнулась в щель на камне, мелькнув зеленой спиной. Грудь киммерийца тяжело вздымалась под кольчугой, по шее сбегали струйки пота. Зольдо опустился на землю рядом с валуном. Большую часть пути после нападения дикарей они проделали размеренным неспешным бегом, но лоб бессмертного оставался сухим, а дыхание его не было слышно.

Конан отер вспотевшие виски тыльной стороной ладони и сплюнул.

— Кабы знать, долго ли еще? — выдохнул он.

Зольдо махнул рукой в сторону темнеющей впереди холмистой гряды, поросшей лесом.

— Туда, — сказал он.

— Туда! — раздраженно передразнил его киммериец. — Сколько еще — туда?

— Близко. Очень близко.

Конан не ответил, а только сплюнул еще раз. Зольдо поковырял носком валявшуюся гнилушку.

— Доберемся до холмов, найдем укрытие, — произнес он. — Ты спрячешься, а остальное предоставь мне.

Киммериец насупил брови, обдумывая оскорбительное для себя предложение.

— Ну и что дальше? — буркнул он.

Зольдо молча пожал плечами.

— Их будет не пятнадцать, как в первый раз, а, может быть, в десять раз больше. Если навалятся всем скопом, то от мечей проку мало, — сказал Конан. — Надо придумать что-нибудь получше.

— Я же бессмертный, — возразил Зольдо.

— Бессмертный! — взорвался киммериец. — А вдруг они и падалью не брезгают!

Зольдо нахмурился и помрачнел; Конан же смутился, но гнев еще бродил в нем. Тут лоб бессмертного внезапно разгладился, и лицо его прояснилось.

— Ты меня не понял, — сказал он. — Я предлагаю вот что: ты укроешься в безопасном месте, но сделаешь для меня одну вещь — огрubiшь мне голову. У тебя это неплохо получается, — вставил Зольдо не без тени иронии и продолжил: — Я возьму голову в руки и выйду навстречу нашим чернокожим друзьям. Думаю, что после встречи со мной пыла у них поубавится.

Конан расхохотался, представив бессмертного расхаживающим с головой под мышкой. Зольдо продолжал говорить:

— Я могу драться и обезглавленным — лишь бы глаза видели врага и что с ним происходит. — Заметив изумленный взгляд киммерийца, он пояснил: — У тебя во дворце я притворялся: мне ничего не стоило продолжать бой даже после того, как ты рассек меня мечом.

Конан отмахнулся от предложения бессмертного.

— Мне это не нравится, — возразил он. — Мало ли что взбредет в дикарские мозги, а ты мне нужен — так же, как я тебе. Я предпочитаю видеть тебя рядом.

— Как знаешь, — произнес бессмертный.

Конан оторвал спину от камня.

— Поднимайся, — приказал он. — Еще чуть-чуть, и начнет смеркаться, а бежать в темноте мы не сможем. Надо бы добраться до холмов... А там видно будет!

Зольдо встал на ноги.

Они побежали дальше: бессмертный впереди, киммериец следом за ним. Сумерки были недолгими, но они успели наполовину сократить расстояние, которое отделяло их от гряды холмов. А потом, неожиданно и резко, опустилась тьма, и на потемневшем небе проступили крупные яркие звезды. Лес огласился новыми звуками, пришедшими на смену дневным; тонкие визги, басистое уханье и вой наполнили темноту. Путники сменили бег на шаг, продолжая продвигаться вперед, к холмам. Когда взошла луна, идти стало легче. Было полнолуние, и лунный свет рассеял непроглядную темноту леса. Тогда они

снова перешли на бег. Грозный рев ночного хищника врезался в рулады обитателей джунглей; те на некоторое время испуганно примолкли, а потом опять засвистели, завизжали и загукали.

Зверь рычал где-то неподалеку. Конан коснулся плеча идущего впереди Зольдо.

— Потихше, — сказал он. — Попли медленнее.

Киммерийцу совсем не улыбалось наткнуться на хищника; стоило быть поосторожней.

На рык первого зверя отозвался второй, и тоже близко.

Путники шли, настороженно вслушиваясь и вглядываясь в тени, протянувшиеся от деревьев. Лунный свет серебрился на листьях и стволах, делая их белесыми.

— Впереди, — вдруг тихо сказал Зольдо. Он сразу замедлил шаг, и киммериец наткнулся на него. Конан понял краткое предупреждение бессмертного и принялся быстро обшаривать глазами расстилающийся перед ним ковер мха и древесные стволы.

Леопарда выдала тень, которую отбрасывал его хвост. До гигантской кошки, притаившейся на дереве, было шагов двадцать; зверь прижался к толстой ветви на высоте в два человеческих роста. Он великолепно спрятался, но, с нетерпением поджидая приближающуюся добычу, нервно подергивал кончиком хвоста. Будь хвост неподвижен, его бы можно было принять за высохший сук, но он мотался из стороны в сторону, и тень плясала, следуя за его движениями.

— Я пойду вперед, — шепнула бессмертный.

Не дожидаясь ответа, он направился к дереву, на котором распластался затаившийся леопард. Конан на всякий случай обнажил меч: где-то поблизости мог быть и второй хищник.

Бессмертный не преодолел и половины расстояния до леопарда, как тот вдруг завозился и тревожно мяукнул. Зольдо продолжал шагать к нему, и зверь, забыв про охоту, вскочил на все четыре лапы; шерсть на его спине поднялась дыбом, хвост нервно хлестал воздух. Леопард яростно зашипел на приближавшегося бессмертного. Громадная кошка меньше всего ожидала подобного подвоха: то, что двигалось к ней, не было добычей, а являлось тем, что приводило ее в неопиcуемый ужас. Наконец

леопард, не выдержав, ринулся в бегство; он прыгнул с дерева, которое выбрал для засады, и, ломая кусты, помчался куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от этого внушающего ему страх существа.

Конан подошел к бессмертному и озадаченно хмыкнул.

— Не понимаю, почему на тебя набросился кабан?

— Он был ранен и взбешен, а потому — слеп, — ответил Зольдо.

— Ладно. Уж на том спасибо, что не пришлось возиться с этой кошкой, — сказал киммериец, пряча оружие в ножны.

Громкий, полный боли человеческий вопль зазвенел в ночи. На него ответил разъяренный рык. Человек закричал снова, будто его терзал зверь. Ему ответили голоса людей, полные угрозы. И опять взревел хищник.

— Это с другой стороны, — произнес Зольдо. — Похоже, нас догоняют.

— А-а, проклятье! — выругался Конан. — Бежим! Кто бы на них не напал, он их ненадолго задержит.

Они сорвались с места и помчались между деревьями. Ветер свистел в ушах киммерийца; на бегу он внимательно следил за тем, чтобы ненароком не наскочить на низко растущую ветку дерева и не споткнуться о выступающий из земли корень. Не упускал он из виду и мелькавшую между стволов впереди спину бессмертного: когда тот выскакивал на поляну или прогалину, надетая на нем кольчуга вспыхивала серебром в лунных лучах.

— Берегись! — неожиданно крикнул Зольдо в полный голос. В руке у него, тускло блеснув, появился меч.

В ответ на его предупреждение лесная темнота разразилась нестройным хором улюлюканья и завываний, в которых не было ничего человеческого. Конан сообразил, что их не только догнали, но и успели окружить. Теперь им предстояло пробиваться сквозь кольцо врагов.

Вскоре он увидел среди деревьев разрисованные щиты дикарей — они уже не прятались, а выскочили навстречу, размахивая копьями. Свои тела они покрыли светлой краской и были похожи на призраков, кривляющихся в необузданном таице.

Бессмертный остановился, и Конан быстро нагнал его.

— Я буду прикрывать тебе спину! — крикнул Зольдо.

— Хорошо, — кивнул в ответ Конан и, не сбавляя шага, устремился вперед.

Он врзался в ряды дикарей как таран в крепостную стену. Киммериец издал боевой клич своего племени, и столь ужасен был его крик, что чернокожие, первыми принявшие на себя удары тяжелого меча, в страхе отшатнулись. Клинок варвара не останавливался ни на мгновение: мерцающая полоса стали разрубала щиты, крушила черепа, рассекала мышцы и кости. Там, где не успевал меч, его работу доделывал длинный кинжал киммерийца. Оружие дикарей не могло выстоять против закаленного отточенного лезвия, а сами они нападали беспорядочно и бестолково.

— Не отставай! — крикнул Конан бессмертному, которого не мог видеть.

Зольдо ответил гортанным выкриком.

Меч киммерийца смел с дороги еще двух врагов; теперь кольцо окружения было прорвано. Вслед путникам полетели копыта; одно ударило в спину бессмертного и сбilo его с ног. Зольдо кувыркнулся по земле, вскочил на ноги и понесся вслед за Конаном. Чернокожие, разочарованно взыв, бросились в погоню. Хотя они и были нагишом, что облегчало движения, деревья затрудняли путь как беглецам, так и преследователям. Самые быстрые из дикарей бросили своих соплеменников и пустились вдогонку в одиночку. Один из черных скороходов даже обогнал киммерийца и выскочил из кустов наперерез, грозно размахивая копьем. Конан отбил каменный наконечник и срезал дикарю половину черепа вместе с частью щита, которым тот решил прикрыться. Дикарь завертелся волчком, разбрызгивая кровь и мозг, затем рухнул, ткнувшись изуродованной головой в землю.

Вскоре почва под сапогами Конана стал заметно тверже — начался склoн холма. Киммериец тяжело дышал, волосы его намokли от пота и налипли на лоб; он мрачно размышлял о том, сколько еще может продлиться эта гонка. Силы его, в отличие от бессмертного, были почти на исходе. Стар становлюсь, мелькнула мысль, тяжел... Вопли преследователей по-прежнему звучали за спиной, но стали тише — ненамного, но тише. Зольдо бежал рядом, рука об руку; подошвы бессмертного с мерным

хрустом давили усыпавшую землю прель. Они перевалили первый холм, затем второй. При подъеме на третий Зольдо неожиданно опередил киммерийца и, взбежав на вершину, замер, как вкопанный.

Конан поднялся к нему, кипя от злости. Он остановился рядом с Зольдо, тяжело переводя дух. Внезапно он понял.

— Пришли? — только и спросил Конан.

— Да, — ответил бессмертный. — Смотри!

Подножие холма, на котором они стояли, было свободно от растительности — так же, как и склоны других холмов, окружавших ровную каменистую площадку на дне небольшой котловины. В глубине ее находилось то, что больше напоминало огромную грудку наваленных друг на друга камней гигантского размера. У основания этой кучи зияло черным провалом отверстие. По всей поверхности площадки валялись другие валуны.

Конан подтолкнул бессмертного к спуску, но Зольдо отшатнулся и взглянул на него.

— Дальше я не пойду, — сказал он. — Буду ждать тебя здесь. Спускайся один.

— Ты забыл о дикарях? — спросил Конан. — Нам надо найти подходящее место — либо для укрытия, либо для обороны.

— Они сюда не придут. Они боятся приблизиться к храму. Я тоже.

— Слушай, — рявкнул киммериец. — Пелиас сказал, что тебе нельзя входить в святилище и касаться талисмана — и только! Ты пойдешь вниз!

— Хорошо, — согласился Зольдо. — Но перед тем как ты отправишься в храм, тебе нужно отдохнуть и выспаться.

Бессмертный стал неторопливо спускаться по склону вниз.

Конан прислушался. Похоже, Зольдо был прав: вопли дикарей больше не тревожили тишину. Хотя, как знать...

Камни, которые лежали на скальной поверхности и сверху казались разбросанными в беспорядке, на самом деле были обломками циклопических статуй, упавших в незапамятные времена; рядом с ними гигант-киммериец чувствовал себя карликом. Разрушенные временем стены

святилища теперь закрывали половину неба; луна равнодушно изливала на них свои холодные серебристые лучи. Когда-то святилище, вероятно, возвышалось над холмами и было видно издалика, подумал Конан. Еще он заметил, что все до единой разбитые статуи изображали гигантского змея.

Бессмертный не сводил взгляда с разрушенного храма.

— Тебя что, тянет в него войти? — поинтересовался Конан.

Зольдо помотал головой, как будто избавляясь от навязчивости.

— Нет. Просто оно мне внушает ужас, — сказал он.

Конан вытер взмокшую шею ладонью и стряхнул с нее капли пота.

— А-а, — протянул он. — Да, местечко не из приятных. Похоже, ты прав: дикари сюда лезть не собираются. Жаль, спрятаться здесь негде. Разве что в самом святилище.

— Можешь идти туда. А я вернусь на холм.

Конан усмехнулся.

— Ну нет, ночевать здесь мне тоже не по сердцу.

Они развернулись и пошли назад, в холмы, чтобы утром вернуться вновь.

Смолистый факел весело трещал и разбрасывал мелкие искры, желтое пламя металось и прыгало, а вместе с ним прыгали тени на сырых стенах. Толстый слой пыли покрывал пол, заглушая шаги. Конан не торопился: вкрадчивыми мягкими шагами он ступал по пыльным камням, чутко вслушиваясь в тишину в коридоре. Пока широкий проход с высоким потолком был пуст и молчалив, но киммериец никогда не доверял подобному спокойствию в таких местах, как развалины древних храмов — оно могло рухнуть в самый неожиданный и неудобный момент. Один подвох уже был налицо: войдя в наполовину обвалившиеся громадные ворота, он сразу же попал в этот коридор, а затем, сделав четыре поворота после первой развилки, обнаружил, что пришел в тупик. Тут Конан с досадой сообразил, что святилище представляет из себя гигантский лабиринт; ему пришлось возвращаться и идти другим путем. Он уже бывал в лабиринте стигийского храма, и выбраться оттуда было трудновато — ему это удалось лишь с помощью оживленной мумии древнего мага. Но здесь такой случай мог и не представиться! Кроме этого, храмовые лабиринты часто оборудовались всевозможными ловушками, известными лишь посвященным. Любого другого обычно ждала печальная участь — эти ловушки устраивались так, что у попавшего в них всегда оставалось время и раскаяться в совершенном преступлении, и оплакать свою горькую участь; смерть в них наступала не сразу, но всегда была мучительной.

Следы на пыли отпечатывались хорошо, но Конан решил подстраховаться в поисках дороги назад. Стены лабиринта были сложены из крупных глыб мягкого песчаника, и он стал кинжалом делать на них зарубки, каждый раз перед тем тщательно осматривая глыбу, чтобы не нарваться на неприятности. Он давно уже потерял счет поворотам и закоулкам с тупиками, но до этих пор все шло благополучно: не проваливался в тартарары пол, не обрушивался на голову потолок. Ветка в руке Конана догорела, и он поджег следующую.

Коридор делал очередную развилку, и тут киммериец насторожился — в одном из новых проходов пол изменил цвет. Конан направился туда и обнаружил, что слой пыли с каменных плит исчез неведомо куда. Он сделал очередную зарубку на стене и проследовал дальше, но далеко идти ему не пришлось — вскоре он увидел, что путь преграждает какая-то непонятная масса. Конан остановился сразу, лишь только заметил ее. Расстояние было приличным, и рассмотреть, что там такое, при дрожащем свете факела он не смог, но увидел главное — то, что загораживало дорогу, занимая коридор во всю ширину, было живым. Оно непрестанно подрагивало и шевелилось! На Конана неведомое существо не обратило никакого внимания, и он осторожно отступил назад, вернулся к развилке и пошел в другой рукав коридора, но его ждало разочарование — там был еще один тупик. Оставался единственный путь, который занимала неизвестная тварь.

Существо никак не реагировало на осторожно приближающегося к нему человека. Конан мелкими шагами двигался к твари, сжимая в руке меч; он уже ясно видел это создание. Подобное чудо ему встретилось впервые; оно было похоже на полупустой бурдюк с вином, который валялся, брошенный на землю. Чудовищный по величине бурдюк! Только у бурдюков с вином не бывает щупалец. Длинные и тонкие, они усеивали поверхность твари и не знали ни секунды покоя: они вздымались вверх и опадали, свивались в клубки, ощупывали стены и пол перед бесформенным телом.

Конан остановился. Было странным, что непонятная тварь не совершает никаких попыток к нападению, — он уже подошел достаточно близко, чтобы его можно было заметить. Этот монстр либо слеп, либо лежит к нему не тем концом. Глаз у твари Конан не заметил, чего-либо напоминающего пасть — тоже. Обойти чудовище было невозможно, и как убить эту тварь, киммериец не имел никакого понятия. Он пожалел, что у него нет с собой копья — вот здесь оно бы пригодилось. Он снова двинулся вперед. Чудовище продолжало свивать щупальца, как будто человека поблизости и вовсе не было. Конан весь напрягся в ожидании атаки твари. Расстояние между ними медленно и неуклонно сокращалось.

Когда до чудовища оставалось не более пяти шагов, оно атаковало. Хотя Конан и приготовился, нападение было столь стремительным, что он не успел ничего сделать. Тело и руки киммерийца обвили щупальца, сдавили грудь — так, что потемнело в глазах; и хотя Конан не выпустил меч, но оружие мало чем могло ему помочь. Внезапно в центре бурдюка раскрылась большая круглая пасть, усеянная по краям множеством мелких загнутых зубов. Чудовище оторвало киммерийца от пола и стало неторопливо подтаскивать его к пасти. Конан отчаянно сопротивлялся, но тщетно — тварь не выпускала его из своих железных объятий. Факел Конан тоже не выронил, поэтому видел, куда его тащат. За несколькими рядами зубов твари была видна зеленоватая глотка в белесых потеках; из нее несло смрадом. Щупальца чудовища время от времени попадали в огонь факела и, обожженные, отлетали прочь и начинали судорожно извиваться в воздухе.

Конан попытался вытянуть руку с факелом вперед, и когда пасть твари оказалась под ним и жадно распахнулась еще шире, готовясь проглотить добычу, он на мгновение напряг мышцы левой руки, а затем внезапно ослабил их. Его рука получила немного свободы, чего он и добивался; теперь отчаянным рывком он вытянул левую руку и воткнул пылающий факел в разверстую пасть чудовища. Пламя коснулось зеленой плоти, и она зашипела под огнем, и тут же тварь в судороге дернулась, и щупальца на какой-то миг ослабли. Почувствовав свободу, киммериец вогнал меч в тело твари по самую рукоять.

Чудовище издало странный булькающий звук. Конан почти упал на его спину, крутанул меч в ране и потянул его, распарывая плоть твари. Щупальца вновь обрели былую мощь и отшвырнули киммерийца; он кубарем покатился по каменному полу, оставив меч в теле чудовища. Факел, которым он подпалил тварь, потух в ее пасти. С боевым кличем Конан рванулся вперед, спасать меч, но его встретила пустота: чудовище исчезло и унесло с собой его оружие.

Киммериец вытащил из-за пояса очередную смолистую ветку — он их нарубил впрок перед тем, как войти в святилище, и теперь возблагодарил Крома, что они не

потерялись во время схватки. Он высек огонь и зажег факел. Коридор был пуст; тварь сбежала, оставив за собой крупные пятна темной жидкости — очевидно, то была ее кровь. Конан извлек из ножен кинжал и направился по следам, оставленным монстром — терять меч он не собирался. Расправившись с чудовищем, он всегда сможет вернуться назад по пятнам крови и продолжить поиски Камня Мертвых. Других подобных тварей Конан не опасался — он уже знал их уязвимые места.

Пятна крови тянулись по коридору, петляя вместе с ним. Конан шел и размышлял, что вернее: тварь ли оказалась на редкость живучей, или он нанес ей не слишком опасную рану. Вскоре следы привели его в громадный зал, посреди которого находился большой, идеально круглый водоем. Конан поднял факел повыше, осматривая место, куда он попал. Потолок зала поддерживало множество колонн с вырезанными в камне ощеренными змеиными мордами; посреди водоема — то ли озерца, то ли бассейна — находился шестигранный островок, к которому вело шесть тонких мостков, по одному на каждую грань. На островке высился пирамидальной формы алтарь, весь покрытый резьбой — от широкого основания до усеченной плоской вершины.

Конан решил обследовать зал после того, как вернет себе оружие. Пятна крови из ран чудовища уходили в темноту между колоннами, и он последовал за ними. Когда киммериец проходил мимо змеиных морд с разинутыми пастью, ярчайшая вспышка внезапно ослепила его, и он резко бросился в сторону. Оскалив зубы, с напряженными мускулами, он обшаривал помещение взглядом, но зал по-прежнему был тих и пуст. Конан с осторожностью снова приблизился к колоннам. В пасти одной из змеиных морд промелькнул яркий блик света и исчез. Вырезанная из красного камня, она находилась на высоте в рост Конана, и, заглянув в промежуток между каменными челюстями, он увидел там перекошенную рожу демона. От неожиданности Конан отшатнулся; рожа в пасти дернулась и пропала. Киммериец испустил шумный вздох облегчения и досады — в каменной пасти было спрячено вогнутое, отполированное до блеска зеркало. Такие зеркала он уже видел: жрецы в храмах использовали

их для различных церемоний. В змеиной голове, расположенной ниже, находилось отверстие для факела.

За колоннами была высокая дверь без створок. Свет горящей ветви выхватил из мрака за дверью бесформенную массу чудовища, которое распростерлось сразу за невысоким порогом: щупальца твари бессильно свисали, а из разинутой пасти сочилась густая белая масса. Тварь лежала совершенно неподвижно и еще больше напоминала бурдюк, только уже распоротый. Рукоять меча выглядывала из-под обвившегося вокруг нее щупальца, которое Конан перерубил ударом кинжала. Щупальце обмякло и соскользнуло с рукояти, и киммериец вырвал оружие из тела твари. Острое лезвие было измазано густой темной кровью, и Конан поморщился: вытирать лезвие о гладкую шкуру чудовища не имело смысла. Может, в зале найдется какая-нибудь тряпка, которая истлела не до конца, решил киммериец. Он понес меч в руке; с лезвия медленно стекала кровь и крупными каплями падала на пол.

Поиски тряпицы успехом не увенчались. Громадный прямоугольный зал был пуст: только камень, пыль и зеркала в колоннах, да за множеством дверей маячили все те же длинные коридоры лабиринта. Присутствия талисмана он так же не обнаружил — правда, оставался неосмотренным еще островок с алтарем. И нужно было поторопиться — вдруг на запах крови убитой твари соберется подобная же нечисть...

Наконец Конан подошел к бассейну. Вода в нем казалась черной, а гладь ее была ровной и спокойной: ни зыби, ни малой волны. Он посмотрел на ажурный мостик, ведущий на островок, и нахмурился, раздумывая. Если тварь, которую он прикончил, не подохла в этом лабиринте с голода, значит она чем-то питалась. Вполне вероятно, что на дне водоема обитает еще какая-нибудь мерзость, которой только и надо, чтобы кто-нибудь ступил на мостки...

Конан опустил на колено, размахнулся, с силой ударил лезвием меча по воде и сразу же отскочил назад. Громкий, похожий на щелчок бича звук раздался в воздухе, по черной поверхности бассейна побежали быстрые мелкие волны; звук заметался между стенами, отдаваясь эхом. Конан выжидал. Поверхность воды вскоре успоко-

илась и снова стала ровной; похоже было на то, что в водоеме никто не обитал. Киммериец повторил трюк с мечом еще раз, но бассейн оставался безжизненным. Конан посмотрел на меч и довольно кивнул: вода почти смыла кровь с лезвия. Затем он поднялся и быстро перешел по мостику на остров.

Но здесь его тоже ждало разочарование — ничего похожего на Камень Мертвых! Киммериец мысленно проклял и Пелиаса, и бессмертного, который сейчас дожидался его, шатаясь по холмам вокруг святилища. Сколько таких залов может быть в лабиринте? Он может бродить по его коридорам до конца своих дней! А если к тому же талисман упрятан в какой-нибудь тайник...

Эта мысль привела киммерийца в ярость. Гнев закипел в его груди, и ему надо было выплеснуть его наружу. Конан со злобой посмотрел на алтарь. Высокая каменная пирамида со срезанной верхушкой была сплошь украшена затейливыми письменами, вырезанными на ее гранях. Очертания букв, из которых складывались неведомые слова, были незнакомы; он не мог прочесть того, что было написано на каменных гранях алтаря. Но сейчас киммерийцу хотелось одного — разнести этот алтарь на кусочки. Сорвать его с места и утопить в черной воде бассейна!

Тут в голове Конана промелькнула некая мысль, и он решил ее проверить. Он поднес огонь к подножию алтаря. Так и есть: между основанием пирамиды и каменной плитой, на которой она стояла, была щель — тонкая, почти незаметная. Конан положил меч и пристроил к нему горящий факел так, чтобы он не потух, затем навалился плечом на алтарь, крепче уперся ногами и надавил. Алтарь остался неподвижен. Странно! Пирамида была не столь велика, чтобы он не смог ее сдвинуть с места — и, однако, его попытка не увенчалась успехом!

Конан попробовал опрокинуть алтарь — тоже безрезультатно. Правда, камень стал раскачиваться, но совсем чуть-чуть: что-то не давало ему сдвинуться с места. Киммериец сделал третью попытку. Присев перед алтарем на корточки, он обхватил его; мышцы на спине Конана напряглись, на руках вздулись вены, на лбу от нечеловеческого напряжения выступил пот. Он начал медленно выпрямлять ноги, прижимая пирамиду к груди; алтарь

поддался и пошел вверх. От тяжести камня у Конана зарябило перед глазами, но он, поднявшись вместе с алтарем, в последнем усилии толкнул его прочь от себя и разжал руки. Пирамида с грохотом упала и раскололась на куски. Конан вытер рукой лоб, глубоко вздохнул и потянулся, разминая онемевшие мышцы. Четыре металлических птыря, в две ладони длиной каждый, образовывали квадрат. Теперь Конан понял, почему ему не удалось сдвинуть или опрокинуть алтарь — пирамида была насажена на эти торчащие из каменной плиты штыри.

Потом Конан нагнулся и увидел Камень Мертвых.

В углублении под алтарем лежал он, и киммерийцу показалось, что свет факела внезапно ослаб, и темнота еще больше сгустилась в зале. Камень Мертвых был цвета мрака — не черного, а именно мрака. Конан смотрел на него и чувствовал, как волна озноба пробегает по его спине, собирая кожу в пупырышки. Наконец он протянул руку, коснулся талисмана, и леденящий холод обжег его пальцы.

Но он не разжал их; он поднялся с Камнем Мертвых в руке, и боевой клич киммерийца прогремел под сводами святилища, эхом отразился от стен и вернулся к нему. Затем Конан распустил завязки небольшого кожаного мешка, висевшего у него на поясе, и спрятал талисман. Он запалил новый факел, подхватил меч и ушел с островка.

Пятна крови, пролитые тварью, уже подсохли. Пользуясь ими, как путеводной нитью, он двинулся по коридорам лабиринта к выходу, где его ожидал бессмертный.

После мрака лабиринта дневной свет казался неестественно ярким. Конан заморгал, вытер выступившие на глазах слезы, потом оглянулся и посмотрел в темноту. Обратный путь к выходу из святилища не занял у него много времени и обошелся без помех; он вернулся по кровавым следам до места, где встретил чудище, а там уже шел по собственным зарубкам на стенах лабиринта. Когда глаза перестали слезиться и привыкли к свету, Конан прищурился на солнце и присвистнул от удивления: ему казалось, что в святилище он пробыл до вечера, однако золотой солнечный диск едва перевалил за полуденную черту. Сделав последний шаг, киммериец вышел из-под арки на скалистый грунт перед развалинами и направился в условленное место, где его ожидал бессмертный.

Конан петлял между крупными обломками гигантских изображений Великого Змея, усеявшими площадь перед святилищем. Мелкие глыбы он перепрыгивал, при этом талисман в кожаном мешке увесисто бил его по бедру.

Дорогу киммерийцу перегородил очередной огромный обломок. Конан решил его не обходить; цепляясь пальцами за трещины в камне, он проворно взобрался на него и увидел фигуру бессмертного. Зольдо стоял спиной к святилищу на вершине холма, с которого они спускались давешней ночью, и смотрел в сторону джунглей.

— Зольдо! — крикнул Конан.

Бессмертный обернулся на крик и, увидев киммерийца, стал спускаться по скалистому склону обрыва. Конан посмотрел вниз, выбирая место поудобней, и одним прыжком слетел с камня.

Когда он вышел на свободный от обломков участок площадки, на противоположном ее конце появился бессмертный. Он взмахнул рукой, приветствуя Конана, и направился ему навстречу. Вскоре расстояние между ними сократилось настолько, что можно было разговаривать без крика.

— Ты нашел его? — спросил бессмертный.

— Здесь, — кратко ответил Конан и хлопнул себя по бедру.

Зольдо оставалось не более десятка шагов, и он мог бы коснуться плеча киммерийца, но вдруг споткнулся, как будто налетев на невидимую преграду, и рухнул на колени, а потом упал лицом вниз и замер.

— Эй, что случилось? — спросил Конан.

Зольдо молчал; скрюченные пальцы бессмертного судорожно царапали камень.

Конан остановился. Происходящее было непонятным; вдобавок его настораживало то, что бессмертный упал на ровном месте. Опыт подсказывал киммерийцу, что от магии можно ждать подвоха в любое мгновение, а инстинкт напоминал, что такая перемена не сулит ничего хорошего.

Вдруг в воздухе словно бы потянуло ледяным ветерком, и Конан почувствовал слабые толчки в бедро. Не спуская глаз с распростертого тела бессмертного, он опустил руку на мешок с талисманом. Зольдо уже не лежал неподвижно; бессмертный медленно поднимался на ноги. Движения его были неверны, как у тяжелораненого. Ладонь Конана вновь почувствовала толчки сквозь толстую кожу мешка; казалось, они стали гораздо сильнее. Камень Мертвых пульсировал, бился, как сердце, набирающее силу.

Зольдо поднялся и встал перед Конаном. Глаза бессмертного были выкачены из орбит, губы беспрестанно шевелились, будто он хотел что-то сказать, но не мог; однако движения его уже не казались неуверенными — медленным и точным жестом он положил кисть на рукоять меча и потянул лезвие из ножен. И в это же время его шевелящиеся губы справились с немотой.

— Берегись, Конан! — крикнул он.

Киммерийца поразил этот крик. В нем не было никакой угрозы; наоборот, Зольдо будто предупреждал его полным боли воплем. Камень Мертвых мерно и ровно бился в кожаном мешке.

Бессмертный обнажил меч и отбросил в сторону пустые ножны; его желтые выпученные глаза обежали киммерийца с ног до головы, словно впервые видели его. Но глаза эти были исполнены ужаса и муки — они не принадлежали существу, которое готовилось напасть.

Конан не стал гадать, что происходит с его спутником, — он просто поднял меч и приготовился к схватке.

Оценив позицию бессмертного, он передвинулся немного влево, занимая более удобное для себя положение. Зольдо тут же переместился вслед за ним и этим свел преимущество Конана на нет. Киммериец видел уже искусство бессмертного в бою, но только сейчас оценил его до конца, сообразив, что во дворце так легко обезглавил Зольдо просто потому, что тот подставил шею сам. Но теперь он, кажется, не собирался поддаваться.

Бессмертный стал обходить Конана, не приближаясь к нему, и киммериец сразу раскусил уловку противника: тот хотел поставить его лицом против солнца. В свою очередь он выполнил маневр, который разрушил задумку Зольдо, и они закружили по площадке. Краем глаза Конан следил за тем, чтобы не споткнуться о какой-нибудь из валяющихся вокруг обломков. Он не хотел атаковать первым; слишком велик был риск нарваться на смертельный удар. Он, воин, вся жизнь которого прошла с мечом в руке, встретил равного себе по силе. Немало людей, слывших непревзойденными бойцами, нашли свою смерть от его меча, но тут противником был бессмертный, и это осложняло задачу. Одно дело — человек, которого можно ранить, и тогда боль от раны заставляет его делать ошибки; другое — ничего не чувствующая мертвая плоть. Зольдо был великим воином, и Пелиас ничуть не преувеличивая, утверждал это; кроме того, он был ожившим мертвецом, чье расчлененное тело срасталось мгновенно.

И потому Конан выжидал; бессмертный должен был напасть первым, раз талисман оказывает на него воздействие, хотя чародей говорил об обратном. Медленно отступая, киммериец двигался туда, где обломки статуй помешали бы поединку на мечах; он знал, что Зольдо физически слабей его, и в схватке без оружия потерпит поражение. Но бессмертный разгадал этот замысел: когда киммериец приблизился к узкому проходу меж двух обломков и стал пятиться туда, бессмертный остановился и опустил меч.

Конан выругался. Зольдо, повернувшись к нему спиной, отошел на несколько шагов и стал поджидать противника.

Конан отошел от обломков и встал напротив бессмертного.

— Ну, нападай! — рывкнул он.

Зольдо не шевельнулся, безмолвствуя.

— Тогда прочь с дороги, нежить! — сказал киммериец и шагнул вперед.

Оружие бессмертного свистнуло в воздухе. Конан парировал удар и ответил стремительным выпадом, нацеленным в голову противника. Хотя киммериец и был готов к этому, но, когда Зольдо отразил его удар, Конан проникся восхищением к бессмертному. Потом удары посыпались один за другим; лезвия мечей сталкивались со звоном, разбрасывая брызги искр, противники фехтовали, предугадывая каждое движение друг друга. Этот бой мог продолжаться бесконечно; Конан это понимал, как понимал и то, что бессмертный, в отличие от него, не ведает усталости. Он сделал несколько попыток вышибить меч из руки бессмертного или отбросить его оружие и потом сбить Зольдо с ног, но тот оказался предусмотрительным. Мертвые мышцы боли не ощущали, к тому же бессмертный умело ослаблял силу ударов противника — и снова лезвие его меча плясало перед Конаном гибельный танец. Зольдо не отступал; не отступал и Конан, которому приходилось защищаться, ибо самая малейшая рана была сейчас для него смертельной угрозой. Они почти не сдвинулись с того места, с которого начали поединок; оба будто бы вросли в землю, и только звон стали окружал их незримой стеной.

Киммериец чувствовал, что усталость не за горами; скоро она начнет подкрадываться к нему. Он вспомнил меч, который бессмертный выбрал в оружейных кладовых королевского дворца. Меч был, без спора, хорош, но тоньше и легче его собственного — ненамного, но все же. Парировав очередной удар бессмертного — так, что его рука отлетела чуть дальше — Конан слегка раскрылся, и меч Зольдо тут же устремился в незащищенное место. С хриплым выкриком, собрав все силы, киммериец нанес страшный удар в самую уязвимую точку на лезвии вражеского меча, и в руке Зольдо осталась рукоять с торчащим из нее коротким обломком стали. Остальная часть лезвия отлетела далеко в сторону, со звоном упав на камень.

Бессмертный, однако, не растерялся; с силой метнув в Конана рукоять с обрубок лезвия, он бросился бежать к святилищу. Киммериец ринулся за ним вдогонку. Отчаянным рывком он настиг бегущего и замахнулся мечом, собираясь снести ему голову, но Зольдо неожиданно нырнул Конану в ноги. Киммериец налетел на него и покати́лся по земле.

В следующий миг Зольдо выдернул из-за пояса два стилета и прыгнул на поверженного противника. Конану пришлось выпустить меч, чтобы перехватить запястья бессмертного; потом, в борьбе за оружие, они покатались по площади. Киммериец после отчаянного сопротивления оседлал своего врага, вырвал у него стилеты и отбросил их подальше. Бессмертный неистово дергался под тяжелым телом Конана; Камень Мертвых ровно бился в мешке на бедре.

Киммериец искал глазами свой меч, но тот лежал далеко. Конан подумал, что бегство Зольдо могло оказаться всего лишь уловкой, чтобы лишить его оружия. Рывки бессмертного усиливались, и держать его вечно киммериец не собирался. Он потянулся за кинжалом, намереваясь повторить то, что уже сделал однажды — отрубить Зольдо голову, а потом швырнуть ее подальше: обезглавленное тело бессмертного в этом случае станет практически беспомощным.

Он не успел выполнить задуманное. Тело под ним выгнулось, сбросив киммерийца, и тут же он получил страшный удар ногой по руке с оружием. Кинжал вылетел из пальцев Конана, а бессмертный змеей выскользнул из его хватки; и, не успев опомниться, как Зольдо вцепился в мешок с талисманом и силой дернул к себе. Завязки лопнули, но Конан успел перехватить Камень Мертвых в воздухе. Рывок бессмертного помог ему подняться; затем кулак киммерийца врезался в лоб противника. Тот, выпустив мешок, кубарем покати́лся по земле.

Конан помчался к мечу. Он уже был совсем рядом, когда, споткнувшись о каменный осколок статуи, рухнул навзничь. Он сильно ударился подбородком: из глаз полетели искры, а во рту появился солоноватый привкус крови. Над ним что-то просвистело, и он увидел, как упал далеко впереди кинжал, который метнул в него Зольдо.

Топот сапог бессмертного раздавался совсем рядом — и совсем рядом был меч.

Подтянувшись на руках, Конан схватил оружие. Подняться с земли он уже не успевал: фигура Зольдо заслонила над ним солнце. Киммериец перекатился на спину и рубанул мечом, подсекая противнику ноги. Бессмертный рухнул на него, но Конан тут же отшвырнул его прочь и стремительно поднялся. Зольдо, извиваясь всем телом, быстро полз к нему; ног ниже коленей у него не было; отсеченные конечности валялись рядом с киммерийцем, и тот пинками отправил их подальше. Бессмертный сделал попытку подняться, но вновь упал: культы плохо держали его. Внезапно встав на четвереньки, словно животное, Зольдо поскакал вдогонку за ногами, но киммериец в два прыжка настиг его и опрокинул, ударив сапогом. Бессмертный вцепился ему в ногу, стремясь свалить, и Конан заработал мечом.

Вскоре бессмертный, лишенный всех конечностей, беспомощно барахтался у его ног. Киммериец отпрыгнул в сторону; отрубленные руки Зольдо все еще сжимали его сапог. Он с омерзением стряхнул их; кисти упали и тут же поползли к бессмертному, перебирая пальцами. Зольдо же на обрубах ковылял им навстречу.

— А-а... Проклятье на твою голову! — взревел киммериец.

Не глядя, он сунул меч в ножны, подскочил к бессмертному, схватил его за волосы и поволок. Зольдо прилагал отчаянные усилия, чтобы освободиться, но Конан остервенело тащил и тащил его по площадке. Оттащив Зольдо, как ему показалось, на безопасное расстояние, киммериец отпустил волосы бессмертного, и тот немедленно отправился за утерянными частями тела. Конан снова нагнал его, опрокинул и придавил ногой. Бессмертный возился, стараясь сбросить его сапог.

— Кром! Я что, так и буду бегать за тобой? — рывкнул Конан, глядя в лицо противника.

Остекленевшие глаза Зольдо были ему ответом. Киммериец огляделся и обнаружил неподалеку осколок каменной плиты, покрытый почти стершейся резьбой. Он подтащил бессмертного к нему. Мешок с талисманом, который Конан до сих пор сжимал в руке, мешал, и он

откинул его в сторону. Удерживая бессмертного на месте, он наклонился к осколку плиты, перевернул плоский камень и навалил его на грудь Зольдо. Теперь бессмертный стал похож на опрокинутую на спину черепаху: голова его моталась из стороны в сторону, а обрубками конечностей он махал в воздухе, словно лапами. Конан с удовлетворением посмотрел на эту картину.

Подобрав мешок с талисманом, он вновь привязал его к поясу. Камень Мертвых по-прежнему бился и трепетал, словно живой. Легкое царапанье достигло слуха киммерийца; он резко повернулся на звук и увидел руки бессмертного, которые упрямо ползли к телу, цепляясь пальцами. Поморщившись, Конан подобрал два больших камня и придавил ими отрубленные конечности. Потом он вновь посмотрел на поверженное тело Зольдо и принялся за работу.

Выбирая из валяющихся вокруг обломки покрупнее и потяжелее, Конан заваливал камнями бессмертного, двигая над ним каменный курган, из-под которого без посторонней помощи Зольдо уже не выбраться. Плоским камнем он собрался закрыть его лицо, как услышал тихий, еле слышный шепот:

— Конан... Конан...

Бессмертный звал его.

Киммериец склонился над ним.

— Унеси Камень к холмам... Поскорее...

Конан выпустил осколок из рук и поднялся. Он воздел сжатые кулаки к небу и потряс ими.

— Кром!

Глава 14. СМЕРТЬ ЗОЛЬДО

В чистом голубом небе появилась темная точка. Она быстро увеличивалась, и вскоре у нее появились крылья. Крылья эти были не похожи на птичьи, да и размеры приближающегося существа были слишком велики для птицы. Какая-то тварь летела к святилищу; черный ее силуэт выростал на глазах в прозрачной голубизне небосвода.

Безобразный крылатый монстр снижался на площадь перед развалинами, отрезая киммерийцу дорогу к холмам. Глубокие глазницы монстра полыхали оранжевым: вместо шерсти морду покрывала крупная черная чешуя, а между острых ушей поднимался гребень. Торс чудовища был подобен человеческому; длинные шестипалые руки оканчивались загнутыми острыми когтями. Ноги только до колен походили на человеческие, а ниже — камень площади царапала громадная птичья лапа. За плечами, поднимая ветер, взмахивали две пары жестких крыльев, одна над другой.

Монстр опустился на площадь и сложил крылья за спиной. Он высунул из пасти тонкий раздвоенный язык и зашипел.

Конан попятился, прикидывая в уме расстояние до развалин. Только в лабиринте святилища можно было найти укрытие: как ни велики его коридоры, твари таких размеров в них не протиснуться.

Чудище, однако, проявило к киммерийцу полнейшее равнодушие. Зашипев, монстр опустился на четвереньки и наклонил голову низко к земле, сгорбив уродливую спину. На шее у него сидел человек. Чудовище подставило к плечу когтистую ладонь, и человеческая фигура соскочила на нее, а затем на землю. Размахивая руками, человек побежал к киммерийцу.

Конан изумленно глядел на бегущего. Пугаясь в своем длинном просторном одеянии, к нему торопился маг Пелиас.

— Ты?! — выдохнул киммериец, когда чародей подбежал поближе.

Волшебник замахал на него руками, как ветряная мельница.

— Друг мой, — с натугой выдохнул он, — я все тебе объясню, но не сейчас. Где талисман?

Конан ответил на это взбешенным ревом.

— Нет! Ты мне объяснишь сейчас! — заорал он. — Ты все подстроил с самого начала! Ты все знал!

Пелиас устало опустил на обломок статуи и сгорбился. Тут Конан увидел, что лицо волшебника выглядит похудевшим и изможденным, а под глазами у него залегли черные круги. Пелиас развел руками и хлопнул себя по коленям.

— Да, — произнес он, — я все знал. Но я не мог сразу отправиться вместе с вами. — Голос его сорвался на крик. — Понимаешь? Не мог!

Пелиас с размаху ударил кулаком по камню, на котором сидел, отшиб кулак и, сморщившись от боли, затряс им в воздухе.

— Мне необходимо было заглянуть еще кое-куда. Там я и задержался — вернее, меня там попытались задержать. — Волшебник придирчиво осмотрел пострадавший кулак и спросил: — Ну, так где же Камень Мертвых?

Киммериец сорвал с пояса мешок и потрянул им перед чародеем.

— Ага, — сказал Пелиас с удовлетворением.

Конан уставился на мешок, кожаные бока которого вздымались и опадали.

— Послушай, Пелиас, талисман вроде бы стал больше, — недоуменно произнес он.

— Ай-ай-ай, — насторожился чародей.

Внезапно радужные лучи брызнули в разные стороны от фигуры волшебника.

Волшебник, как бы защищаясь, вытянул вперед руки и отступил на шаг.

— Ну и ну, — вымолвил Конан.

Пелиас что-то негромко пробормотал, и вокруг него образовалась слабо мерцающая оболочка в виде яйца.

— Друг мой, нам нельзя больше медлить, — раздался из кокона приглушенный голос чародея. — Что с бессмертным?

Конан отодвинулся.

— Видишь? — спросил он.

Брови Пелиаса поднялись на лбу.

— Вижу, — ответил он. — Положи мешок с талисманом на землю.

Киммериец опустил мешок у своих ног.

— А теперь уходи отсюда, — сказал Пелиас. — Иди к монстру, на котором я прилетел. Он унесет тебя отсюда.

Конан помотал головой.

— Я никуда не пойду!

— Мой король, это смертельно опасно, — возразил волшебник. — Ты даже не представляешь, что здесь начнется!

Киммериец снова сделал жест отрицания.

— Ты меня уже разок надул, и я тебе не верю. Мне не по нутру, когда рядом с мбим королевством крутятся ненормальные чародеи с какой-нибудь новой игрушкой. Я с таким уже встречался, и всегда приходилось разбираться с помощью меча.

— Конан, я знаю, что ты не доверяешь магам, — печально сказал Пелиас. — Но позволь, друг мой, сказать, что мы, вероятно, видимся в последний раз. Если сможешь, прости меня — ведь я вынудил тебя совершить это путешествие.

Киммериец нахмурился.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Ну что ж, тогда я пойду, — задумчиво произнес Конан. — А чудище свое отпусти или оставь себе на всякий случай. Я доберусь сам.

— Мне эта крылатая тварь не понадобится, — возразил маг. — Если ты не улетишь на ней, то она выйдет из-под моей власти, как только я задействую талисман.

— Мне она тоже не нужна, — решительно отказался киммериец.

— Как знаешь, — согласился Пелиас. — Позволь, я провожу тебя и заодно отпущу на свободу это существо.

Они расстались на краю площади. Конан стал взбираться по крутому склону вверх; он слышал, как за спиной у него шумно взлетела тварь, отпущенная чародеем на волю. Киммериец добрался до вершины холма, помахал оттуда Пелиасу и направился в сторону леса — так, чтобы волшебник видел, как он уходит. Но прошел он совсем немного, а затем лег на землю и ползком

вернулся к обрыву. Спрятавшись за чахлым кустом, прилепившемся на самом краю, киммериец стал наблюдать за магом.

Куча тяжелых камней, под которой покоился бессмертный, с этой точки была прекрасно видна. Пелиас сидел рядом с ней. Конан стал ждать, что будет дальше.

Ожидание его затянулось — видимо волшебник в самом деле решил предоставить Конану возможность уйти подальше. Глаза киммерийца начали слипаться, и он заснул.

Проснулся он от близкого раската грома. Конан поднял голову, моментально пробудившись, будто и не дремал вообще. Уже смеркалось. Гром бабахнул второй раз, и Конан в недоумении задрал лицо к небу, на котором не оказалось и следа облаков; оно было чистым и ясным, и первые звезды только-только проступали на нем. Киммериец посмотрел с обрыва вниз и ничего не увидел: луна еще не взошла, тени заливали котловину и только развалины святилища неясной грудой темнели в дальнем ее конце. Громыхающий раскат расколол небо в третий раз, и в землю ударила слепящая молния. Она не исчезла, а продолжала блистать, как искореженная нить, соединяющая безоблачный небосвод с погруженной во тьму землей. Маленький островок яркого света вспыхнул в котловине. Молнии били снова и снова; наконец они слились в одну сверкающую воронку, которая вытянулась острием вниз, упираясь в светящийся островок. Внезапно Конан сообразил, куда бьют эти молнии: в место, где лежал Зольдо, погребенный под обломками. Сощурившись от яркого блеска, киммериец увидел темную фигуру с воздетыми вверх руками; она медленно отступала среди бьющих со всех сторон молний. Островок света разгорелся и засиял, соперничая с ними блеском; тьмы больше не было, только черная фигура мага пятилась к краю площадки. Шаги чародея были неверны, он шатался, словно пьяный. И тут в него ударила молния... Маг рухнул наземь, как подкошенный.

Конан съехал вниз по склону и побежал к упавшему Пелиасу. Сияющие разряды с грохотом врезались в камень, но ни один не задел его. Киммериец упал на колени перед телом волшебника, разглядев, что опаленные волосы

мага спеклись в темную массу. Похоже, у него больше не было ни ресниц, ни бровей, а кожа на лице потемнела и покрылась трещинами и волдырями. Конан схватил его за плечи и взвалил себе на спину.

Мощный удар выбил у киммерийца землю из-под ног. Он упал, ударившись плечом и выронив тело Пелиаса; площадка ходуном ходила у него перед глазами, гладкий камень лопался и стрелял трещинами. Конан вскочил, с трудом сохраняя равновесие; твердь земная колебалась под ним, словно палуба корабля в море. Подхватив обмякшее тело Пелиаса, он рывком забросил его себе на плечо и обернулся: там, где воронка из молний касалась земли, теперь зияла стремительно растущая пропасть, в которую низвергались громадные каменные обломки.

Киммериец бросился бежать; он неся не чуя ног, перескакивая через вздымающееся каменное крошево. Обдирая руки, он лез по склону обрыва, падал и лез снова, и камни сверху сыпались на него.

Королева Зенобия сидела в резном кресле, положив подбородок на сложенные ладони. Рядом с ней стоял граф Просперо, склонившись в учтивом поклоне; губы его беззвучно шевелились. Граф сопровождал свою неслышную речь выразительной жестикуляцией, но брови королевы оставались нахмуренными. Она о чем-то спросила Просперо, и граф беспомощно развел руками. Зенобия порывисто поднялась и топнула в гнев туфелькой.

Изображения королевы и графа побледнели и пропали; мерцающий шар, висевший над костром, съежился и струйкой дыма развеялся в воздухе.

— Ну, видишь, все в порядке, — сказал Пелиас и перевернулся на другой бок, зашипев при этом от боли.

Конан не ответил, ткнув ножом оленью ногу, подвешенную над угольями. Где-то неподалеку в джунглях громко захрустели ломающиеся ветви, и киммериец настороженно повернулся на шум.

— Не беспокойся, мой король, — произнес волшебник. — Хотя меня и потрепало изрядно, но сил, чтобы отвалить непрощенных гостей, хватит. Сквозь магический круг не пройти никому, ни зверю, ни человеку. Мы можем спать спокойно.

Пелиас пошевелил остатками бровей на обгоревшем лице и страдальчески сморщился.

— Вот уж не думал, что ты полезешь за мной в это пекло! — Волшебник осторожно коснулся кончиками пальцев кожи на лбу.

Конан отрезал от оленьей ноги маленький кусочек и сунул в рот, потом старательно разжевал и проглотил. На физиономии его проступило удовлетворенное выражение.

— Кром! Я бы продал душу за несколько глотков вина, — сказал он.

— Вина? — удивился Пелиас. — Что же ты молчишь?

Волшебник принялся бормотать себе под нос непонятные слова заклинаний. Когда он умолк, Конан огляделся в поисках кувшина. Вином, однако, не пахло.

— Ну? — раздраженно буркнул киммериец, разочарованный в своих ожиданиях.

— Подожди немного, вино будет, — успокоил его Пелиас.

Конан недоверчиво покосился на чародея, но ничего не сказал. Желудок его требовал пищи и, не дожидаясь обещанного вина, он отрезал два изрядных куса жареного мяса, протянув один из них магу. Конан быстро расправился со своей порцией и примеривался отрезать еще, когда сверху раздалось громкое уханье.

— Вот и вино, — сказал Пелиас. — Лови!

Над головой Конана затрещали ветви; он поднял взгляд и увидел, как сквозь крону дерева на него падает темный комок. Он поймал его на лету. Упавший предмет издал звучное бульканье, и Конан опустил себе на колени полный бурдюк. Пелиас благожелательно поглядывал, как его сотрапезник, вырвав из бурдюка затычку, шумно принялся.

— Вино, — довольно сказал он и припал к меху, сделав изрядный глоток; затем оторвался и добавил: — Отличное вино!

После этого киммериец поднял бурдюк над головой, и темная жидкость струей потекла в его раскрытый рот. Бурдюк стал худеть на глазах.

— Друг мой, оставь и мне немного, — обеспокоенно сказал Пелиас.

Конан вытер губы и протянул наполовину опустевший мех волшебнику: Пелиас чуть-чуть пригубил, и рот его сложился в довольную улыбку.

— Ты послал за ним одного из своих уродов? — спросил Конан.

Пелиас согласно наклонил голову.

— Хорошее вино! Откуда он его взял?

— Стянул где-нибудь.

Киммериец вернулся к прерванному ужину, щедрыми глотками запивая куски жареной оленины.

Пелиас, побрякивая и шипя, принял сидячее положение.

— Друг мой, я бы хотел выразить тебе свою признательность, — заговорил маг, — ибо ты уже второй раз спасаешь меня от смерти. Я готов объяснить тебе причины моего странного на первый взгляд поведения.

Конан оторвался от мяса.

— Не надо, — сказал он.

— Как? — изумился волшебник. — Ведь ты требовал от меня объяснений?

Конан отшвырнул в сторону обглоданную кость.

— Пелиас, — сказал он, — ты хотел повернуть мир на другую колею и спасти его от гибели. Ты это сделал?

— Мы это сделали, мой король, — поправил киммерийца маг.

— А-а, пустое, — отмахнулся Конан, — оставь свои бредни при себе, у меня от них голова болит. Я видел, что ты вытворял перед развалинами! Не скрою, я думал, что ты хочешь завладеть талисманом, и решил тебе помешать, но я ошибся. Почему ты меня обманывал, не знаю и знать не хочу! То, что я видел, сказало мне, что твои слова о гибели моего королевства и королевы могут быть правдой. Поэтому мы квиты: ты делал свое дело, а я делал свое. Я знать не хочу о судьбах мира, а моя жена и королевство мне дороги. А выгащил я тебя потому, что решил: иной раз не худо иметь под рукой колдуна, с которым можно договориться. Ясно? Но постарайся не впутывать меня больше ни во что, иначе от нашей дружбы не останется и следа.

— О, мой король! Если бы только я мог поступить по-другому... — печально произнес Пелиас.

Конан усмехнулся и отхлебнул вина.

— Тогда хоть не ври — у тебя это плохо получается, — сказал он. — И ответь мне на один вопрос.

— Какой? — спросил волшебник.

— Что с Зольдо?

— А-а, я знал, что ты о нем спросишь, — улыбнулся маг. — Теперь душа его на Серых Равнинах, тело же сгорело, а пепел канул в бездну вместе с Камнем Мертвых. Бессмертного больше нет!

Конан смотрел в огонь и молчал. Языки пламени, отражаясь, плясали в его синих глазах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НОЧНЫЕ КЛИНКИ:
ОТ ЮЖНЫХ МОРЕЙ ДО ВЕНДИИ

Глава I

Конан открыл глаза. В голове немилосердно трещало. Во имя Крома, что этот старый обманщик Абулетес поднес ему вместо доброго красного туранского?! Ну, погоди, ты у меня еще попляшешь, толстая крыса, мстительно подумал варвар, сжимая виски ладонями. Это какую же гадость я должен был выпить, чтобы в башке бы так зашумело?!

В первый миг Конан был настолько озабочен этим, что даже не заметил склонившегося над ним незнакомого бородатого лица.

— Не стони так, парень, — услышал киммериец. — До побудки еще добрых четверть клепсидры, а ты орешь, точно дикий буйвол на случке! Смотри, в следующий раз по шеем навешают! На первый-то раз простили...

— Чего, чего? — не понял Конан. Он проснулся в Шадизаре, в самом сердце воровской Пустыньки, в заведении почтенного Абулетеса — и вместо теплой девки под боком обнаруживает уставившуюся на него бородатую харю, которую он, Конан видит первый раз в жизни.

Киммериец попытался приподняться. Что-то мешало, держало за ногу; только теперь варвар пришел в себя.

Он полулежал на жесткой, до блеска отполированной скамье. Над головой нависал низкий дощатый потолок. Вокруг киммерийца вповалку лежали тела людей; кто храпел, кто негромко стонал, кто осыпал кого-то проклятьями...

Изумленный Конан обвел окружающее взглядом. Кром, владыка жизни, людей и богов, да ведь это гребная палуба галеры! И я, Конан, невесть как превратился в прикованного к скамье раба-гребца — щиколотка была закована в грубый железный браслет, обернутый сверху толстой кожей. От браслета ко вделанному в палубу кольцу тянулась недлинная цепь.

— Кром! — вот и все, что мог сказать потрясенный Конан.

Он ничего не понимал. Как он очутился здесь? Даже если ему что-то подмешали в вино, то неужели же он провалялся, откинув копыта, столько времени? От Шадизара ведь до любого моря неделю скачи — не доскачешь. Разбудивший Конана бородач дружелюбно похлопал киммерийца по плечу и отошел досыпать.

Галера была очень велика. В былые годы варвару довелось пиратствовать вместе с великолепной Бёлит на «Тигрице», куда как немаленькой скорлупке, однако этот корабль превосходил размерами судно пиратов Черного Берега самое меньшее вдвое.

Киммериец пригляделся к спящим рабам. Тут был самый разнообразный люд. Чернокожие Дарфара и Зембабве, коренастые черноволосые шемиты, оливковокожие стигийцы, светловолосые ваниры, узкоглазые кхитайцы, смуглые вендийцы...

За бортом тихо плескалась вода. Галеру чуть покачивало. Конан втянул поздрями воздух, словно гончая — к запаху моря примешивался терпкий лесной аромат. Они стояли на якоре где-то невдалеке от земли и, несомненно, в Южных Пределах.

Конан медленно сжал и вновь разжал кулаки. Кром, кое-кто мне за это заплатит, посулился он. Кто-то мне за это очень дорого заплатит, как только я сумею отсюда выбраться. Он бросил быстрый взгляд на запиравший его цепь замок и досадливо поморщился. Такой пальцами не откроешь. Запоры сюда ставили настоящие мастера.

Внешне киммериец оставался совершенно спокоен, словно просыпаться после доброй попойки прикованным к палубе галеры для него совершенно обычное дело, однако внутри него бушевала настоящая буря. Его, Конана-киммерийца, грозу всех воров Шадизара, посадили на цепь! А он при этом не только не убил ни одного человека, но мирно спал, пуская пузыри, словно грудной младенец! Что ж, если на этой галере плавают глупцы, которые не знают, кто такой Конан, — он сумеет им как следует представиться.

Киммерийцу шел двадцать шестой год, и он уже давно вступил в полную силу воина. Тело украшали многочис-

ленные шрамы — знаки боевой доблести для любого мужчины из киммерийского рода. Ярко-синие, очень редкие для жителя Юга глаза горели на суровом лице ярко и живо; сейчас эти глаза были прищурены, и кое-кто из тех, кому доводилось знать Конана хоть сколько-нибудь близко, тотчас сказал бы «братцы, уходим — киммериец не в духе. Меньше чем двумя десятками трупов тут не обойдется».

Прежде чем он, Конан, вздернет капитана этой посудины вверх ногами на рее и начнет медленно поджаривать его на небольшом огне, нужно было управиться с одним совсем небольшим дельцем — освободиться от цепи и раздобыть хоть какое-то оружие. Последним, впрочем, вполне могла послужить и сковывающая Конана цепь — ему немало довелось сражаться против хорошо вооруженных воинов, не имея в руках ничего, кроме обрывка тяжелой цепи. Невольно Конан вспомнил, как дрался такой цепью с волками — десять лет назад, когда пятнадцатилетний парнишка-гладиатор бежал из гиперборейского рабства и встретил ожившую мумию неведомо когда умершего короля в заброшенном горном склепе... Цепь тогда его здорово выручила.

Ничего, выберемся и отсюда, ободрил себя Конан. На то имелась масса способов. Вскоре должны объявить побудку, а после нее должна последовать кормежка. На галерах хозяевам волей-неволей приходится кормить рабов вдоволь — иначе просто не смогут грести. Вот тут-то мы и посмотрим, кто кого в конце концов сумеет посадить на цепь...

Конан решил ждать. Его разум варвара, хитрый, изворотливый, как у самого опасного дикого зверя, никогда не задавался непосильными задачами. Как он, Конан, попал сюда, что это за корабль, кто его хозяева, в каких местах они сейчас находятся — все это нисколько не волновало киммерийца. В свое время он найдет на них ответы, ну а если и не найдет — то невелика потеря. Главным было вернуть себе свободу — и отомстить за оскорбление.

Мало-помалу на гребной палубе становилось все светлее и светлее. Рассветные лучи все увереннее пробивались сквозь весельные дыры. Рабы продолжали лежать; в нозд-

ри Конану настойчиво лезли отвратительные запахи нечистот. Киммериец скосил глаза — разбудивший его темноволосый бородач, судя по виду — шемит, спал сном праведника, словно его ничуть не волновало то, что он — презренный галерный раб!

Киммериец прошел хорошую школу в гиперборейских гладиаторских казармах. Он твердо знал, что если хочешь освободиться — никогда не следует рваться и кричать, сидя на цепи. Получишь хозяйских кнутов, вот и все.

Наконец клепсидра опустела. И тотчас же наверху загнусавил громкий рог, его сопровождали звонкие удары в медные тарелки. Загремели откидываемые люки; заорали надсмотрщики.

— Поднимайся! Поднимайся! Жратва!

Сонные рабы с кряхтением и проклятиями зашевелились на скамьях и палубе. Конан тоже поднялся, стараясь не оставить от других. Тем временем сверху начали бросать гребцам еду — какие-то плотные не то свертки, не то куски. Ничего похожего на обычную для галер Западного Океана процедуру Конан не увидел. Здесь вся еда доставалась самым сильным, и за нее нужно было драться. Чем киммериец немедленно и занялся.

Два-три удара кулаков отбросили с пути Конана всех остальных товарищей по несчастью. Киммериец подхватил с грязных досок несколько кусков вяленой рыбы — все, что пришлось на долю этой части гребной палубы. Принять участие в драке за иные куски рабы не могли — цепи были слишком коротки.

Усмехаясь, киммериец сел на скамью.

— Эй, вы, звери! Подходите по одному. Будем делить!

Это было нечто невиданное. Вместо того, чтобы сожрать всю добычу самому, новоприбывший раздает ей остальным!

— Если, вы, бараны ослиные, думаете, что я не могу скрутить всех вас в один пучок и вышвырнуть за борт, то вы сильно заблуждаетесь, — проникательно заметил Конан. — Только шакалы дерутся между собой за добычу!

И, пока вокруг царил гвалт, крик и проклятья, Конан мирно разделил доставшуюся им рыбу. Среди тех, кто подошел к нему, он заметил и вчерашнего бородача.

— Как тебя зовут? — Конан с волчьим аппетитом впился зубами в рыбу. Только теперь он понял, насколько голоден — похоже, его и впрямь не кормили несколько дней.

— Хашдад, — охотно откликнулся бородач. Конан успел заметить, что улыбка у этого мужчины очень открытая и мягкая, он улыбался киммерийцу, словно старому приятелю, встретившись с ним за чашей доброго вина в какой-нибудь таверне. На вид ему было лет сорок, он отличался крепким телосложением, в волосах хватало седины.

— Слушай, Хашдад... мне надо у тебя кое-что спросить.

— Спросишь! Конечно, спросишь! — всплеснул руками Хашдад. — Но... только не сейчас. Наши хозяева, великие и грозные Клинки Ночи, вот-вот прикажут сниматься с якоря. Тут уж только успевай поворачиваться! — и, внезапно поворачиваясь, шемит бросил Конану вполголоса, так, что кроме киммерийца никто не слышал его слов:

— Вечером, когда все заснут...

Конан не стал задавать вопросов. Лет семь-восемь назад он, конечно, не смирился бы с подобным — как так, он спрашивает, а ему не отвечают! Но те времена давным-давно прошли...

Тем временем наверху вновь затрубили в рог. По ведущим на палубу лестницам загрохотали сапоги. Вниз спускались надсмотрщики.

Всего их оказалось четверо, по двое на каждый борт. Конан так и впился взглядами в их лица, пытаясь понять, в чьих же руках он оказался.

Надсмотрщики казались братьями. Все высокие, массивные, с короткими шеями, лысые, голые до пояса, в одинаковых ярко-красных штанах, поддерживаемых широкими кожаными поясами. Оружия они при себе не носили — хватало длинных кнутов с тяжелыми рукоятками. Появилось двое или трое мальчишек с ведрами воды и небольшими черпаками — поить гребцов. Наверху гулко ударило кожаное било.

— Бери весло, парень, — Хашдад толкнул Конана в бок. — Не мешкай, а то эти ребята, — он кивнул на

надсмотрщиков, — ждать не станут. Мы с тобой в паре. Греб когда-нибудь?

Конан коротко кивнул.

— Вот и отлично, — Хашдад потянул весло из дыры в борту.

Киммериец молча принялся за работу.

Они гребли, всем телом наваливаясь на неподъемное весло, подчиняясь задаваемым палубным барабанщиком ритму. Пока все рабы были свежи, никто не нуждался в понуканиях и надсмотрщики бездельничали, свысока поглядывая на гнущиеся спины гребцов.

— Погоди, сейчас палубный спустится... — прошептал Хашдад утрюмо молчавшему киммерийцу. — Вот кто главный-то зверь! Вот кто люзует-то!..

Закончить ему не удалось.

— Не шептаться! — рявкнул над самым ухом голос надсмотрщика. Свистнул бич, и лицо Хашдада исказилось от боли. Голубые глаза Конана резко сощурились.

— А, у нас новенький, — услышал киммериец низкий хриплый голос.

Конан обернулся. Поигрывая длинным бичом с роскошной, отделанной серебряной инкрустацией рукоятю, рядом с надсмотрщиком стоял палубный. Краснорожий, с необъятным брюхом, которое, однако, странным образом не мешало ему двигаться быстро, ловко и почти бесшумно, он был одет в белоснежные широкие портки тонкого полотна. Волосатую грудь украшали многочисленные золотые цепи, каждая толщиной в палец. Мелкие заплывшие жиром глазки смотрели прямо на Конана, и в этих глазках сейчас читалось злорадное торжество.

— Новенький! Та-ак... — довольно протянул палубный. Конан не мог понять, к какому народу тот принадлежит. — Новенький, который не знает, что раб не имеет права поднимать глаза на господина! Что ж, придется вбить тебе в твою тупую киммерийскую балку должную почтительность...

Бич свистнул, опустившись на обнаженную спину Конана. Рубец вспыхнул обжигающей болью, однако киммериец даже не поморщился. Для мужчины из клана Страны Глубокой Ночи это — не боль. Случалось ему терпеть и нечто похуже. Конан не опустил глаз.

Палубный прищурился так, что орбиты совсем утонули в складках наплывшего на них жира, и вновь размахнулся. На сей раз удар пришелся по затылку и шее Конана. Толстый бич сыромятной кожи оставил настоящую рану; варвар почувствовал, как по плечу побежала струйка крови.

— Опустит, опустит глаза, иначе он забьет тебя до смерти! — испуганно прошептал бешеному синеглазому соседу Хашдад. — Позавчера лишь моего напарника заporол...

Это подействовало. И, хотя кровь киммерийца кипела от бешенства, он заставил себя опустить взгляд. Ярость требовала выхода, и он налег на весло.

— Смотри-ка, а он понятливый, этот киммерийский выродок, — глумливо заметил палубный. — Следите за ним в оба, ребята, — предупредил он надсмотрщиков, а затем прибавил несколько слов на неизвестном Конану языке.

— Удачно отделался, — шепотом бросил киммерийцу Хашдад, улучив момент, когда палубный оказался в дальнем от них конце гребного помещения. — Он и в самом деле забил бы тебя. Ты ловок и силен, быть может, ты бы даже смог поймать его хлыст — но, пока ты прикован, ничего не сделаешь. Наверху полно лучников.

— Спасибо, я учту, — сквозь зубы бросил варвар. Плечо все еще кровило.

Некоторое время спустя палубный придрался еще к одному рабу, и тому уже не помогли даже мольбы о пощаде. Свист бича сменялся стонами; затем стоны прекратились и слышны были лишь мокрые удары кожаного кнута о плоть.

Хашдад скорбно потупился и шепотом пробормотал что-то вроде отходной молитвы.

— Ну вот, еще один. Плохо день начинается, брат, плохо... Что-то будет к вечеру!..

Конан не ответил. Киммерийцу довелось немало убивать в своей жизни, и он привык относиться к смерти с фатализмом истинного варвара. Однако зачастую разумный человек может извлечь некоторую выгоду из смерти другого человека, даже если не получит от этого ни гроша...

Киммериец увидел, как двое надсмотрщиков получили от палубного какой-то ключ, который толстяк носил на

поясе, и отперли этим ключом замок, что запирает цепь запоротого гребца. Тело без всяких церемоний подтащили к ведущей вверх лестнице, и спустя несколько мгновений Конан услышал негромкий всплеск. Хашдад вздохнул.

«Ты заплатишь мне еще и за это, — зло подумал молодой киммериец. — И ты, и твои дружки с верхней палубы. И это развлечение обойдется вам очень дорого!»

* * *

Первый день Конана на галере остался позади. Глаза киммерийца горели мрачным огнем — пока еще он смирял свои страсти, втолковывая себе, что бушующая и бунтующая зря, он просто расстанется с жизнью под свист сыромязного бича, однако сохранять спокойствие становилось все труднее и труднее.

Это была галера смерти. Здесь не заботились о гребцах, здесь их доводили до полного изнеможения и сбрасывали за борт еще живыми, на поживу сопровождавшим судно акулам. Кормили мало и плохо. Вдоволь было только воды. Конан сам ходил на галерах, сам не раз садился к веслу, когда заставляла нужда, и знал, что гребцу без смены никак нельзя. Невозможно грести, выкладываясь в полную силу, от восхода до заката солнца. На всех гребных судах, которые ему довелось видеть, всегда имелось три, а то и четыре полных смены гребцов — особенно, если это были не рабы, а вольнонаемные. Здесь же, на галере Братьев Ночи, смен было только две — дневная и ночная.

Люди на гребной палубе умирали во множестве. Кто не выдерживал адского труда, кого забивал сам палубный. Вместо умерших всегда появлялись новые — их покупали в портах, где останавливалась галера.

Вечером Конану и впрямь удалось некоторое время пошептать с Хашдадом. Шемит был кузнецом, и судьба забросила его в Аргос, на побережье. Там его и захватили.

— Жена у меня была... — еле слышно в самое ухо Конана шептал Хашдад. — Жена и дочек двое... сынишка только-только родился, и года не сровнялось... Нагрянули... подошла эта галера, спустила шлюпки — и к нам. Деревня у нас не слишком богатая, пиратов мы не боя-

лись — что им взять с рыбаков? А, оказалось, очень даже есть что. Ну и... позабавились парни с галеры здорово. Их там немного — ну, от силы десятка два — но драться умеют здорово. Наших почти всех положили... а меня оглушили. Потом в чувство привели... и прямо передо мной... сперва жену растянули... а потом девочек... Я стоял к столбу привязанный... Как они кричали! О, небо, как они кричали!.. А потом... потом наш палубный вышел со своим кнутом... и мою младшенькую... заporол. А старшую и жену — на куски изрубили. И притом медленно еще рубили!.. А сына... костер развели... на вертел насадили... зажарили... и сожрали!

Конан почувствовал, что у него твердеют скулы. Подобных злодейств не творили даже черные стигийские маги, хотя у тех руки тоже были по локоть в крови.

Хашдад не выдержал — отвернулся. Плечи шемита вздрогнули, и киммериец тотчас же зло ощерился.

— Так что же ты ждешь? Пока тебя самого заporют?! Надо вогнать этим тварям меч в брюхо по самую рукоять!

— С галер Братьев не убегают, — вздохнул Хашдад.

— Ну, а я убегу, — Конан сжал зубы. — И ты сам увидишь все собственными глазами.

— Слушай, парень, я тебе говорю — отсюда не убегают. Я здесь уже немало времени. Поверь мне. Я знаю.

— Но и умирать я тут тоже не собираюсь, — Конан сверкнул глазами. — Ну, а этот палубный у меня еще попляшет.

На следующее утро, когда принесли еду, киммериец отложил часть своей порции. Так поступали многие. Иногда, особенно если выдавался хороший попутный ветер, и уже не надо было так выкладываться на веслах, можно было на скорую руку перекусить. Весь день Конан усердно греб, стараясь ничем не привлекать внимание палубного.

За ночь — как раз при попутном ветре — галера прошла довольно много и погода резко изменилась. Стало невыносимо жарко и влажно, что, естественно, не улучшало настроения людей — ни на гребной палубе, ни в капитанской каюте.

Утром, после того как гребцам была раздана их жалкая пища, и вся палуба огласилась голодным чавканьем и

урчанием, наверху внезапно раздался гулкий звон колокола. Раз... и еще раз... и еще... А потом гнусаво взвыло несколько сигнальных труб.

Лица гребцов тотчас же посерели. У Хашдада изо рта вывалился недоодеженный кусок рыбы.

— Эй, приятель, что происходит? — удивился Конан, глядя на всеобщую панику. Его сосед-кузнец повернулся было, чтобы ответить — и поспешно зажал рот ладонью. По высокому помосту в середине палубы, тяжело отдуваясь и топоча подкованными сапожищами, бежал Архам, палубный боцман, щедро охаживая рабов своим неизменным кнутом.

— Весла на воду, скоты! Кому сказано, пошевеливайтесь, акулья сыгы! Живее, вам говорят!

Хашдад навалился на весло, всем своим видом изображая непомерное усердие. Архам промчался мимо, бранясь, брызгая слюной и изрыгая проклятия — после чего робкий кузнец решился-таки заговорить.

— Их впередсмотрящий заметил чужой корабль. Его сейчас возьмут на abordаж, и... Помогите Митра оказавшимся там несчастным мореходам!

Киммериец мрачно усмехнулся. В прошлом ему самому доводилось хаживать под черными пиратскими стягами — в компании Белит Великолепной, хозяйки Черного Побережья — и он отлично знал, какая участь ждет попавших в плен. Рабство!

— Ну, хуже, чем нам, им все равно не будет, — философски заметил Конан. — Даже если тебя продадут с торгов — всегда есть возможность бежать, покуда жив...

— Ты не понимаешь! — Хашдад понизил голос до еле слышного шепота. — Ты не понимаешь! Те, кто попадут на галерные скамьи рядом с нами, будут до конца своих дней возносить хвалы всем богам и небожителям! Потому что остальные...

Вокруг его плеч обвился кнут одного из надсмотрщиков, и кузнец скорчился от боли.

— Не шептаться! — рявкнул помощник Архама. — И гребите как следует, сволочи! Настало время Ночным Клинкам позабавиться!..

Бронзовый гонг в руках Архама все ускорял и ускорял ритм. Гребцы со стонами налегали на весла; дул попутный

ветер, и галера летела вперед, точно альбатрос. На верхней палубе слышался топот многочисленных ног, лязг оружия и неразборчивые ликующие вопли.

— Они что, уже празднуют победу? — улучив момент, спросил Конан соседа.

— Умгум, — буркнул Хашдад. — Они всегда побеждают, брат Конан. Всегда. Им никто не может противостоять. Никто! — Честное лицо кузнеца скорчилось в мучительной гримасе.

— Ну, это мы еще посмотрим... — криво усмехнулся Конан. — Много таких было... «непобедимых».

Хашдад ничего не ответил — надсмотрщик подошел слишком близко.

Безумная гонка продолжалась, и теперь даже могучему киммерийцу стало не до разговоров. Архам с помощниками выжимали из гребцов все силы. Бичи не знали отдыха; со всех сторон неслись вопли и крики избиваемых. Несколько человек под градом ударов бросили весла; их быстро вытащили на середину и заporоли в считанные мгновения. Еще трепещущие окровавленные тела полетели за борт.

— Так будет со всеми, кто станет отлынивать! — загремел Архам.

И вновь ритм, ритм, ритм... Поднимается и опускается тяжелое весло, скрипит дерево, звенит цепь... Хашдад начал задыхаться. Словно выброшенная на берег рыба, он ловил ртом воздух; руки его двигались все медленнее и медленнее, и все больше работы выпадало на долю Конана. Киммериец уже с тревогой косился на товарища по несчастью, как постепенно нараставший все это время рев Ночных Клинков на верхней палубе сменился треском, грохотом, криками и звоном стали.

— Весла сунуть! — заорал Архам.

Начинался abordажный бой. Конану незачем было видеть все происходящее глазами — он и так знал, что сейчас происходит наверху. Переброшены крючья... команда Ночных Клинков прыгает на борт обреченного судна... там пытаются сопротивляться, но...

Рядом со скамьей Конана и Хашдада внезапно раздался истошный человеческий вопль. Один из гребцов рухнул в проход, обхватив обеими руками разрубленную грудь.

Кровь хлестала потоком; несколько мгновений спустя корчи прекратились, несчастный умер.

Киммериец глазел на это, разинув рот. Он готов был поклясться, что возле убитого никого не было. Откуда же взялась та страшная рана?..

Хашдад проводил погибшего скорбным взором, как нечто печальное, но вполне привычное для здешних обитателей.

— Это... что?.. — прохрипел Конан.

— Ты не понял? Когда они на кого-то нападают, у нас творится нечто такое... словно бы все их раны достаются нам...

— Гребцы гибнут за них? — догадался Конан.

— Да. Это какое-то чародейство... Вот почему они непобедимы!

— Понятно, — киммериец скрипнул зубами.

Вслед за первым погиб еще один раб, потом еще и еще... У Конана волосы зашевелились на затылке — никто не знал, кому следующему будет уготована участь отвести гибель от очередного злодея ценой собственной жизни.

Гребцы падали то тут, то там, сраженные невидимыми мечами и копьями. Хашдад весь трясся, судорожно бормоча какие-то молитвы.

Забыв обо всем, Конан приподнялся. Он сражался во многих битвах, доводилось ему видеть и кровавые жертвоприношения, но такого... Воистину, этих Ночных Клинков охраняла могучая магия.

И тут судьба настигла его самого. Что-то тяжелое ударило его сзади по затылку; мир исчез в багровом круговороте. Киммериец тяжело рухнул на грязные, окровавленные доски палубы (никто из хозяев галеры не считал нужным смывать с нее кровь и нечистоты, обычно этим занимались сами рабы).

И, быть может, это спасло ему жизнь. Пропущенный неведомым воином пиратов удар лишь оглушил киммерийца. На Конана сверху обрушился холодный водопад, и он пришел в себя. Наверху маячила ухмыляющаяся рожа надсмотрщика.

— Очухался, акулья сыть? — рявкнул тот. — Ну, раз очухался — за работу! Погожу тобой рыб кормить...

Преодолевая боль и головокружение, киммериец вновь уселся на скамью рядом с Хашдадом. Тот слабо, невесело ухмыльнулся.

— Вот и тебя отметили... Теперь ты полностью наш.

Сражение продолжалось. Все новые и новые рабы погибали, пронзенные насквозь, разрубленные, истекшие кровью от ран... Никто и не думал спасать кого-то из них. Судя по всему, взятое на бордаж судно сопротивлялось отчаянно, однако справиться с неуязвимыми противниками его моряки, понятное дело, не могли.

Мало-помалу звуки боя начали затихать, рабы гибли все реже и реже. Наверху вновь взвыли рога — на сей раз ликующе и торжественно.

— Вот и все, — бледный Хашдад утер пот со лба. — Они опять победили. Кто же их остановит?.. Наверное, только сам Митра!..

Очень скоро по трапам вниз, на гребную палубу потащили упирающихся мореходов с захваченного судна. Судя по смуглой коже и характерному разрезу глаз, это были вендийцы.

— Рассади этих свиней по местам, Архам! — раздался сверху рык капитана. — Только пусть сперва приберут там всю падаль...

Кто-то из пленников, не потерявший сердца, несмотря на поражение, попытался гордо отказаться — Архам тотчас же снес бедняге голову. Сделал он это, точно опытный палач.

— Ну, кто еще будет упираться?

Это было сказано на понятном Конану западном наречии и сказано, судя по всему, для остальных рабов, так как боцман сразу же повторил ту же фразу по-вендийски.

Упираться больше желающих не нашлось. Трупы мертвых рабов полетели за борт; подбоцмана спешили пристегнуть на цепи новых гребцов.

— Теперь мы сможем отдохнуть, — шепнул Хашдад киммерийцу. — Сейчас они потопят судно, а потом начнут свои игрища. Ручаюсь, галера до завтра и с места не двинется.

— А что это за... игрища? — поинтересовался северянин.

— Эрлик их знает! Но люди там вопят так, словно их живьем скармливают демонам.

Словно в подтверждение слов Хашдада сверху донесся истошный женский визг.

— О! У них будет двойной праздник! — печально опустил плечи кузнец. — Они захватили женщин... То-то не повезло бедняжкам!

Конан чувствовал, как в нем закипает бешенство.

Вопли сменились неразборчивым мычанием, словно кто-то поспешно зажал рот кричавшей. И тотчас же раздался детский плач.

Хашдад до крови прокусил губу.

— Митра!.. За что?!.. Там же еще и дети!..

Ребенок заливисто плакал. Потом, похоже, ему тоже заткнули рот и вместе с женщиной уволокли куда-то прочь.

Все это время рабы оставались одни — все надсмотрщики во главе с Архамом подались вверх смотреть представление.

— Эй, вы, там, которые новые! — негромко окликнул Конан приведенных вендийцев. — Что у вас был за ко- рабль?

— Мы везли ее высочество принцессу Тамилу, — ответил один из новых гребцов, молодой воин в изодранной и окровавленной рубахе, какую воины южных стран обычно надевают под доспехи. — Ее служанок, одну — с младенцем... старую кормилицу, учителя... Они долго гнались за нами... им словно сам демон помогал...

Празднество на галере и впрямь длилось всю ночь. И к рассвету у всех до единого рабов прибавилось не по одному седому волосу.

Крики, доносившиеся сверху, могли привести в ужас самого закоренелого во зло некроманта. Конан, никогда не отличавшийся сентиментальностью, чуть не до кости изгрыз себе кулак — особенно, когда плач ребенка оборвался коротким жалобным всхлипом...

Но этого мало. Чьи громадные крылья хлопали там, наверху, под леденящее кровь завывание Ночных Клинков? Чье холодное дыхание сочилось сквозь доски верхней палубы? Чье утробное урчание доносилось оттуда, смешиваясь с дикими воплями умирающих?..

Утром мимо весельных дыр текла смываемая с верхней палубы кровь.

И вновь галера резала неведомые воды.

Прошла неделя.

Люди умирали во множестве. Конан мрачнел — и отчего-то очень пристально прислушивался к голосу капитана...

В тот день киммериец отложил часть своей утренней порции.

Ближе к полудню, когда задул попутный ветер и гребцы получили небольшую передышку, многие потянулись за едой. Достал свой кусок и Конан, затолкал его в рот и принялся жевать. Скривился — от рыбы ощутимо несло тухлятиной — и нагнулся к весельной дыре, чтобы сплюнуть. Палубный, напыщенный и важный, словно индюк на птичьем дворе, прохаживался взад-вперед по дощатому настилу посреди гребной палубы.

Неожиданно раздался голос, очень похожий на рык капитана галеры (его все рабы слышали по утрам и вечерам, когда тот распекал свою команду за различные провинности), внезапно произнесший:

— Архам! Быстро сюда, ты, ослиноголовый мерин с куском дерьма вместо головы!

Палубный, которого звали Архам, аж подпрыгнул на месте. Лицо его побагровело, став красным, точно свекла. Многочисленные побрякушки, украшавшие его волосатую грудь, жалобно задрезбжали, когда он, словно опшаренный, ринулся к ведущему наверх трапу.

Заметивший проделку киммерийца Хашдад только покачал головой. Конан его отлично понимал. Плохое настроение боцмана обернется побоями и смертями товарищей киммерийца по несчастью...

С палубы донесся раздраженный раскат капитанского голоса. Нет, он не звал никого наверх! А у Архама, верно, и впрямь кусок дерьма вместо головы, если ему начинает чудиться подобное! Так что пусть палубный боцман убирается с его, капитанских глаз долой, пока дело не дошло до большего!..

Все это сопровождалось веселым гогогом остальной команды.

Весь красный после капитанской выволочки Архам вернулся назад, на свой пост. Рабы не подняли голов, делая вид, что ничего не заметили.

Разумеется, палубный боцман постарался отыгаться на гребцах.

Хашдад получил дюжину плетей за непочтительный взгляд; другим перепало не меньше. Досталось и Конану, но киммериец лишь усмехнулся вслед разъяренному толстяку.

Спустилась ночь. Гребцы верхнего ряда весел отдыхали; бирема шла, подгоняемая свежим попутным ветром и работой рабов нижней палубы. Хашдад, которому не давала заснуть исхлестанная спина, со стоном пошевелился, переворачиваясь на другой бок; и тут раздался голос, очень похожий на рык палубного боцмана Архама:

— Скоты! Весла на воду! Задний ход! Быстро!

Руки полусонных рабов исполнили команду прежде, чем успели даже толком осознать, что же им было приказано. Весла опустились в воду, уперлись в нее...

И тут же с треском сшиблись с веслами нижнего ряда, упрямо гнавшими судно вперед. В один миг воцарился суший хаос. Треск ломающегося дерева, хряск разносимых уключин, крики раненых... Рабов сбрасывало со скамей, многие получили серьезные ушибы и ранения; галера стала беспомощно разворачиваться по ветру. Парус захлопал и обвис.

— Весла сушить! — послышался нечеловеческий рык капитана, выскочившего в чем был из каюты. — Архам, скотина!!! — Плечо капитана было окровавлено.

Мало-помалу сумятица улеглась. Экипаж разбежался осматривать повреждения, галерный целитель (нашелся, оказывается, и такой!) начал обход, кое-как врачуя многочисленных раненых. Его работа заняла почти всю оставшуюся часть ночи. Попятнаны оказались почти все гребцы, сломано было не меньше трети весел, разнесено немало весельных дыр... Галера могла лишь едва-едва ползти под своим небольшим парусом.

Палубного боцмана выкликнули наверх, к капитану. Со своего места Конан видел и слышал всю их беседу, если только так можно назвать яростный рык одного и жалкие запирательства другого. Архам уверял, что мирно спал в

своей конуре на носу, однако это лишь бесило капитана еще больше.

— В якорную! — оплевав Архама с головы до ног, рывкнул наконец капитан. — Посиди там. Может, после этого то дерьмо, что в твоей башке, станет варить хоть немного лучше...

По всем палубам уже пролетел слух, что палубный боцман спятил от жары. Похоже, в этом не сомневался и капитан.

Галера с грехом пополам двинулась только наутро. В ход пошли все запасные весла, но они сумели покрыть едва ли четверть убыли. Многие гребцы поневоле оказались не у дел.

Капитан Клинков Ночи (Конану так и не удалось выяснить, что означает сие странное слово) рвал и метал. Однако он мог забить и запороть хоть всю команду, но весел здесь, в открытом море, взять было все равно неоткуда. Галера повернула на юго-запад, где располагались какие-то острова.

— Что ты задумал, киммериец? — как-то вечером спросил Хашдад у своего соседа по гребной скамье. — Зачем тебе все это потребовалось? Смотри, сколько наших попятило!

— Зато теперь они могут не так надрываться! — рыкнул Конан. — Не видишь, борода — галера тащится медленнее, весел мало, смен больше — и у людей прибавляется сил?.. Ах, видишь?.. Так чего ж тогда спрашиваешь? Если понял, тогда молчи. Нужно только выждать момент...

Галера тащилась к неведомому архипелагу целую седмицу. И все это время Конан пытался выяснить хоть что-то о неведомых хозяевах судна. Правда, рабы рассказать могли немного. Многие попали на судно так же, как и Конан; иных захватили во время пиратских набегов, третьих просто купили в портовых городах. Все, что удалось разузнать киммерийцу, сводилось к тому, что галера Братьев Ночи (они же Клинки Ночи, они же Ночные Клинки) бороздила все океаны мира. Рабов покупали в хорошо знакомой Мессантии, в Стигии, в Вендии, один раб был даже из Кхитая.

Так ни в чем толком и не разобравшись, Конан решил просто ждать. До земли оставалось совсем немного... а там посмотрим.

Палубный боцман Архам вернулся к своим обязанностям, но вел себя уже куда тише. Похоже, он и сам начинал верить в то, что у него от жары несколько помутилось в голове. Ходил осторожно, все время прислушивался, завел привычку переспрашивать сопровождавшего его надсмотрщика, не отдавал ли господин капитан каких-либо распоряжений. Все шло так, как и рассчитывал киммериец.

Вскоре весь экипаж ничуть не сомневался в том, что Архам спятил.

Наконец сквозь весельную дыру Конан увидел взметнувшиеся над желтым песком побережья пальмы. Галера входила в небольшую бухточку, и со всех сторон к ней уже стремились узкие и длинные пироги с балансирями. Смуглолицые невысокие люди что-то радостно вопили, размахивая руками; их суденышки под завязку были нагружены всяческой снедью. Очевидно, корабли здесь были не такими уж редкими гостями.

Галера Ночных Клинков отдала якорь. Конан надеялся, что теперь команда постарается вознаградить себя за тяготы и тревоги пути доброй гульбой, но не тут-то было. Капитан держал всех в кулаке и никому не дал отлынивать. Почти все моряки были отправлены в лес на заготовку бревен, из которых предстояло вытесать новые весла. Рабов не расковывали, справедливо остерегаясь бунта.

И все же Конан не упустил возможности. Архам с надсмотрщиками явились менять сломанное весло соседей киммерийца и Хашдада по скамье. Пока разбиралась уключина, палубный стоял совсем рядом с молодым варваром, и заветный ключ оказался под самым носом Конана. Архам же не столько следил за работами — на это имелся младший подбоцман — сколько прислушивался, не раздастся ли сверху голос капитана.

Спустили тяжелое весло. Уключина была разобрана: сейчас один из множества деревянных плавников рукотворного морского зверя ляжет на место, и его накрепко замкнут железные скобы. Сейчас... сейчас... теперь!

Киммериец рванулся, точно бросающаяся на дичь пантера. Его руки впились в светлое, еще не потемневшее от ладоней гребцов дерево. Миг — и торец весла врезался в висок замершему с отсутствующим видом Архаму. Палубный боцман свалился, не пикнув. Прежде чем его оторопевшие помощники вцепились в Конана, киммериец уже завладел вожаемым ключом.

Поворот — и цепь спала.

— Держи! — Конан бросил ключ Хашдаду. Кулак киммерийца врезался в скулу самого расторопного из архамовых помощников, отшвырнув того прочь — прямо в руки повскакавших с мест гребцов. Короткие цепи не позволяли им прийти на помощь бунтарю, но удержать попавшегося подбоцмана рабы могли.

— А!.. О!.. — только и успел взвизгнуть тот, прежде чем ему накинута цепную петлю на шею.

Архам лежал неподвижно, одному из его помощников Конан свернул шею самолично, другого задушили рабы, еще двое моряков бросились было наутек, истошно вопя «мятеж! мятеж!». Но уйти им удалось недалеко — Хашдад бросился первому под ноги, второго киммериец ударил коленом под дых и швырнул на палубу. Хашдад, вскочив на ноги, тем временем лихорадочно отмыкал цепные замки.

— За мной! — проревел Конан. В его руках уже был короткий и кривой меч, что всегда носил на поясе Архам. Освобожденные гребцы, размахивая цепями и сорванными с остальных моряков кинжалами, хлынули на палубу. Хашдад остался внизу, отмыкая замки.

Кое-кто из гребцов, верно, самый хитрый, решил избрать самую короткую дорогу к свободе, а именно, сиганув через борт.

Тем временем там, наверху, Ночные Клинки поняли, что дело плохо. И поняли несколько быстрее, чем хотелось бы Конану. Когда над самым ухом свистнула первая стрела, он только и мог, что выругаться да воззвать к Крому. За его спиной завопил кто-то из гребцов — острие нашло беднягу.

Киммериец одним махом взлетел по трапу. Палуба. Возле спусков уже толпятся лучники. На кормовом возвышении что-то ревет капитан. И уже бегут наперерез

смутлокожие воины в начищенных панцирях, с кривыми и тонкими саблями.

Для гребцов все сразу же обернулось хуже некуда. Гудели луки, посылая одну за другой смертоносные стрелы; панцирники сомкнули ряды, запирая дорогу восставшим. В мгновение ока Конан оказался в кольце.

Но эти Ночные Братья открыли охоту на слишком уж крупного зверя, не по своим силам и умению. Конан поднырнул под свистнувший клинок, перехватил кисть воина, сдавил — кость хрустнула, а по кирасе изувеченного проскрежетало чужое лезвие. Хорошо понимая, что против такой массы врагов ему не устоять, Конан рванулся по палубе дальше, к капитану. Киммериец несся гигантскими прыжками; капитан что-то завопил, указывая на бегущего своим стрелкам; и в последний момент киммерийцу пришлось отпрыгнуть в сторону, к самому борту.

Он еще успел свалить своим коротким и непривычным для руки мечом троих панцирников, — правда, пришлось бить не насмерть! — прежде чем стрела не скользнула возле самого его уха — кожей он ощутил легкий воздушный толчок. Его-таки выцелили. Оставался только один выход...

Киммериец прыгнул за борт. Вода возле галеры и так уже кипела от падающих сверху тел. Вырвавшиеся на свободу рабы торопились.

С палубы одна за другой летели меткие стрелы.

Конан поспешно нырнул, оставаясь под водой, покуда хватило дыхания. Глотнул воздуха — и вновь погрузился с головой.

Нельзя сказать, что ему повезло — просто он был сильнее и выносливее остальных. Он добрался до берега — точнее, до стоявших по колено в воде каких-то корявых деревьев, перевитых между собой лианами. Вслед за ним спешили остальные спасшиеся, кого не настигли стрелы Ночных Клинков. Увы, тех, кому удалось добраться до берега, оказалось очень и очень немного — едва ли три десятка из добрых двух сотен.

Среди счастливицев оказался и Хашдад.

Они бегом бросились в глубь зарослей. Конан торопил отставших. Когда киммериец обернулся в последний раз,

от галеры, торопливо взмахивая короткими веслами, отходило несколько лодок.

— Зачем, зачем ты это сделал! — шепотом укорял Хашдад северянина, когда небольшой отряд остановился для краткого отдыха. — Сколько людей погибло по твоей милости!

Любому другому Конан ответил бы просто ударом кулака; но глаза кузнеца наполнила такая боль, что киммериец сдержался.

— Ты думаешь, лучше ждать, пока тебя запорют насмерть?

— Нет, но...

— Тогда оставим этот спор, а? Что сделано, то сделано. Нужно думать, что делать дальше. Хотел бы я знать, что теперь учудят эти Ночные Клинки?

— Да что ж тут гадать? Наймут местных и отправятся прочесывать лес. Они ж знают, что неуязвимы. А мы каждый миг помним, что их не убьешь, а вот своего же друга-гребца зарубишь...

Конан скрипнул зубами от досады. Ах, какую славную засаду смог бы он устроить на пути поимщиков! А так... не поймешь даже, что и делать!

— Ладно, — хмуро бросил киммериец. — Там видно будет. Пока что надо уйти подальше от берега.

Разговор оборвался. Три десятка измученных гребцов через силу тащились сквозь непролазные джунгли. Местность мало-помалу повышалась — очевидно, дорога вела к какой-то горе.

Однако, ближе к вечеру, когда громадный солнечный диск уже до половины опустился в океан, за спинами беглецов внезапно раздался знакомые гнусавые трубы. Погоня приближалась, а Конан до сих пор так ничего и не придумал.

Погоня! Совсем уже близко! — выпалил посланный Конаном в дозор молодой воин-вендиец. — Эти, здешние, темные такие. А кроме них, никого. Я хорошо смотрел.

— Ой ли? — усомнился Хашдад. — Не было там никого с галеры?

— Из тех, что дрались с нами — никого, — покачал головой разведчик.

Весь отряд Конана уже обзавелся оружием. Кто-то сумел сохранить выхваченное из рук Ночных Клинков оружие, кто-то уже выломал себе подходящие дубины. Сдаваться не собирався никто.

— Ну, раз эти — тогда бить от души станем! — прогудел хромой, одноглазый шемит.

— Станем, станем, да будет ли толк? — возразил Хашдад. — Этих побьешь, а потом что?

— Погодите, а зачем мы вообще этим Клинкам сдались? — вдруг негромко произнес Конан — так, бывало, говорил отец на сходках всего рода. Негромко, но весомо. И слушали его все от мала до велика, и никто, даже старейшины, не дерзали сказать ему, чтобы говорил погромче.

— Да, зачем? — повторил киммериец, глядя на изумленные лица. — Нас тут три десятка. Потери этим не вернешь. Пока нас ловить будут — еще гребцов недосчитаются. Так для чего им эти погоня?

— Кто ж их, нелюдей, знает! — развел руками хромой шемит по имени Кариадис. — Может, того... для игрищ своих, значит... Может, у богов своих черных новых гребцов просить станут! Да мало ли что! Людям простым-то знать невозможно.

— Для игрищ, хм... — Конан призадумался. — Может, оно и так. Слушайте меня, все! По лесам прятаться нечего. Те, кто здесь каждую тропку знает, рано или поздно все равно нас в ловушку загонят. Значит, надо подловить их самих. А как это сделать? Да очень просто — напасть на саму галеру!

Некоторое время стояла остолбенелая тишина.

— На галеру-у? — протянул вендиец — единственный спасшийся из всех своих сородичей, что были пленены в морском сражении.

— На галеру. Там от нас ничего подобного не ждут. Ключ у тебя еще цел, Хашдад?

— Конечно. Плыл — в зубах держал, больше смерти боялся, что выроню.

— Отлично. Я и не сомневался. Едва ли эти Клинки Ночные или как их там — едва ли они сумели новые замки на все цепи поставить. Нужно пробраться ночью, освободить всех — а галеру затопить.

— А выбираться отсюда как? — осведомился тот же вендиец. Конан молча показал ему кулак.

— Я здесь командую, ясно? Вопросы задавать будешь, когда я скажу. А теперь, если жить хотим — пошли на берег!..

Цепь загонщиков приближалась, нарочито громко шумя. Стучали барабаны, звенели бубны, дудели большие деревянные трубы. Смуглокожие островитяне хотели спугнуть опасную дичь — потому что за ними шли уже настоящие охотники. Конан легко разгадал несложную уловку. Его отряду удалось проскользнуть без боя. Это ведь так просто — достаточно лишь отыскать как следует заросший сырой овраг, затаиться в нем, а неосторожно сунувшемуся туда загонщику — аккуратно свернуть шею, да так, чтобы не пикнул и чтобы ничего не заметили его соседи. Когда заметят, уже поздно будет.

План удался без сучка и задоринки. Когда три десятка сподвижников киммерийца выбрались на берег бухты, уже совсем стемнело.

Галера спокойно стояла на якоре, вся черная, словно древнее морское чудовище. Ни огонька, ни звука.

— Поплыли! — шепотом скомандовал Конан. — И помните: главное — это не ввязаться в драку!

Вскоре пальцы северянина сжали мокрый якорный канат. Бесшумно, точно рысь родных киммерийских лесов, варвар полез вверх.

Большая галера, очень большая. Пожалуй, самая большая из всех, что ему доводилось встречать. Возвышения на корме и носу, глубокий провал средней палубы; ко-

рабль мало походил на боевой — ни одной катапульты или баллисты.

Палуба казалась пустынной. Киммериец неслышной тенью скользнул вдоль носовой надстройки. Люк на гребную палубу заперт; прочь засов! Внизу, на полупустых скамьях, вповалку спят те, кому не повезло вырваться из этого ада. Держа наготове ключ от цепных замков, Конан шагнул вниз. За ним следом крался Хашдад. Остальные беглецы начали раздувать тлеющие фитили, готовясь по первой команде киммерийца запалить проклятый корабль.

Ключ в руке Конана тихонько звякнул, отпирая первый замок. Северянин тронул освобожденного за плечо... как внезапно наверху завывли трубы, а вся гребная палуба озарилась светом припрятанных и вспыхнувших по магической команде масляных ламп. С палубы донесся торжествующий рев Ночных Клинков.

Ловушка захлопнулась.

— Кром! — взревел варвар, бросаясь обратно к люку. Освобожденный раб очумело вскочил, ринулся было следом — и повалился лицом вниз, с пробитой навывлет грудью...

Конан очутился на палубе. Ему хватило одного взгляда — бой проигран. На три десятка его молодцов — не менее сотни этих самых Клинков, здоровенных, рыжих молодцов в полном вооружении, которых вдобавок можно лишь оглушать...

Позаимствованный у Архама меч плашмя ударил по шлему ближайшего врага; воин повалился под ноги киммерийцу. Однако второго удара скверное лезвие не выдержало — переломилось возле самой рукоятки. Конан с проклятием подхватил дубину, выпавшую из чьей-то мертвой руки, огрел ею еще двух или трех подступавших недругов — и внезапно почувствовал спиной фальшборт. Отступать дальше было некуда, копья и луки целились со всех сторон; почти все спутники киммерийца уже валялись связанными, и лишь один Хашдад продолжал отбиваться.

— За борт!!! — рывкнул ему Конан, прыгая в черную воду ночной бухты. Кузнец последовал его примеру.

Наугад пущенные им вдогонку стрелы прошли мимо.

* * *

— Ну, что я тебе говорил?! — обрушился на Конана Хашдад, едва те выбрались на берег. — К чему все это безумие? Так, глядишь, и отсиделись бы... потом бы плот соорудили...

— Плот соорудили!.. — зло передразнил его Конан. — В уме ли ты, кузнец, или последний ум молотом своим вышиб? Никуда нам отсюда не уйти. Выследили бы нас. Вон, все местные у этих Ночных Клинков в подручных ходят! Прочесали бы лес еще раз — и все. И хватит об этом! Нужно думать, что дальше.

— Что тут думать, — Хашдад уныло повесил нос. — Схватят нас, если не сегодня, так завтра...

— Ну так повесься, — не выдержав, бросил киммериец. Разговор оборвался.

Конан не привык терпеть поражения. Этой ночью он сгрыз себе ногти на пальцах до самого мяса, пытаясь придумать выход — но напрасно. Завтра с рассветом наверняка начнется большая охота. Что ж, если так, то они с Хашдадом сумеют прорваться. Захватить у местных пирогу и выходить в море — все лучше, чем покорно ждать, когда же тебя наконец изловят! Не самый лучший выход, далеко не лучший — но ничего иного в голову Конана так и не пришло.

С первыми лучами зари он растолкал кузнеца. Голодные, они утолили жажду из ручья и двинулись на север, к противоположному краю небольшого острова, подальше от той бухты, где вытянулась подобно барракуде черная галера Ночных Клинков.

Их путь пролегал сквозь настоящие дебри. Ходить по джунглям без топора вообще крайне затруднительно, а уж если эти джунгли вдобавок все перевиты лианами, словно бы тут похозяйничала целая свора громадных пауков — то и почти невозможно. Хашдад вскоре совершенно выбился из сил; Конану пришлось почти что тащить его на себе.

Лес вокруг становился все глуше и глуше. Путники поднялись уже довольно высоко в гору, и тут откуда ни возмись под ногами захлюпало, появились покрытые зеленой порослью лужи, становившиеся все глубже и

обширнее. Над поверхностью застоявшейся воды поднимали сплюснутые треугольные головы змеи, провожая пришельцев холодными немигающими взглядами.

— Мы... идем... куда-то не туда, — прохрипел Хашдад, тяжело опираясь на плечо Конана.

Киммериец только сплюнул в ответ.

— Идем по солнцу, на север. Больше нам деваться некуда.

— А почему... почему ручьев нет? Если мы шли вверх, вода... вода вниз течь отсюда должна! Почему же не течет?.. Здесь какое-то колдовство, Конан!

— А, тебе всюду какие-то мороки грезятся! — отмахнулся киммериец, продолжая путь. — Может, тут и есть ручьи. Только мы их не видели...

Однако вскоре Конан тоже забеспокоился. Казалось, они уверенно пробираются к самому центру исполинской болотной топи; среди деревьев не было видно ни одного просвета, а идти приходилось уже по колено в воде. Хашдад хрипел, спотыкался, и несколько раз уже порывался остановиться, а там — будь что будет. Северянину приходилось едва ли не силой гнать своего спутника вперед, то и дело подставляя ему свое плечо.

Над вершинами деревьев внезапно захлопали крылья. Громадные кожистые крылья, если судить по звуку. Сверху прямо на голову беглецов потекли струйки ледяного воздуха, особенно хорошо чувствовавшиеся здесь, в жарком, неподвижном и влажном воздухе болотины. Конан и Хашдад переглянулись.

— Это оно... — прохрипел кузнец, из последних сил пытаясь вскинуть дубину. — Оно... которое прилетало пи-рывать на галеру...

— Кр-ром! — прорычал в ответ варвар, тоже поднимая оружие. — Ну уж ему-то мы можем всыпать как следует!

— Как бы... — начал Хашдад, но в этот миг существо рванулось к ним напролом. Затрещали безжалостно кру-щиеся ветви, и, пробив зеленую крышу, вниз просуну-лась жуткая костяная голова — пустой вытянутый череп, клацающий громадной, словно небольшая лодка, зубастой пастью. В пустых глазницах демона горел злобный жел-тый огонь. Его тело было совершенно лишено плоти — одни только голые кости, и лишь на широченных крыльях

осталась натянутой черная складчатая кожа. Разметывая деревья и круша в щепки вековые стволы, демон тяжело плюхнулся прямо в болото.

— Бежим! — Хашдад потянул уже приготовившегося к битве киммерийца за руку. — Это тварь из Преиспод-ней! Нам не выстоять!

Конан не ответил. В ярко-синих глазах северянина мерцал мрачный огонь. Он не собирался отступать перед этим летающим костяком!

Вокруг демона расплзлось облако ледящего холода. Никла и жухла листва, черные лужи подергивались льдом; тяжело шагая по болотной грязи, демон приближался.

Хашдад встретился взглядом с пустыми пламенеющи-ми глазницами твари — и внезапно осел, словно ему подрубili ноги.

— Вставай! — метнулся к нему Конан, но кузнеца, мотавшегося из стороны в сторону, точно тряпичная кукла, уже тянуло прямо в распахнутую костяную пасть.

Северянин прыгнул вперед. Дубина в его руках опу-стилась, врезавшись прямо в край вытянутой вперед че-люсти. Раздался треск, по белой кости побежали черные змейки трещин. Демон издал глухое рычание; тело Хаш-дада замерло на месте.

Теперь демон следил за одним Конаном, за ним одним. Спасая незадачливого спутника, киммериец бросился бе-жать, собрав последние силы. Ветви хлестали по лицу, ноги глубоко проваливались в предательскую болотную зыбь — а он все мчался и мчался, и костяной демон никак не мог настигнуть его...

Киммериец если и выбирал дорогу, то не рассудком, а знаменитым своим варварским инстинктом, что позво-лял ему еще в детстве загонять быстроногих горных козлов на кручах его родной Киммерии.

Правее... еще правее... между этих двух стволов, словно в нору... Кром, тут зыбун!.. Обогнуть справа... Постой, Конан, а это еще что такое впереди?

Киммериец с разгону вылетел на край небольшого тихого пруда, заполненного стоячей черной водой. За его спиной нарастали треск и хриплый клекот пололам с сухим костяным перестуком — следом ломился демон.

Прямо посреди пруда Конан увидел небольшой островок. Даже можно сказать, что крохотный. На нем росло одно-единственное дерево, вернее сказать — когда-то росло. Теперь от него осталась лишь комлевая часть едва ли в рост человека. Старый ствол был расщеплен надвое и возле него, заложив руки в этот расщеп, неподвижно стоял невысокий крепыш, головой доставший бы едва ли до плеча Конана, зато шириной плеч превосходивший киммерийца самое меньшее вдвое, отчего казался квадратным. Лицо его, обросшее рыжей бородой, имело уныло-безнадежное выражение смертельной скуки.

Бородач на островке обернулся, взглянув прямо в глаза северянину. Брови его изумленно полезли вверх, пухлые губы сложились в трубочку, словно он собирался присвистнуть от удивления. Мгновение спустя за спиной варвара показался костяной демон.

— Эй, ты, человеке! — загремел рыжебородый. — А ну-ка, шлыви сюда! Здесь он тебя не достанет!

Было что-то очень убедительное в простых, обыденных словах бородача. Как-то по особенному ярко блеснули его голубые глаза (Конан не мог разглядеть их с такого расстояния, но отчего-то был твердо уверен, что они у окликнувшего его — именно ярко-голубые, точно весенний небосвод).

Киммериец быстро огляделся. Бежать и впрямь было некуда — справа и слева расстилалась подозрительно ровная травяная гладь, под которой в южных болотах очень любят прятаться бездонные ямищи. Демон был уже совсем близко, и Конан, вверив на сей раз свою судьбу Кромю, бросился в пруд.

Теплая затхлая вода разлетелась брызгами. Отделявшее его от островка расстояние варвар покрыл несколькими взмахами. Взобрался по крутому глинистому откосу и оказался рядом с бородачом.

Демон с яростным клекотом остановился на самом краю пруда. Желтый огонь в его пустых глазницах вспыхнул нестерпимо ярко, нижняя челюсть со стуком лупила по неподвижной верхней, словно крышка гроба, мохлястые лапы загребали болотную жижу, фонтанами летевшую во все стороны, — но в воду он почему-то войти не осмеливался.

Конан перевел дух и только теперь смог взглянуть на своего спасителя.

Бородач стоял в очень странной позе — для чего-то заложив руки в расщеп дерева, да так, что, похоже, вынуть их оттуда было бы нелегко.

— Чего это он за тобой погнался? — деловито осведомился бородач, словно это было сейчас самым главным.

— Да так... одни негодяи с галеры натравили, — коротко ответил Конан, взглядывавший то на демона, все еще топтавшегося на берегу, то на бородачю коротышку.

— Расскажи! Что за негодяи? С какой галеры? — потребовал бородач. — Времени у нас много. Он проторчит тут дотемна. Потом уйдет. Между прочим, меня зовут Тар.

— Конан, — представился северянин.

— Поймай! Тот самый Конан?! Ты ходил вместе с Белит?!

Киммериец утрировано усмехнулся. Скажи пожалуйста, его знают даже здесь... Да, верно, с Белит Великолепной они погуляли неплохо... Есть что вспомнить! И есть кому их вспомнить.

— Было дело, — коротко отмолвил он. — А скажи мне, Тар, ты-то сам что здесь делаешь? Да еще вот с этим... — Конан кивнул на зажавший руки крепыша расщеп. — Может, помочь?

— О, это длинная и грустная история... — вздохнул рыжебородый Тар. — Если тебя не смущает присутствие этого ходячего костяка на берегу, я готов рассказать ее тебе.

— Ничуть, — усмехнулся Конан. — Но, знаешь, я голоден, и у меня в лесу остался товарищ...

— Не тревожься. — Бородач вдруг смешно надул щеки и издал долгий переливчатый свист. — Тут кое-кто еще остался мне верен, несмотря ни на что... Так что и впрямь не тревожься.

Из древесных крон, почти что сомкнувшихся над крошечным зеркалом пруда, внезапно вывалилась крупная птица, тащившая в клюве усеянную какими-то плодами ветвь. Сбросив ее под ноги Конану, она круто взмыла вверх, тотчас пропав из виду.

— Ешь, — Тар указал на ветку кивком головы. — Мясо на углях, но ничего. Голод ты утолишь. А приятеля твоего мои птички сейчас разыщут и постараются привести сюда.

— А... демон? — осторожно осведомился Конан. Киммериец понял, что имеет дело с могущественным волшебником; правда, представителей этого племени варвар всегда недолюбливал.

— Демон? О нем не думай. Это не страшно. Вот если бы сюда пожаловал его хозяин... — Северянину показалось, что Тар вздрогнул. — Но это, к счастью, не случилось. Так что пусть этот ходячий череп там дергается! У нас есть о чем поговорить кроме него.

Плоды оказались неожиданно вкусны. Съев всего пару, Конан ощутил себя сытым, словно только что уплет целую баранью ногу.

— Слушай же, о Конан Киммерийский! — торжественно начал Тар. — Знай же, что когда-то я принадлежал к числу Небожителей. Да-да, Небожителей, не надо удивляться, я из их числа, и ты, конечно же, сразу увидел это. Но я скромн и не нуждаюсь в преклонении...

Конан, само собой, умолчал о том, что видом своим Тар больше всего напоминал непомерно растолстевшего и несколько опухшего от пьянства ванира, но никак не Небожителя....

— Долгое время я имел жительство в Небесных Пределах. Я служил... гм... как бы это объяснить попонятнее... ну, скажем, некоей прекрасной богине любви и красоты. Понимаешь меня, Конан? Кое-где ее знают под именем Венеры или же — Афродиты. И вот однажды многие из Светлых Богов решили устроить большой весенний праздник. И ради этого были забыты многие распри. Немало тех, кто принадлежал к лагерю Темных, но не запятнал себя особенными злодеяниями, тоже были приглашены. К этому сроку в небесных садах поспели чудеснейшие фрукты, вкуса которых тебе не оценить, Смертный! О чем я искренне скорблю, поверь. Однако один злокозненный темный бог, чье имя да не осквернит моих уст и твоего слуха, разгневавшись тем, что не получил приглашения, решил всем досадить. И орудием своим он, коварный, выбрал, увы — меня!

И далее Тар поведал Конану трогательную историю о том, как он, Тар, был приставлен стеречь блюдо с чудо-фруктами перед тем, как оно должно было быть подано к пиршественному столу, и как обозленный темный бог сумел прокрасться к тому месту, где хранилось кушанье и, прикинувшись дружелюбным, обманул доверчивого Тара, в последний момент подменив божественные фрукты на свое... ну, словом, на то, что выходит у нас из заднего прохода. Легко понять, какой был скандал и как рассердились все боги на не сберегшего угощение Тара...

— И вот она, моя кара, — печально закончил проштрафившийся небожитель. — Сведенная с небес молния расщепила этот ствол, мне было велено вложить в трещину руки, а потом моя бывшая покровительница самолично выбила клин... Так я оказался здесь.

— И что же... тебя навсегда посадили здесь? — осторожно осведомился Конан.

— Ну... можно сказать, что почти, — печально признался Тар. — Время моего наказания отмеряла одна старая клепсидра в храме, что стоит на побережье Вендийского Моря. Но, увы, на храм напали вот эти самые Ночные Клинки и, увы, увы, увы! — клепсидра была похищена. А пока из нее вновь не потекут капли, не начнет отмеряться и время моего заточения.

Конан помолчал. Все рассказанное могло бы показаться одной сплошной байкой, если бы не та птица с веткой...

— Так и что же дальше? — спросил киммериец.

— Что дальше, Конан? Я хотел бы предложить тебе сделку.

— Сделку? Какую?

— Я помогаю тебе и твоему товарищу выбраться с острова. Вы отправляетесь по следам Ночных Клинков и возвращаете клепсидру на место, в тот самый храм, откуда она была похищена.

— Вот как? — усмехнулся Конан. — Ты предлагаешь мне одолеть всех этих мерзавцев? Что ж, дело по мне. Вот только бы знать еще, где их искать! Не мог бы подсказать? А уж как дойдет до дела, я не сплочую! Правда, у них странная магия — вместо себя подсовывают под мечи рабов.

— Это тоже придется одолевать тебе, — Тар уныло вздохнул. — Рад бы помочь тебе, человеке, но никак! Правда, одно имя тебе подскажу. Маг Пелий, названный брат известного в западных пределах чародея Пелиаса. Он живет в Вендии. Правда, характер у него не сахар, но...

— Ничего, мне он все скажет, — самоуверенно бросил Конан.

— Он тоже может потребовать от тебя службы, — осторожно заметил Тар.

— Ерунда — справимся!.. А ты и в самом деле выведешь нас отсюда?

— Конечно! — Тар брезгливо плюнул в сторону клавшего своей челюстью демона. — Это вовсе не так сложно. Эта тварь не может долго находиться в нашем мире. Пока еще. К счастью... Скоро она уйдет сама. А вот если Ночным Клинкам удастся вызвать сюда прародителя этих тварей... Тогда не миновать большой беды.

— Ты должен рассказать мне об этих самых Клинках как можно больше, — заявил Конан, устраиваясь поудобнее. — Кто они такие, откуда, кому поклоняются... Что это за чудовище, которое они хотят привести в наш мир? Кому приносят жертвы? Как добывают себе гребцов? Меня, например, захватили в Шадизаре, откуда до моря — месяц пути вскачь!

Тар виновато потупился.

— Я знаю лишь то, что они настойчиво пробивают путь в наш мир какому-то жуткому демону. И подозреваю я очень сильно — не приятель ли это того самого темного бога, из-за которого меня сюда упекли? Его отпрыски уже пробираются под это небо. И справиться с ними очень нелегко даже для опытного чародея. Даже я не могу ничего с ними сделать. Тебе придется самому отыскивать пути.

Конан покивал.

— Послушай, Тар... Ты хочешь вывести меня с острова. А ты не боишься, что я тут же и позабуду о тебе и своем долге?

Тар усмехнулся.

— Ты никогда этого не сделаешь, Конан-киммериец. Я слышал, что ты слышишь отличным взломщиком, но никто и никогда не называл тебя бесчестным человеком.

Ты всегда платишь свои долги. И — еще скажу — если уж своему слову изменит сам Конан, тогда мне и в самом деле лучше оставаться на этом острове до скончания времен...

— Ишь ты! — усмехнулся киммериец. — Да, ты прав, я держу слово. Но кто знает, сумею ли я исполнить обещанное?

— Ты поможешь мне уже и тем, что я буду знать — нашелся хотя бы один человек, слову которого можно доверять! — несколько высокопарно провозгласил Тар.

Конан пожал плечами.

— Что ж, я рад, если тебе от этого станет легче... Значит, ты советуешь направиться в Вендию. Но Вендия велика! Как мне найти этот храм?

— На крайнем ее юге, на самом дальнем мысу стоит этот храм. Он там один. Другого нет. Поиски ты начнешь отсюда.

— Хорошо. А как мне перебраться через океан?

— Я постараюсь упросить ветры... Быть может, они согласятся помочь тебе. Но, во всяком случае, без плота тебе не обойтись. Бери своего спутника и отправляйся на северный берег острова. Вы отправитесь в путь оттуда.

— А почему бы нам не последовать за галерой Ночных Клинков? Или, быть может, твои слуги и друзья сумеют проследить путь их корабля?

— Хорошая мысль, но едва ли она тебе удастся. Галера идет быстро, а если ее хозяева заметят вас... боюсь, тогда мое заточение и впрямь продлится вечно.

— Но, по-моему, — заметил Конан, — нужно не только вернуть священную клепсидру в храм, но еще и покончить с братством Ночных Клинков?

— О! — закивал Тар. — Но едва ли это под силу одному человеку...

Конан сверкнул глазами.

— Мне бы только разузнать, что за магия их охраняет, и тогда, клянусь Кромом...

— Надеюсь, что Пелий тебе в этом поможет.

— Я тоже.

Наступило молчание. Конан, повернувшись к костяному демону, швырнул в оскаленную морду несколько комков грязи — камней на болоте, понятно, не нашлось.

— Разве ты больше ни о чем не хочешь спросить? — с некоторой обидой осведомился Тар. — Разве не жаль тебе, человеке, чтобы я рассказал тебе о жизни в небесных чертогах, о деяниях богов и богинь, о том, как они любят, ненавидят, страдают, ревнуют?..

— Не хочу, — бросил через плечо киммериец. — Мне нет до них дела. У меня есть мой бог, великий Кром, Отец Киммерии. Он не помогает мне, и он не отзывается на молитвы. Он настоящий бог мужчин. Вот такой бог мне по нраву. А эти твои Небожители... не в обиду тебе будь сказано... Лучше я отправлюсь в путь поскорее.

* * *

Костяной демон бродил по берегу пруда до самых сумерек, клал пастью, сверкал глазами, холодил все вокруг, в бешенстве кидался на деревья, рыл ногами мягкий ил — но влезть в воду так и не решился. Когда же угас последний закатный луч, тварь с тоскливым сухим карканьем взмахнула крыльями, тяжело поднимаясь в небо.

— Вот и все, — заметил Тар, вместе с Конаном провожавший взглядом зловещего посланца Тьмы. — Теперь ты можешь уходить.

— А почему эти Ночные Клинки не последовали за своим гончим псом? — поинтересовался киммериец, уже вступая в теплую воду пруда.

— Да кто ж из них и помыслить-то мог о том, что ты меня встретишь? Они ведь о моем пруду ничего не знают. Демон для них — оружие неотразимое. Они теперь уверены, что ты погиб!

— Хорошо бы... — задумчиво проговорил варвар, однако про себя подумал — а ну как эта тварь голодной вернется? Голодной вернется да и потребует с корабельщиков всегдашнюю дань? Откупиться-то они откупятся, сомнений нет, но вдобавок еще и поймут, что беглый раб каким-то образом от костяной пасти ускользнул...

Когда Конан выбрался на берег пруда, первое, что предстало его взору, был Хашдад. Вид кузнец имел совершенно ошалевший, словно после похмельной ночи.

— Конан! Это ты?!..

— Я, я, разве не видно? Давай-ка, нечего болтать, шагай за мной. Я знаю, как нам отсюда выбраться.

За все время пути до северного побережья Конан хранил упорное молчание.

— С острова выберемся на плоту, — только и мог добиться от него Хашдад. — Приметы сулят попутный ветер — уж в этом ты положишься на меня.

— А плот как рубить станем? — ныл Хашдад, плетясь следом за неугомонным киммерийцем.

— Инструмент в деревне добудем. Как?.. А вот увидишь.

Океан они увидели под вечер. Берег был пустынен, стояла тишина, лишь мерно шипел прибой, накатываясь на отлогий песчаный намыв. В неярком закатном свете северянин сумел углядеть где-то справа крошечные черные точки домов, и путники повернули на восток.

— Нам, похоже, повезло, — негромко заметил Конан, когда они оказались на окраине рыбачьей деревушки. — Вон пироги их стоят — видишь? Берем пару — и в путь.

— А припасы? — вновь занял осторожный кузнец.

— Припасы? — про себя Конан уже несколько раз давал себе слово избавиться от малодушного спутника. Но исполнить это всякий раз не решался — такому здесь верная смерть. Киммериец недрогнувшей рукой отправил бы в преисподнюю всех, кто встал бы у него на пути, но бросить слабого было не по канонам киммерийской чести. А ее северянин соблюдал свято.

— Припасы добудем тут же.

— Как?

— Да очень просто, овечья ты душа! — не сдержался Конан. — Отнимем, понятно?!

— Я... я не могу... — простонал совестливый Хашдад.

— Ты! Ты за своих отомстить Ночным Клинкам хочешь или нет?! — свирепо зарычал варвар. — Если нет, то сиди здесь. Да и вообще... шел бы ты к пирогам. Я один справлюсь.

Не мудрствуя лукаво, Конан вошел в первую попавшуюся хижину. Глазам киммерийца потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы привыкнуть к полумраку. Не обращая внимания на оторопевших хозяев, Конан игра-

ючи вскинул себе на плечо два тяжелых мешка с теми самыми плодами, что так выручили его на островке Тара.

Хозяин истошно завопил, сзывая подмогу, лишь когда киммериец был уже у самой пироги.

Весь истекавший потом от страха Хашдад торопливо оттолкнулся от легкого причала. И почти сразу же задул попутный ветер...

Когда выбежавшие из хижин рыбаки снарядили погоню, странные похитители уже давно скрылись в опустившейся ночи.

Путь через океан можно было бы назвать однообразным. Небо да вода, вода да небо; привыкший к подобному во время странствий с Белит, киммериец не обращал на это внимание, Хашдад же совсем пал духом. После встречи с костяным демоном он как будто вовсе лишился смелости. Малейшее волнение он принимал за бурю, день без дождя означал для него скорую смерть от жажды, а дальняя туча на горизонте каждый раз оборачивалась наступающей галерой Ночных Клинков...

Тар сдержал свое слово. Дул постоянный свежий ветер; шторма и бури счастливо миновали путников. В пироге напхались рыболовные крючки; и они никогда не пустовали. Плоды из прихваченных Конаном мешков отлично утоляли и голод, и жажду; словом, плавание было благополучно, как никогда.

Три недели спустя пирога благополучно достигла вендийских берегов.

Однако... — только и выдавил из себя Хашдад при виде исполинских гор. — И как же мы через них? — Ногами! — огрызнулся Конан.

Отношения между спутниками испортились окончательно. Киммериец терпел нытье Хашдада, хотя подобное было совершенно не в характере северянина, и в сотый раз спрашивал себя — почему? Зачем мне этот потерявший сердце?..

Они брели по узкой горной тропе. Нищий старик в опустевшей рыбацкой деревушке только и мог прощамкать, что храм, который ищут путники — там, за тем перевалом.

Селение поражало бедностью. Конану доводилось видеть подобное, но лишь в землях, дотла разоренных войной.

— Тут что, воевали? — спросил он у старика, с трудом подбирая вендийские слова.

Старик зашамкал и зашепелявил в ответ. Из его неволе неразборчивой речи Конан с трудом понял, что нет, никакой войны не было, а на всю эту страну оказалось наложено какое-то проклятье. В чем заключалось это проклятье, кто его наложил — Конан не уловил. Поделившись на прощание со стариком своими скудными припасами, путники отправились дальше.

Следующая попавшаяся им деревушка и вовсе оказалась заброшена. Гнили оставленные без присмотра рыбацкие лодки; изорванные сети лениво колыхались под ветром. Многие дома стояли уже без крыш, и в них хозяйничали только крысы.

Вскоре стало ясно, что люди бегут отсюда не зря. Когда-то пышные и богатые южные леса, вплотную подходившие к побережью, словно поразила какая-то непонятная болезнь. Многие деревья стояли мертвыми, и со стволов пластами опадала кора. Листья же еще живых покрывал странный мучнистый налет, они выглядели больными и слабыми. Не видно было ни птиц, ни зверей. Вдоль заброшенной дороги, по которой шагали путники, не росло даже сорняков. Земля не была сожжена солнцем, нет — она просто ничего не родила.

Потом начались горы. По ночам приходилось разводять большие костры — даже выносливый и привыкший к холодам киммериец замерзал в ледяных ущельях, полных каким-то липким, влажным холодом. Раньше тут такого не было — вокруг стояли мертвые, погибшие от этих морозов леса. Топлива хватало с избытком, однако именно этот холод заронил в душу Конана первые, пока еще смутные и неосознанные подозрения...

Перевал оказался ни слишком крут, ни слишком высок. Путники миновали его за три дня; вскоре стало теплее.

На самом краю гор Конан и Хашдад неожиданно столкнулись с заставой кштариев. Воины в полном и дорогом вооружении, с мощными луками и длинными копьями бдительно следили за дорогой; возведенная ими баррикада полностью преграждала путь.

— Хотел бы я знать, к чему это... — пробормотал киммериец, поудобнее перехватывая позаимствованный в покинутом селении добрый багор и направляясь прямо к воинам. — Здесь что, так бояться контрабандистов?

Однако воины, к полному изумлению киммерийца, смотрели на него отнюдь не враждебно, а скорее даже с любопытством. Несмотря на внушительного вида багор в руках Конана и дубину Хашдада, никто не поднял оружия и не заступил им дорогу. Правда, их окликнули, но без всяких намерений остановить. Конан знал по-вендийски совсем немного слов, однако и их хватило, чтобы понять:

— Эй, зачем вы идете в Страну Проклятых?

Кое-как, помогая себе знаками и теми немногочисленными словами, что хранила его память, Конан попытался втолковать стражам, что разыскивает одного человека. Его спросили, откуда он сам и, узнав, что с запада, тут же привели еще одного стражника, понимавшего хайборийское наречье.

Так Конан и Хашдад узнали, что застава поставлена на этой дороге отнюдь не для того, чтобы не пропускать путников в эту страну, а как раз напротив — не выпускать никого из тамошних обитателей. Каждый из них был проклят, и, уходя отсюда, они несли с собой это проклятье, и там, где они обосновывались, все тотчас же становилось так же, как и на их несчастной родине.

Правители окрестных стран думали недолго — они просто решили не выпускать несчастных. На всех дорогах появились заставы.

Правда, те, кто не был уроженцем этой страны, ходить могли беспрепятственно.

— Смотрите, возвращайтесь только этим же путем, — напутствовал Конана и Хашдада словоохотливый вендиец. — Мы запишем ваши приметы. Другая застава вас не выпустит! Хотя спутать вас с тамошними обитателями будет трудненько...

Киммериец и кузнец благополучно миновали заслон и двинулись дальше.

Перед ними расстилалась когда-то богатая приморская страна, ныне же казавшаяся просто ожившим трупом.

Поля, на которых почти ничего не росло; полузасохшие оросительные каналы чередовались с затопленными, заболоченными угодьями, словно земля эта страдала одновременно и от паводков, и от засухи. Дойдя до первой же деревни, Конан понял, отчего кштарий говорил, что киммерийца нелегко будет спутать с местными жителями — все они были донельзя истощены, сторблены, измучены; ни одного радостного или хотя бы улыбающегося лица; даже дети совершенно не умели смеяться. Ну и — что особенно огорчило замученного долгим воздержанием Конана — он нигде не видел хотя бы одной мало-мальски привлекательной девицы...

На чужаков все косились, но говорить с ними никто не стал. Не воспрепятствовали набрать воды из колодца, но ночевать пришлось под открытым небом. Конана и Хашдада все старательно избегали, словно зачумленных.

Развалины искомого храма они увидели на следующий день.

На каменистом, далеко выдавшемся в море мысу высились стены. Все, что было внутри, пожрал огонь, но возведенное из гранитных блоков уцелело.

По остаткам невозможно было понять, какому богу здесь поклонялись. Само собой, не осталось даже следов от клепсидры. Все было, как и предполагал Конан. Теперь оставалось только рассчитывать на неведомого мага Пеллия.

Поручив Хашдаду обустроить их скромный лагерь, киммериец отправился в развалины. От храма не уцелело ничего, кроме стен; все попытки Конана найти хоть что-нибудь, могущее навести на след Ночных Клинков, закончились неудачей.

Все, кроме одной.

Он наткнулся на наконецник стрелы. И притом не простой наконецник — а со специальной дыркой, чтобы стрела в полете издавала бы пронзительный свист. Именно такие сигнальные стрелы были в ходу на черной галере...

Итак, Тар не солгал. Храм действительно сожгли воины Ночных Клинков; но что с того ему, киммерийцу?

— Быть может, даже очень много. — раздался голос у него за спиной. Уверенный и сильный голос; от его обладателя можно было бы ожидать неприятностей... если бы Конан не был Конаном.

— Ты кто такой?! — Киммериец развернулся одним мягким, стремительным движением, вскидывая свое оружие. Не жалея рук, он заточил края багра так, что он теперь мог потягаться и с мечом.

— Кто, кто... будто не знаешь кто! — невысокий чернобровый мужчина с глубоко посаженными глазами и орлиным носом, обликом слегка похожий на шемита, с густой курчавой бородой, спокойно стоял, скрестив на груди руки. Одет он был в просторный долгополый балахон светлого сукна, перепоясанный на талии роскошным, шитым золотом поясом.

— Пелий, маг, — представился незнакомец. Говорил он на чистом хайборитском наречии. — А ты — Конан-киммериец? Значит, Тар все-таки встретил тебя?

— Это уж скорее я встретил его, — заметил Конан, настороженно поглядывая на новоприбывшего и стараясь держать свой багор так, чтобы оружие можно было бы вскинуть в любую секунду. — Он стоит там, руки в расщепе...

— Да, да, я знаю, — кивнул маг. — Пойдем, Конан. Мне надо о многом поговорить с тобой. Зови своего товарища — как его, Хашдад, правильно?

Жилище мага оказалось неподалеку и тоже стояло возле самой кромки берега на невысокой белой скале. У

подножия разбивались о камень пенные волны прибоя, но наверху стоял небольшой домик — прихожая, гостиная, кухня и спальня мага.

— Чародейством я занимаюсь на свежем воздухе, — пояснил волшебник.

Дом не мог похвастаться богатством и изысканностью убранства. Скорее уж наоборот — удивлял своим явным аскетизмом.

На столе в гостиной Конана и изумленно озиравшегося по сторонам Хашдада ожидал обед — сплошь рыбные блюда. Вина не оказалось ни капли, к немалому огорчению киммерийца.

Чародей не практиковал дешевых фокусов вроде летающей по воздуху посуды и прочих ярмарочных штучек. Собственно говоря, пока еще ничто не говорило в пользу того, что сидящий напротив Конана человек обладает некоей магической силой — разве что глаза его как-то по-особенному мерцали.

— Тар послал тебя отыскать Священную Клепсидру из храма Матери Вод?.. Я так и думал. Ночные Клинки увезли ее отсюда. И увезли далеко.

— Ты можешь наставить нас на след? — резко спросил Конан.

— Могу. Но для этого вам придется сослужить одну службу... и притом не мне, а всей этой несчастной стране.

Конан откинулся на жестком стуле. Он так и думал. Проклятый Тар! Проклятые колдуны, что забросили его на эту галеру Ночных Клинков! И главное — эта киммерийская честь, что не позволяет просто забыть об этом Таре и жить дальше в свое удовольствие!

— Ладно, чародей, — Конан устало махнул рукой. — Выкладывай, что за служба.

— Найти гнездо Ночных Клинков не так уж трудно для опытного мага, — глядя прямо в глаза киммерийцу, заговорил Пелий. — Я посвятил долгие годы собиранию сведений об этих исчадиях Тьмы, вновь пробравшихся в наш мир, и изучению их странного волшебства. И если собрать соответствующие магические предметы и соединить их в нужной последовательности, сообразуясь с ходом океанских волн и небесных светил — мы наверняка добьемся успеха. В моем распоряжении сейчас имеется

почти все потребное для этого чародейства — кроме... кроме самого главного. — Волшебник чуть запнулся, словно смутившись. — Нету Камня-Хранителя этой страны.

— Камня-Хранителя? — переспросил Конан.

— Да, именно так, — кивнул волшебник. — Камня-Хранителя. Сейчас я расскажу, и вы все поймете.....

В былые годы эта страна, расположенная на богатых морских побережьях, собирала четыре урожая в год и процветала. Ее корабли доходили до Ванахейма и Кхитая, а местный раджа славился своими громадными богатствами. Как и всякий уважающий себя правитель, он содержал при себе волшебника. Звали его Идмир Иранистанский, он приплыл сюда на попутном корабле, явился во дворец раджи и, показав несколько впечатляющих трюков, получил место придворного чародея. В обязанности его входило главным образом обеспечивать хорошую погоду в близлежащих водах да развлекать почтеннейшую публику иллюзиями на дворцовых балах.

И мало кто знал тогда, что сей муж принадлежал к числу посвященных в братство Ночных Клинков. Я, например, тогда не знал.

Был этот Идмир одноглаз и весьма страшного вида, хоть и высок ростом и недурно сложен. Лицо ему обожгло, когда он неправильно наложил какое-то заклятие, — по его собственным словам. Однако, благодаря своим немалым умениям он быстро шел в гору, и раджа ему благоволил, осыпая драгоценными подарками.

И один могучий Вишну знает, чем склонил к себе этот колдун сердце единственной дочери правителя. Между ними вспыхнула страсть, и вскоре принцесса оказалась в тягости.

Гнев раджи не имел границ. Вместо того чтобы пожаловать Идмиру земли и титул (состояние у того и так было), правитель велел взять его под стражу. Дочку свою раджа отослал в отдаленный свой дворец на позор вынашивать ребенка. Когда же у нее начались роды, тюремщики обнаружили, что камера Идмира пуста, а сам он сбежал, прикончив нескольких сторожей. На стене же было оставлено послание — волшебник уведомлял властительного раджу, что намерен во что бы то ни стало

жениться на него дочери, в противном случае угрожая великими бедствиями для всей страны.

Раджа поднял всех кштариев, однако они опоздали. Идмир первым добрался до уединенного дворца-крепости, где держали его возлюбленную. Несмотря на все его старания, принцесса умерла сразу же после родов, оставив волшебнику крохотную новорожденную девочку. Ее назвали Аттеей.

Идмир заявил, что отныне эта крепость переходит в его полное владение. Ее стены защищались могучими чарами, и все попытки раджи взять крепость штурмом ничем не кончились. Он лишь даром потерял немало своих воинов.

Прошло немало лет. Аттея выросла сильной волшебницей. Идмир же все эти годы неустанно трудился над осуществлением своей угрозы. Ему потребовалось двадцать лет, чтобы составить необходимое заклятие и подобрать все нужные магические предметы.

Однако не дремал и раджа. Там, где бессильны мечи, следует прибегнуть к волшебству. И он обратился за помощью к Белому Кругу. Мощь этих магов многократно превышает силы обычных смертных волшебников, к числу которых принадлежал и Идмир. Такие волшебники хоть и живут втрое-вчетверо дольше обычного человека, в конце концов тоже умирают.

Белый Круг не остался равнодушным. Они быстро поняли, что имеют дело не с мятежным чародеем-одиночкой. И тогда был создан Камень-Хранитель. За немислимые деньги был куплен самый крупный из всех найденных когда-либо адамантов, и искусные гранильщики придали ему форму шара. Каждая из более чем двух тысяч его граней должна была, по мысли Белого Круга, отражать одно из проявлений злой судьбы.

— Смотри, береги же его, — сказал Верховный Мастер Круга, вручая талисман радже. — Береги его, потому что другого не будет.

Раджа поместил камень в самое сердце своей сокровищницы и, действительно, хранил его пуще глаза.

Тем временем Идмир наконец-то завершил свои труды. Силы его были растратчены, и неудивительно, что он простился с жизнью, приводя свое заклятие в действие.

Умер он страшно, потому что понял, что все его труды пропали даром — сотворенный Белым Кругом талисман успешно отразил все насланные Идмиром беды.

Да, Идмир умер, однако тревоги отнюдь не кончились. Аттея поклялась, что отомстит за отца. Его магическое искусство каким-то образом полностью перешло к ней, и раджа по-прежнему не находил себе покоя, опасаясь за судьбу Камня-Хранителя. Он не снимал осады с крепости Аттеи, несмотря на то, что неведомые пираты — теперь-то мы знаем, что это были Ночные Клинки — напали на одну из главных святынь страны, храм Матери-Воды, и сожгли его до основания. Уцелели только каменные стены. Несмотря на это, раджа ни на миг не ослабил кольцо осады вокруг крепости, где засела его непокорная внучка.

Однако всему приходит свой черед, и старый правитель умер. И вот тут-то на Бхарупу и начали сыпаться беды. Все началось с того, что Аттея выбралась из своего заточения. Как ей удалось перехитрить стражу и явиться в самый дворец раджи — до сих пор никому не ведомо. Но, так или иначе, она ухитрилась провести ночь с наследным принцем Бхадаром и каким-то чародейством выкрасть из сокровищницы заветный Камень-Хранитель.

Ведьма сумела скрыться с сокровищем. А уже на следующий день вся Бхарупа в полной мере испытала на себе всю тяжесть идмирова проклятия.

Перестали родить поля, рыба ушла из прибрежных вод; одна за другой на страну обрушивались то моровое поветрие, то желтая лихорадка. Бешенство поразило слонов; они отказывались работать и топтали погонщиков. Звери средь бела дня нападали на людей; настали дни смуты и голода. Но этого мало — тень проклятия пала на людские сердца, и каждый думал лишь о своем собственном спасении. Армия разбежалась, и поход, устроенный Бхадаром, провалился.

Люди попытались спастись, бежать в сопредельные края — однако проклятие Идмира следовало за ними повсюду. Очень быстро окрестные раджи поняли, в чем дело, и запретили проход через свои земли кому бы то ни было из жителей Бхарупы.

Молодой раджа Бхадар, вне себя от гнева на собственную доверчивость, издал указ, согласно которому любой, кто вернул бы Камень-Хранитель, обрел бы громадное, невиданное богатство. Сокровища раджей Бхарупы были хорошо известны, и на призыв откликнулось немало искателей приключений. А именно восемьдесят один. Аттея черпала удовольствие в том, что слала Бхадару обратно их трупы.

Годы и бедствия опустошали страну. Вскоре желающие помериться силами с колдуньей перестали заглядывать во дворец правителей Бхарупы. Раджа, совершенно разбитый горем, видя гибель родной страны, завещал корону любому, кто сумеет спасти ее от напасти. Но и это не помогло. Уже много лет прошло с тех пор, как последний воитель постучался в дворцовые ворота...

— Так вот, — закончил Пелий. — Для того, чтобы узнать, где скрываются аколиты братства Ночных Клинков, мне необходим Камень-Хранитель.

Черные глаза в упор смотрели на Конана, однако киммериец даже не дрогнул.

— Не следовало прибегать к таким сложностям, — спокойно заметил он. — Достаточно было обратиться ко мне.

— Так ты берешься? — тотчас спросил Пелий.

— Берусь ли я? — Конан презрительно пожал плечами. — Что за вопрос? Если дело пахнет короной, я, Конан из Киммерии, готов сразиться с целой сотней ведьм!

— А ты, Хашдад? — Маг повернулся к молчавшему все это время кузнецу. — Ты пойдешь вместе с Конаном? Ему будет нужен спутник...

— Пойду, — неожиданно твердо ответил тот. — Пойду, хотя корона и одна на двоих... Но да ничего. Вот только бы меч мне...

— У меня всего в избытке, — заверил их Пелий.

— А скажи мне пожалуйста, почтенный маг, — с подозрительной вежливостью осведомился Конан, — почему же ты, такой могущественный, оставляешь нам возможность завладеть короной и снять со страны проклятие? Почему бы тебе самому не расправиться с этой Аттеей?

Пелий вздохнул.

— Я ждал от тебя этого вопроса, Конан из Киммерии. Аттея принадлежит к могущественному ордену колдунов, ордену Арк, а я — к ордену Нерг. Между нашими орденами мир. Я не могу напасть на нее в открытую. Увы!..

Конан демонстративно поднял брови.

— Ладно, оставим это. Пойдем посмотреть твои запасы, волшебник! Надеюсь, там найдется что-нибудь мне по руке!

На следующий день двое путников уже были возле ворот дворца Аттеи.

Назвать это одинокое строение крепостью едва ли было правильно. Конан увидел одинокую башню, окруженную невысокой стеной. К ней вела старая дорога; а за стеной, единственные во всей Бхарупе, вовсю зеленели сады. Впрочем, приближаться к ним было опасно — падавшие на землю возле стен плоды были ядовиты. Подбиравшие их умерли в страшных мучениях. Но еще больший ужас внушали стражи ворот башни, вызванные Аттеей из каких-то Темных Пределов.

Конан натянул поводья. Восемьдесят один его предшественник потренился здесь неудачу. Он не должен повторить их ошибок.

Киммериец не торопился. Спешить некуда. Он должен все внимательно осмотреть. Пелий говорил, что Аттея никогда не нападала вне очерченного ею самой круга стен вокруг ее башни.

Стена. Деревья за ней. Красивые, причудливые... Наверняка не обошлось без волшебства. Стена невысока — едва ли два человеческих роста. Пустяк для него, Конана.

Дальше. Ворота. Вычурные, с литыми жуткими масками. Бронзовые. Бронзовые, так-так... Интересно, почему? Не хватило денег на железные? Бронзовые створки вообще-то не в ходу...

Больше ничего интересного Конан не увидел. Башня как башня, наверху, правда, шатровая крыша. Окна довольно широки — будет легко протиснуться.

К ночи киммериец использовал все вокруг. Наготове были якорь, веревки и все прочее. Уже смеркалось, когда Конан внезапно хлопнул себя по лбу.

Ну конечно! Как же можно не замечать столь явного! Те восемь десятков, что побывали здесь до него — наверняка они точно так же готовились перелезть через стену, крепили веревки, запасались якорьками-кошками и тому подобным. Ничего это им не помогло. Едва ли все они были полными тупицами или впервые взявшими в руки меч людьми. Здесь была какая-то ловушка.

За спиной у Конана уже было опаснейшее приключение в Башне Слона, откуда он едва-едва выбрался живым. Тот случай многому научил молодого взломщика. Да, он мог подняться по любой, на глаз даже совершенно гладкой стене — но, быть может, именно этого и ждала от него ведьма?

Пелий говорил, что подобраться к башне незамеченным невозможно — Аттея глаз не сводит с окрестностей, все время ожидая гостей. Все эти годы они служили ее единственным развлечением.

Неприятности начались ночью. Конан и Хашдад молча сидели возле небольшого костерка, разведенного в глубокой ложбине. Вокруг сгустилась недобрая тишина. Окрестные земли утопали в сумраке. Они были совершенно пусты — если в иных местах несчастной страны еще теплилась жизнь, и на полях хоть что-то произрастало, то здесь, возле того самого места, откуда исходило проклятие, не осталось ничего живого. Только прах и тлен, тлен и прах, обрушившиеся кровли жалких лачуг, переставшие плодоносить поля и изглоданные плесенью деревья в когда-то поражавших изобилием фруктовых садах. Унылая земля. Воистину проклятая.

— Что-то кони беспокоятся... — заметил Конан, жуя кусок копченой рыбы из данных им в дорогу Пелием припасов. — Ты их надежно спутал, Хашдад?

— Троекратно, — с набитым ртом отвечал тот. — Да ничего с ними не случится, страна ж мертва! Ни шакалов, ни львов, ни гиен...

Словно в ответ на его слова, над замершей землей внезапно пронеслось тонкое завывание, полное скрытой угрозы. Конан вскочил на ноги, но было уже поздно. При первых же звуках этого воя кони словно бы сошли с ума. С диким ржанием, встав на дыбы, они оборвали постромки и путы, рванувшись к смутно сереющим в полумраке стенам башни.

Хашдад с проклятием выхватил из костра факел и бросился в погоню. Конан чуть задержался — ясно было, что это происки колдуньи и что с лошадьми можно проститься, раз уж чародейка положила на них глаз.

Хашдад, высоко подняв горящую головню, мчался прямо к воротам. Кони уже доскакали до них и, как будто кто-то на миг даровал им крылья, растянулись в высоких прыжках, легко перемахнув стену в два человеческих роста. Из-за ограды тотчас же донеслись жуткие звуки — утробное урчание хищников и отчаянное ржание гибнущих коней. Стража Аттеи получила славный ужин.

Уже бесполезно было бежать и что-либо делать, но Хашдад как будто бы лишился ума.

— Не трогай ворот! — заорал ему Конан, но было уже поздно.

Тяжелые бронзовые створки распахнулись подозрительно легко. В темноте смутно забелела дорожка, ведущая к крыльцу башни. По обе ее стороны темнели густые кроны деревьев. А возле самого крыльца Конан увидел три человеческих фигуры — дородную женщину с приятным округлым лицом, державшую на руках младенца, и двух темноволосых девочек рядом с ней. Хашдад замер, словно оглушенный.

— Линди!

— Папа, папочка! — донеслись детские голоса.

— Линди! — взревел кузнец, слепо бросаясь вперед.

— Стой! — загремел Конан во всю мощь своих легких. — Линди мертва! И все твои дети тоже! Их убили Ночные Клинки! Это морок, Хашдад! Морок Аттеи!

Хашдад не обратил на него внимания. Киммерийцу пришлось схватить кузнеца за плечо, однако тот вырвался

с неожиданной силой, оттолкнув северянина так, что тот едва не распростерся на земле.

— Драться еще с тобой! — рявкнул Конан, отталкивая обезумевшего спутника. Варвар торопливо выхватил меч.

Взмах — и лезвие прошло через голову девочки, тянущей к Хашдаду тонкие ручонки. На миг ее образ задрожал, подернулся рябью и, прежде чем Аттея успела восстановить действие своего заклинания, Конан увидел алые глаза и блестящие клыки какого-то зверя, таящегося под наброшенным иллюзорным плащом.

— Назад! — Удар кулака в грудь отбросил Хашдада прочь, за ворота. Киммериец отпрыгнул следом, ударом ноги поспешно захлопнув тяжелые бронзовые створки.

Не следует касаться бронзы в доме волшебников.

В тот же миг тяжелый кулак кузнеца врезался в затылок киммерийцу.

С обезумевшим Хашдадом пришлось повозиться. Подпав под чары Аттеи, кузнец вбил себе в голову, что именно Конан убил его дочку, и теперь сражался, точно разъяренный лев.

— Она же звала меня! — Конан с трудом уклонился от пронесшегося совсем рядом с его головой булыжника. Заклинание волшебницы, похоже, удесятерило силы Хашдада. Глаза его вылезли из орбит, рот искривился, лицо налилось кровью; он размахивал своим факелом, норовя ткнуть в лицо киммерийцу. Несмотря на всю силу и ловкость Конана, ему не удавалось сбить безумца с ног. Хашдад, казалось, обрел сейчас силу десяти человек. В руках киммерийца был меч, однако вид обнаженного клинка, похоже, ничуть не пугал.

Искры факела обожгли лицо Конана, и тот окончательно потерял терпение. Клинок плашмя рухнул на голову кузнеца, и тот без чувств свалился на землю.

— Так-то оно лучше... — проворчал киммериец, спрятав меч и, взвалив на плечи тяжелое тело («нанялся я его таскать, что ли?!»), двинулся к их лагерю.

Несмотря на потерю лошадей, киммериец не был особенно сильно огорчен. Ему удалось понять нечто куда

более важное. Похоже, теперь он знал, где уязвимое место колдуньи...

Ночь Хашдад провел очень беспокойно. Придя в себя, он не узнал Конана и тотчас же провалился в тревожный сон, перемежавшийся криками и попытками встать. Опасаясь, что Аттея продолжает управлять его спутником, Конан на всякий случай крепко связал кузнеца по рукам и ногам.

Сидя у костра, северянин пересчитал стрелы, данные им в дорогу Пелием. Дюжина. Маловато. Они как будто бы миновали заброшенную кузницу. Если поискать по хижинам брошенную железную утварь... и заставить Хашдада как следует поработать...

Наутро кузнец проснулся с жуткой головной болью, но в трезвом сознании.

— Что... что со мной вчера было, Конан?

— Чуть не свихнулся и чуть было не погубил нас всех, — проворчал киммериец. — Эта Аттея наложила на тебя заклятье. Тебе что-то там привиделось... и ты обезумел. Тыкал мне в лицо факелом...

Хашдад покраснел.

— Ладно, забудем, — махнул рукой Конан. — Послушай, с этой треклятой бабенкой я справлюсь сам, ты только не мешай мне, хорошо?

— Но, Конан... Она же из Ночных Клинков! Я должен отомстить!

— Хочешь отомстить — делай то, что я тебе говорю, и ничего больше. Слушай меня и запоминай...

Вскоре в заброшенной кузнице вновь ярко запылал огонь. Киммериец, надрываясь, принес целую грудку ржавого железного лома — проклятье Идмира заставляло металл ржаветь вдесятеро быстрее, чем обычно, и из всей этой кучи едва ли можно было выковать хотя бы один нормальный меч.

— Что я должен сделать? — осведомился Хашдад, поигрывая молотом.

— Наконечники для стрел, — бросил Конан. — И побольше. Пусть получатся не слишком острыми или во-

обще кривыми — неважно. Главное — побольше. А я пойду. Надо сделать древки.

— А зачем тебе плохие наконечники? — искренне удивился кузнец. Конан посмотрел на него долгим взглядом.

— Я их хранить не собираюсь. Это только для Аттеи, понял?

— Но тут же была целая орда кштариев! С настоящими луками! С отличными стрелами! И они ничего не смогли с ней сделать! Так на что же ты рассчитываешь с нашими, наспех сделанными?

— Слушай, ты слишком много разговариваешь, — бросил на прощание северянин и вышел, притворив за собой дверь.

Хашдад пожал плечами и взялся за работу.

К вечеру у них был готов толстый пук стрел. Сделаны они были наспех, неоперены, летали плохо — но Конан тем не менее остался доволен, к великому изумлению кузнеца.

— Мне с ними не на эмирский смотр, — пояснил киммериец своему спутнику. Колчан Конана был набит битком, и еще одну толстую связку он приторочил за спину.

— Послушай, да ведь этот хворост, даром что с железными наконечниками, даже ослиную шкуру не пробьет, — заметил Хашдад. — То-то Аттея посмеется! Наверняка она все это видит!

— Пусть видит. И пусть себе смеется, — загадочно ухмыльнулся Конан. — Посмотрим, кто будет смеяться потом.

Киммериец поставил на огонь небольшой котелок и стал бросать в него затвердевшую смолу, собранную им по всем окрестностям. Дождавшись, пока комки размячатся, он принялся тщательно затыкать себе уши. Не удовлетворившись этим, он надел низкий шлем, поверх него — капюшон плаща и накрепко примотал ткань веревкой.

— Так, а теперь гаркни как следует! — велел он кузнецу.

— Зачем? — удивился тот, однако же повиновался. — Что ты вообще затеял?

Конан удовлетворительно покивал головой. Поднял лук, плотнее запахнулся в плащ и зашагал к башне колдуньи.

* * *

Аттея стояла у высокого окна на самом верху своей башни. Волшебница была молода и хороша собой; длинные черные волосы, чуть вьющиеся, спускались почти до полу; точеное алебастровое лицо с тонкими алыми губами и большие черные же глаза, соблазнительные, затягивающие... Она смотрела вниз, на приближающегося к ее воротам мерной походкой человека. Вот он остановился, устроился возле старого засохшего платана, вот приготовил лук, вот пустил первую стрелу... Ведьма усмехнулась. Глупец! Чего он рассчитывает добиться этими жалкими игруппками?!

Стрелы летели из рук вон плохо. Похоже, пришелец старался попасть в какое-то из окон, но вместо этого его стрелы ложились вдоль всей белой дорожки, что вела от ворот к крыльцу.

Волшебница пожала плечами. Ладно, мой милый, покабавился — и будет. Теперь настала моя очередь забавляться. Может, я даже не сразу убью тебя, синеглазый... Может, мы даже поваляемся с тобой где-нибудь во внутренних покоях... Правда, потом я тебя все равно убью и отошлю твой выпотрошенный труп этому выжившему из ума Бхадару — но это после. Я давно не видела таких молодцов, как ты... Очень давно...

Она начала негромкую песнь, ту самую, что взбесила лошадей прошлым вечером. Сейчас, сейчас, сейчас... Сейчас твои руки ослабнут, ты бросишь свой глупый лук и побежишь ко мне... как бежали многие и многие до тебя.

Конан выпустил последнюю стрелу. Она клюнула бронзу ворот и бессильно отскочила на землю. Киммериец поднялся. Кряхтя, поднял с земли здоровенный тюк с всяким железным ломом и потащил все это к воротам. Аккуратно разложил ржавые лемехи, топоры, котлы и все прочее от одного привратного столба до другого, так что

выход из двора Аттеи оказался перегорожен невысоким железным барьером. А потом, примерившись, ногой сбил запор и распахнул створки внутрь.

Аттея удивленно подняла брови. Ее верное, как смерть, заклинание не действовало на этого странного пришельца. Похоже, это будет хороший противник, он не ляжет сразу же бездыханным трупом, он поможет ей разогнать застарелую скуку последних томительных лет! Глаза волшебницы сузились. Что ж, ты справился с моим призывом, ты не испугался того, как мои котятки сожрали твоих лошадей... Посмотрим теперь, как тебе понравятся мои стражи!

Створки были распахнуты. Конан осторожно шагнул внутрь. Все чувства киммерийца были напряжены до предела. По обе стороны белой дорожки взволнованно покачивались ветви деревьев — хотя никакого ветра не было и в помине. А прямо возле крыльца стояли, глухо рыча и хлеща себя хвостами по бокам, три большие черные пантеры. Впрочем, нет — они только походили на пантер. Эти твари были и крупнее, и мускулистее, и оскаленные их зубы выглядели куда как более внушительно. Глаза у зверей, как положено подобным колдовским созданиям, горели алым огнем.

Конан заметил, что, приближаясь, звери старательно огибали разбросанные тут и там стрелы.

— Так, железа вы, значит, не любите, — пробормотал киммериец. — Но, Кром меня вразуми, почему же вас тогда не прикончили те, что побывали здесь до меня?..

Тут тоже крылась какая-то ловушка.

Громадные кошки не спешили, видя, что добыча почему-то и не думает убегать. Они шагали в ряд, слишком надменные, чтобы нападать на жертву с разных сторон. Киммериец видел изогнутые клыки, отливающие синевой когти, капающую с черных губ слюну... Там, где ее капли касались дорожки, вспыхивал крохотный алый огонек, тут же подергивавшийся серым дымком. Северянин отступил к самым воротам, выставив перед собой напряженный лук.

Стрельба никогда не принадлежала к числу его талантов, однако промахнуться с такого расстояния было невозможно. Древко вонзилось в горло шагавшей в середине пантере; зверь конвульсивно дернулся, из раны тотчас повалил густой сероватый пар, по дереву побежали язычки пламени; однако холодное железо, над которым не властны заклинания, не смогло остановить чудовище. Именно этого и ждала от него, Конана, сотворившая сих милых кошечек Аттея...

Киммериец успел бросить лук и вскинуть меч, когда раненая пантера прыгнула. Северянин пригнулся, выставив клинок — черное тело пронеслось над самой головой, распарывая брюхо о выставленное лезвие. Однако этого творению чар было бы мало — если бы оно, корчась от боли, не рухнуло на возведенную киммерийцем железную баррикаду, по верху которой были выложены самые острые обломки...

Зверь сам насадил себя на вертел. Яростно шипя, тварь билась в агонии, почти что свиваясь клубком; однако все ее усилия были тщетны. Железо уничтожало зловещую силу заклинания, из распоротого брюха, груди и боков обильно хлестала кровь; не прошло и нескольких мгновений, как алые глаза зверя потухли.

Две других пантеры замерли. Они шипели и хлестали себя хвостами от ярости, обильно роняя ядовитую слюну; однако не двигались с места. Очевидно, их хозяйка поняла, что имеет дело не с простым искателем приключений.

Конан вновь натянул лук. Теперь уже звери мешкать не стали. И, хотя стрела встретила одну из пантер в воздухе, вторая наверняка бы вцепилась в киммерийца, если бы на череп зверя не обрушился сбоку поистине богатырский удар тяжелым молотом, вдребезги разнесший твари всю голову.

Хашдад успел вовремя.

Конан и последняя пантера сцепились. Все тело киммерийца под плащом было обмотано железными цепями — доспехов у Пелия не нашлось. Тварь яростно шипела, ее когти ломались о грубую сталь, а выхваченный

Конаном из сапога короткий нож раз за разом погружался в тело зверя, всякий раз окутываясь дымом...

Дело решил молот Хашдада. Кузнец и второй раз ударил, не промахнувшись и на палец. Едва только смертельная хватка зверя ослабла, Конан, извернувшись, швырнул и вторую пантеру на железную баррикаду у ворот. Шипение, вой — и все было кончено.

— Ты в порядке? — тревожно спросил Хашдад у киммерийца.

Конан не ответил. Уши его были плотно заткнуты, однако же он прочел вопрос кузнеца по губам и несколько раз кивнул.

Не следует громко разговаривать вблизи жилища волшебника.

Конан красноречиво толкнул кузнеца к воротам. Тот было воспротивился, но киммериец скорчил столь зверскую рожу, что кузнец тотчас повиновался.

Северянин сделал первый шаг по белой дорожке от ворот к башне.

Аттея в своем высоком покое тихонько рассмеялась. Он сумел доставить ей удовольствие, этот странный пришелец! О погибших пантерах она не сожалела — сотворить новых стражей ей не составит труда, ведь в ее распоряжении вся магия Камня-Хранителя! Так что пусть этот парень идет... если, конечно, сумеет.

И волшебница негромко начала новую песнь. Она пела, и с каждым мигом тьма в саду становилась все чернее и непрогляднее. Деревья хищно приподняли ветви, листва раздвинулась, обнажая длинные, смертоносные шипы. Один неверный шаг в сторону...

Разбросанные по дорожке наконечники стрел засветились слабым бело-лунным светом. Волшебница поджала губы. Как же она упустила это из виду!.. Да, дойти до крыльца ему теперь уже ничто не помешает...

Конан двигался очень осторожно, прощупывая дорогу впереди железным мечом, от одного светящегося наконечника к другому. Над его головой извивались змеи-ветви, шипы дрожали от кровожадного нетерпения, но, чув-

ствуя близость холодного железа, так и не посмели напасть.

— Ерунда какая-то, — пробормотал киммериец, когда его ладони коснулись гладких мраморных ступеней, что вели к вырезанной из орехового дерева входной двери башни. — Все эти рыцари в броне — они что же, не могли здесь пройти? И ни один болван так и не сообразил, что далеко не всякая магия властна над холодным железом?

На крыльце он позволил себе несколько мгновений отдыха. Он оказался в мертвом пространстве, из окон башни сюда было не попасть ни стрелой, ни копьем, ни камнем.

Обмотав руку плащом, он осторожно коснулся дверной ручки. Иногда самый лучший ход для вора — парадный. Прятаться от кодунии бессмысленно.

Дверь подалась неожиданно легко. Конан дал ей распахнуться полностью, а затем пригнулся и одним громадным прыжком ринулся внутрь.

В дверь над самой его головой с треском вонзилась арбалетная стрела. И сразу же послышался смех Аттеи — звонкий, словно мелкие серебряные монетки сыпались на каменный пол.

— Ловко, клянусь Камнем-Хранителем! Ловко, прищелец!

Конан перекатился через плечо и вскочил на ноги. Меч его был уже готов к бою.

Перед ним стояла сама волшебница.

Глава IV

Ее алое платье из тяжелого бархата свисало до полу. Немыслимо тонкую талию охватывала золотая цепь; на снежно-белых щеках играли веселые ямочки. Бездонные глаза смотрели на киммерийца с легкой усмешкой и неким женским вызовом; возле ее ног валялся разряженный арбалет.

Конану уже давно не приходилось встречать столь красивое создание; он ожидал увидеть мерзкую старуху.

Польщенная его неприкрытым восторгом и изумлением, Аттея рассмеялась.

— Я ведь все-таки не простая смертная, мой дорогой. Да и магия Камня-Хранителя кое-что значит.

Несколько мгновений враги смотрели друг на друга. Аттея вновь заговорила первой.

— Всего у меня побывало восемь десятков гостей — и еще один. Шестнадцать из них дошли до крыльца. Каждого из них я встречала, как и тебя, — простой стрелой. Десять раз я попала. Шестерым оставшимся я предлагала то же, что предложу и тебе — сейчас ты еще волен повернуться и уйти. Я не стану преследовать тебя или же как-то вредить тебе. Но если ты решишь подняться по этой лестнице, тебя уже ничто не спасет. Ну, так что ты выберешь?

Конан не отвечал. Он видел шевелящиеся губы волшебницы, но не слышал ни единого ее слова. Вместо ответа он медленно двинулся ней, держа меч на изготовку.

— Кстати, имей в виду, — небрежно заметила кодуния, — что твой трюк с холодным железом мог удаться только снаружи. Здесь, в моей башне, я полностью властна над всеми металлами. Не веришь? Смотри!

Ее руки выхватили их складок одежды небольшой обоюдоострый нож. Пальцы Аттеи совершенно спокойно коснулись холодного железа — правда, на руках ее были надеты тонкие шелковые перчатки.

Глаза Конана сузились. Проклятая ведьма оказалась сильнее, чем он предполагал. Власть над железом! Кром! Это очень скверно.

Однако же ты все же носишь перчатки, подумал Конан, внимательно следя за каждым движением волшебницы.

Носишь перчатки и отгораживаешь свое роскошное тело от соприкосновения с роковым металлом. Значит, не так-то тут все просто...

Он сделал еще один шаг к ней. Да, чудо как хороша, повалить бы ее прямо здесь... а не пытаться убить...

Очевидно, его мысли целиком и полностью отразились на его лице, потому что Аттея неожиданно усмехнулась.

— Ты сильный и смелый человек, — заметила она, отступая вверх по лестнице. — Ты первый понял, как избежать моего зова. Смола в ушах — как просто! Правда, был еще один... далеко, далеко отсюда. Впрочем, мне это уже надоело. Ты нацепил на себя целые груды железа... и сейчас ты увидишь, что оно вполне повинуется моим заклятиям.

Цепи, которыми Конан обмотал тело, начали с грохотом падать на мозаичный пол. Следом за ними последовали меч и шлем.

Глаза киммерийца сузились. Похоже, эта ведьма и впрямь слишком сильна. Похоже, ее не возьмешь одной только быстротой. Требуется еще и хитрость.

Цепи, извиваясь, словно змеи, поползли прочь, в дальний угол. Туда же последовал и меч киммерийца. Конан проводил ускользавшее оружие взглядом, безразлично пожал плечами и принялся выковыривать смолу из ушей. Аттея терпеливо ждала.

— Ну вот, теперь мы можем поговорить нормально, — заметила она, когда Конан бросил на пол последний комок. — Выбирай, незваный гость — уйдешь ли ты сейчас, или же поднимешься наверх? Если ты поднимешься, то назад, предупреждаю, тебе выйти уже не удастся.

Конан пристально смотрел на красавицу, и его мощная грудь бурно вздымалась.

— Послушай, колдунья! — прогремел он, словно пропадажа оружия совершенно его не обескуражила. — Зачем эти грозные слова? Если поднимешься... то не выйдешь... К чему? Я ожидал увидеть старую и страшную каргу, а вместо этого...

— Увидел меня? — кокетливо подхватила Аттея.

— Да, — киммериец нагло раздевал ее взглядом. — Клянусь Кромом, моим грозным богом, таких волшебниц я еще не видывал! Хотелось бы узнать тебя поближе...

Аттея захихикала, словно замышляющая каверзу девчонка.

— А ты попробуй, гость, не знаю твоего имени...

Никогда не следует сообщать волшебникам свое настоящее имя. Никогда не знаешь, что они способны с ним сделать.

— Ты предпочтешь прямо здесь? — Конан кивком указал на холодный мраморный пол, покрытый причудливой мозаикой.

— Можно подняться наверх, — Аттея томно прикрыла глаза.

Мраморные ступени ложились под ноги. Мимо роскошно разубранных стен, мимо златотканых шпалер, мимо шитых серебром и драгоценными камнями гобеленов, мимо золотых шандалов, в которых без дыма и копоти горели холодным пламенем неоплавлявшиеся свечи, Конан и волшебница поднялись наверх.

Просторный покой занимал всю башню. Окна смотрели на четыре стороны света; пол покрывал белоснежный ковер из тончайшей шерсти горных коз. По стенам было развешено оружие, которого хватило бы на несколько десятков всадников — нагрудники, кирасы, шлемы, щиты и прочее. Между ними вытянулись мечи и копья, топоры, секиры, булавы, палицы, шестоперы, чеканы и прочее. Все вооружение было очень дорогим, с золотой насечкой и зачастую украшено драгоценными камнями.

— Мои трофеи, — с известной гордостью заметила Аттея. — А вот это... мой самый главный. Ну да ты и сам уже все понял.

Конан не отрываясь смотрел на Камень. Да, это и впрямь была истинная драгоценность. Громадный бриллиант, размером с голубиное яйцо светился и сверкал, словно настоящее маленькое солнце. Он лежал на изящном одноногом столике черного дерева в самой середине покоя; лежал у всех на виду, так что казалось — протяни только руку — и величайшая драгоценность Вендии будет твоей!

Однако время, когда руки Конана жадно тянулись к подобным красивым вещцам, даже опережая мысли, уже давно прошло.

Аттея соблазнительно вытянулась на низкой кушетке, оценивающе поглядев на киммерийца.

— Жаль, что у тебя все такое неказистое, — заметила она. — Все, кто приходили ко мне, добавляли что-нибудь к моему собранию.

— Разве мертвые железки могут сравниться с тобой? — неуклюже польстил ведьме Конан. Аттея вновь хихикнула. Взгляд ее стал совершенно недвусмыслен.

— Железки забавляют меня. А главное в этом покое — вот! — Она указала на Камень-Хранитель. — Хотя и среди оружия попадаются интересные вещи...

Она прошла в дальний угол, сняв со стены неказистый нож потемневшей стали. Грубо откованный клинок носил следы небрежного обращения, рукояткой служил простой кусок древесины.

— Вот это, например, — нараспев произнесла ведьма, покачивая оружие в пальцах, — и внезапно резким движением метнула его прямо в Конана.

Киммериец выбросил вперед руку, ловко поймав клинок прямо в воздухе. Детский трюк. Ему он научился еще в гиперборейских гладиаторских казармах. Однако последний раз он проделывал его довольно давно и допустил небольшую, совсем-совсем небольшую ошибку — лезвие чуть-чуть оцарапало правое запястье.

— Ну, вот и все, — удовлетворенно вздохнула ведьма. — Вот и пришел твой конец, мой дорогой. Этот клинок сотворен мастерами Белого Круга. Ранка крошечная, но ее ничем не затянуть. Не помогут никакие повязки. Она будет кровоточить, пока ты окончательно не обессилеешь. Один герой... из далекого Кхитая надеялся взять этим мою жизнь. А вместо этого взял твою.

Конан стоял неподвижно, точно скала; брови сдвинуты, все до единого мускулы напряжены; по сжато правому кулаку сбегала вниз алая струйка. Красные капли пятнали белоснежный шерстяной ковер.

— Я испорчу тебе пол, — с кривой усмешкой бросил киммериец.

Аттея изумленно подняла брови. Все, что угодно ожидала она услышать, но только не это! Мольбы о пощаде, проклятия, — но не это! Сбитая с толку, она промедлила...

Конан сорвался с места одним громадным прыжком. К ней, к этой проклятой ведьме, дотянуться до ее разубранного ожерельями горла! А там будь что будет.

Ярость настолько переполняла Конана, что ему удался поистине сверхчеловеческий прыжок. Пальцы киммерийца уже готовы были вцепиться в шею волшебницы, ломая ей позвонки, но... захватили лишь воздух. Колдунья отпрянула с немыслимой быстротой.

И вновь раздался искренний серебристый смех. А в спину Конана словно бы ударил невидимый таран. Киммериец не удержался на ногах и растянулся во весь рост.

Аттея хохотала, хлопая в ладоши.

— Ой, насмешил, вот уж насмешил! Неужели ты думал, что мои заклинания не охраняют от подобного? Какая наивность!..

Конан поднялся на ноги, зажимая кровоточащее запястье. Глаза его горели, однако на сей раз он воздержался от резких движений. Отойдя в сторону, он опустился на мягкий пuf.

— Напрасно ты так верил в холодное железо, мой дорогой, — укоризненно заметила Аттея, направляясь к дверям. — Идмир, мой отец, в конце жизни добился очень многого. В том числе — и власти над кованым железом. Там, во дворе, ты добился успеха, поскольку магия Камня-Хранителя, как магия Земли, и впрямь не властна над сталью. Здесь, увы, железо уже бессильно. Ты видел, как оно выполняет мои приказы!

Конан не ответил. Он сидел неподвижно, зажав левой ладонью рассеченное запястье, и его устремленный на ведьму взор горел такой ненавистью, что Аттея невольно вздрогнула.

— У меня много дел — надо сотворить новых стражей взамен тех, что ты уничтожил. Я не стану тревожить тебя. Твои последние часы будут легкими. Смерть от потери

крови — безболезненная и приятная смерть. Твое тело, мой дорогой, я отправлю радже Бхадару, как и обычно. А твой меч займет почетное место на моей западной стене. Да, кстати, чуть не забыла! Иди-ка сюда, мой маленький! — Ведьма поманила пальцем, словно подзывая невидимую собачонку. Нож Белого Круга вырвался из рук киммерийца и, скользя по полу серебристой рыбкой, мгновение спустя оказался на своем всегдашнем месте. — Теперь вот все, — вздохнула Аттея. — Прощай! — И с этими словами ведьма вышла, плотно притворив за собой дверь. Несмотря на всю остроту своего слуха, щелчка замка Конан не услышал — створки наверняка замкнуло заклинание.

Северянин поднялся. Запястье обильно кровоточило. Если дело пойдет так дальше и он ничего не придумает, он и впрямь окажется в чертогах Крома. Нерушимое слово Конана будет нарушено, Тар останется в своем заточении... Как потом посмотрит Конан ему в глаза, когда они встретятся в день Последнего Суда?

А в середине просторного покоя на эбеновой подставке мягко светился Камень-Хранитель, и все две с лишним тысячи его граней отражали все мыслимые превратности злой судьбы...

Конан замер, не сводя глаз с камня. Ясно, что здесь наверняка устроена какая-то колдовская западня — иначе Аттея не бросила бы драгоценность в комнате с разъяренным пленником — но иного шанса, похоже, у киммерийца просто не было. Он попытался высадить дверь — напрасно. Створки даже не дрогнули. И, если тут было применено достаточно сильное чародейство, в них можно было бить осадным тараном — без всякого для них ущерба.

Камень-Хранитель. Что там говорила эта тварь Аттея? Его чары — это магия Земли, и холодное железо ему не подвластно? Киммериец ухмыльнулся. Его обезоружили, и ведьма решила, что железа у него больше нет. Ранивший его нож не в счет.

На всякий случай Конан проверил, не снимаются ли со стен трофеи Аттея — разумеется, они были закреплены

намертво, и сорвать их было невозможно никакими силами. Ну что ж, ведьма считает, что он окончательно раздавлен — как бы не так!

Киммериец распахнул плащ. Его пояс толстой кожи украшала массивная железная пряжка. В случае необходимости пояс можно было использовать и как оружие. Конан растянул его и, сделав петлю, метнул в Камень-Хранитель, пытаясь попасть по нему пряжкой.

Вспыхнуло пламя. Все тело Конана пронзила судорога мгновенной острой боли, заставившая его глухо вскрикнуть и почти без чувств рухнуть на мягкий пол. Камень-Хранитель остался на прежнем месте. От пояса же уцелела одна только пряжка. Толстая воловья кожа обратилась в черный пепел.

Отползая, киммериец заметил, что тянувшийся за ним кровавый след стал заметно шире.

Последняя надежда — на Камень-Хранитель — с треском рухнула. Продолжая зажимать запястье, Конан поднялся. Его пошатывало, он с трудом удерживался на ногах.

— Кром! — прохрипел он, подбирая все еще горячую пряжку. — Надо что-то придумать, иначе эта Аттея получит меня, словно заколотого к празднику кабана!..

Однако сказать всегда легче, чем сделать.

Киммериец принялся мерять шагами покой... и мерял его до тех пор, пока голова не закружилась от потери крови.

— Сейчас... — тяжело ворочая языком, пробормотал он. — Сейчас... вот только посижу немного...

Конан тяжело опустился, почти рухнул в углу подле камина. Громадное тело, все перевитое жгутами мышц, внезапно обмякло. Воин лишился чувств.

Солнечные лучи играли на иссиня-черных волосах киммерийца, когда Аттея наконец соизволила вернуться. Белоснежный пол в покое был весь закапан кровью, словно в пыточной; а лежавший возле каминного зева человек был бледен, точно слоновая кость. Со щек исчез румянец; глаза запали и закрылись.

Капризно надув губки, Аттея лишней раз взбила пышные кудри. Ведьма была совершенно разочарована. Ее

добыча ушла в лучший мир задолго до срока. Колдунья и не собралась держать данного северянину слова — она явилась в покой, чтобы пытками обратить его последние часы в адскую муку, и что же? Он, оказывается, успел умереть!

Аттея осторожно подошла к лежащему. Грудь Конана не двигалась, глаза были закрыты. Пол вокруг него стал совершенно багровым. Колдунья наклонилась, вглядываясь пристальнее. Если он только потерял сознание, она приведет его в чувство — чтобы он узнал, наконец, что такое гнев Хозяйки Камня-Хранителя; все его сила и стойкость рассеются, как дым, и он будет корчиться у ее ног, моля о смерти. Мягким, гибким движением, обольстительная, словно суккуб, Аттея нагнулась к лежащему, нащупывая пульс.

Руки Конана рванулись к ней навстречу, словно бросающиеся на добычу змеи. Раздался треск рвущейся ткани. Левая нога Конана, описав полукруг, сделала подсечку, и Аттея с коротким вскриком повалилась прямо на грудь киммерийцу. Однако вместо того, чтобы вцепиться ей в горло, ладони северянина скользнули под роскошное одеяние колдуньи. В бездонных глазах волшебницы на миг появилось нечто вроде усмешки.

— Так вот чего тебе надо... — начала было она, чувствуя жесткие и неимоверно сильные пальцы на своих бедрах. Ткань затрещала, и в тот же миг ведьма дико вскрикнула от непереносимой боли.

Железная пряжка Конана коснулась ее плоти.

Взвился белый дымок. И в тот же миг весь облик Аттеи страшно изменился. Прекрасные волосы тотчас превратились в седые редкие космы. Высокий и чистый лоб рассекли бесчисленные морщины. Дивные глаза оказались обезображены катарактами. Щеки потемнели и отвисли, зубы выпали, обнажая черные десны. Руки ссохлись, и весь облик ее стал напоминать небрежно обтянутого кожей скелета.

Несколько секунд замершая Аттея в изумлении смотрела на себя, а затем лицо ее исказилось болью, и с

полузадушенным воплем, скорее походившим на крик обиженного ребенка, она внезапно распростерлась на полу.

Конан приподнял тяжелую, кружащуюся голову. Он потерял слишком много крови, и последняя вспышка отняла все силы. Извиваясь, он пополз к Камню-Хранителю.

Ведьма осталась лежать неподвижно. Сердце ее не билось.

Что ж, все произошло так, как он и рассчитывал. Аттея проговорилась, обмолвившись, что ей помогает магия Камня. Холодное железо, бессильное против самой волшебной сути колдуньи, разрушило поддерживавшие ее молодость чары, и этого удара она не перенесла. Старое сердце не выдержало, когда ведьма, впервые за много-много десятилетий, увидела себя в своем истинном облике.

Конан осторожно пошевелил ногой поставку Хранителя. Ничего. Тогда, уже смелее, он протянул к драгоценности руку. Пальцы киммерийца коснулись теплой поверхности дивного адаманта — и в следующий миг нанесенная волшебным клинком рана закрылась. Чары Белого Круга не враждовали между собой.

На руке киммерийца не осталось даже шрама.

Осторожно завернув алмаз в полу плаща, Конан двинулся вниз по лестнице, на прощание прихватив с собой отлично уравновешенный меч с ножнами из трофеев мертвой ведьмы и зачарованный клинок Белого Круга.

И, едва Конан захлопнул за собой бронзовые ворота, как всю округу потряс глухой подземный удар. В зачарованной башне рухнули перекрытия и балки, погребая сказочные богатства ведьмы под горами обломков. Конан выругался.

Хашдад бросился ему навстречу.

— Конан, ты цел? Эта кровь на тебе — твоя или ведьмы?

— Моя, — криво усмехнулся киммериец. — Она оказалась крепким орешком, — добавил он уже тише. Невольно перед глазами северянина вновь появилась Аттея — молодая, прекрасная, полная томной чувственности

и скрытого призыва... Конан с досадой ударил себя кулаком по колену и вновь выругался. — Все, теперь нам осталось только добраться до Пелия. Надеюсь, что Проклятье Идмира с гибелью ведьмы перестанет действовать...

— Ты прав, друг Конан, ты прав, — услышали они голос чародея. По своему обыкновению, он появился у них за спинами и совершенно бесшумно.

— Аттея мертва? Расскажи мне, — потребовал колдун. — Я понял, что она погибла... пользуясь своими методами. Но теперь я хочу знать — как? Чем ты сразил ее?

— Как да чем... — проворчал киммериец, с наслаждением вытягиваясь на земле и жадно приныкая к бурдюку с водой. — Сама она умерла, понимаешь, маг? Сама. От горя. Когда увидала — не без моей помощи — как она выглядит на самом деле...

Маг изумленно поднял брови.

— Вот оно как?.. Надо же, не ожидал от железокаменной Аттеи, что спокойно смотрела на гибель собственной родины, подобной чувствительности! Впрочем — для женщин всегда главное — их внешность, а остальное может гореть огнем... Ну что ж, самое трудное тебе удалось, Конан. Теперь отдай мне Камень-Хранитель, и я смогу точно узнать, где тебе разыскивать священную клепсидру. Мы пройдем по следам Ночных Клинков... и все узнаем. Дай же мне Камень!

Протянутая ладонь волшебника чуть заметно дрожала.

Конан нахмурился. Зоркий киммериец заметил эту предательскую дрожь и, надо сказать, она ему чрезвычайно не понравилась.

— Камень-Хранитель хорош для моих ран, — осторожно ответил он. — Мне доводилось слышать, магические талисманы во время подобного колдовства могут гибнуть... Я хотел бы пока держать его при себе.

Черные глаза волшебника остро сверкнули.

— Ты что же, не веришь мне, Конан из Киммерии?! МНЕ, МАГУ ПЕЛИЮ?!

— Я не верю никому, маг Пелий, — равнодушно ответил северянин. — Даже самому себе. Мне помнится, ты

что-то говорил о короне, которую старый раджа завещал любому, кто выручит Камень-Хранитель? Я вообще-то бы не отказался. Так что мне не хотелось бы, чтобы с Камнем что-нибудь случилось.

Губы волшебника сжались, на щеках проступил румянец.

— Конан! Во время моего волшебства с Камнем ничего не случится, уверяю тебя! — Он с волнением облизнул губы.

— Ну и хорошо, — кивнул киммериец. — Вот и пусть полежит у меня. Да и потом, пожалуй, мы сохраним этот Камень. Я всегда мечтал стать королем чего-нибудь. А Хашдада сделал бы первым министром — или как там называется тот, кто помогает королям? А, приятель, как ты? — обратился он к кузнецу.

Хашдад промолчал — Пелий внушал ему не меньший страх, чем ведьма Аттея.

— Или ты отдашь мне сейчас Камень, — железным голосом начал Пелий, — или ты не дождешься от меня никакой помощи! Ищи следы Ночных Клинков сам!

— Са-ам? — тяжело усмехнулся Конан. Он сделал одно внезапное, стремительное движение, настолько быстрое, что Хашдад не смог различить ни начала его, ни конца, и сгреб мага за грудки. Книжал Белого Круга оказался возле самого горла чародея.

Полузадушенный Пелий захрипел; глаза его расширились от ужаса, едва он понял, что за клинок держит в руке киммериец.

— Я вижу, ты узнал его, — почти ласково проговорил Конан, не обращая внимания на знаки испуганного Хашдада. — Ну, колдун, если ты не хочешь, чтобы эта штука случайно оцарапала тебя — ты будешь говорить. Зачем тебе Камень?

По лбу волшебника прокатилась первая капля пота.

— Зачем? — прежним ласковым голосом повторил Конан, прижимая грубо откованное лезвие к самой коже чародея. — Говори. Ведь если я сделаю еще одно движение — тебя не спасет даже твое искусство.

Чародей судорожно сглотнул, но промолчал. Кулаки его рук непрерывно сжимались и разжимались.

Конан нахмурился.

— Ну, похоже, ты сам все выбрал...

В тот же миг Пелий рванулся из рук Конана, словно змея из снастей змеелова. Конечно, не обошлось без чародейства; безупречная реакция на сей раз подвела варвара, и причиной этому, разумеется, было наложенное волшебником заклинание. Пелий оказался на свободе, и — о ужас! — в пальцах его ярко сверкал Камень-Хранитель!

Маг напыщенно расхохотался.

— Ну вот и все, глупец! — прогремел он. — Этот дуралей Тар направил тебя ко мне, не зная, что мой Орден, орден колдунов Нерг, вступил в союз с Ночными Клинками! А теперь, когда в наших руках — Камень-Хранитель, мы и вовсе станем непобедимы!.. Прощай!

Очевидно, он вознамерился эффектно исчезнуть, растворившись в воздухе — однако на сей раз Конан успел вовремя. Кинжал Белого Круга вспорол воздух сверкающим отблеском, по странной прихоти Судьбы ударил в Камень-Хранитель и глубоко вонзился в грудь чародея. Из ладоней Пелия на береговой песок полетели мелкие блестящие осколки.

Конан метнул нож в самый последний момент, когда тело мага уже начало окутываться легким туманом, что предвещало скорое исчезновение колдуна. Остановить действие заклятия кинжал уже не успел; Пелий исчез — с выпученными от боли глазами и прижатыми к груди ладонями, из-под которых обильно текла кровь.

— Ох! — выдохнул Хашдад.

Киммериец криво ухмыльнулся. Нет, Кром положительно не желал, чтобы к рукам одного из сыновей Киммерии прилипло богатство! Камень-Хранитель обратился в мелкую сверкающую крошку, и ни один ювелир на свете не доказал бы, что эта пыль когда-то слагалась в величественный сияющий адамант...

Конан поддал блистающую пыль ногой и рассмеялся.

— Ну что ж, Тару придется немного подождать. Пока мы не разыщем следующего чародея, который окажется хоть каплю честнее!

* * *

Обратный их путь через Бхарупу оказался далеко не столь же безрадостен, как приведший в нее. Как по волшебству, прошли короткие теплые дожди, а потом пригрело солнце — в самую меру, чтобы ничего не сгорело — и зелень на полях буйно пошла в рост. С душ людей слетело покрывало уныния и мрака. Теперь в любой деревне можно было остановиться на ночлег — гостей принимали охотно и делились с ними последним. От хижин к хижине, от дворца к дворцу летела весть о том, что башня Аттеи лежит в руинах, сама ведьма мертва, а Проклятие исчезло без остатка!

Конан постарался как следует вознаградить себя за утрату короны. В питье и плясках равных ему не было...

Стража на перевале долго не хотела верить им, что Проклятие навсегда снято с несчастной Бхарупы.

Путь Конана и Хашдада лежал на север, вдоль морского побережья, к славному городу Бодео.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОЧНЫЕ КЛИНКИ: ВЕНДИЯ, БОДЕЙ

Глава V

Ох, Конан, да объясни же ты мне, каких демонов ради мы сбиваем себя пятки, ловя всякие небылицы про этих Ночных Клинков? — ныл Хашдад, тащась следом за киммерийцем по узкой и темной бодейской улочке. — Неужели ты надеешься напасть на их след здесь? Чем этот город лучше любого другого в вендийских пределах?

Конан не отвечал. Хашдад спас ему жизнь там, у ворот ведьмы Аттеи, и с тех пор киммериец перестал обращать внимание на слабости спутника. Когда дойдет до дела, кузнец не подведет. Так что пусть говорит... но так, чтобы не мешать ему, Конану, слушать. Потому что иначе они могут и не дойти до конца этого зловонного проулка, так напоминающего шадизарскую Пустыньку... Кажется, заверни за угол, и очутишься перед гостеприимным заведением толстяка Абулетеса...

Северянин досадливо потряс головой. Да, можно сказать, что в Шадизаре он был почти что дома. Там, в Пустыньке, в знаменитом воровском квартале, его знали все. И все знали, что с Конаном-киммерийцем связываться бесполезно — если, конечно, ты не горишь желанием совершить самоубийство. Здесь все было не так.

В городе не было правителя, по крайней мере, внешне. Не было городской стражи, чиновников и прочей братии, от коих воры испокон веку привыкли откупаться звонкой монетой. Городом владели жрецы Индры, заменяя собой и правителя, и стражу, и все иное. Регулярно оглашаемые указы исходили всегда только от имени солнечного бога, победителя злых сил, ужасного змея Варуны, что заградил путь водам в населенные людьми пределы, обрекая мир на гибель. Индра одолел чудовище и тем самым доказал, что является истинным владыкой Сущего. Все равны перед Индрой, говорили обитатели Бодей. Не может быть

никаких «правлящих» и «повинующихся». На земле есть только одна воля — воля великого Индры. Он передает ее людям через священный оракул. Волю божества воспринимают жрецы, которые и несут ее дальше, мирянам. Все жрецы тоже равны между собой. Нет «патриархов» и «настоятелей», нет «малых» и «великих». Собравшись все вместе на еженощное моление, жрецы храма постигают волю Индры и возглашают ее людям. Они же, жрецы, следят за порядком в городе. Говорят, будто они умеют читать в людских сердцах, словно в открытой книге... И потому, якобы, ни один вор не может снискать успеха в Бодее.

Конан уже знал, что это не так.

Воры в Бодее были. И немало. За ними охотились, точно за бешеными псами. Укравшему даже пригоршню песка пощады не было — отсекалась правая рука. Человек становился парией, неприкасаемым и навсегда изгонялся из города.

И потому слава самого безопасного из всех вендийских городов привлекала в Бодей несметное число купцов. Не существовало ни налогов, ни пошлин. Просто каждый должен был пожертвовать на благое дело Индры. Подбдительным, сверлящим оком собиравшего дары жреца трудно было покуситься.

И еще здесь было полным-полно магов. Индра благоволил к чародеям, если, конечно, их чудеса шли ему на пользу.

И потому Конан настойчиво водил мелким неводом по мутному людскому морю в портовых кабаках (которые по сравнению со, скажем, мессангийскими казались закрытыми школами для девочек из благородных семейств), в тайных борделях (ибо Индра не одобрял разврат), опиескурильнях, тоже тайных — и в иных местах, где человек мог вести себя не столь добродетельно, как это предписывалось городскими законами. Киммерийцу нужны были любые сведения о Ночных Клинках. Гордый варвар намерен был сдержать свое слово, данное плененному богу.

Хашдад тоже хотел отомстить за своих — но при этом считал, что гораздо лучше просто ждать — Бодей город

большой, рано или поздно промышляющие в этих морях Ночные Клинки сами пожалуют сюда.

За спиной киммерийца раздалось звонкое шлепанье босых пяток. Северянин мгновенно напряг мышцы — это могло означать засаду с «живцом». Однако вместо этого...

— Мастер Конан! Мастер Конан! — выпалил запыхавшийся босоногий мальчишка. — Мастер Конан, известная вам Бхилата прислала меня передать вам, что мол, все, как обычно!

Киммериец ухмыльнулся. Бхилатой звали одну из местных красавиц не слишком строгого поведения, с которой Конану довелось свести быстрое, но при том еще и весьма близкое знакомство.

— Держи, малец! — сверкнула брошенная серебряная монетка. Паренек поймал ее с ловкостью уличного фокусника и тотчас же исчез в какой-то щели.

— Ну, Хашдад, придется тебе посидеть в кабачке без меня.

— Смотри, Конан, шлюхи еще никого не доводили до добра...

— Неумеренное винопитие тоже, — парировал северянин. — Встретимся, где и всегда.

— Счастливо... — проворчал Хашдад, глядя вслед быстро удалявшемуся киммерийцу. — А все-таки чует мое сердце, тут дело нечисто!

* * *

В эту ночь, на первый взгляд самую обычную теплую и звездную южную ночь, в гавань Бодя вошла длинная черная галера. Ее капитан вручил портовому жрецу тяжелый кожаный мешочек с золотом — более чем щедрый дар Великому Индре — и команда была пропущена на берег.

И в эту же ночь на улицы Бодя вступил Безымянный Ужас.

Он... она... оно... кто знает, какого пола была эта тварь? — медленно двинулось по темным провалам переулков, заглядывая в окна и не спеша выбирая первую жертву. Холодный взгляд ледяных глаз остановился на молодой матери, кормившей грудью крохотную дочурку.

Небольшая комнатка была чисто прибрана; все в ней говорило о достатке хозяев и о том, что жизнь у них более чем сносна. Женщине едва ли было больше двадцати лет. Она смотрела на мирно почмокивающий розовый комочек и улыбалась — той особенной улыбкой, какую можно видеть только на лицах счастливых матерей.

Существо за окном медленно вытянуло незримый, ледяной призрачный палец и слегка дотронулось до лба женщины. После чего, словно потеряв всякий интерес к происходящему, отправилось дальше.

Продолжая нежно и мягко улыбаться, женщина стала прижимать к себе ребенка все сильнее и сильнее. Ее рука, поддерживающая крохотную головку, еще слишком слабую, чтобы самой дотянуться ротиком до соска, прижимала девочку к мягкой и полной груди со всевозрастающей силой. С прежней улыбкой — но теперь какой-то застывшей и мертвой — мать наблюдала, как розоватое личико погрузилось в ее округлую, полную молока грудь. Ребенок забился, задыхаясь; однако мать словно бы ничего не замечала. Она продолжала напевать тихую и ласковую материнскую колыбельную до тех пор, пока крошечные ручки и ножки завернутой в одеяло девочки не замерли — безжизненно и покорно; и тут весь ужас содеянного внезапно дошел до загуманенного холодным чародейством рассудка матери.

Душераздирающий вопль слышен был на нескольких близлежащих улочках.

Слышал его и Конан — правда, не придал этому значения. Далеко и неопасно. Киммериец торопился на свидание, и в тот момент ему не было никакого дела до всяких там криков...

* * *

Конан приподнялся на локте. Рядом крепко спала утомленная нескончаемыми любовными утехами Бхилата — розовые губы приоткрыты, на лице — блаженная улыбка. Киммериец не мог понять, что же встревожило его, вырвав из сладких объятий сна. Волчий инстинкт предостерег варвара, что опасность близка; но вот в чем чем она заключается?

В тот же миг тихий скрип возле двери сменился сокрушительным громовым ударом. Створки не выдержали, рухнув внутрь.

— Что... — Конан рванулся к мечу. В дверь уже валили одетые в серое фигуры в глухих масках. Проснувшаяся Бхилата истошно заверещала, натягивая одеяло до горла, словно это могло послужить хоть какой-то защитой.

Киммериец успел выхватить меч. Клинок прочертил свой первый полукруг в воздухе, играючи развалив надвое самого быстрого из ночных гостей. На роскошные ковры и тонкий шелк обильно хлынула кровь.

— Ну же! — взревел северянин, прыгая вперед. Его враги, похоже, только этого и ждали. Чья-то рука метнула вдоль пола веревку с закрепленными на ней тремя массивными шарами. Ловчая снасть обвилась вокруг икр Конана, и варвар споткнулся. Рысья ловкость позволила ему устоять на ногах, но второй сокрушительный удар его пропал втуне. Это позволило одной из облаченных в серое фигур проскользнуть за спину северянина; Конан успел ткнуть клинком назад, и в тот же миг на его голову обрушился тяжелый удар. В затылке вспыхнула обжигающая боль, комната поплыла у него перед глазами, пока не исчезла за плотной завесой, более черной, чем сама ночь.

* * *

Поток ледяной воды, словно только что низвергнувшейся со стылых высей Асгарда, привел Конана в чувство. В затылке билась сверлящая, тукающая боль, словно целый легион дятлов что есть мочи долбили череп варвара. Киммериец фыркнул, приходя в себя.

— Эй, ты, жлоб! Ну-ка, вставай, пока мои парни не сняли с тебя живьем шкуру! — Это было сказано с выражением.

Конан открыл глаза. Застонав, он поднялся на колени; вокруг него на грязном полу была вода. Вокруг стояли пятеро — и ростом самый мелкий из них самое меньшее на голову превосходил Конана.

Обликом вся эта пятерка напоминала серых лесных обезьян. На запястьях и шеех сверкали браслеты и цепи —

жизнизна золота мешалась с блеском серебра. Драгоценности эти выглядели совершенно несуразно на фоне грязных бесформенных лохмотьев, заменявших этому сброду одежду. Все пятеро носили дорогое оружие — ножны изукрашены самоцветами, по эфесам вились золотые змейки искусных инкрустаций. Судя по их лицам, сии молодцы не замедлили бы пустить эти клинки в ход, и за деньги прирезали бы даже собственных матерей.

Бхилата тоже оказалась здесь — нагая, девушка скорчилась у стены, кое-как пытаясь прикрыть руками свои прелести. Конан заметил, что от холода она покрылась гусиной кожей. Все пятеро громил время от времени бросали на нее похотливые взгляды; от каждого такого взгляда Бхилата вздрагивала, словно под плетью. Зубы Бхилаты мелко и часто постукивали — то ли от страха, то ли от холода, то ли и от того и другого вместе.

Киммериец поднялся, и в спину ему тотчас уперся наконечник стрелы. Сзади шумно сопели.

«Арбалетчик», — подумал Конан, делая шаг вперед по знаку одного из громил, что стоял в центре пятерки.

— Руки за спину! — потребовал разбойник.

Конан повиновался — и ощутил, как его запястья охватили два железных браслета, сцепленные вместе короткой цепью.

— Так-то оно лучше, — заметил вожак банды. Золотая цепь на его шее была раза в три толще, чем у остальных. — Теперь иди за нами, красавчик! Император Велед желает видеть тебя.

Конан и глазом не моргнул, хотя от одного этого имени у любого обитателя Бодей кровь застыла бы в жилах. Это был глава гильдии воров и убийц города Индры. За его голову жрецами было обещано огромное вознаграждение — золотом, а не «похвалами Индры», как это бывало обычно. Велед слыл беспощадным чудовищем, не знавшим, что такое жалость. Более того — о нем шептались, что само убийство, кровь, муки и вопли жертв доставляют ему наслаждение, и что кроме этого ничто в мире не способно вызвать улыбку на его лице, которого никто и никогда не видел.

Конан быстро огляделся. Он находился в каком-то подвале, сквозь узкое зарешеченное оконце едва-едва про-

бывался свет. Наверх вела узкая лестница; заканчивалась она не дверью, а круглым люком в потолке. Голые каменные стены, сырые, покрытые плесенью; холодный земляной пол. Пахло крысами и еще какой-то дрянью.

Киммерийца толкнули в спину.

— Давай, давай, неча глазеть! Его величество не любит ждать.

— Парни, плюшку не забудьте!

Всхлипывающая Бхилата оказалась рядом с Конаном.

— Эй, вы, зачем вам эта девчонка? — возвысил голос киммериец. — Я у вас и так никуда не денусь.

Банда глумливо захохотала.

— Быть может, его величеству она сгодится для какого-нибудь небольшого развлечения, — издевательски заметил вожак. — А если нет, то, в великой своей милости, он может подарить ее нам... То-то радости будет! Нам такие попадаются нечасто...

В соседней комнате оказалась распахнутая железная дверь, вся покрытая застарелой ржавчиной. Из щелей несло отвратительной вонью — человеческими нечистотами.

— Нам туда, — заявил вожак.

Дверь со скрипом повернулась на тяжелых петлях. Открылась ведущая вниз узкая каменная лестница, огражденная провисшими ржавыми цепями. Ее нижний конец терялся во тьме.

— Так вот где правит ваш хваленый император — в тоннелях для дерьма! — рассмеялся Конан, за что немедленно получил удар мечом плашмя по спине.

— Не смей порочить нашего повелителя! — рявкнул главарь прямо в лицо киммерийцу.

Бхилата завизжала, отказываясь идти босиком по той отвратительной слизи, что покрывала ступени лестницы. Один из бандитов, недолго думая, взвалил девушку на плечо, точно куль с мукой, и потащил вперед.

Река нечистот текла рядом. Растянувшись цепочкой, люди шагали по узкому каменному карнизу. Исходивший из оставшейся позади двери свет мало-помалу тускнел, однако громилы шли уверенно. Ни один из них не стал зажигать фонарей или факелов.

Тоннель раздвоился. Отряд двинулся по правому. Потом им встретился еще один перекресток, потом еще и еще... Система выгребных тоннелей под древним городом складывалась столетиями.

Дорога по путям нечистот заняла довольно много времени. Нагую Бхилату по очереди несли все пятеро громил. Это служило чем-то вроде развлечения — можно было, похихатывая, ощупывать и оглаживать жалобно визжащую девушку.

Наконец в стене тоннеля им встретилась еще одна железная дверь. Влага и испарения заставили ее покрыться ржавчиной, однако и петли, и запоры оказались хорошо смазанными. Предводитель шайки нагнулся к крошечному окошечку и что-то произнес вполголоса. Конан напряг слух, но тщетно — главарь был опытен и пароли произносил шепотом, как и положено, когда ведешь опасного пленника.

Дверь открылась. И, перебивая вонь отхожих тоннелей, на Конана пахнуло человеческим жильем. На пороге появился такой же обезьяноподобный привратник, как и те пятеро, что привели Конана. Без долгих проволочек всех впустили внутрь. Дверь была поспешно закрыта.

Покои императора Веледа были отгорожены от зловонных каверн завесами толстых ковров. Коврами же был устлан и весь пол. Когда-то дорогие и яркие, они не перенесли долгого соседства с испарениями тоннелей и испачканных нечистотами сапог, что во множестве хаживали по ним туда-суда. Сам покой был вырублен в цельной скале и высотой не уступал храмовому залу. Вдоль стен теснились статуи — ныне покрытые светящимися мхами, что, по всей видимости, заменяли здесь лампы и факелы. Стояла дорогая мебель: мрамор, черное дерево, розовое дерево, сандал и тому подобное. На столах были груды навалены какие-то узлы и свертки — казалось, что здешние обитатели собрались в дорогу.

Через арку отряд прошел во второй зал. Здесь вовсе дымили курильницы; дорогие благовония заглушали ароматы нечистот. В дальнем конце этого покоя виднелось возвышение, а на нем — кресло из черного дерева, напоминавшее трон. Правда, если судить по его размерам и

форме, император Велед должен был быть весьма и весьма странным человеком.

— На колени, вы, оба! — скомандовал главарь. — Приветствуйте с должной покорностью выход нашего императора!

Конану пришлось покориться — хотя от этого унижения в нем едва не вскипела до последней капли вся кровь, и про себя он поклялся страшно отомстить за это унижение. Палубный боцман Архам мог бы подтвердить, что подобные клятвы киммериец всегда исполняет...

Зашуричали черные бархатные занавеси возле трона. Послышались мягкие осторожные шажки. Стражи заставили Конана пригнать голову, так что северянин не видел сам торжественный выход императора.

— Всем встать, — послышался шепелявый, присвистывающий голос, который едва ли мог принадлежать человеку. Конан поднял голову — и глаза его невольно полезли на лоб, как только он увидел, что представляет из себя его величество император Велед.

«Крысолюд!» — вот первое, что вспыхнуло в сознании Конана, едва он взглянул на грозного правителя.

Низенький, с покатыми плечами, невысоким лбом, с бровями, нависавшими над крохотными алыми глазками, император, похоже, никогда не стриг ногти, и они выросли у него до размера настоящих когтей. Заостренное, вытянутое вперед лицо чрезвычайно напоминало крысина. Макушка его едва ли достигала середины предплечья Конана. Однако разодет император был с поистине варварской роскошью. С плеч спускалась белоснежная мантия; под нее была надета шитая золотом белая же туника. Мимоходом Конан удивился, как такая тонкая шея выдерживает груз бесчисленных золотых ожерелий, что красовались на груди Веледа. Великолепный пояс вполне подошел бы и истинному королю; громадный рубин на пряжке заставил Конана испытать даже нечто вроде профессионального интереса к его величеству. За пояс был заткнут кривой короткий кинжал, вся рукоять которого, казалось, состояла из одних изумрудов.

Вместе с императором появилась и его свита — человек шесть самого что ни на есть бандитского вида —

свирепые, чернобородые, все увешанные драгоценностями и оружием.

— Снимите наручники с этого человека, — император слабо махнул ладонью, более напоминавшей крысиную лапку.

Его приказание было исполнено тотчас.

Сперва Велед, казалось, не обратил на Конана никакого внимания. Его глаза прямо-таки впились в затрепетавшую Бхилату. Тонкие бескровные губы растянулись в жутком подобии улыбки, открывая клыки, более свойственные вампиру, чем живому человеку.

— Я доволен тобой, мой добрый Ям, — негромко произнес император, и к ногам главаря приведшей Конана банды упал увесистый кожаный мешочек. В мешочке что-то солидно звякнуло. — Раздели это между своими людьми, да смотри же, чтобы никто не остался обиженным! Я слышу справедливым правителем и не хочу, чтобы точно исполнившие мой приказ подданные остались бы без награды. Каковы потери?

— Двое убитых, мой повелитель, — отрапортовал названный Ямом громила. — Гнардла разрубили напополам, а Мхира проткнули насквозь. Этот человек настоящий дьявол, мой господин!

— Тем лучше, мой добрый Ям, тем лучше... Что ж, ты хорошо поработал и заслужил отдых. Вы можете подняться к моим курочкам и повеселиться от души.

Конан бросил быстрый взгляд на лица громил из банды Яма — они казались изрядно разочарованными. Похоже, «курочки» императора здесь не пользовались успехом. Уходя, бандиты бросали жадные взгляды на дрожавшую Бхилату.

Руки Конана были свободны, ноги тоже. Среди стражи возникло некоторое замешательство, и киммериец им тотчас же воспользовался. До трона было не более десятка шагов — пара прыжков для такого, как Конан — и потому северянин сорвался с места, словно застоявшийся жеребец.

Оказаться рядом с этой вставшей на задние лапы крысой, вырвать из-за пояса слишком благородный для подобной мрази клинок, и... тут-то мы и увидим, каково это — ставить на колени Конана из Киммерии!

Его попытка провалилась тотчас же. Тело рванулось вперед, а ступни как будто приросли к полу. Киммериец насили успел выбросить вперед ладони, смягчая удар. Со всех сторон грянул грубый хохот, ухмыльнулся и Велед.

— Никто не может приблизиться к нашему трону без соответствующего разрешения, — надувшись от гордости, пояснил он разъяренному киммерийцу. — Заклинание нехитрое, но полезное.

— А кто же это его наложил? — как можно более спокойным голосом поинтересовался Конан, словно в тот миг ничего более важного для него не существовало. Ему, первоклассному взломщику, довелось сталкиваться с подобным чародейством только один раз — но там такое же заклятие охраняло настоящую сокровищницу, полную золота и иных ценностей. Маги — знал Конан — крайне неохотно налагают подобные чары, разве что за огромные деньги. Конан сильно сомневался, что его величество император заплатил за это хотя бы ломаный грош.

— Есть много разумных волшебников, что желали бы оградить от неприятностей себя и своих родственников, — последовал напыщенный ответ. — В качестве платы они исполняют различные наши мелкие пожелания — покорно, как и положено подданным.

— Понятно, — невозмутимо заметил киммериец, ободряюще подмигнув несчастной Бхилате, как будто бы все шло именно так, как он, Конан, и рассчитывал. — А позволено ли будет мне узнать у великого повелителя, зачем же я понадобился вашему величеству?

Конану пришлось приложить немало усилий, чтобы слова его звучали серьезно. Судя по всему, северянину это удалось.

— Мы хотели бы нанять прославленного взломщика Конана Киммерийского, — ухмыльнулся Велед. — Правда, наличными мы не платим. У нас в руках жизнь этой девчонки, — он вытянул руку, указывая на Бхилату, и девушка немедленно взвизгнула, — а, кроме того, еще и твой дружок, Хашдад. Он тут, за стеной, в соседней камере. Ты можешь увидеть его. Так вот, они оба выберутся на свободу живыми и невредимыми, если только ты исполнишь одно наше поручение.

— Какое же именно? — Конан постарался, чтобы его голос звучал как можно более спокойно. Значит, и этот несчастный простак Хашдад у них! Что ж, этого следовало ожидать.

— Не знаю, доводилось ли тебе бывать в Вендии — судя по твоей речи, едва ли — но, быть может, тебе доводилось слышать о столице Вендии Айодхье и о главе тамошней Гильдии Воров по имени Тайджи?

— Тайджи? Тайджи... — медленно проговорил Конан, поднимая глаза к потолку. Да, и до Турана, и до Шадизара докатывались странные слухи о жестоком повелителе воров вендийской столицы. Он правил железной рукой, уничтожая всех, кто мог бы составить ему конкуренцию. Если хотя бы половина того, что говорилось об этом человеке — правда, то связываться с ним было бы смертельно опасно — даже для него, Конана. — Ну, так и что с этим Тайджи?

— Он — в отличие от нас — очень, очень грубый и жестокий человек. Бр-р-р! — Велед поморщился с деланным отвращением. — Надеюсь принудить нас к сдаче, он похитил нашу дорогую племянницу, Лиджену. Верни ее — и твои друзья будут выпущены на свободу целыми и невредимыми. Нет, — он развел руками, — то, сам понимаешь, нам придется поступить с ними немного нехорошо. У нас очень опытный палач, он не допустит, чтобы они умерли слишком скоро. Ну, девочке придется иметь дело с моими крысками, а потом... Четвертование и кипячение в кислоте. Да, пожалуй, именно так. Кипячение. В кислоте, — Велед удовлетворенно покивал головой.

Конан стиснул зубы и выругался про себя.

— Мы даем тебе две седмицы. Если ты не появишься по истечении этого срока, я буду считать, что ты либо погиб, либо сбежал. В обоих случаях твоих друзей ждет печальная участь.

— Две недели! Но до Айодхьи от Бодя самое меньшее три дня езды! — воскликнул Конан. — Я справлюсь с этим делом, будь у меня немного больше времени!

— Две недели, — сухо повторил Велед, сжимая тонкие губы. — Две недели и ни днем больше. Ты все понял? А теперь иди. Наверх тебя проводят.

— Постой, император! Сперва я хотел бы увидеть Хашдада. Я хочу быть уверенным в том, что он жив!

— Разумно, вполне разумно, — заметил Велед и трижды хлопнул в ладоши. — Эй, проводите киммерийца к камере!

На Конана вновь надели наручники. Похоже, император Велед хорошо понимал, с кем имеет дело, и что этого человека нельзя оставлять свободным даже на краткий миг.

Киммерийца провели длинными и низкими коридорами подземной крепости. Тюрьма, к удивлению северянина, оказалась совсем рядом с тронным залом его величества.

Хашдад был жив. Он сидел, забившись в дальний угол; посреди камеры зеленела громадная лужа, в которой шевелились какие-то отвратительные черви толщиной в палец.

— Это пиявки, — с преувеличенной готовностью пояснил варвару охранник, хотя Конан ни о чем не спрашивал. — Стоит хоть одной в тебя впиться — хана! За первой остальные подтягиваются. За час всю кровь высосать могут. А боль такая, что людишки сами себе горло перерезают...

Конан окинул мерзко хихикающего стражника холодным взглядом. Именно так он и умрет, когда киммериец доберется до этой подземной клоаки и наведет здесь свой порядок.

— Две недели! — бросил Конану на прощание его величество император. Бхилата билась в рыданиях — а Велед смотрел и смотрел на ее нагое тело, распростертое на полу...

Так эту сцену и запомнил Конан, когда его уже вели к выходу.

Когда киммериец оказался на поверхности, он был уже спокоен и холоден, словно северная скала. У него было много дел. И первое из них — украсть коня. А еще лучше — двух. До Айодхьи путь недалек.

Готовых к скачке лошадей выводили из конюшен расторопные грумы. Великолепные кони стояли целое состояние каждый; его светлость лорд Тайджи, владыка всех воров Айодхьи, питал необъяснимую слабость к породистым лошадям. Коллекционирование их было его страстью — и притом весьма дорогостоящей. Но достопочтенный лорд (неважно, что данного титула ему никто не присваивал!) мог позволить себе многое — ибо дань со всех без исключения айодхьйских мошенников поступала исправно. А кто задерживал, тот без проволочек отправлялся в мир иной, и обреченного спасти уже никто не мог — ни мечи, ни колдовство. Все в Айодхье это прекрасно понимали. Даже его величество король Вендии...

На просторном внутреннем дворе загородного дворца Тайджи не было ни единого сорняка — и вообще ни одной соринки. Уборщики знали, что за малейшую оплошность их ждут плети. Хозяин не потерпит и мельчайшей небрежности.

Возле ворот собиралась небольшая кавалькада — высокорослая девушка с редкими для жительницы Вендии светлыми волосами и пятеро вооруженных коренастых мужчин, курчавых, бородатых, облаченных, несмотря на жару, в тяжелые кованые доспехи.

— Моя повелительница, хозяин приказал нам... — виновато говорил один из солдат, уже немолодой, и изрытым оспой лицом и седыми волосами, выбивавшимися из-под низкого шлема.

— Ну да, ну да, Преско, он велел не спускать с меня глаз! — резко оборвала его светловолосая девушка. — Но верховые прогулки мне разрешены! И я хочу, заберите меня Варуна, хочу прокатиться как следует, раз уж мне не оставили никаких иных развлечений!

— Но, сатха Лиджена, вы всегда так шпорите свою Ойру... Наши кони не столь резвы, и мы не можем угнаться за вами! А ведь вокруг вертится так много разбойников и прочего сброда!

Лиджена невольно усмехнулась. Тайджи, этот некоронованный король воров Айодхьи, поставил своих голово-

резов охранять ее — и вот вчерашние бандиты начинают толковать о разбойниках и «прочем сброде»!

— Хорошо, хорошо, Преско! — оборвала девушка своего телохранителя. — За все то время, что я провела здесь, еще никто не пытался ни украсть меня, ни освободить из этой темницы!

Преско вздохнул, словно давая понять, что с радостью скрасил бы часы и дни юной затворницы, но...

«Да я скорее пойду в хлев к быку! — сжав губы, подумала девушка, при виде голодного огня в глазах Преско. — Только не с тобой, грязная тварь!»

Что верно, то верно — мылся старший охраны весьма редко, предпочитая баням бордели...

— Трогаемся! — резко бросила она вслух. — Солнце уже высоко, скоро жара станет невыносимой. Едем!

Маленький отряд выехал за ворота, и проворные слуги тотчас же захлопнули тяжелые створки.

Верховые прогулки были единственной отрадой пленницы. Правда, в способностях приставленных к ней вояк Лиджена сильно сомневалась. Один только Преско, бывший гвардеец самого короля Вендии (правда, изгнанный из полка за буйный нрав и обычай громить кабаки, ничего не платя их содержателям) чего-то стоил, как боец. Толстый Марвено играючи ломал подковы, носил тяжелый, неподъемный для других щит и здоровенный меч, но был неповоротлив, словно старый слон. Бреатт слыл завзятым игроком, и его можно было купить за несколько серебряков — но ужас перед Тайджи сделал его образцом честности. Двое оставшихся стражей, Ценс и Потриво, были неразлучны. Похоже, они даже делили постель. Правда, мечами эта пара владела недурно.

* * *

Конан бродил вокруг дворца Тайджи, словно одинокий волк. Самым простым, конечно, было бы перебраться через стены — но они, двух десятков футов в высоту, были непреодолимы даже для выросшего в горной Киммерии северянина. Эти сперва были сложены из громадных каменных блоков, а затем их внешнюю поверхность обтесали и отполировали до блеска. По всей их протя-

женности даже зоркий глаз Конана не заметил и малейшей шероховатости. Сверху же по стене тянулись тонкие сигнальные проволоки — якорь-кошка, цепляясь за край, обрывал их своей тяжестью, после чего в караульне поднималась тревога. Конан не сомневался, что успел бы оказаться во внутреннем дворе усадьбы до того, как подоспели бы стражники, но вот потом... Без плана, без малейшего понятия, где обычно держат пленницу — и, кстати, не имея времени, чтобы установить это точно — он имел мало шансов на успех. Гораздо легче представилось ему взять Лиджену во время ее верховой прогулки. Девушку сопровождало всего пятеро солдат — ничтожное для Конана число. Правда, за спинами у двоих он заметил луки... Но, если действовать достаточно быстро, то...

— И откуда у этого крысиного мозгляка такая красавица-племянница? — проворчал себе под нос киммериец, не оставшийся равнодушным к чарам белокурой красавицы, всего лишь один раз пронесшейся мимо него на быстрой и горячей кобылке. Конана не заметили ни она, ни ее охрана — распластавшись, словно снежный барс, киммериец вытянулся на толстой ветви дерева, росшего недалеко от ворот...

Ее длинные золотистые волосы развевались по ветру, легкая ткань липла к телу, подчеркивая стройную фигурку и соблазнительную юную грудь. Конан с восхищением помотал головой. Хороша, нечего сказать! С такой он был бы не прочь познакомиться поближе...

Лиджена и ее вооруженный эскорт доскакали до кромки недалекого леса и повернули назад, к усадьбе Тайджи. Конан соскользнул с дерева и осторожно побрел в глубь зарослей, стараясь, чтобы спину прикрывала как можно более густая листва. С конем он давно расстался, сразу же по приезде в Айодхью продав животное за несколько монет. Столица Вендии была дорогим городом, а Конан пока не хотел рисковать, добывая деньги мелкими грабежами. Нужно было сделать дело — тем более, что оно представлялось ему достаточно простым и ясным. Эту девчонку явно стерегут — во время скачки ее лошадь вел на поводу один из стражников. Что ж, он вернет пленницу этой крысе Веледу... ну, а уж в целости или нет, это будет

видно. Конан слегка ухмыльнулся. Хашдад и Бхилата ждали его возвращения... и он не мог подвести их.

Киммериец пробирался сквозь густой подлесок, раздумывая над тем, как побыстрее справиться с охранниками. Если бы они все шли пешком... А так четверым достаточно попытаться задержать его, в то время как пятый ускачет вместе с драгоценной пленницей. Кроме того, прогулки Лиджены, скорее всего, ограничиваются краем леса — в заросли стражники углубляться не рискуют. Это плохо. За кавалькадой вполне могут наблюдать из усадьбы, и в случае чего быстро выслать подмогу. Кони у этого Тайджи хорошие, два-три десятка верховых окажутся на месте очень и очень быстро — что, само собой, никак не устраивало Конана.

Одно время киммерийца занимала мысль — а не проникнуть ли во дворец Тайджи под видом торговца или разносчика, однако ее пришлось тотчас же и оставить, едва лишь он потолкался на необъятном рынке Айодхьи. Достопочтенный Тайджи жил в постоянном страхе перед недругами и был очень осторожен. Припасы доставлялись к боковым воротам усадьбы; внутрь не пропускались ни сами купцы, ни их повозки. Все тщательно проверялось стражниками, перегружалось на тачки и тележки и увозилось внутрь.

Правда, Конану удалось найти одного торговца сыром, который утверждал, что ему удалось побывать внутри — пять лет назад, когда порядки у Тайджи еще не стали столь строгими.

— И как же тебе это удалось? — старательно разыгрывая восхищенное изумление, спросил Конан.

— Удалось? Ха! Вот уж, как говорится, удача тут даже и не ночевала, — отозвался торговец, задумчиво ковыряя в черных полусгнивших зубах отодранной от лавки щепочкой. — Случайно все это вышло, силач, случайно. Я им сыр привез — и весьма ароматный, скажу я тебе.

В это верилось легко — сырный запах расходился вокруг торговца на добрый десяток футов.

— Вышел их кухонный лакей... с какой-то плюшкой из служанок. Им, видите ли, взбрело в голову поразвлечься! Так что мне разрешили въехать с моей тележкой внутрь.

— Выглядит, небось, здорово — золото там, серебро всякое, — подначивал Конан, разыгрывая роль простака, восхищенного осведомленностью собеседника.

— Ха! Золото! Серебро! Всего этого там, конечно же, в избытке. — Торговец помолчал. — Но больше всего там знаешь чего, силач? Стражи! Никогда не видел столько амбалов с мечами! На каждом углу по паре! И с луками и с копьями! Но этого мало — скажу тебе, силач — там прямо-таки воняет волшебством! Охраняющие чары, вот что я тебе скажу!

— Чары в придачу к стражникам-людям?

— Именно так, силач, именно так. Я рассказал одному приятелю про это место — ну, там про жемчуг величиной с кулак и всем прочем, что успел заметить. И этот глупец решил попытаться стянуть что-то у Тайджи! Господин оставил его жить.

— И как долго? — деловито осведомился Конан.

— Он орал целую неделю, пока его пытали — и еще целую неделю рычали демоны, которым Тайджи скормил душу бедняги...

Так что большого выбора у Конана не было.

Оставался только один выход — однако он требовал некоторых специальных приготовлений. Киммерийцу пришлось вернуться в Айодхью.

* * *

Базар в вендийской столице был обычным восточным базаром — поражали разве что его размеры. Ряды лавок, лавочек и лавчонок тянулись на мили; по узким проулкам текла разряженная толпа. Мешались яркие цвета одежды — синие, оранжевые, алые, желтые; неспешно следовали паланкины куртизанок, дородные купцы из иных краев Вендии шествовали от одного лотка к другому, выбирая, прицениваясь и торгуясь до хрипоты. Конан чувствовал себя в подобном месте точно рыба в воде.

Правда, у киммерийца не было денег, а унижаться до карманных краж он не хотел. Надо было найти иной способ.

Долгие хождения по базару привели его в конце концов к одной из небольших лавок, где торговали канатами и

веревками. Недолгое наблюдение выявило, что немолодой хозяин частенько отлучается выкурить глиняную трубку к владельцу соседнего заведения, оставляя свое предприятие на молодого глуповатого приказчика.

Едва только торговец, переваливаясь, в очередной раз отправился перекурить, Конан вошел в полутемную лавку — и тотчас же увидел то, что было ему нужно.

— День добрый тебе, сын мой, — торжественно провозгласил киммериец, поднимая правую руку.

— И вам также, господин, — недоуменно отозвался приказчик. По глазам его северянин сразу же понял, что особым умом тот не отличается. Был этот приказчик едва ли больше чем на год моложе самого Конана.

— Сын мой, могу ли я надеяться на скидку? — собрав все свое лицедейское мастерство, медоточивым голосом произнес киммериец.

— Мастер Табим никому не делает скидок, — тотчас же выпалил парень и только после этого спросил: — А почему вы зовете меня «сын мой»?

— Потому что ты и есть мой сын, — пояснил киммериец как можно более серьезно. — Все люди — мои сыновья, за исключением тех, кто приходится мне дочерьми. Но разве ты не узнал меня, сын мой?

Приказчик недоуменно помотал головой и туповато уставился на Конана.

— Я монах святого Румдумуллитского Ордена! — торжественно провозгласил Конан.

— Вы? Монах? Да на вас и рясы-то нет! — искренне изумился приказчик.

— Сын мой, так ведь именно поэтому я и зашел в эту прекрасную лавку, — доверительно сказал Конан, понижая голос.

— Так ведь мы облачений не держим, — расперялся парень. — Одни только веревки! — Он почесал в затылке.

— Но веревка — обязательный предмет нашего одеяния! — Конан наставительно поднял палец. — Смотри!

Он протянул руку, подхватил конец облюбованной веревки и обмотал один оборот вокруг своей талии.

— А теперь, — киммериец вновь повернулся к обалдело взиравшему на все это приказчику, — представь, что на мне широкая коричневая ряса. Необходим пояс, чтобы

она не хлопала на ветру. Так что веревка должна идти дальше вот так... — Он перекинул следующий виток через плечо и вновь пустил вокруг пояса.

— Так вам ею обвязываться нужно? А зачем тогда такая крепкая веревка? Самая лучшая веревка во всей лавке! И стоит она немало... — продолжал удивляться приказчик.

— Разумеется, сын мой, я оценил ее крепость. Именно поэтому я и пришел в лавку твоего хозяина. — Конан обмотал вокруг себя почти всю бухту.

— Вы... вы на мумию похожи... гм... отец мой, — приказчик едва удержался, чтобы не прыснуть в кулак.

— Сын мой, нет нужды обращаться подобным образом к монаху Хумдрумуллитского Ордена, если только ты не разделяешь нашей веры, — заметил Конан, возясь с последними футами веревки.

— Э, а до этого вы по-иному назвались! — внезапно встревожился приказчик. Киммериец выругался. Он был не слишком силен в подобных проделках — меч в его руке был куда более привычен. По правде говоря, у него совершенно вылетело из головы, как именно он назвал свой несуществующий орден.

— Это важнейшая часть наших обычаев, — тем не менее ответил он как можно более назидательно. Продолжая, как ни в чем не бывало, наматывать на себе веревку, он подошел к самой конторке, всем своим видом показывая, что отнюдь не собирается никуда уходить.

— Истинное имя святого ордена не может произноситься вслух и не может именоваться двумя одинаковыми словами, — важно ответил он. — Так что мы каждый раз слегка изменяем название. Это воля богов, сын мой. Ничего не поделаешь.

— Но если вы каждый раз называетесь по-разному, как же вы можете знать, к какому ордену принадлежите на самом деле? — продолжал недоумевать приказчик, от напряженных мыслительных усилий яростно скребя затылок.

— О! — Конан вновь поднял палец. — Это архиважнейший богословский вопрос. — Я приятно удивлен, что кто-то, не принадлежащий к нашей вере, сумел сразу так глубоко проникнуть в наши догматы! — (Киммериец на-

брался подобных умных слов в Шадизаре, где бродячие проповедники прямо-таки кишмя кишели.) — Обычно это удел лишь наших самых лучших мудрецов. — Ты весьма, весьма обрадовал меня, сын мой. Скажи мне, ты свободный человек? Готов ли ты немедленно оставить все свое добро, отказаться от греховных сношений с женщинами, питаться лишь водой и проросшим овсом? Готов ли ты все свое время посвятить проникновению в удивительные истины нашей веры? Сын мой, я вижу, что из тебя получится отличный монах нашего Сумтумуллитского Ордена!

— Монах? Из меня? Чтобы я, значит, оказался от моей милашки Литти, от моего дела и надежды в один прекрасный день занять место Мастера Табима? Ерунда! Да кто же я, по-вашему, тронутый, что ли?!

— Что ты сказал?! — загремел Конан, весьма натурально изображая ярость. — Как смел ты, ничтожный, так отозваться о моем священном и прославленном ордене?!

С этими словами Конан схватил первое, что попало под руку, и запустил им в голову несчастного приказчика. Тому пришлось немедленно укрыться за конторкой.

— Эй, прекрати это! — завопил он, отбрасывая вежливое «вы». — Я сейчас позову хозяина!

Конан добрался до ящика с какой-то железной мелочью вроде блоков и с удвоенной энергией принялся забрасывать парня этими снарядами.

— Зови! — взревел киммериец. — Зови и будь проклят! Да пребудешь ты вечно в огненном царстве Яма, да жалят тебя вечно племенные сколопендры! Зови своего хозяина! Ни один монах моего благословенного ордена никогда больше не зайдет в эту жалкую лавчонку!

С этими словами Конан обмотал вокруг себя последний моток необходимой ему веревки.

* * *

Киммериец сидел верхом на толстом древесном суку, что нависал над ведущей к воротам дворца Тайджи дорогой. Работа была окончена. Старая добрая ловушка — такие он научился настораживать еще мальчишкой. Прав-

да, эта, сработанная им, предназначалась для ловли куда более крупной дичи. Неудачи не должно было быть. Он выкрадет девушку и освободит попавших из-за него в беду Бхилату и Хашдада. Разумеется, Конан мог бы рискнуть и попытаться отбить пленников Веледа силой — но тогда, что очень возможно, эти негодяи успели бы прикончить заложников. В душе же варвара очень силен был внушенный еще отцом простой и суровый кодекс киммерийской чести. «Отступай последним. Спасай тех, кто сражался с тобой. Кром презирает трусов, покупающих жизнь ценой гибели других», — гласило северное сказание. Для Конана никогда не возникало здесь вопроса «а зачем?» Предать можно предателя. А предать попросившего тебя о помощи, который вдобавок никогда не сможет добраться до тебя, если ты не исполнишь обещанное ему — было смертным позором. «Не пред людьми — перед собой будь чист!» — говорил Конану отцекователь, и сын ни разу не свернул с этой стези.

Невдалеке раздался перестук копыт. Киммериец выпрямился в полный рост и обнажил меч, готовый в любой момент прыгнуть вниз.

Кавалькада приближалась. Сквозь полупрозрачный плащ листвы киммериец заметил тусклый отблеск утреннего солнца на броне стражников. Больше ничего различить было невозможно.

Они оказались уже совсем близко, когда в просвете Конан наконец увидел их — пятеро охранников и их прекрасная пленница.

Несколько раз обмотав один из концов веревки вокруг своей левой руки, правой рукой Конан взялся за спусковую бечеву всей своей ловушки.

Прямо у него под ногами промелькнули Лиджена и старший ее охраны. Еще один солдат, неуклюжий толстяк, видимо, считавшийся силачом, скакал следом, отставая на корпус лошади. Следом тесной группой скакали оставшиеся трое. Их-то и выбрал Конан.

Киммериец с диким ревом бросился вниз. Ведущая к спуску веревка вырвалась из его руки и змеей устремилась наверх, в один миг исчезнув среди листвы.

Там, наверху, послышался громкий треск. А затем устройство Конана сработало.

Возле самых вершин было закреплено увесистое бревно (только исполинская сила Конана позволила ему затащить туда неподъемный комль). Удерживавшие груз клинья вырвало, и теперь бревно устремилось вниз по пологой дуге, словно качели, сделанные лесным великаном для своего малыша.

Бревно с треском пробило листву, и один из стражей обернулся на звук. Конан успел заметить ужас на лице человека, увидавшего прямо перед собой собственную смерть.

Даже душераздирающий вопль агонии не смог заглушить жуткого хруста костей — когда бревно ударило стража в грудь. Его сбilo с лошади, и бревно, продолжая свой гибельный путь, настигло второго солдата, попытавшегося уклониться — но неудачно. Мертвое тело его недавнего товарища врезалось в ногу всадника, зажав ее между собой и лошадиным боком. Крики и вопли оборвались тотчас, едва раненый грохнулся на землю. А бревно все еще продолжало свой смертоносный путь — и еще не достигло самой нижней точки описываемой ею дуги.

Третий солдат имел чуть больше времени, чем двое его собратьев. Он успел соскользнуть со спины своего коня за миг до того, как бревно начисто смело лошадиный череп.

Всего этого Конан почти не видел. Соскользнув с сука, что служил ему насестом, киммериец ринулся вперед.

Толстый стражник избежал гибели — но лишь для того, чтобы мгновение спустя меч Конана проткнул его насквозь, войдя в узкую щель между горловиной шлема и верхом кирасы. Варвар молнией взлетел в седло, устремившись следом за проскакавшими вперед Лидженой и пятым охранником.

Киммериец ожидал, что тот повернет коня, чтобы встретить невесту откуда взявшегося врага, однако тот вместо этого лишь шпорил и шпорил коня, подгоняя его еще и криками. Кобыла Лиджены, которую стражник вел на длинном поводу, неслась следом. Сама же девушка припала к гриве, не оглядываясь. Похоже было, что охранник умел быстро соображать. Главное для него было сохранить пленницу, а не являть чудеса героизма.

Несмотря на все усилия Конана, расстояние между ним и конем Лиджены не сокращалось. Всадники неслись все дальше и дальше по лесной дороге — пока они не достигли последнего из приготовленных Конаном сюрпризов — веревки, натянутой поперек дороги. Охранник не заметил сюрприза или же заметил его слишком поздно. Его лошадь споткнулась, а сам наездник покатился по земле, гремя доспехами, словно ржавый котелок.

Лиджена повисла на поводьях, успев остановить свою кобылку.

Киммериец молнией слетел с седла, бросаясь на не успевшего прийти в себя стражника.

— Скачите, госпожа! — завопил Преско, поднимаясь. — Скачите назад! Зовите начальника стражи! Я их задержу!

— Их?! — Конан широко ухмыльнулся. — Здесь никого нет. Один я. Слушай-ка, парень, бросай эти глупости, кинь в кусты меч и, так и быть, я оставлю тебе голову на плечах. Госпожу я забираю; а Тайджи ты придумаешь, что рассказать.

Лиджена сидела недвижно, в упор смотря большими глазами на киммерийца.

— Ты приехал за мной? — внезапно спросила она. — Кто прислал тебя?

Конан хотел ответить, но не успел. Преско обнажил, наконец, свой собственный меч, направив острие в грудь Конану, столь легко расправившемуся со всем его, Преско, отрядом.

— Хорошее дело подрасться, — рявкнул Конан приближающемуся воителю, — но только не в том случае, когда приходится расставаться с головой! Об этом ты подумал?

Перехватив длинный повод той лошади, на которой сидела Лиджена, Конан уже совсем было собрался оставить своего противника вместе с его героизмом за спиной, когда тот внезапно прыгнул. В полном вооружении он двигался необычно проворно, едва ли уступая в быстроте самому Конану. Широкий меч Преско сверкнул в длинном выпаде — и лошадь Конана с жалобным ржанием упала. Правая передняя нога ее была перерублена.

Несчастное животное закричало в агонии — почти как человек. Конан одним молниеносным движением успел

соскочить, прежде чем конь окончательно повалился. Быстрота спасла жизнь киммерийцу — Преско очень резко ударил мечом в то место, куда должен был бы упасть северянин.

Конан перекатился через плечо — меч солдата вонзился в мягкую землю совсем рядом с головой киммерийца. Перекатился еще раз — и оказался на ногах, с мечом, уже готовым к бою.

— Ты хотел драки? Ты ее получишь! — рявкнул северянин прямо в лицо приближающемуся противнику.

— Преско! Постой! — внезапно крикнула Лиджена. — Нам надо поговорить с ним. Он, быть может, совсем не тот, за кого ты его принял!..

Она хотела сказать что-то еще, но в этот миг ее кобыла внезапно испугалась ударившего ей прямо в глаза яркого отблеска — луч солнца отразился от начищенного меча Преско — и встала на дыбы. Девушка не удержалась в седле, с легким стоном упав на землю. Тело тупо ударилось о грунт и осталось лежать неподвижно.

— Ты убил ее, свинья! — взревел Преско. — И теперь ты умрешь! Это так же верно, как и то, что Тайджи запрет меня до смерти!

— Глупец! — бросил в ответ киммериец. — Приглядишься как следует! Она жива! Она дышит! Видишь — грудь поднимается?!

Однако ослепленный яростью Преско ничего уже не видел. Он бросился в атаку, словно берсеркер. Конан отбил один выпад, второй, третий, атаковал сам — и его клинок лишь бессильно скользнул по отлично прокованной толстой броне солдата.

Киммериец слегка сдвинул брови. Воин Тайджи был закован в железо с головы до пят — шлем, кольчужное оплечье, кираса, поручни, поножи, юбка, что защищала самый низ живота...

Мельком Конан подумал, что этот самый Преско, пожалуй, едва ли уступает ему силой; у самого северянина доспехов не было, и рисковать, бросаясь в ближний бой, он не хотел.

И вновь, отразив два выпада противника, Конан контратаковал. Меч рухнул на кольчужное оплечье; такими

ударами северянин играючи ломал шеи куда более могучим бойцам.

И тут оказалось, что торговец сыром не зря болтал о заклинаниях и чарах. Кольчужная сетка мгновенно напрыглась, отбросив клинок Конана с такой силой, что тот едва не выпустил оружие. Слабые места доспеха Преско защищало еще и чародейство.

— Ага! — захрипел противник Конана. — Рано или поздно я все равно убью тебя, мразь!

Киммериец не мог тратить столько времени на одного врага. В усадьбе Тайджи вот-вот могли встревожиться и выслать на поиски десятков пять латников. С Преско надо было кончать.

Рядом с дорогой текла небольшая, но быстрая и глубокая речка. От дороги прямо к воде спускался почти отвесный склон, поросший невысокой травой.

Мечи вновь сшиблись. Преско покачнулся, и Конан тотчас же провел еще один молниеносный выпад. Нацеленный в лицо удар солдату Тайджи удалось отклонить, однако, не удержавшись на ногах, он оступился и покатился вниз по склону — прямо к воде. Конан ринулся следом.

Тяжелая броня очень полезна в бою, однако обладает одним большим недостатком — в ней нельзя плавать. Преско с шумным всплеском обрушился в воду, подняв фонтан брызг, и доспехи тотчас же потянули его на дно.

— Уф! — Конан несколько мгновений следил за лопающимися на поверхности воды пузырями, потом повернулся и полез вверх к бесчувственной Лиджене.

Пальцы киммерийца ощупали громадную шишку на затылке девушки. Лиджена застонала, и северянин вздохнул с облегчением — с ней не случилось ничего страшного.

— Эй, милашка! Пришло время возвращаться в Бодей, к твоему дядюшке.

Он постарался изгнать сарказм из своего голоса. Возвращать эту красотку засевавшей в выгребной яме крысе Веледу ему хотелось меньше всего на свете.

Слева раздался шорох. Конан резко повернулся — и в грудь ему уткнулось копьё. Держа на руках бесчувствен-

ную девушку, киммериец оказался совершенно беззащитен.

Перед ним стоял последний уцелевший солдат из охранявшей Лиджену пятерки.

— Ты изуродовал Ценса, — безжизненным голосом произнес стражник. — Ты умрешь.

Глаза киммерийца сузились. Он напрягся, готовясь прыгнуть.

— Я Потриво. Ценс... он был моим... моим... — прежним мертвым тоном продолжал солдат. — Его нога раздроблена в кашу. Это сделал ты. Теперь ты умрешь.

Меч киммерийца был вогнан в ножны. Требовалось мгновение, чтобы обнажить его — но копейщику хватило бы и четверти этого срока.

Ценс...

— Нет, Ценс, нет! Твоя нога не выдержит этого! — внезапно крикнул Конан, глядя куда-то за спину копейщика. У Потриво округлились глаза... и он пропустил начало стремительного рывка варвара. Руки Конана успели мягко опустить Лиджену и выхватить меч. И, хотя Потриво выбросил вперед древко обеими руками, он опоздал.

Одним поворотом клинка киммериец напрочь отсек наконечник короткой пики, что была в руках у солдата. Удар ноги опрокинул Потриво на спину; лезвие меча полоснуло стражника по бедру.

— Я не убиваю таких как ты, — покачал головой киммериец в ответ на отчаянный взгляд раненого, уже приготовившегося к смерти. — Я обманул тебя и победил нечестно. А потому — живи! До усадьбы недалеко. А рана поможет тебе оправдаться.

С этими словами Конан вновь поднял все еще не пришедшую в себя Лиджену, принявшись устраивать ее на спине коня. Киммерийца ждал долгий и нелегкий путь назад к императору Веледу.

Киммериец остановился только вечером, забившись в самую непроходимую чащобу. Погоня, если она и была, осталась далеко позади. Конан не зря так долго скакал по ручьям — как видно, собаки не взяли след. Лиджена не приходила в себя, и, быть может, именно поэтому северянину удалось за один день проскакать так много. Но теперь запаленным коням нужен был отдых — и киммериец остановился, сберегая силы скакунов, не свои.

Варвар быстро развел небольшой костер. И тут Лиджена наконец застонала. Конан быстро нагнулся над ней — ресницы затрепетали, девушка зашевелилась.

Наконец она открыла глаза. Сперва ее взгляд оставался бессмысленным и пустым — душа еще не полностью освободилась от цепей забытья; но вот она остановила взор на Конане. Нечто вроде узнавания мелькнуло в глубоких глазах; внезапно она задрожала всем телом, сжимаясь в комочек, точно напуганный зверек.

— Ты!.. — вырвалось у нее. — Ты и есть тот самый человек в лесу! Ты убил Преско! И... и ты пытался украсть меня!

— Не пытался украсть, а украл, — возразил Конан. — Кстати, могла бы и поблагодарить за свое освобождение. Не думай, что это оказалось настолько легко и просто, как тебе кажется.

— Благодарить тебя? — выкрикнула она с удивившей Конана ненавистью. — Тебя, тебя... жалкий воришка!

Киммериец поднял брови и тотчас же опустил их. Истеричные женские вопли не значили для него ничего; удивляло другое — она, похоже, вовсе не обрадована своим спасением!

— Может быть, я и вор, — сухо заметил Конан, — но вор отнюдь не жалкий.

— Да кто ты такой, чтобы красть меня у самого Тайджи?! Ты что, не знаешь, кто это такой?! Не знаешь, что он может сделать с тобой? Он не остановится ни перед чем, чтобы только вернуть меня назад — а тебя предать лютой смерти за свой позор.

— Кто я такой? — ярко-синие глаза варвара сурово сверкнули. — Меня зовут Конан из Киммерии, запомни-ла, девочка? Так что пусть Тайджи направит свой гнев на меня. Посмотрим, что у него получится!

Он не для того пробивался сквозь джунгли, уходя от псов Тайджи, чтобы теперь выслушивать женский бред.

— Что же для Тайджи, то, не сомневаюсь, его голово-резы уже обыскивают все леса вокруг Айодхьи. Но до нас им все равно не добраться. Еще не родился тот, кто догонит в лесах Конана-киммерийца!

Лиджена, чуть притихнув, смотрела на него. Гордая осанка, могучие руки, холодные и твердые глаза... Нет, он не походил на обычных головорезов, промышляющих похищениями людей!

— Думаю, ты знаешь, кто я, — начала она.

— Знаю, — Конан кивнул. — Но меня тебе бояться нечего. Твой дядя послал меня, чтобы я вытащил его племянницу Лиджену из застенка.

— Мой дядя? Я что-то не понимаю, — Лиджена при-жала ладони к вискам. Она не была уверена, что поняла этого, как его — Конана-киммерийца правильно. В голове все еще сильно гудело.

— Да, он послал меня, чтобы я доставил тебя к нему обратно, в Бодей, — терпеливо продолжал растолковывать ей Конан.

— Боюсь, я все равно не понимаю, — беспомощно развела руками Лиджена.

— Кром, у тебя что, совсем отшибло память?! — Ким-мериец начал терять терпение. Он уже трижды объяснил ей все, что мог!

— Меня послал его величество император Велед. Твой дядя. Припоминаешь такого?

— Велед?! — Лиджена почти что взвизгнула, словно при виде змеи или крысы. — Ты сказал — Велед? Да ведь он — злейший враг моего отца!

— Ну, братья частенько, бывает, ссорятся, особенно если им есть что делить, — философски заметил северя-нин. — Быть может, Велед хочет помириться?

— Он такой же дядя мне, как и ты! — взвизгнула Лиджена.

Конан наморщил лоб.

— Так. Теперь я уже ничего не понимаю. Так это что ж выходит, Велед — не брат твоего отца?

— Нет!!! — выкрикнула пленница, сжимая кулачки. — Мой отец и он... они сражались долгие годы. Нужно быть недоумком, чтобы подумать... — Конан поднял на нее тяжелый взгляд, и Лиджена тотчас же осеклась.

— Так. И кто же твой отец?

— Чесму Фархат, глава Торговой Гильдии Бодей! — Она увидела, как брови похитителя мрачно сдвинулись. — Отец объединил торговцев, они воззвали к Индре и с его благословения загнали Веледа в те самые выгребные тон-нели, где он теперь и обретается. Велед поклялся, что страшно отомстит всей нашей семье!

— Это уж точно, — угрюмо буркнул Конан. Вся эта история совершенно перестала ему нравиться. — Кром! Так что же это, у тебя дяди и вовсе нет?

— Почему же нет? Есть. У него-то ты меня и украл. Моего дядю зовут Тайджи. Я оказалась в Айодхье не по своей воле.

— Значит, Тайджи все-таки держал тебя в плену?

На лице похитителя Лиджена заметила нечто вроде удовлетворения.

— Значит, я все-таки не зря спасал тебя, хоть и не по той причине. Выходит, без поссорившихся братьев здесь все же не обошлось. Тайджи что, потребовал у твоего отца денег?

— Да ничего подобного! Они всегда были друзьями! Тайджи оказал моему отцу услугу — хотя мне она таковой не показалась. Отцу пришлось уехать в Кавиндру по торговым делам, а я...

Она осеклась.

— Ну, продолжай, чего жмешься? — Выражение лица Конана не предвещало пленнице ничего хорошего.

— Отец боялся... и не без оснований... что в его отсут-ствие у меня появится шанс сбежать с Амриком. — Она покраснела и поспешно добавила: — Это мой жених — Амрик Тохон.

— То есть старик Чесму всего-навсего упек тебя в крепость своего брата-вора из опасения, что ты залезешь под одеяло не к тому, кому нужно?

Лиджена вновь покраснела.

— Так думает он, так думает и дядя Тайджи. Но если бы я и сбежала с Амриком, он никогда не сбежал бы со мной. Он самый честный человек во всем Бодее!

— Гм... — усомнился Конан, имевший свое собственное мнение о бодейской честности. Лиджена не обратила на это никакого внимания.

— Дурак он, твой Амрик, вот что, — Конан сплюнул.

— Что?! Да как ты смеешь?! Ты же не знаешь его! Он очень добрый и милый и обращается со мной как с высокородной госпожой! — Акварариновые глаза зажглись гневом.

— Я бы на его месте не раздумывал — сбежать с тобой или нет. Сперва бы сбежал, а там бы стало видно... — заметил киммериец.

Наступило молчание. Конан пристально глядел на девушку, которой с каждым мгновением становилось все страшнее и страшнее.

— Ну что же, не возвращаться же к Тайджи... — как бы в раздумьи пробормотал киммериец.

Лиджена не ответила. Она дрожала от ужаса, зубы ее стучали. Девушка едва ли разобрала последнюю сказанную варваром фразу. Не в силах отвести взгляд, она как завороченная смотрела на мощную фигуру киммерийца, которая лишь несколько мгновений назад казалась ей даже в чем-то привлекательной. Эта первобытная мощь, скрытая в его мускулах... этот холодный, не ведающий пощады взор... этот меч, небрежно прислоненный к стволу возле правой руки похитителя... Казалось, что этот человек способен на все.

— Ч-что т-ты собираешься со мной делать? — заикаясь, еле-еле выдавила из себя Лиджена.

— Да ничего особенного, — ухмыльнулся похититель, протянув руку к мечу. Лиджена окаменела от ужаса; ей показалось, что сбываются ее самые темные страхи. Дыхание пресеклось, сердце дало перебой: «Он собирается убить меня!»

— Эй, займись-ка этим, — на колени девушке упала небольшая кожаная сумка.

— Что это? — невольно вырвалось у Лиджены. Она все еще не могла поверить, что ей не перережут горло вот прямо сейчас.

— Да так, одно новое изобретение. Мы, киммерийцы, называем его едой. Ты кладешь порцию в рот, хорошенько разжевываешь, а потом глотаешь. Очень интересные ощущения.

— Нечего тут дразниться! — обиделась пленница.

— Ешь, а не разговаривай! — прикрикнул Конан. — Время дорого.

Некоторое время они молча жевали.

— Послушай, а куда мы направляемся?

— В Бодей, куда же еще? — бросил Конан, явно не расположенный к разговорам. — Нам туда еще скакать и скакать... а времени осталось мало.

Лиджена не спросила, почему, а Конан сам не стал ей рассказывать. Не хватало еще ему поверять свои беды и тревоги какой-то девчонке!

Самой же пленнице было сейчас не до этого. Она пришла к груди судорожно стиснутые кулачки.

— Как в Бодей? К... к этому чудовищу Веледу?! Мой дядя в Айодхье, говорю тебе! Мы ведь возвращаемся туда, не правда ли? Произошла ошибка. Велед, эта крыса, попросту обманул тебя. У тебя нет иного выбора кроме как...

— Садись в седло — или мне связать тебя? — прорычал Конан. — Мы едем в Бодей! Ты слышала?

По лицу Лиджены потекли слезы — ярости и ужаса, все вперемешку, оставляя соленые дорожки на покрытых пылью щеках.

— Ты получишь золото, серебро, драгоценности — все, что угодно! Тайджи очень богат — так же, как и мой отец. Ты обязан вернуть меня ему! Слышишь? Ты ОБЯ-ЗАН!

Конан только плотнее сжал зубы.

— Но... но Велед... он же станет меня пытаться! Сперва изнасилует, а потом станет пытаться! Чтобы отомстить моему отцу, он не остановится ни перед чем! Прошу тебя, Конан, не отдавай меня ему! Пожалуйста! Не надо! — Она рыдала в голос, упав на колени перед киммерийцем.

Он не отвечал, и ее охватила паника. Золото и серебро его не соблазняют. Но, быть может, он не останется равнодушным к иным ее прелестям? От одной этой мысли ей сделалось дурно — при том, что Конан, она не

могла не признаться себе, был, бесспорно, куда привлекательнее щедедушного менялы Амрика.

Но, несмотря на дурноту, она тотчас же начала действовать. Отец говорил, что есть обстоятельства, которым надо подчиняться, чтобы не оказаться в еще худших. Чтобы избежать сточных тоннелей и выгребных ям императора Веледа, Лиджена была сейчас готова на все. И отдаться сильному молодому воину было еще не самым худшим исходом...

Она встала, не сводя с киммерийца восхитительных аквамариновых глаз. Негнушимися пальцами, что едва-едва повиновались ей, Лиджена принялась расстегивать накидку.

— Эй, ты это брось! — скомандовал было Конан, но глаза подвели его, внушив девушке смутную надежду. Ему было приятно смотреть на нее. Он хотел узнать, до чего же она сможет пойти в своем стремлении перетянуть его на свою сторону. Лиджена, как всякая женщина, безошибочно угадывала это в его взгляде, в его лице, в его напряженном теле...

— Я предлагаю тебе то, что ценнее и золота, и алмазов, — проговорила она без ложной скромности. — Я предлагаю тебе блаженство! — Намерения ее стали совершенно ясны.

Перламутровые пуговицы расстегивались одна за другой. Молочно-белым засветилась в полумраке гладкая молодая кожа, слишком светлая для смуглых обитателей Вендии. Пальцы одолели последнюю застежку; шелка распахнулись, явив жаркому взору киммерийца точеные холмы соблазнительно округлых грудей.

Она со скрытым торжеством заметила, что его взгляд прямо-таки прилип к ее обнаженным прелестям. Грудь похитителя бурно вздымалась. Она ненавидела себя за это гадкое представление, не знала, хватит ли ей сил закончить его так, как она задумала, но что ей еще оставалось делать? Вся ее жизнь висела на волоске.

На чуть пухловатых губах появилась соблазнительная, приглашающая улыбка. Конан поднялся, двинувшись к Лиджене. Она победила! Он не устоял. Сейчас, сейчас, пусть он повалит ее, пусть даже раздвинет ей колени...

Пальцы Лиджены возились с завязками пояса.

Неожиданно Конан с силой запахнул одежду у нее на груди.

— Хватит дурить. Меня ты этим не проймешь, крошка. Пораженная переменой в нем, она повиновалась.

— Амрик тебе голову снесет за это! — прошипела она.

— За то, что я не стал насиловать его невесту? — ухмыльнулся Конан. — Да и кроме того... не советовал бы я этому Амрику связываться со мной. А то ты, красотка, овдоеешь, не побыв женой.

Отчаяние подтолкнуло ее к крайнему шагу. Киммериец в спешке так и не обыскал ее; в складках пояса прятался небольшой, остро отточенный ножик. Это и было то самое «блаженство», которое Лиджена обещала киммерийцу: когда он оказался бы на ней, клинок вонзился бы ему под левую лопатку. Отец нанимал специальных наставниц, учивших ее этому приему...

Но теперь удар приходилось наносить совсем в иных обстоятельствах.

Однако еле слышное шипение, раздавшееся, когда сталь покидала кожаные ножны, заставило северянина резко повернуться к пленнице. Его рука легко перехватила девичью, согнула, выкручивая ее и заставляя отпустить эфес. От боли из глаз Лиджены вновь брызнули слезы; пальцы разжались, и нож, последняя надежда, упал на землю.

— Кром! Да, с тобой не соскучишься! — хмыкнул Конан, подбирая нежданный трофей.

Девушка тяжело дышала, растирая помятое запястье.

— Послушай, Конан... Я... я слаюсь. Возьми меня, если хочешь. У меня больше нет ничего острого. Возьми меня, сделай со мной что угодно — только не отдавай Веледу! — Она вновь обнажила грудь.

— Ну-ка, все, хватит! — прикрикнул он. — Без глупостей! Садись в седло, а не то я и впрямь свяжу тебя, как раньше. Мне нужно подумать... а времени совсем не осталось. Ваши распри с Веледом меня не касаются, ясно? Мне нужно вытащить из его пыточных двух моих друзей. Цена их жизни — ты. Понятно? Пока что нам нужно подтянуться поближе к Бодю — Велед разрежет моих спутников на куски, если только я не появлюсь вместе с тобой на условленном месте послезавтра утром!

Лиджена замерла. Смысл сказанного с трудом проби-
вался к ее парализованному ужасом рассудку. Конану
пришлось потянуться к веревке, прежде чем девушка
влезла в седло.

— Что ты сказал? Твои друзья в плену у Веледа?

— Да, и я должен заплатить за них выкуп — тобой.
Если я опоздаю... ты уже знаешь, что с ними случится.

— Но... но... почему же я должна быть выкупом? — с
отчаянием закричала она. — Что же будет со мной?..

— Молчи! — оборвал ее Конан. — Я уже сказал тебе —
мне надо подумать. Так что лучше бы тебе посидеть тихо!

— Но ты же везешь меня на смерть! — простонала
она. — Убей тогда уж лучше сразу!

— Твоя смерть не спасет моих спутников, — отрезал
Конан, не поворачивая головы. — Все, если ты проронишь
еще хоть слово, я заткну тебе рот, клянусь Кромом!

* * *

Конан ехал в мрачном раздумьи. Хашдад и любве-
обильная Бхилата были в плену. Он обязан был вырвать
их оттуда. Но неужели же для этого ему пришлось бы
отдать этой навозной крысе Веледу ни в чем не повинную
красотку? Нет, во имя Крома, на такое он не пойдет.
Хотя... жизнь одной за жизни двоих — довольно выгодная
сделка, как считал бы какой-нибудь стигиец.

Итак — сумеет ли он добраться до Веледа прежде, чем
тот сам доберется до него? Из-за этого приключения с
Лидженой не двигались с места поиски Клепсидры и
следов ордена Ночных Клинков.

«Велед хитер, — досадливо думал киммериец. — Он
назначил место встречи в своих выгребных ямищах —
верно, думает, что оттуда я выбраться уже не сумею.
Глупец! Мне бы только оказаться там... а дальше уж меч
не сплхует».

Лиджена ехала рядом — руки связаны мягкими тряп-
ками, рот заткнут. Она настолько надоела киммерийцу
своими стонами, плачем и причитаниями, что тому не
оставалось ничего другого, как применить силу. Сперва у
северянина появилась мысль — а не послать ли весть
родичам этой красотки, однако эту возможность он от-

бросил почти сразу. Не хватало времени. Хашдад и Бхи-
лата погибнут в жутких муках, пока он будет втолковыва-
вать, что к чему, недоверчивым бодейским купцам... Нет,
выход был только один — напрямик в логово зверя.

— Слушай меня, милашка. Слушай внимательно, если
не хочешь, чтобы Велед и впрямь полакомился бы твоими
прелестями. Мы едем в Бодей, к императору воров. (Ак-
вамариновые глаза тотчас наполнились слезами). Ничего
не подделаешь — мне надо выручить моих. Но тебя я
Веледу не отдам! Разумеется, небесплатно. (По щекам
девушки начал расползаться жаркий румянец). Нам при-
дется драться. Поэтому твой ножик я отдам тебе, и еще
прибавлю кое-что — тебе придется постоять за себя. Дей-
ствовать станем так...

Когда киммериец закончил, Лиджена поспешно заки-
вала головой. Она была согласна — согласна на все. По
крайней мере сейчас. А там видно будет.

* * *

Конан не собирался облегчать Веледу дело, следуя к
городу по самой торной дороге. Несмотря на спешку, он
выбирал окольные тропы. Если Велед не дурак, он поста-
рается всадить Конану стрелу в спину и забрать пленницу.
Но — оспорил он сам себя — это значило бы, что Хашдад
и Бхилата мертвы, и девчонка только зря погибнет. Что
ж, держись, император Велед! Держись, крыса, потому что
Конан из Киммерии начал войну с тобой!

Путники без всяких происшествий добрались до города
Индры. Благополучно миновали городские ворота — и тут
возле стремени Конана оказался какой-то оборванец.

— Его величество велели мне проводить дорогих гос-
тей!

— Я сам найду дорогу! — рявкнул Конан.

— Место встречи изменено. Мне приказано сопровож-
дать! — не уступал оборванец, хотя по лицу его обильно
лил пот — он понял, с кем имеет дело, и теперь, как
видно, выбирал — умереть ли сразу от честного меча
Конана или же потом под пытками в застенках своего
хозяина. «Сейчас» победило, что означало — палачи Ве-
леда не зря получают жалованье.

Лиджена с ужасом смотрела на обезображенное оспой лицо посланца императора воров.

«Он приведет нас в засаду, это яснее ясного», — мелькнуло в голове киммерийца.

Оборванец вознамерился было идти впереди кавалькады, показывая дорогу, но провести Конана было не так-то просто. Нагнувшись с седла, он сгреб человечешку за шиворот и посадил на лошадь перед собой.

— Веди! — скрытый складками плаща кинжал оказался возле самого бока воришки. Острие клинка прорезало одежду и укололо кожу. Глаза вора округлились.

— Если его императорское величество вздумает шутить со мной шутки, ты умрешь первым, — шепнул Конан на ухо проводнику. — Уж тебя-то прирезать я успею. Так что веди аккуратно!

Воришка — низенький, тщедушный — не успевал утирать обильно струящийся по лбу пот. В оледеневших от ужаса глазах читалась обреченность.

— Господин... — еле слышно прохрипел он. — Господин... во имя Индры... не убивайте меня, я скажу все... только обещайте, что потом вы возьмете меня с собой! Иначе Велед скормит меня своим хищным рыбам... или учинит нечто еще страшнее. Обещайте мне, что выведете меня отсюда! Я не хочу умирать!

— Говори! — приказал Конан, для убедительности слегка кольнув человечка кинжалом.

— Велед... приказал мне вывести вас на его лучников. Вас, господин, они должны расстрелять, а в это время другие слуги его величества схватили бы госпожу.

— Отлично! — Глаза северянина вспыхнули. — Отвечай, да толком — пленники еще живы? Хашдад, кузнец, и девушка, Бхилата?

— Когда я на рассвете отправился к воротам, они были живы, господин. Но... очень плохи. Ведь его величество... никогда не убивает сразу. Он мучает попавших к нему в руки долго, очень долго... Мужчину пытали огнем и пытками, а женщину... Сперва ее попробовали все капитаны императора, а потом Велед, который смотрел на все это, увел ее с собой... и по всем подземельям было слышно, как она кричит...

Конан заскрежетал зубами. Судьба императора Веледа была решена. Кром! Он доберется до этой крысы, чего бы ему это ни стоило! Тар и Ночные Клинки подождут.

— Хор-рошо! — прорычал варвар, так что воришка затрепетал всем телом, точно лист на ветру. — Отвечай: Велед будет там, где засели его лучники?

— Н-не знаю... — промямлил вор. — Он очень осторожен, наш император, очень... Едва ли он пойдет сам!

Все стало ясно. Велед был «пхкари», кровожадный убийца-безумец; Конану приходилось встречаться с такими. Простая и легкая смерть от стрел, что ожидала Конана, мало занимала императора. Иное дело — изощренные пытки в его личном пыточном застенке... Хашдад и Бхилата интересовали Веледа не как заложники — а как жертвы. Сделка была нечестной с самого начала. В чем Конан, надо признаться, почти и не сомневался.

— Так, и что же ты посоветуешь? — спросил он дрожащего вора.

— Уходить из Бодя. Бежать! Чем скорее и чем дальше, тем лучше! Те двое уже все равно что мертвы. Из пыточной императора еще никто не возвращался.

— Проклятье! Ладно, парень, я возьму тебя с собой — только сослужи еще одну, последнюю службу. Покажи мне вход в обиталище императора! И после этого — можешь быть свободен.

— За нами все время следят... — простонал вор. — Если я оставлю вас, то не пройду и пары кварталов. Меня проткнут стрелой, как кролика на поле.

— А что же им тогда мешает пристрелить меня прямо сейчас? — искренне удивился Конан.

— Здесь очень мало лучников и много жрецов Индры. Велед тоже боится их. Все стрелки будут ждать нас в проулке... и когда мы окажемся посередине...

— Все ясно, — уронил Конан. — Что ж, постараемся их опередить! Веди к засаде. Перед ней свернешь в сторону — и галопом ко входу в подземелье!

Конан уже подумал о том, что надо предупредить Лиджену — как бы не наделала глупостей, ее присутствие очень помогло бы миновать первую стражу Веледа без боя — как девушка отмочила-таки эту самую глупость. Ее лошадь прошла слишком близко от столба, на котором

какой-то придурок-торгаш вывесил для привлечения покупателей острые серпы и косы. Сам он сидел за прилавком внизу со всем остальным товаром; и Лиджена не упустила выгодного момента.

Р-раз — и острый серп рассек шелковое тряпье, стягивавшее ее руки. Два — выхваченный острый нож — данный самим Конаном раньше! — перерезал длинный повод, на котором киммериец вел кобылу девушки; три — Лиджена ударила лошадь по бокам и молнией исчезла в проулке.

— Кр-ром! — взревел Конан, но было уже поздно. Он успел заметить, как следом за всадницей тотчас же ринулось четверо оборванцев самого что ни на есть подозрительного вида.

Гнаться за беглянкой было бессмысленно. Она отлично знала город, а, кроме того, дорогу Конану очень некстати перекрыл какой-то купеческий караван. Киммериец с досады огрел плетью вола, запряженного в передний воз, и повернул лошадь.

«Ну, может, у нее хватит-таки ума броситься не домой и не к этому, как его — меняле Тохону, а в храм Индры? Там Велед ее не достанет...»

— План меняется! — бросил киммериец своему проводнику. — Ко входу, быстро!

Вор, которого звали Пхарад, не обманул. Приведя киммерийца в лабиринт узких переулков, он внезапно указал на полузаваленную мусором яму в углу двора.

— Это здесь. Что мне делать дальше, господин?

— Дальше? — Конан усмехнулся. — Бери мой меч. Бери, тебе говорят! Так, суй за пояс. Теперь дальше...

Конан в несколько минут набросил себе на запястья несколько веревочных петель, так что казалось, будто его руки связаны крепко-накрепко. Свободный конец веревки он вручил Пхараду.

— Ты взял меня в плен и теперь ведешь к его величеству, понял? Ты хотел убить меня сразу, поскольку я упустил пленницу, но я сказал тебе, что у меня важнейшее дело к его величеству и что император непременно выслушает меня, как только узнает об этом.

Пхарад кивнул. Конан взглянул на него пристальнее — нет, парень определенно перестал бояться.

— Слушай, а как тебя занесло к этой крысе? Разве нельзя быть честным одиноким вором?

— Ах, господин, это долгая история. Когда-нибудь я расскажу ее вам целиком, а сейчас скажу лишь, что Веледа посадили на наши головы какие-то отвратительные колдуны, именующие себя Ночными Клинками.

Конан едва не подпрыгнул на месте.

— Вот это да!.. Слушай, парень, я позволю тебе как следует запустить руку в сокровищницу Веледа, как только мы до нее доберемся! То, что ты сказал, меняет все дело! Быстрее, за мной!

— Сейчас, господин! — Пхарад нырнул в яму. — Коня можно привязать здесь. Его никто не тронет. Это все принадлежит его величеству, и народ привык не хватать руками чего не надо.

Яма оказалась искусно замаскированным ходом вниз, узким и темным. Насколько мог понять Конан, воры, не мудрствуя лукаво, просто продолбили свод одного из малых выгребных тоннелей.

Под ногами зачавкало и захлюпало, в ноздри шибануло опшломляющее зловоние. По мере того как Конан и

Пхарад отходили все дальше и дальше от пролома, свет быстро тускнел. Киммериец пожалел, что они не захватили с собой факелы. Однако вор, похоже, в этом совершенно не нуждался. Он уверенно трусил чуть впереди киммерийца.

Высокорослому Конану приходилось сильно пригибаться — тоннель был низок. Под ноги варвар старался не смотреть — Пхарад предупредил, что здесь нет ни ловушек, ни опасных тварей вроде громадных крыс.

— Раньше-то от них спасу не было, — шепнул вор. — А потом, господин, как Велед воцарился, так всех крыс и повывели. Маги все те же, Ночные Клинки. Им вся подобная нечисть повинуется. Выгнали всех крыс наверх, тоннели очистились — так эти твари теперь наверху — слышали? — детей воруют и жрут! Видано ли?

— Ничего, Велед и за это заплатит, — рыкнул Конан.

Низкий тоннель вскоре вывел их в более широкий, где киммериец смог наконец выпрямиться. Здесь оказалось посветлее — тоннель залегал неглубоко, и время от времени попадались световые колодцы, забранные частыми решетками. Чем больше Конан присматривался к системе выгребных тоннелей Бодей, тем яснее ему становилось, что первоначально все это предназначалось совсем для других целей — и уж потом кому-то пришла в голову светлая мысль приспособить разветвленную сеть подземных ходов для стока нечистот.

Пхарад замедлил шаг.

— Впереди первый пост, господин! — Он все-таки здорово трусил, но боролся с собой, преодолевая страх. Очевидно, Велед успел здорово насолить и своим подданным.

— Ничего, с этими-то мы справимся, — негромко заметил Конан, осторожно вглядываясь в полумрак.

Двое здоровенных громил стояли, небрежно опершись о железные перила. За их спинами киммериец разглядел знакомое пятно железной двери.

— Как это мы так быстро дошли? — удивился он.

— Тот ход, которым я вел господина, в общем-то, почти заброшен, — пояснил Пхарад. — Когда господин был здесь впервые, он шел совсем с другой стороны...

— Ладно, оставайся здесь, а я пошел, — Конан бесшумно двинулся вперед, и в руке северянина уже тускло блеснул меч, когда из противоположного конца тоннеля послышались шаги и какое-то сдавленное мычание — словно там тащили человека с зажатым ртом. Киммериец поспешно отпрянул обратно за угол.

Очень скоро из темноты появилась странная процессия — уже знакомая Конану пятерка громил тащила некий брыкающийся и извивающийся сверток. Бандиты довольно гоготали, то и дело охлопывая свою ношу, после чего та принималась вертеться еще отчаянней.

— Дура! — вырвалось у Конана.

Он не мог ошибиться. Эти светлые волосы невозможно было спутать ни с чем. Лиджена попалась. Люди Веледа крепко знали свое дело.

Громилы обменялись приветствиями со стражниками. Железная дверь открылась, пропуская пятерку внутрь — и вновь клацнули задвинутые засовы.

— Веди меня, — повернулся к Пхараду Конан. — Придется все же так. Если бы не те пятеро, я бы пошел один.

Вор поспешно кивнул, судорожно сглатывая от страха. Видно было, что он лишь величайшим усилием заставил себя шагнуть вперед — и меч Конана был не последним аргументом в пользу этого. Правда, оружие киммериец вновь вернул своему «конвоиру»...

Не скрываясь, они двинулись к стражникам. Конан старался придать себе по возможности более унылый и подавленный вид.

— Кого это ты поймал, Пхарад? — окликнул их один из стражников.

— Да это тот самый парень, кого их величество посылал за девкой в Айодхью, — охотно пояснил спутник Конана. — Девчонку он упустил уже здесь, в городе, но говорит, что у него что-то очень важное для их величества...

— Ишь ты, Пхарад! — удивился разбойник. — А с виду-то — мозгляк мозгляком. Император будет доволен! Кстати, девчонку уже притащили. Его величество мудро провидел и такой исход — что ей удастся сбежать. Проходите, только скажите пароль у двери...

Пхарад беспомощно воззрился на Конана. Видно было, что воришка не знает слов пропуска. Киммериец чуть кивнул головой — мол, веда, а дальше моя забота. Пхарад понял.

— Эй, верзила, давай вперед! — приказал он. Конан послушно шагнул, поравнявшись в облаченном в кирасу бандитом.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что никто — и в том числе Пхарад — не успел и глазом моргнуть. Страшный удар снизу вверх в подбородок поднял громилу в воздух, швырнув почти на середину заполненного нечистотами тоннеля. Как и Преско несколько ранее, тяжелые доспехи мигом утянули разбойника на дно. Его напарник успел только схватиться за эфес, как киммериец налетел на него, точно ветер. Подсечка, захват — и шея громилы слабо хрустнула в железных руках Конана. Тело отправилось в поток, вслед за первым негодяем.

Пхарад взирал на все это с мистическим благоговением. Вся схватка не заняла и трех мгновений.

— Теперь к двери, — шепнул Конан своему спутнику. — Стучи и ори, что мол, стража куда-то делась!

Пхарад послушно шагнул к створкам, принявшись изо всех сил колотить по ним кулаками.

— Эй, эй, там, откройте! Это я! Стражи нигде нет! Откройте!

— Что там такое? — послышался недовольный голос из приоткрывшегося железного окошечка. — Кто там орет? Что случилось?

— Да стражи нет никого! — надсаживался Пхарад. Из парня получился бы неплохой лицедей — в голосе его звучало неподдельное отчаяние.

— Как так нет? — удивились за дверью. — Снатч! Крус! Где вы?

Ответа, естественно, не последовало. И Конан с затаенным торжеством услышал скрежет отодвигаемых запоров.

Створка приоткрылась; в проеме показался копейный наконечник. В следующий миг Конан атаковал.

Меч киммерийца вонзился в горло не успевшего даже пикнуть привратника. Конан выдернул клинок с такой быстротой, что на лезвии не осталось ни одной капли

крови. Перепрыгнув через падающее тело, Конан ворвался внутрь.

Первый зал. Шестеро с короткими мечами. Остолбенев, они глазели на Конана, и первый из них погиб, разрубленный надвое, прежде чем даже успел понять, что происходит. Остальные пятеро (но не та пятерка, что притащила сюда Конана) — бросились в бой, но очень быстро вспомнили, что у каждого есть куча очень спешных и срочных дел в различных отдаленных местах, когда Конан двумя взмахами меча отправил к Индре двоих противников. Трое оставшихся кинулись бежать; киммериец ринулся во второй, тронный зал.

На звон клинков и крики уже бежала охрана императора — два, четыре, шесть... Ага! Вот и знакомые лица! Те самые пятеро героев, столь доблестно взявшие в плен его с Бхилатой, а потом захватившие Лиджену! Ну, сейчас мы посмотрим, так ли вы хороши в настоящем деле!..

Против Конана оказалось больше десятка врагов. Кровь бросилась в голову северянина, из горла вырвался яростный рев, от которого в горах Киммерии, случалось, шарахались даже голодные волки. Жажда битвы захватила варвара целиком, он превратился в настоящего берсерка, алчущего одной лишь крови своих врагов. Бездеспешный, с одним мечом против одиннадцати, Конан прошел от стены до стены тронного зала, точно сам бог-разрушитель Шива в день последней гибели этого мира. Ему не мог противостоять никто, хотя бандиты пытались нападать с разных сторон и окружить киммерийца. Меч Конана ткал настоящую паутину смерти вокруг варвара; клинок с легким шелестом рассекал воздух, и вражеские мечи бесильно отлетали от сотворенной им незримой завесы.

Первых двух Конан срубил играючи — бандиты слишком понадеялись на свои рост и силу. Быть может, величиной мускулов они и не уступали северянину, однако тот многократно превосходил своих врагов ловкостью и быстротой. Поднырнув под первый меч, Конан длинным выпадом пробил нагрудник набегавшего бандита и, разворачиваясь, снес голову оказавшемуся чуть позади него разбойнику. Против него осталось девять.

Прежде чем они поняли, что эта дичь, возможно, им не по зубам, Конан сразил еще двоих. С одним сшибся

грудь в грудь, и колено варвара погрузилось в пах разбойника, а когда тот упал, стремительный падающий удар отделил голову от туловища. Второй уже было замахнулся, поднимая меч над головой обеими руками, однако нога Конана ударила его в живот. Разбойник согнулся, и сверкающий клинок развалил тело надвое. Бандита не спасла даже кираса.

После этого остальные стали заметно осторожнее. Теперь они больше изображали атаки, чем действительно нападали. Пятеро громил, что захватывали Конана, с самого начала боя держались сзади, в основном подбадривая своих более глупых сотоварищей. Однако теперь стало ясно, что схватки не избежать и им.

— Отрежьте его от той двери! — рявкнул главарь, тот самый, что насмеялся над Конаном в покое Бхилаты.

— Не раньше, чем я отрежу тебе яйца! — зарычал в ответ варвар. С головы до ног забрызганный чужой кровью, Конан напоминал сейчас грозное божество смерти, явившееся на землю за своей страшной данью.

Улучив момент, Конан подхватил один из мечей, валявшийся рядом с мертвым разбойником. Теперь северянин дрался двумя клинками, используя тот, что в левой руке, как щит.

Один из бандитов опоздал с прыжком назад, и меч Конана, проскрежетав по запоздало поднятому клинку, рассек горло врага. Захлебываясь кровью, негодяй в агонии повалился на пол; оставшиеся шестеро дрогнули. Главарь криками гнал их в бой, однако те явно не выказывали желания умирать во славу обожаемого императора.

— Недосуг мне тут с вами! — рявкнул им Конан и сам прыгнул вперед, навстречу выставленным клинкам.

Выпад справа — отбит левым мечом. Атака правым — и бандит валится с распоротым боком. Шаг вперед. Угроза слева — полуповорот, отвод, враг слишком близко, оглушающий удар эфесом правого меча и, добывая, проткнуть шею левым...

На пол грохнулся один из особо занимавшей Конана пятерки.

— Эй, он нас всех сейчас перебьет! — вскрикнул один из бандитов, бросаясь к спасительной двери.

— Назад, шкуры! — заревел вожак, но было уже поздно. Его люди дрогнули, а сам он, промедлив, упустил тот единственный момент, пока еще мог уйти сам. Конан одним прыжком оказался возле главаря. Несмотря на всю свою огромную силу, бандит не продержался против разъяренного киммерийца и нескольких мгновений. Отразив отчаянный выпад левым мечом, Конан достал горло противника правым.

— Больше ты не будешь ни над кем смеяться, — бросил варвар, презрительно глядя на умирающего врага.

Покой опустел. На полу остались мертвые. Все, кто мог бежать — бежали. Конан остался один. Усмехнулся, и, не пряча мечей, шагнул в тот проем возле трона, откуда прошлый раз появлялся его величество император воров Бодей Велед Устрашающий.

Низкий сводчатый коридор содержался в совершенном порядке. Зловоние почти не чувствовалось — через каждые несколько шагов стояли дымящиеся курильницы. С арчатого потолка свисали плети святающихся мхов, так что Конан не нуждался в факелах.

На пути ему встретился только один пост охраны — очевидно, в самом сердце своих владений Велед считал себя в полной безопасности. Трое мечников охраняли подступы к массивной железной двери (похоже, Велед доверял одному лишь железу); однако длинный тоннель поглотил все звуки боя, и охранники ни о чем не подозревали. Прежде чем они сообразили, что высокий черноволосый богатырь не из числа новых наемников Веледа, двое из них отправились к Индре замаливать свои грехи, а третий, последний, упав на колени, судорожно клялся Конану, что не знает пароля, что открывает последнюю преграду перед собственной пыточной Веледа.

— Там... там... там сам император... — бормотал разбойник. Острие кинжала Конана касалось горла бандита. — Только он, и никого больше...

— Ты слышал крики? Отвечай!

— Да, да... она кричала... совсем недавно... верно, император устал...

— Проклятье, — прищурился Конан. — Сделай так, чтобы он открыл! Иначе, клянусь Кромом, я тотчас же перережу тебе глотку!

Разбойник дрожал крупной дрожью.

— Он тогда прикончит меня!

— Некому будет тебя приканчивать! — рявкнул Конан, и тут за дверью послышались шаркающие шаги. Брякнул отомкнутый запор; дверь начала приоткрываться...

Конан рванул тяжелую створку на себя. Коротко заведя придавленный разбойник; дверь распахнулась, и Конан увидел императора.

Даже выдавшему виды киммерийцу стало не по себе. На императоре был один лишь кожаный фартук, лицо и руки обильно забрызганы кровью. Но главное — глаза! Это были глаза не человека и даже не хищного зверя; так, казалось, могла бы смотреть одна лишь смерть или кто-то из ближайших сподручных костлявой старухи.

Велед очень быстро сообразил, в чем тут дело. Проворно, точно крыса, он отскочил назад, повернулся и бросился наутек. Конан рванулся следом.

Северянин оказался в просторном подземном каземате. Углы покоя тонули в полутьме. В середине горел очаг, стоял грубо сколоченный длинный стол, на котором были разложены пыточные инструменты самого устрашающего вида. Рядом с очагом возвышался железный крест высотой почти восемь футов; и на нем, на этом кресте, была распята совершенно обнаженная Бхилата. От дьявольского сооружения тянулись вверх, к потолочным блокам, многочисленные цепи — очевидно, крест поднимался, опускался и поворачивался, так что мучитель мог даже поджаривать свою жертву на пламени очага.

Конан промчался мимо, стараясь не смотреть на несчастную девушку. Сейчас его занимал только Велед.

Император воров метнулся в угол затравленной крысой — молча и стремительно. Там, в темноте, Конан разглядел какое-то смутное свечение — белесое, мрачное, безжизненное... Меч Конана уже готов был вонзиться в бок удирающего Веледа (убить его просто так представлялось Конану неслыханной милостью по отношению к этому выродку), когда император добежал до тускло мерцавшего предмета (им оказалась небольшая округлая скляница с мутно светящейся слизью внутри), вцепился в нее обеими руками и резко повернулся к Конану.

— А вот теперь мы сможем поговорить, — прошипел он, весь содрогаясь от злобного торжества. — Теперь-то мы сможем поговорить! Ты думаешь, что в твоих силах убить меня? Глупец! Я неуязвим! А потом сила Ночных Клинков заставит тебя трепетать! Знаешь, что в этом сосуде?..

Он не договорил. Конан взмахнул мечом, в этот очень длинный момент сразу произошло несколько событий.

Клинок еще с шипением резал воздух, готовясь наискось рассечь тщедушную грудь императора Веледа, а за спиной его крысиного величества из струившегося от стекляницы белесого света внезапно возникло нечто вроде дрожащей черной тени, не имевшей определенных очертаний и четких контуров. Внезапно и резко потянуло леденящим холодом, словно сюда, в теплую Вендию, невесть как попала громадная ледяная глыба с гор Ванайма или снежной Гипербореи...

Призрачная темная длань вытянулась. Меч налетел на внезапно возникшую преграду и со звонким треском переломился. Правда, и черная лапа вспыхнула мгновенным алым пламенем — и отдернулась.

За спиной Веледа распахнула пасть темная воронка. Там, где только что был один лишь покрытый плесенью мокрый камень, открывалась дверь не дверь, пасть не пасть — какой-то округлый лаз сквозь толщи камня и глины; тень потянула Веледа туда. Исчезая, император воров неожиданно показал Конану язык, точно уличный мальчишка...

Мгновение — и стена вновь закрылась.

— Проклятье! — выругался Конан. Швырнул обломки бесполезного меча на пол, засунул в ножны тот, что держал в левой руке, и бегом бросился к Бхилате.

Однако было уже поздно. Император Велед всласть натешился со своей игрушкой, а когда она прискучила ему, перестал удерживать жизнь в истерзанном нечеловеческими пытками теле. Конан медленно смотрел на покрытое ожогами и кровью тело, еще совсем недавно щедро дарившее ему свои ласки, и чувствовал, как его и без того горячая киммерийская кровь обращается в один сплошной костер. По жилам Конана в те мгновения тек

жидкий огонь, так что казалось — сейчас все тело варвара обратится в пепел, не в силах выдержать пламя его гнева.

Руки девушки были прикованы к кресту железными цепями; цепи, в свою очередь, были заперты на тяжелые замки. Всей исполинской силы Конана не хватило на то, чтобы разорвать путы.

— Придется оставить тебя здесь, Бхилата, — негромко произнес киммериец. — Но ты не страшись — я все равно отомщу твоим мучителям, и твоя душа возрадуется там, в пределах Серых Земель...

За дверями уже слышались крики.

К камере Хашдада Конану тоже пришлось прорываться с боем. Но разбойники, лишенные предводителя, действовали разрозненно. Сперва навстречу киммерийцу вывернулись двое — вывернулись да так и остались лежать с разрубленными головами; потом трое — одного Конан проткнул сразу, двое других с воплями бросились прочь. Северянин их не преследовал.

В заплывших от ударов глазах Хашдада мелькнуло изумление, когда дверь в его камеру распахнулась и на пороге появились не тюремщики, а бывший сосед по галерной скамье — Конан из Киммерии...

Выбраться наружу оказалось столь же трудно, как и прорваться внутрь. На плечах висели разбойники, все в подземном зверинце Веледа стояло вверх ногами — в этой суе и неразберихе Конану удалось пробраться к выходу, схватившись всего с тремя. Хашдад мог идти сам; однако подобранным мечом он действовал куда хуже, чем кузнечным молотом.

А Лиджену они так и не нашли. Ее не было ни в темницах, ни в пыточных... Впрочем, кто мог бы поручиться, что они обыскали все до единого закоулки обширных подземных владений Веледа?.. Не нашли они и никого живых из той пятерки, что притащила девушку в подземелья.

* * *

Пока длились все описываемые события, пока Конан крушил всех своих противников в тронном зале подзем-

ного «дворца» императора Веледа, с Лидженой происходило следующее.

Схваченная почти сразу после того, как рассталась с Конаном, девушка была доставлена в смердящую «ставку» воровской империи. Однако его величество был занят — у него уже была Бхилата. И Лиджену потащили прочь, в темное вонючее нутро личной Его Императорского Величества темницы, особой, специальной — до которой Конан потом так и не добрался. Камера Лиджены находилась уровнем ниже, а искусно замаскированный люк киммериец просто не заметил в поднявшейся суматохе.

Девушка вся дрожала. Спасение было так близко! Совсем немного оставалось либо до ее дома, либо до дома Амрика Тохоне, гда, признаться, она желала бы оказаться сильнее всего. Она погибла, она погибла, теперь все уже точно пропало — она в руках безжалостного Веледа, злейшего врага ее отца — и уж Велед-то, конечно, не упустит случая отыгаться за пережитое поражение... Пока ее тащили пропитанными вонью коридорами, она судорожно пыталась отыскать путь к спасению — тщетно. Из глаз катились бессильные предательские слезы...

Грохнула тяжелая крышка. Лиджена слабо ахнула — представшее ей зрелище ужасало. Камеру тускло освещала флуоресценция мхов, что росли по стенам. В углу — прикованный цепями скелет, по всему полу — груды экскрементов. И еще там было пятеро — пятеро женщин, одетых в невообразимые лохмотья; каждая весила, наверное, втрое больше стройной Лиджены. Женщины шептались между собой, то и дело поглядывая на пленницу, и девушке их голоса казались шипением гадюк.

Она попыталась подобрать под себя ноги и встать — но слизь сделала пол скользким, словно самый лучший шелк.

Женщины внезапно замолчали. И от этой тишины Лиджене стало еще страшнее.

Затем все пятеро тюремных гарпий внезапно двинулись к ней — на четвереньках, по-собачьи. И на губах каждой Лиджена видела злобную, отвратительную ухмылку.

— Золото... Хотите золота? — прошептала она в отчаянии. — Мой отец, мой дядя — они очень богаты. Они дадут вам много золота — только выпустите меня отсюда!

Ухмылки стали еще шире. Женщины приближались, чудовищно толстые, их отвислые груди болтались в такт движениям...

— Не подходите! — в последнем усилии выкрикнула Лиджена, чувствуя, что и силы, и смелость покидают ее.

Все пятеро мучительниц разом бросились на девушку, легко опрокинув на спину. Их жирные руки торопливо рвали одежду Лиджены, их ногти оставляли длинные кровоточащие царапины — они спешили.

Лиджена зашлась в крике — жалком и беспомощном.

И когда на ней не осталось ни одной нитки, гарпии взяли за нее всерьез.

* * *

Все это время Конан и Хашдад продолжали обыскивать владения Веледа. С каждой минутой становилось все опаснее и опаснее. Чья-то воля вновь начала управлять метавшимися по коридорам разбойниками; порядок мало-помалу восстанавливался.

— Велед, Велед, эта крыса, что ускользнула от меня! — зарычал Конан. — Кром! Пошли мне встречу с ним, во имя славной битвы!

Хашдад молча шагал рядом с Конаном, не спрашивая его ни о чем. Раз так нужно — значит так нужно. Делай и не спрашивай.

* * *

— Так неужели же этот смердящий кусок плоти и есть та гордая дочь старика Чесму, про которую мне так много рассказывали? — сквозь полузабытые услышала Лиджена противный глумливый голос.

Она подняла голову — и вздрогнула. Гигантская крыса! На задних лапах! Или... или нет, человек. Да, человек, но такой урод, какого Лиджена не видела никогда в жизни. Имя само сорвалось с ее губ.

— Велед?

— Он самый! — Император воров захихикал. — Что ж, вот и пришло время свидеться. Эй, вы! Помойте ее и доставьте в мои нижние покои — пока в верхних будут наводить порядок, мы с ней позабавимся... Кстати, ты, Мхаган — бери всех, кого можешь, и иди наверх. Я хочу, чтобы к моему возвращению там все было бы тихо, а этот безумный смутьян был доставлен в пыточную. Ты понял?

Мхаган, здоровенный, точно лесная горилла, и обладатель столь же узкого лба, прорычал что-то в знак согласия и затопал куда-то в темноту. Вслед за ним двинулись стражники — много, не менее трех десятков, если судить по топоту ног.

Велед повернулся и исчез за дверью.

Не давая Лиджене опомниться, двое дюжих телохранителей императора проворно подхватили ее под руки, выволакивая прочь из камеры. Девушка висела, точно мягкая тряпичная кукла, после всего пережитого не слишком понимая, что с ней хотят сделать.

В коридоре ее встретили те же пятеро женщин — на сей раз с большими ведрами воды в руках и мочалками. Вода оказалась приятно горячей, и от этого Лиджена начала приходить в себя.

Ее всю обтерли жесткими мочалками и, напоследок обрызгав какими-то благовониями, потащили дальше — по нижнему ярусу подземного дворца в личные покои императора, куда Конан пока еще не нашел дороги.

Когда они наконец остановились, Лиджена не сомневалась, что она — в спальнях чертогах Веледа. Кричащая роскошь — но роскошь замаранная, начавшая гнить и терять свой вид от столь близкого соседства со зловонными реками нечистот. Повсюду, где Велед пытался создать атмосферу уюта и богатства, ему удавалось изобразить лишь жалкую пародию на это. Во внезапном порыве Лиджена тут же и выложила это соображение появившемуся перед ней императору.

— Неплохие рассуждения для голой и дрожащей девчонки! — скрипуче расхохотался Велед. — Смотри, как бы твоя смелость не обернулась для тебя пыткой!

— Мои отец и дядя не станут платить выкупа за испорченный товар! — собрав последние остатки смелости, заявила Лиджена.

Велед прямо-таки зашелся от хохота.

— Выкуп? За тебя? Какая глупость! Ты думаешь, что я обычный похититель, чья цель — стребовать деньги с твоих родственников? Мои верноподданные доставляют мне в избытке и золота, и драгоценных камней. На тебя у меня иные виды!

— Какие же, если выкуп тебе не нужен? — выдавила Лиджена. Сердце ее зашлось от ужаса.

— О, ты хочешь знать? Смелая девочка! Многие, очень многие предпочли бы до конца хранить глупые надежды, — на тонких губах повелителя бодейских воров появилось подобие улыбки. — Эта идея — рассказать все тебе — мне нравится. Однако ты не должна понять меня неправильно. Я говорил, что ни твой отец, ни твой дядя никогда не получают предложения заплатить за тебя выкуп. Это так. Но это не значит, что ты не в состоянии обеспечить мне приличную прибыль.

— Я не понимаю, — устало проронила Лиджена. Она чувствовала — еще немного и ей все станет безразлично.

Велед покивал головой, вальяжно уселся, закинул ногу на ногу, щелкнул пальцами. Из-за тяжелой драпировки тотчас же появилась женщина средних лет, толстая и некрасивая. Она подала императору золотой кубок, полный темно-алого вина. Велед выпил, не сводя жадных глаз с нагой пленницы.

— Нелек Кахал, — это имя он произнес с видимым удовольствием. — Я продам тебя работоторговцу Кахалу, чтобы он вышиб из тебя всю дурь, сломал гордость и до конца твоих дней заставил бы проделывать такие вещи, что даже у меня не поворачивается язык назвать их вслух. Такова будет твоя судьба — и моя месть свершится. — Он сделал добрый глоток из тяжелого кубка.

— О, нет! — вырвался у Лиджены не то стон, не то крик. Всякая надежда оставила ее, как только она услышала имя Нелек Кахала. Этот человек был широко известен как в Вендии, так и за ее пределами.

— О, да! — передразнил девушку Велед. — Он научит тебя правильному поведению; но, наверное, было бы не-вредно начать прямо сейчас.

Он поднялся, расстегивая пояс. Его одеяние распахнулось — и Лиджена скорчилась от отвращения. Кривые и тонкие ноги Веледа, поросшие густыми рыжеватыми волосами, скорее должны были бы принадлежать пауку, нежели человеку.

— От меня ты нежностей не дождешься, тварь! — Лиджена отскочила к уставленному яствами столу, поспешно схватив тяжелую чашу. Размахнувшись, девушка со всей силой грохнула ею об пол и, в ее пальцах оказался острый, как бритва, осколок стекла, который она прижала к груди. — Еще шаг вперед, и я убью себя. Никогда я не буду твоей! Никогда!!!

Велед тонко и противно захихикал, откровенно потешаясь над ней, а затем внезапно хлопнул в ладоши. Мгновение спустя Лиджена поняла причины его веселья.

Из-за портьер позади нее бесшумно появились четверо громил. Мгновение — и один вырвал у девушки стеклянный осколок, другой железной хваткой сдвинул ее горло, двое других схватили ее за ноги. Лиджену повалили на стол и опрокинули на спину. Гогоча и скалясь, разбойники широко раздвинули ей ноги.

Прежде чем Лиджена поняла, что происходит, она была уже совершенно беспомощна.

— Да, да, именно так, — Велед радостно потер сухие руки. — Я возьму ее на столе — а вы все держите ее, да как следует!

И он вошел в нее — под его издевательский смех и звериные сладострастные хрипы, смешавшиеся с ее жалкими стонами. А когда все кончилось, и Велед, удовлетворенно ухая, принялся завязывать узлы на своем широком поясе, Лиджена, глядя на императора воров сквозь слезы стыда и потрясения, дала себе страшную клятву, что этот человек умрет от ее руки. Рано или поздно, но умрет. После того, как она сразит Конана из Киммерии, по вине которого она оказалась здесь...

Велед с кривой усмешкой повернулся к стражникам, державшим распятую на столе девушку:

— За вашу верную службу каждый из вас сможет овладеть ею. По одному разу. И помните мою доброту!

— Это научит тебя, что значит быть рабыней, — теперь Велед обращался к дочери своего злейшего врага. — О да, это научит тебя. Кахал заберет тебя через два или три дня — и я уж постараюсь, чтобы ты усвоила побольше!

Он повернулся и заковылял к выходу. За его спиной вновь раздалась жалобные крики насилуемой четырьмя бандитами девушки.

К ром, ну куда же могла запропасться эта девчонка?! — глухо прорычал Конан, останавливаясь. Коридоры владений Веледа кипimia кишели набевжавшими невест откуда разбойниками. Теперь они действовали куда хитрее и не лезли очерта голову под удары неотразимого меча в руках Конана. Дело могло бы принять скверный оборот.

— Быть может, у них тут есть и другие ярусы? — предположил Хашдад. — Может, мы просто пропустили вход?

— Если он и есть, то хорошо упрятан, — сквозь зубы промолвил Конан. — Самим нам его не найти. Если только кого-то возьмем в плен и заставим развязать язык.

— Здесь должны быть еще и нижние тоннели, — уверенно заявил кузнец. — Поскольку никакие это не выгребные тоннели, или я вообще ничего не понимаю!

— Гм! — усомнился Конан. — Откуда здесь нижние ярусы — там же все должно быть затоплено дерьмом?

— Многие так и думают, — заметил Хашдад. — Но Велед наверняка припас себе какой-нибудь отнорок!

— Тихо! — Конан сжал плечо спутника. — Сюда кто-то прет... Сейчас мы его и расспросим! — Он хищно усмехнулся.

Этот кто-то оказался здоровенным громилой с коротким и широким мечом, которым удобно орудовать в тесных подземных коридорах.

Не мудрствуя лукаво, Конан плашмя опустил свой меч на голову бандита. Тот глухо охнул и свалился.

— Э, нет, так дело не пойдет, нужно, чтобы ты мог говорить! — Конан слегка пнул упавшего ногой в бок.

Вскоре киммериец уже знал все, что требовалось. Нижний ярус отыскался.

— Ладно, иди, да помни мою доброту! — Конан проводил просунувшегося в темноту бандита добрым пинком. Хашдад уже возился с запором потайной двери.

Вниз вели железные ржавые ступени.

— Тс-с-с! Тихо! Это здесь!..

Лиджена пришла в себя. Нагая, она лежала на столе — а напротив нее сидел, усмехаясь, сам император Велед. Больше в комнате никого не было.

— Ну вот, теперь ты мне нравишься, — похожий на крысу человек удовлетворенно покивал головой. Да, кровь Чесму иногда способна и на что-то сносное. Но это, наверное, все же влияние матери. Ах, Лит, она была так прекрасна! — Он лицемерно вздохнул.

Лиджена застонала. Лит, ее мать, погибла пять лет назад. Велед убил ее своей собственной рукой — зарезал в ее собственном розарии.

— Да, и как жаль, что мне придется расстаться с такой красоткой! — Велед подпер подбородок ладонью и пригорюнился. — Кахал приехал раньше, чем мы ожидали. Он уже здесь, в Бодее. Так что мне теперь остается искать утешение только в вине. Ну-ка? Поддай сюда кувшин! Он на столе, рядом с тобой.

Лиджена повиновалась. Подняв неожиданно тяжелый глиняный кувшин, она медленно двинулась к императору. — НЕТ! — безмолвный крик сорвался с ее губ.

Лучше уж слепое ничто, чем участь рабыни!

Велед привольно откинулся в своем кресле, протягивая вперед руку с кубком.

Лиджена приподняла кувшин повыше — как бы для того, чтобы аккуратнее налить вино — и внезапно со всей отпущенной ей силой, удесятеренной отчаянием, она ударила кувшином по голове императора!

Глина разлетелась в мелкую крошку. Вино брызнуло в разные стороны темно-алым веером.

Велед рассмеялся.

Остолбев, Лиджена смотрела, как хихикающий император поднялся с кресла и, протянув сухие ручки, шагнул к ней. Девушку охватил непередаваемый ужас. Казалось, что на сей раз дело не обойдется одним только надругательством, что ее, Лиджену, ждет нечто хуже смерти, пыток и позора...

За спиной девушки приоткрылась дверь — и выражение на лице Веледа разом изменилось. Глаза округлились; брови поползли вверх. Казалось, он увидел привидение.

Этим привидением был Конан из Киммерии.

— Кром! — взревел северянин. — Ну, наконец-то я посчитаюсь с тобой, крыса! За Бхилату! За все!

Лиджена едва успела отпрыгнуть в сторону — Конан промчался мимо нее точно сметающий все на своем пути разъяренный буйвол.

Велед слабо пискнул и рванулся вбок. Ему нужно было время, время, чтобы вновь вызвать демона-спасителя, однако на сей раз уйти от Конана ему не удалось. За спиной Веледа уже разворачивалась черная воронка, когда меч киммерийца, ярко вспыхнув, пробил незримый щит, что мгновением раньше спас владыку воров от кувшина Лиджены, и по самую рукоять вонзился в грудь императора Веледа.

Пронесся долгий скрипучий вопль. Велед стоял, шатаясь, и судорожно цепляясь руками за застрявший в груди клинок. По лезвию струились алые ручейки.

Резким движением Конан вырвал меч. Велед тотчас же обмяк и рухнул на пол, точно тряпичная кукла. Воронка осталась — но из нее никто не появился.

— Эх, жалость, он слишком легко умер! — зло бросил Конан, выпрямляясь. — Эй, Лиджена, да ты ли это?!

— Я! — Она поспешно заворачивалась в сдернутую со стола скатерть. — Я! А что ты здесь делаешь, вор?!

— Пришел за тобой, как видишь, — бросил Конан.

— Пришел за мной! — слезы брызнули из глаз Лиджены. — Ты, из-за кого я оказалась здесь, где меня изнасиловала целая банда, ты...

На скулах Конана взбугрились и вновь разгладились бугры желваков.

— Браниться станем потом. Сперва надо выбраться отсюда.

— Едва ли вам это удастся сделать, — произнес тихий, бесплотный голос, полный нечеловеческой холодной злобы.

Пронзенный Велед медленно поднимался с пола. Черная воронка внезапно ожила, запульсировала, серые призрачные змейки потекли из ее разверстого жерла к Веледу, словно передавая ему силу неведомых преисподних. Широко раскинув руки и оскалив зубы, мертвец шагнул

вперед, как будто собирался обнять всех разом. Лиджена взвизгнула.

Конан и Хашдад дружно шагнули вперед. Меч киммерийца просвистел в воздухе и врезался во внезапно окутавшую тело Веледа серую дымку. И вновь, как и в прошлый раз, в пыточной императора воров, клинок высек алое пламя, врезавшись в эту завесу — только на сей раз вспыхнула сама сталь. Конан с проклятием отпрыгнул; мгновение спустя в его руках остался только бесполезный эфес.

— Идите ко мне, мои хорошие, — тихо продолжал загробный голос. — За то, что вы сделали, я утащу вас с собой в самые глубокие преисподние!

Кулак Конана врезался в скулу мертвеца; голова Веледа потонула из стороны в сторону, однако этот удар, которым киммериец опрокинул бы быка, не остановил безжизненное тело, отчего-то обретшее способность двигаться. Выкаченные глаза смотрели в упор холодящим, мертвенным взглядом.

— Отходим! — бросил Конан, мимоходом срывая со стены висевший там дорогой меч в изукрашенных камнями ножнах. — Здесь какое-то чародейство!

Остолбевшую от ужаса Лиджену пришлось тащить почти что волоком. Ходячий труп императора Веледа, мерзко хихикая, припустил за ними вдогонку.

— К выходу! — рявкнул Конан. — Он, похоже, не может бежать!

Однако стоило беглецам свернуть за угол, как впереди них вновь раздался холодный отвратительный смех. Велед трусил им навстречу.

Этого не могло быть, однако же — было. Конан ощутил, как вдоль хребта прокатилась холодная волна. Один раз в своей жизни он уже встречался с ожившей мумией, и та давняя встреча едва не кончилась для него трагически... Но там был костер, а охотившийся за ним костяк был сухим и легко вспыхнул, едва угодив в пламя. Здесь же, в мокрых тоннелях императора Веледа, гореть было нечему.

Оставалось только одно — бежать. Острым чутьем варвара Конан улавливал исходявшие от шагающего труп

эманации смерти. Его объятие стало бы последним для киммерийца.

Поворот, поворот, поворот... Коридоры пусты, Велед остался позади — но что это? Из-за угла вновь доносится знакомое хихиканье — мертвый император вновь оказался впереди них.

— Проклятье! — вырвалось у Хашдада.

— Куда же вы, куда? Одно, одно мое объятие — и все будет кончено! — уговаривал своих врагов Велед.

Он играл с ними, как сытая кошка с мышью.

Светящихся мхов становилось все меньше, тоннели заливал мрак. Коридор вывел их в просторную каверну, где тьма властвовала уже безраздельно. Зловоние здесь вновь усилилось — там, внизу, похоже, текли реки нечистот.

И тут Лиджена оступилась. Ее нога поскользнулась на покрытом слизью камне, и девушка с легким вскриком полетела вниз, в темноту. Мгновение спустя раздался всплеск.

— Кром! — в бессильной ярости бросил Конан, поворачиваясь лицом к вновь появившемуся Веледу.

Снизу, из темноты, донесся жалобный визг, а затем хлюпанье — словно кто-то изо всех сил бежал по густой жиже.

— Лиджена! — заорал киммериец.

Ответа не последовало.

— Она ненадолго переживет вас, мои милые, — прошипел труп, приближаясь. — Да, да, правильно, стойте и не двигайтесь — сейчас я обниму вас... Мне так хочется выпить ваши души...

Хашдад рванул Конана за руку.

— Бежим! Лиджене ты pomoжешь только если отвлечешь эту тварь на нас! Бежим же!

Конан медлил. Выждав удобный момент, он со всей силы ударил Веледа ногой в живот — без всякого результата. Император лишь слегка пошатнулся, а вот по стопе и икре киммерийца начал распространяться леденящий холод. Каждый шаг отзывался болью.

— Бежим! Да бежим же! — тянул северянина за собой Хашдад.

— НЕТ! СЛИШКОМ ПОЗДНО! — раздалось прямо перед ними.

Теперь Велед стоял на расстоянии вытянутой руки. Вокруг него распространялось свечение, такое же зеленоватое и призрачное, как и в его королевстве.

— Больше вам некуда бежать, — прошептали холодные губы. — Теперь мы сольемся с вами!

Это не Велед — ворвалась в сознание Конана стремительная мысль. Это какой-то демон, слитый с его плотью.

ДА! Именно так! Владыка бодейских воров не мог рассчитывать на то, что они должным образом отомстят за его смерть — и потому, наверное, нашел какого-то мага, достаточно сильного, чтобы тот слил с его собственным телом самого настоящего демона, который и осуществил бы мщение. Верная смерть для любого, кто посягнет на трон! Быть может, подданные императора даже знали об этом...

Труп, оживленный силой неведомого демона, надвигался. Холодные безжизненные глаза смотрели прямо в лицо Конану, и киммерийцу казалось, что этот взгляд стремительно высасывает из него, Конана, разом и силы, и волю к борьбе. Тем не менее Конан выдернул меч из богатых ножен и приготовился драться.

Рядом с ним встал молчаливый Хашдад. Предать Конана было для кузнеца хуже и страшнее смерти.

Конан, рыча, поднял меч высоко над головой. Будь что будет, он попытается разрубить эту тварь! Изукрашенный камнями и серебром эфес оказался нацелен почти что в лицо Веледу.

Тварь внезапно остановилась, словно в нерешительности. Мертвое лицо Веледа исказилось, губы начали расползаться, обнажая нежданно удлинившиеся, словно у вампира, клыки.

И все-таки что-то удерживало демона от последней решительной атаки. Конан напрягся. Что это может быть?..

Стоп! СЕРЕБРО! Ну конечно же, серебряный шар, что увенчивал разубранную рукоять дорогого оружия! Серебро, которое так не любят иные обитатели темных миров!

Киммериец действовал быстрее собственной мысли. Гванувшись вперед, он всадил рукоять столь удачно оказавшегося под рукой меча прямо в глаз шагающего трупа.

Полный смертной боли вой заметался под темными сводами зловонных клоак, и Конан понял, что выиграл. Серебряный набалдашник принес ему победу. Там, где эфес вонзился в нечестивую плоть, вспух багряный нарыв, только вместо крови и гноя в нем томилось пламя. Миг — и пузырь лопнул, огненные струйки потекли по одежде Веледа — и враз ослабшее тело мягко соскользнуло вниз, в текущие куда-то нечистоты.

— Туда тебе и дорога! — сплюнул Конан. — А теперь отсюда надо выбираться...

— Разве ты запомнил дорогу? — удивился Хашдад.

— Неужели ты думаешь, что я мчался, как курица, спасающаяся от ножа птичницы? — усмехнулся Конан. — Нижний ярус мы пройдем. Меня больше беспокоит верхний. Там сейчас ребят Веледа — видимо-невидимо, и кое-кто из них, полагаю, захочет с нами покататься...

* * *

Лиджена замерла, скорчившись на крошечном каменном выступе. Река нечистот здесь была совсем мелкой. Станные твари, что обвилились вокруг ее ног, когда она сорвалась с обрыва, отстали — она бежала очень быстро. Кое-где на стенах тоннеля виднелись пятна светящегося мха, и Лиджена с грехом пополам могла разглядеть, что же происходит вокруг.

Она была одна, почти что нагая — скатерть с императорского стола не в счет — одинокая и затерянная в подземном лабиринте. Ни еды, ни оружия, ни малейшего понятия о том, что делать дальше. Впору было отправиться назад и, припав к груди кого-нибудь из приспешников Веледа, молить о защите...

Нет! Она все-таки была гордой дочерью Чесму, главы торгового сословия, и так просто сдаться не была намерена. Нечистоты явно куда-то текли — а, следовательно, где-то эти тоннели имели устье.

Приняв решение, Лиджена больше не колебалась. Завернувшись в свою скатерть, она вновь соскользнула в

зловонную жижу, и побрела вперед — по направлению течения.

Тоннель постепенно расширялся, к нему присоединялись меньшие, уклон стал более заметен. И наконец настал момент, когда впереди забрезжил свет.

Лиджена едва удержалась от того, чтобы упасть на колени и разрыдаться. Свет! Выход! Свобода! Она все-таки дошла! Страшный призрак Веледа остался позади!

Однако на пути к свету ей пришлось пройти по узкому карнизу над бездонной черной ямой, куда изливался зловонный поток, уходя куда-то в глубину. Прямо же перед Лидженой оказался короткий отрезок тоннеля, примерно десяти футов диаметром, открывавшийся в обрыв крутого берега реки. Проход перегораживала железная решетка из толстых прутьев.

Сердце Лиджены похолодело. Неужели всемогущие боги судьбы решили сыграть с ней эту злобную шутку — преградить ей дорогу именно в тот момент, когда уже все позади?!

Она вцепилась в ржавые прутья. Встряхнула — решетка не пошевелилась. Бросилась всем телом — но только зашипела от боли в ушибленном плече. Решетка была закреплена наглухо.

Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Она должна найти выход! Его не может не быть!

Словно приговоренный к смерти, перед которым замаячило помилование, Лиджена рванулась к стене. ДА! Железные прутья не были вделаны в камень, а упирались в широкий железный обруч. Неужели он закреплен намертво?..

Этого не может быть. ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! Воры Бодей не могли намертво перекрыть этот выход из своих владений! Они могли оставить решетку, чтобы отваживать незваных гостей. Но самим-то им ходить было нужно! Должен найтись запор!

И он нашелся. Тугой заржавленный стержень, намертво, как казалось, вросший в металл. Лиджена тащила его из последних сил — и, когда запор неожиданно поддался и решетка распахнулась, она без сил рухнула на поросший травой зеленый откос и зарыдала так, как не плакала даже в застенках Веледа....

Потом она выбралась на берег, кое-как задрапировавшись в скатерть. Было раннее утро — не настолько, впрочем, раннее, чтобы она смогла бы добраться до дома отца так, чтобы ее никто не заметил. Она задумалась, но только на секунду. Ну конечно! Дом Амрика! Он же совсем рядом!

Амрик Тохон. Ее любовник. Человек, которого она жаждет назвать своим мужем — даже против воли отца. Который знает, что делать, как противостоять Веледу и его головорезам.

* * *

— Лиджена? — Амрик замер на пороге, разинув рот и выпучив глаза. — Лиджена? Что с тобой случилось?

Девушка шагнула вперед, чувствуя странную слабость. Она не сдалась и не сломалась перед лицом молодчиков Веледа, но теперь, в безопасности, на пороге роскошного дома, принадлежавшего Амрику, ее ноги внезапно отказались повиноваться. Она жалобно всхлипнула и упала в несколько запоздало распахнутые объятия.

— Что с тобой случилось? — повторил Амрик — молодой темноволосый, с приятным мягким лицом. Конечно, и ростом, и статью, он и в подметки не годился Конану — о котором внезапно вспомнила девушка... — Ты выглядишь — гм — и пахнешь так, словно провела ночь — гм...

— В выгребной яме, — докончила за него Лиджена. — Да, да, именно там. Но слушай же, Амрик, милый мой, что со мной случилось... — всхлипывая и утирая слезы, она принялась рассказывать...

— Мой меч! — вскричал воспламененный гневом Амрик, когда рассказ Лиджены дошел до изнасилования. — Я сдеру с них кожу живьем!..

Лиджена вновь расплакалась. Она жаждала этих слов, она мечтала о них, но теперь — ей внезапно стало все равно. Нет, месть может подождать. Пусть он сперва обнимет ее... по-настоящему... Кстати, почему он так странно на нее поглядывает? Неужели из-за ее вида? Амрик такой утонченный ценитель красоты...

— Не подумаешь что? — рассмеялся Амрик. — Половина мужчин в Бодее перебила бы другую половину за такую возможность! — Усмехаясь, он набросил полотенце на соседний массажный стол.

Она вытянулась на свежем белье, чувствуя, как сильные пальцы Амрика втирают ей в кожу ароматное масло. Она лежала совершенно обнаженной, и иной мужчина мог бы воспользоваться случаем — но не Амрик. Он понимал ее и чувствовал, что сейчас к ней нельзя прикасаться — пока не изгладились страшные воспоминания о насилии в подземельях Веледа. Лиджена чувствовала это в нем, и была особенно благодарна ему за это — особенно если учесть, что в последний раз они предавались любви несколько месяцев назад.

— Это так здорово... — сонно промурлыкала она, убаюканная теплом и нежной силой пальцев Амрика. — Так хорошо...

Ее глаза закрылись, она проваливалась в сон. Руки мужчины, которого она любила, осторожно подняли ее, перенеся в роскошную кровать.

— Так хорошо... — в последний раз сорвалось с ее губ, пока она зарывалась головой в подушку.

Губы Амрика осторожно коснулись ее лба.

«Пока я с ним, со мной ничего не случится, — еще промелькнула мысль, уже на самой грани сна и яви. — Я люблю его, и он любит меня тоже. О чем еще может мечтать женщина?..»

* * *

Пхарад ждал их на том же месте, где его оставил Конан — во внешнем тоннеле, в неприметном уголке.

— Уходим, — бросил воришке Конан. — А тебе я советую немедленно бежать из города. Велед хоть и мертв, но его наследники едва ли простят нам все случившееся.

— Нет, господин, — Пхарад с неожиданной твердостью покачал головой. — Я никуда не побегу. Уж раз начали, останавливаться — грех; за это карает Индра. Останусь с вами!

— Тогда веди, — распорядился Конан. — Нам нужно какое-то убежище...

Дорога, которой повел их Пхарад, большей частью пролегал узкими темными щелями между бедных глинобитных домов. Шли молча — Хашпад время от времени поглядывал на Конана, и в глазах его читалась некогда любимая уверенность, что теперь он готов умереть по первому слову этого человека, в одиночку спустившегося за ним в самый ад...

— Сейчас пойдут совсем знакомые места, — внезапно остановился Пхарад. — Я здесь родился. Это плохо — могут опознать и навести Веледа на след, но иного выхода у нас нет...

Внезапно послышался тягучий, заунывный вой — словно раненая волчица плакала над убитым щенком. Конан напрягся — в этом вое слышалось нечто нечеловеческое. Пхарад понимающе кивнул головой.

— Ах, это... Это бедняга Орриа. Вдруг ни с того, ни с сего задушила собственную дочь — а потом сошла с ума от горя. Или сперва сошла с ума... а потом задушила... И отчего, почему — никто не знает. Не бедовали ведь как будто...

Конан хмыкнул. Услышанная им история казалась самой обыкновенной, но вот крик обезумевшей от содеянного женщины... Было в нем нечто такое, от чего кровь стыла в жилах. Даже у такого закаленного трудами и опасностями человека, как Конан из Киммерии...

Они прошли мимо, и скорбный плач постепенно затих в отдалении...

Тропа Пхарада затем привела их к гавани — и тут случилось нечто, заставившее Конана на время забыть даже про несчастную Бхилату.

В гавани стояла, нагло и привольно разлегшись на темной глади воды, знакомая черная галера.

Ночные Клинки пожаловали в Бодей самолично.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПО СЛЕДУ НОЧНЫХ КЛИНКОВ: ОТ БОДЕЯ ДО ТЛЕССИНЫ

Глава X

Первой мыслью Конана было броситься в воду и вплавь добраться до корабля своих заклятых врагов.

— Стой, стой, куда же ты! — с трудом удержал разъяренного киммерийца Хашдад. — Разве так можно?! Только зря погибнешь! И вспомни — сколько наших при этом погибнет тоже?! Пока не найдем секрета магии Ночных Клинков — нам с ними не справиться!

Мало-помалу Конан остывал. Разумные слова Хашдада не пропали втуне.

— Надо осмотреться, — внушал разъяренному Конану кузнец. — Последить за ними. Глядишь, и разузнаем, куда путь держат...

— Пхарад! — обратился Конан к их проводнику. — Ты когда-нибудь видел здесь такие корабли?

— Видел, господин, — поклонился Пхарад. Узнав о смерти Веледа, он преисполнился благоговения по отношению к Конану. — Они начали появляться тут примерно пять лет назад — и Велед резко пошел в гору. Говорят, он вступил с ними в союз. И от них получил силу прикончить жену своего злейшего врага, торговца Чесму...

— Что ты знаешь о Ночных Клинках? Откуда они появились? Чего хотят? Где их оплот?

Пхарад виновато развел руками.

— Не сердчай, господин, но мне ведомо немного. Пришельцы с этих кораблей поддерживали Веледа, но чем еще занимались они в Бодее — не знаю. По крайней мере, я слышал только о покупке рабов для их галер.

— Понятно... — проворчал Конан. — Никто ничего не видел, никто ничего не знает... Куда бить? Кого рубить? Похоже, пока я не поймаю кого-то из этих свиней и не допрошу как следует, мы ничего не добьемся и ничего не узнаем...

— А что! Отличная мысль! — подхватил Пхарад. — Они часто сходят на берег — подстережем и по голове!

— Ох, не кончится это добром! — предостерег осторожный Хашдад, но остановить Конана было уже невозможно.

Целый день они провели в портовой таверне, не спуская глаз с черной галеры Ночных Клинков, выжидая удобного момента...

* * *

Ужас продолжал шествовать по Бодее. Незримое существо шагало вечерними улицами, время от времени останавливаясь и касаясь ледяными пальцами лбов своих жертв. И те, кого коснулась холодная длань демона, послушно впадали в безумие, убивая самых близких своих людей. От дома к дому, умножаясь, незримыми змеями ползли слухи — один другого страшнее. И с ними ничего не могли поделать даже жрецы Индры.

* * *

Наступил душный и жаркий бодейский вечер. Конан сидел за столом в портовом кабачке, положив подбородок на кулаки и не сводя взгляда со смутно чернеющей в быстро сгущающихся южных сумерках галеры Ночных Клинков. К кораблю медленно подгрребало три лодки — команда черной галеры постоянно держалась вся вместе.

Они не затевали драк, не нарушали порядок, и — что особенно не понравилось Конану — как-то по-особому дружелюбно держались с дежурившими в порту жрецами Индры.

Весь день киммериец провел в небольшом портовом заведении, пристально следя за ненавистой галерой, и в то же время внимательно прислушиваясь к разговорам. Разумеется, собравшиеся судачили и о тех страшных убийствах, что стали ни с того ни с сего случаться то тут, то там. Однако в тот вечер он не обратил на них особого внимания.

И лишь когда уже совсем стемнело, Конану показалось, что удача наконец-то решила улыбнуться ему. От черной

галеры внезапно отошла небольшая двухвесельная лодка; кроме гребца, там находился только один человек в глухом, почти сливавшемся с мраком плаще.

Вскоре лодка причалила. Человек в плаще небрежно кивнул гребцу и двинулся куда-то в глубину бодейских улиц. Конан бесшумной тенью метнулся за ним.

Слухи сделали свое дело — с наступлением ночи улицы города мгновенно пустели. Обитатели Бодей отсиживались по домам, накрепко заперев окна и двери, еще не зная, что от бродящего по переулкам ужаса их может защитить лишь совсем иное...

Мало кто мог бы сравниться с Конаном в искусстве скрадывать добычу. Незнакомец в плаще ничего не заподозрил — да и времени у него на это явно не было. Пройдя совсем немного в глубь города он вытащил из-под плаща небольшой кожаный мешочек, распустил стягивавшие горлышко завязки и встряхнул. Наблюдавший всю эту сцену Конан удивленно поднял брови — мешок оказался пуст.

Совершив сие, человек с галеры Ночных Клинков решительно шагнул к незаметной щели между двумя домами, и киммериец внутренне возликовал — лучшего места для задуманного им и пожелать было нельзя.

Северянин скользнул вдоль шершавой глинобитной стены. Здесь... это здесь... теперь налево...

Он уже слышал в темноте шорох шагов удалявшегося незнакомца, как волосы внезапно зашевелились на затылке киммерийца. Сердце оледенил страх — чувство, с точки зрения Конана, позорное и постыдное для каждого воина. Но на сей раз он ничего не мог поделать. В его душе ворохнулось нечто глубинное, первобытное, сохранившееся еще от тех времен, когда предки человека опасливо выглядывали из тьмы своих горных пещер и когда мир принадлежал совершенно иным существам, сознаниям мрака и ночи...

Конан замер. Инстинкт подсказывал ему, что двигаться нельзя ни в коем случае; у него за спиной внезапно появилось нечто столь грозное и страшное, что Конан даже не мог подобрать ему имени. Это был не какой-ни-

будь обычный демон, вроде того, что владел плотью Веледа и на которого хватило одного-единственного серебряного шарика. Нет! За плечами киммерийца застыло создание куда грознее и необорнее обычного обитателя Нижних Миров. Ему нипочем было серебро и кованое железо, обереги храмов и заклęcia местных колдунов. В затылок Конану текло ледяное дыхание жуткой безглазой силы, и, казалось, нет уже ничего, что могло бы ей противостать.

Киммериец медленно повернулся, распластываясь по стене и сжимаясь в комок. Его окутывала тень, он был словно старый горный волк, что умеет прятаться в камнях, не доходящих и до середины икр человека; ни один цивилизованный хайбориец не смог бы увидеть его сейчас.

Но загадочное существо, таящееся в складках широкого плаща Великой Ночи, могло. Ибо смотрело отнюдь не человеческими глазами. Оно смотрело в упор — и киммериец, весь оледенев, тем не менее не отводил взгляда.

Можно было сказать, что он не видит почти ничего. И, наверное, любой, кроме разве что очень искушенного мага, не смог бы разглядеть там ничего, кроме сумрака. Но Конан видел! Видел, потому что тварь в ночи думала о нем, и это странным образом давало киммерийцу возможность разглядеть за завесами сумерек смутные, туманные очертания плавающего над землей неправильной формы шара с несколькими темными пятнами глаз и одной длинной, складывающейся во много раз рукой. Подобно крохотным холодным огонькам, тускло светились оконечности сотканых из мглы пальцев.

В сознании существа медленно закипала злоба. Оно четко видело Конана — однако почему-то не атаковало. Киммериец медленно потащил из ножен свой меч — и только теперь увидел, что сразивший демона серебряный шарик на вершине эфеса слабо мерцает — алым приглушенным светом.

И, похоже, существо это видело. Спустя мгновение оно решилось. Эта добыча чем-то не понравилась ей. Развер-

нувшись, оно медленно поплыло прочь, тут же исчезнув из глаз — как только перестало думать о Конане.

Киммериец тяжело привалился к стене. Уф-ф-ф!!! Что за новая напасть в славном городе Бодее? Уж не об этом ли ужасе болтали гости в кабачке, пока он, Конан, пялил глаза на ненавистную галерею?..

Страх поспешно бежал. Оцепенение проходило, киммериец встряхнулся и расправил плечи. Преследовать того типа в плаще уже было бесполезно — пока киммериец состязался с призраком «кто кого переглядит», незнакомец с корабля Ночных Клинков давно уже исчез во мраке.

Конан вновь повернулся. Страшный призрак уплыл, скрылся — но неужели же он, Конан, позволит ему вот так бродить по городу? Конечно, на первый взгляд — какое до этого ему, Конану, дело, пусть каждый защищается как может и да пребудет благословение Крома с ними! Но, с другой стороны, киммериец чувствовал, что призрак появился на этом месте не просто так. Этот тип в плаще, встряхивающий пустой на первый взгляд кожаный кошель... Уж не он ли, этот господин с черной галеры, повадился выпускать на мирно спящий город свое голодное чудовище?..

Северянин ощутил некое озарение. Чутье подсказывало ему, что он прав. И раз так, раз этот демон с корабля его, Конана, злейших врагов, то значит, в щели отсиживаться нечего. Вперед, и мы еще посмотрим, помогут ли тебе, тварь, твои адские покровители!

Приняв решение, Конан действовал стремительно. Память мгновенно восстановила все, услышанное в портовой таверне. Люди сходят с ума... убивать всех, кто окажется рядом...

Держа наготове меч, северянин черной молнией метнулся по замершей, оцепеневшей улице, всем существом своим чувствуя распространяющийся по округе ужас. Неведомое создание оставляло за собой настоящий шлейф — нет, не запаха, но именно страха, ощущаемого столь же четко, как и разлитое по мостовой благоухание.

Впереди внезапно раздался ужасный, душераздирающий крик — крик боли и ужаса. Конан рванулся вперед — но было уже поздно.

Ставня на втором этаже одного из домов была выбита, а на мостовой, прямо под ногами киммерийца, умирала темноволосая девочка лет пяти с начисто раздробленным затылком.

В окне, из которого раздавался крик, появилось искаженное лицо молодого мужчины. Несколько мгновений он, замерев, остекленевшими глазами смотрел на маленький трупик внизу, а потом с каким-то хриплым, животным ревом сам ринулся следом, норовя разбить голову о камни.

Конан успел шагнуть и подхватить падающего. Вдвоем спаситель и спасенный дружно повалились на камни.

— Зачем, зачем! — вырвалось из горла самоубийцы сдавленное, булькающее рыдание. — Зачем ты меня...

— Тихо! — рявкнул Конан. — Говори быстро, если хочешь отомстить! Когда это случилось? Сейчас?..

— Да, только что, — простонал несчастный отец.

— Что ты почувствовал?!

— Холодные пальцы на лбу... холодные пальцы... а потом... я вдруг подумал, как она безобразна, моя дочурка, и... О! Нет! — Он внезапно зашелся стоном. — Не помню! Не помню! Пальцы! Они выдирают из меня память! О! О!..

В окнах зажигался свет, хлопали ставни, разбуженные криками люди выглядывали наружу.

Оставив глухо рыдающего над трупом дочери отца, Конан вновь зашагал вперед. Больше ему там делать было нечего. Он знал все, что хотел знать. Демон — или еще какое-то существо не из мира людей — и впрямь сводило людей с ума, и никакие стены не могли защитить несчастных. Что ж, в прошлом ему, Конану, случалось драться и с магами, и с демонами, и он всегда выходил победителем. Он победит и на этот раз! А взамен можно будет потребовать со здешних правителей добрую толику золота и самоцветов, что позволяют так весело проводить время в компании девушек не слишком строгих правил...

Пригнувшись, Конан мчался по улице. Сейчас, сейчас, сейчас... вот уже появился знакомый холод в груди... здесь, здесь, здесь... совсем рядом...

Он замер. Улица перед ним была совершенно пуста — и в то же время не пуста. Совсем рядом, быть может, шагах в двадцати, висело над землей странное создание, и Конан безошибочно ощущал его смертоносное присутствие. Внимание твари было обращено на один из домов — в первом этаже большая, богатая лавка, второй этаж — жилой. Существо всматривалось и всматривалось, словно выбирая новую жертву...

Глазу Конана было доступно лишь легкое мерцание над землей, словно там дрожали и танцевали потоки горячего воздуха, поднимающиеся над раскаленной крышей. Определенных, ясно очерченных контуров варвар не видел — но этого мерцания ему было достаточно. Серебряный шар вновь заалел. Враг был совсем рядом.

И тут тварь, наконец, соизволила обратить свой взор на киммерийца. Из тьмы внезапно проступил туманный шар с невероятно длинной, причудливо изогнутой рукой, что тянулась к окну второго этажа. Длинные пальцы уже погрузились в стену, не встречая на своем пути никаких препятствий.

Конан бесшумно прыгнул. Вколачиваемый существом в его сознание страх вновь попытался заставить его панически бежать — напрасная попытка. Прежде чем рука туманного демона коснулась лба киммерийца, северянин со всей силы ударил по ней эфесом своего меча. Ударил — и в тот же миг в грудь его словно бы врезалась громадная глыба льда, отбросившая его на несколько шагов.

Но и демону досталось. Теперь он неотступно думал лишь об этом дерзком смертном, что осмелился встать у него на дороге, и рука страшного существа горела алым беспшумным и бездымным пламенем, точь-в-точь такого же цвета, как и лучи, испускаемые шаром на эфесе Конана.

Наверное, демон взвыл бы от боли, если бы имел голос. Шар задержался, словно в конвульсиях, призрачные горя-

щие капли его плоти падали на мостовую, оставляя глубокие выемки в твердом и неподатливом камне.

Конан вновь вскочил на ноги. Все тело пронзило острой ледяной болью, однако, преодолевая себя, он все равно прыгнул — чтобы ударить в один из темных провалов глаз бестии и покончить дело раз и навсегда.

Однако демон — или как там еще звали это создание умудренные маги, знатоки Темных Миров — не принял предложенного боя. Туманный шар резко взмыл вверх, тотчас растаяв в темном небе. И на миг Конану почудилось, что он слышит слабый отзвук пришедшего откуда-то издалека — быть может, от гавани? — зова, которому подчинилось незримое существо...

Чувствуя себя разбитым и обессиленным, Конан бережно спрятал меч и медленно зашагал прочь. Он не заметил, как на спасенном им доме распахнулось окно и какая-то фигура долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся в сумерках...

Когда киммериец вернулся в открытый всю ночь портовый кабак, где у них с Хашдадом и Пхарадом было установленное место встречи, оба его спутника не находили себе места от беспокойства.

Рассказ Конана они слушали с разинутыми ртами.

— Так ведь это... надо на этих самых гадов с галеры натравить жрецов Индры! — высказал предположение Пхарад. — Хоть на что-то эти дармоеды сгодятся, не дающие жизни честным ворам!

Добродетельный кузнец неодобрительно покосился на разбойника.

— Ну, уйдут Ночные Клинки из гавани — и что с того? — возразил Конан. — Надо поступить не так. Ты, Пхарад, должен устроить так, чтобы жрецы сами нашли...

Он не договорил. Потому что именно в тот миг дверь трактира распахнулась. Внутрь шагнули одетые в свои всегдашние мантии жрецы верховного бодейского бога. В мгновение ока они образовали молчаливый полукруг возле того стола, за которым сидели Конан, Хашдад и Пхарад.

Вор дернулся было, потянувшись к ножу, однако киммериец перехватил его руку. Ссориться с жрецами не входило в планы северянина... во всяком случае, пока не входило.

Остальные гости таверны поспешили убраться восвояси — причем настолько спешили, что едва не вынесли двери и окна.

Из молчаливых рядов неспешно вышел старик — очень древний, весь какой-то высохший, но с осанкой молодого, полного сил воина. Глаза его были чисты и пронзительны, и по ним совершенно нельзя было сказать, что жрец особенно тяготился бы своими годами. И, когда он заговорил, голос его оказался неожиданно звучен и полон — ничего общего со старческим дребезжанием.

— Ты Конан, именуемый Киммерийцем? — сухо осведомился старый слугитель Индры, хотя видно было, что этот вопрос он задает чисто проформы ради. — А это — Хашдад-кузнец, твой спутник...

Пхарад посерел. Метнув на него острый взгляд, старик продолжал:

— И член славной гильдии бодейских воров, известный карманник Пхарад — я всех назвал правильно?

— Допустим, — спокойно сказал Конан, кладя поперек стола свой обнаженный меч. — И что с того?

— Мне передали, что тебе довелось встретиться лицом к лицу с бродящим по улицам Бодей злобным «пх-г-сари». Это так? — Старик прямо-таки буравил Конана взглядом. Похоже было, что ни Хашдад, ни даже вор Пхарад ни в малейшей степени его не занимают.

— Я не знаю, как называется это существо, но этой ночью мне и впрямь пришлось столкнуться с каким-то демоном, — спокойно кивнул Конан. — Мы встретились... и я надеюсь, что ему эта встреча не очень-то понравилась! — Северянин расхохотался.

— Даже самые сильные наши заклятия и моления к Индре не смогли избавить нас от этого бедствия, — по-прежнему глядя прямо в глаза Конану, продолжал жрец. — Назови свою цену, Конан из Киммерии, и из-

гони беса из нашего города! Иначе люди в Бодее просто сойдут с ума или разбегутся — рано или поздно...

— Моя цена будет немалой, — не моргнув глазом, ответил северянин. Лицо Пхарада стало мало-помалу обретать нормальный цвет — он поверил, что жрецы явились не за ним. — Готовы ли вы будете заплатить ее?

— Если твоя цена окажется меньшей, чем та, что запросили наши гости из ордена Ночных Клинков, — столь же хладнокровно ответил старик. — Они тоже запросили немало...

Конан стиснул зубы. Да, он не ошибся. Эта тварь и впрямь принадлежала кому-то из магов проклятого Ордена. Конечно, им ничего не стоило избавиться от нее город — если они владели тайной заклятий, которым повиновалась бестия!

— Золото, — сказал Конан. — Доброе чистое айодхьское золото, что принимают от Кхитая до Мессантии!

— Это понятно, — поторопил его старик. — Сколько?

Киммериец поднял глаза к потолку. Обидно было бы продешевить, но и упустить такую сделку — тоже...

— Трижды столько, сколько весит этот меч!

Лицо старого жреца осталось бесстрастным.

— И всего-то?

— Разумеется, вместе с ножами, — поспешил поправиться Конан.

— Ты получишь в пять крат больше, чем весит твой меч с ножами, — торжественно провозгласил жрец. — Более того, ты станешь почетным горожанином Бодей!

— Высокая честь, — чуть усмехнулся Конан. — Ладно, старик! Половину денег на бочку немедленно, остальное — как только дело будет сделано. И еще — мои люди должны быть неприкосновенны! Особенно это касается Пхарада...

Жрецы быстро переглянулись. Похоже было, что это условие им совершенно не понравилось.

— Хорошо, — бесстрастно заметил старший жрец. — Я согласен и с этим. — Твоя цена ниже запрошенной Ночными Клинками.

— Только вы должны держать все это в тайне, — предупредил жрецов Конан. — Иначе... иначе демон будет настороже и может придумать какую-то уловку. Если хотите, чтобы все было наверняка — молчите!

— Не надо учить жрецов Индры хранить тайну! — надменно ответил жрец. — Возьми свое золото, Конан из Киммерии. Я догадывался, какими будут твои требования, и захватил все потребное.

Откуда-то из задних рядов появились внушительного вида весы и увесистые кожаные мешки. Зазвенело золото, и Конан увидел, как у Пхарада стали медленно разгораться глаза.

Была отмерена половина уговоренной доли. Распихав ее по небольшим кошелькам, Конан решительно поднялся.

— Пошли!.. — бросил он своей команде. — Уже скоро рассвет. Надо выспаться, потому что следующей ночью мы выйдем на охоту.

Пхарад вознамерился было запротестовать, но при одном взгляде на выразительное лицо Конана поспешно прикусил язык.

* * *

Лиджена открыла глаза. Мягкая перина, уютная подушка, — все манило поспать еще. Но где-то совсем рядом, за дверью, слышались голоса — и она с невесть откуда взявшейся смутной тревогой стала прислушиваться к ним, сама удивляясь, отчего это так взволновало ее — подумаешь, Амрик беседует с каким-то посетителем...

«А вдруг это люди Веледа?! — внезапно мысль пронзила ее ледяной иглой страха. — Вдруг они выследили меня, и дом уже окружен головорезами, а какой-нибудь капитан крысиного императора сейчас предлагает Амрику сдаться?!»

Легкое одеяло отлетело в сторону. Босая и полуодетая, Лиджена вскочила, прильнув ухом к замочной скважине. Нет, слов не разобрать. Амрик говорит напряженно, голос глух — он словно бы объявляет клиенту, что невозвращенный долг он, Амрик, будет вынужден выбивать лю-

быми средствами, и пусть незадачливый торговец сам по доброй воле как можно скорее расстанется со своей лавкой, домом или товарами, чтобы не навлекать на свою голову лишних неприятностей...

Лиджена заметалась по спальне. Ничего даже отдаленно напоминающего оружие! Разве что эта ваза... достаточно тяжелая и достаточно удобно лежащая в руке, чтобы ею можно было разнести череп неосторожно потянувшегося к ней человеку. Будь что будет, но второй раз она живой в руки Веледа не отдастся!

Ожидание становилось нестерпимым. За дверью по-прежнему переговаривались два голоса — похоже было, что собеседники спорили. Лиджену охватила внезапная паника. Да, да, конечно, это они — разбойники и бандиты из городских выгребных ям! Они пришли сюда за ней! Быть может, явился даже сам крысовидный Велед! Но нет, вновь он ее не получит! Она не станет ждать здесь, она должна выйти — ведь в спальне все равно не спасешься от меча и кинжала...

Накинув на плечи просторный халат, Лиджена осторожно приоткрыла дверь.

Внизу, в просторной гостиной, куда от дверей спальни вела широкая лестница орехового дерева, за небольшим круглым столиком сидели двое. Спина к Лиджене был Амрик; перед ним же устроился невысокий чернобровый мужчина с глубоко посаженными глазами, орлиным носом и курчавой бородой. Пожалуй, он слегка походил на шемита — с купцами этого народа Лиджена несколько раз сталкивалась в доме отца.

Одет он было роскошно — но это не была кричащая роскошь золотого шитья и усеивающих воротник бриллиантов. Это был драгоценный наряд из «тхегая» — ткани, что могли себе позволить только короли. Зачарованные магами стихийные духи творили эту ткань в обмен на свободу. Только «тхегай» имел такой густой, неповторимый, ни с чем не сравнимый отлив и блеск — блеск, перед которым тускнело даже золото. Кто-то сказал, что пленные духи вплетают в нити свои горькие слезы, пролитые в заточении...

У Лиджены вырвался вздох облегчения. Нет, ранний гость Амрика Тохона никак не мог быть из свиты Веледа.

Америк же, услышав странный звук наверху, подскочил, словно ужаленный. К изумлению Лиджены, на лице его отразилось величайшее смятение, когда он увидел ее.

— Лиджена!.. А... э... ты давно тут?!.. Я не ждал, что ты встанешь так рано...

Щеки Лиджены залила краска стыда. Но отступить было уже некуда — тем более, что кроме халата надеть ей все равно было нечего. В гардеробе Амрика Тохона имелась только мужская одежда.

— И-извините... Я одета не слишком подобающим образом для приема гостей, — пробормотала Лиджена, готовая сгореть со стыда.

— Не тревожьтесь, моя госпожа, — гость Амрика поднялся, отвесив девушке полный истинно королевского достоинства поклон. — Какие даже самые роскошные одежды смогут соперничать с вашей несравненной красотой, известной далеко за пределами Бодей?..

Лиджена вновь покраснела. Банальный комплимент был поднесен с такой серьезностью, что казался самой что ни на есть истинной правдой...

Поднявшись, гость с любезной улыбкой и элегантным легким поклоном предложил Лиджене занять его место. Девушка не удержалась от любопытства как следует разглядеть вблизи драгоценный «тхегай»; незнакомец перехватил ее взгляд и понимающе улыбнулся.

— Да, да, прекрасная Лиджена воистину права — это и в самом деле работа духов. Вы можете пощупать, если хотите. Прошу вас не стесняться!..

Манеры у гостя были истинно королевскими.

Рука Лиджены робко коснулась края роскошного одеяния. Мужчины с одинаковыми усмешками следили за ней, и, присмотрись девушка внимательнее, неестественный блеск в глазах Амрика Тохона не мог не насторожить ее...

— Но это же одежда королей!.. — пробормотала Лиджена.

— Да, — гость слегка улыбнулся. — Именно так оно и есть. Одежда королей.

— Я чувствую слезы тех, кто ткал! — вырвалось у Лиджены, пальцы которой по-прежнему скользили вдоль обшлага рукавов.

Гость усмехнулся.

— Это не более чем красивая сказка. Духи не умеют плакать. На это способны только мы, люди. И я услышал, что с вами только что приключилась совершенно ужасная история. Быть может, вы расскажете мне? Я хотел бы помочь. У меня есть влияние... в определенных кругах.

Внимательный, сочувствующий взгляд очень располагал к собеседнику. Лиджена отпила из поднесенного Амриком хрустального бокала с вином, чувствуя, как по телу распространяется приятная теплота. Незнакомец казался ОЧЕНЬ любезным, а его интерес к ее бедам — совершенно искренним.

Девушка заговорила, во всех подробностях излагая свалившиеся на нее беды. Несколько раз она упомянула имя Конана-киммерийца, из-за которого и заварилась вся эта каша, и с мстительным удовлетворением отметила, что брови собеседника чуть сдвинулись, а взор потемнел. Он, несомненно, знал этого проклятого бродягу. Наверняка он сумеет помочь ей, Лиджене, достойно отомстить им всем — и Конану в первую очередь.

О том, что если бы она не бросилась наутек сразу по приезде в Бодей, то не попала бы в руки Веледа, Лиджена уже не думала.

Рассказывая, девушка пристально изучала незнакомца. Ох, конечно, был уже немолод — между сорока и пятьюдесятью, но его крепкому сложению позавидовал бы даже Америк. И эти манеры — такого обращения Лиджена не встречала нигде и ни у кого. Эти манеры были поистине достойны короля!

Разволновавшись, она прикончила свой бокал и даже не заметила, как Америк услужливо подsunул ей новый. Помимо ее собственной воли, в голове Лиджены начали роиться самые что ни на есть соблазнительные мысли.

Мужчины рода Тохонов испокон веку занимались ростовщичеством и их контора была известна далеко за пределами Вендии. Они частенько давали в долг и весьма высокородным персонам, которым требовалась срочная помощь. Кто-то хорошо сказал, что королевский пурпур редко идет рука об руку с полным кошельком. Частенько подобные персоны оказывались вынуждены искать помощи ростовщиков для того, чтобы вернуть себе утраченный трон. Не может ли этот незнакомец, наделенный истинно королевским достоинством и настоящими придворными манерами, быть одним из таких, странствующих в поисках денег для найма армии и устройства переворота? История сохранила имена нескольких удачливых ростовщиков, ссудивших деньги в нужный момент и нужному лицу — и впоследствии обретших дворянство, власть, титулы, земли и богатство...

Сердце Лиджены учащенно забилося. Несомненно, несомненно, так оно и есть! Конечно, незнакомец прибыл в Бодей тайно — вот почему Амрик до сих пор не представил Лиджену гостю как подобает. И наверняка поэтому из дома удалены все слуги! Для краткой поездки в Айодхью их не рассчитывают.

Ее улыбка становилась все шире. То-то папа удивится, узнав, что мой Амрик ведет дела с королями и принцами крови! Амрик, дорогой мой, ты просто чудо! Представь: предприятие увенчалось успехом. И я — я, Лиджена, уже не просто Лиджена, а... раджа Лиджена! Или... или даже... страшно подумать... Магараджа Лиджена раджстана Тохон!

Начала кружиться голова. Что это? От радости? Или она уже опьянела? Но она же выпила совсем чуть-чуть! И что за странный озноб? Комната как будто плывет перед глазами...

— Тебе нехорошо, дорогая? — участливо спросил Амрик.

— Д-да... Амрик, милый, извини... я хотела бы подняться к себе... и прилечь...

Мужчины пристально уставились на нее.

— Ну что ж, если прекрасная Лиджена хочет нас покинуть — как бы это ни было печально, нам остается только смириться, — развел руками незнакомец.

Лиджена кивнула с застывшей улыбкой и попыталась встать. Голова кружилась с каждым миготом все сильнее и сильнее; а вдобавок девушке отказались повиноваться ноги. Она не смогла подняться.

— Амрик... — Язык шевелился еле-еле. — Помоги мне, Амрик...

— Ну что, Нелек, по-моему, все в порядке? — неожиданно произнес Амрик, поворачиваясь к своему гостю.

Лиджена попыталась понять, что происходит — безуспешно. Мысли окутывал плотный густой кисель. Веки вдруг стали непомерно тяжелыми, словно к каждой было привешено по гире.

— Нелек?... — прошептала она непокорными губами.

— Дорогая моя, это одно из моих имен. Есть и другие — маг Пелий, например; но куда больше людей в Бодее знают меня под именем Нелек Кахал.

— И не только в Бодее, а и в Айодхье и по всей Вендии! — добавил Амрик со льстивой улыбкой.

Лиджена выпрямилась, собрав последние силы. Она слышала это имя. Нелек Кахал! Да, несомненно, она его слышала — когда-то давным-давно, в несказанно далекой стране.

А потом осознание внезапно обрушилось на нее, словно штормовая волна на песчаный берег.

— Нелек Кахал, работородец!

— Это одна из моих профессий. И я не без оснований считаюсь самым лучшим в нашей гильдии, — самодовольно заявил гость Амрика. — А кроме того, мне помогают многие достойнейшие люди — как наш любезный хозяин, Амрик Тохон, в частности.

— Амрик... — Язык окончательно отказался повиноваться. Как и все остальное тело тоже. Лиджена сидела, не в силах пошевелиться. Ее охватывал ужас, стремительно пробиваясь сквозь липкую завесу сонливости и забывания. Тело окончательно вышло из повиновения. Она едва-едва могла моргать.

— Не надо сопротивляться, дорогая, — заметил Амрик, пристально наблюдавший за ней. — Снадобье, которое я дал тебе, очень сильно. А почтеннейший Пелий — он же Нелек Кахал — прибавил еще и своего чародейства...

— Ты полностью парализована, красавица, — подхватил маг-работородец. — Так мне будет гораздо проще

вывести тебя из города. Эти жрецы Индры... порой на них не действуют никакие аргументы.

Тохон вновь с готовностью захихикал.

— Амрик... почему?... — Слова сами собой сорвались с ее губ. — Я... люблю... тебя... И... думала... что ты... меня... тоже...

— Глупая! — снисходительно улыбнулся Тохон. — Конечно же, я люблю тебя. Просто деньги я люблю еще больше. А тут сложились такие обстоятельства... Жрецы нашего всемогущего Индры принуждают меня покинуть город. Мы... кое-что не поделили, и я понес некоторые убытки. Уплаченная мне Нелек Кахалом цена за тебя позволит смягчить удар и начать все сызнова где-нибудь в другом месте — скажем, в Айодхье.

Наступило молчание. Из аквамариновых глаз Лиджены медленно лились слезы. Она уже не могла ни закричать, ни убежать, ни даже зарыдать в полный голос — тело стало совершенно чужим.

— Амрик, подгони мой экипаж к черному входу, — распорядился Нелек Кахал — он же маг Пелий. — Мне пора трогаться. Галера вот-вот снимется с якоря.

— Да, конечно, — Амрик с готовностью вскочил, словно слуга.

Веки Лиджены смыкались, наваливалось сонное беспмятство. Однако последним усилием воли, прежде чем окончательно потерять сознание, она внесла в свой черный список еще двоих — Нелека Кахала и Амика Тохона, поместив их вместе с императором Веледом (владыка воров был уже мертв, но девушка о том не знала) и — открывающим список ожидающих возмездия — Конаном-киммерийцем.

Амрик спокойно стоял рядом, скрестив на груди руки. Одет он был в просторный долгополый балахон светлого сукна, перепоясанный на талии роскошным, шитым золотом поясом. Приоткрылась дверь.

И вновь над Бодеем спустилась непроглядная ночь. Горожане дружно молились Индре в надежде, что всемогущий покровитель города уберет их от страшной напасти, выползавшей с темнотой на узкие мощенные улицы. Бодей вымер, словно во время эпидемий Черной Смерти. Жрецы ходили по улицам, громко призывая всех оставаться по домам и спрятать подальше все, что могло бы послужить орудием убийства, и от этого мирным обывателям становилось еще страшнее.

Конан, Пхарад и Хашдад встретили ночь в портовом кабаке — кроме как в гавани, нигде в городе подобных заведений не имелось. Кузнец и вор были угрюмы, словно плакальщики на похоронах. Еще бы! Все их усилия отговаривать киммерийца от этого самоубийственного мероприятия не увенчались успехом. Конан закусил удила и, грохнув кулаком по столу, заявил, что он все равно пошел бы на это дело, даже если правящие городом жрецы не заплатили бы ему ни гроша.

— Это ведь тварь Ночных Клинков, Хашдад! — доказывал северянин своему спутнику. — Или ты решил им все простить?

Кузнец отмалчивался. Он никогда не отступал, когда дело доходило до драки; но вот вступал он в эту драку неизменно последним.

Наконец совсем стемнело. Киммериец лишний раз переобулся, проверил, не скрипят ли где ремешки сандалий, накинул просторный плащ, прицепил к поясу так удачно прихваченный в покоях Веледа меч с серебряным шаром на эфесе и шагнул к двери.

— Пора.

Пхарад с кузнецом поднялись.

— Ох, чует мое сердце — сожрет нас эта тварь! — вздохнул воришка. Колени его заметно тряслись.

— Ничего-ничего, шагай! — прикрикнул на него Конан. — Небось, как золото на три равных части делить — так ты первый, а как службу за это золото исполнить — так и душа в пятки? Ничего с тобой не сделается. Шагай, кому сказано?!

Пхарад вихрем вылетел за дверь. Рука у Конана была, как известно, тяжелая. С бешеным киммерийцем лучше было не спорить.

Они шагнули в ночь. Мягкий плащ сумрака тотчас же лег им на плечи; Великая Ночь приняла их в свои объятия. Теперь оставалось самое простое — выследить демона Ночных Клинков.

Они залегли в стыке трех домов, откуда просматривалась гавань и черная галера, сейчас почти растворившаяся в сумраке. Это место — удобный наблюдательный пункт — указал Пхарад. Бодейские воры частенько использовали его, высматривая наиболее ценную добычу.

Ждать пришлось недолго. Проскрипели уключины; негромко прошлепали по воде весла небольшой лодчонки. От жрецов Конан знал, что Ночные Клинки испросили себе право выходить ночью в город — якобы для того, чтобы лучше организовать охоту на демона. Кроме того, киммериец не сомневался, что верховные жрецы Индры наверняка нашьпгуют весь город своими соглядателями. Но если бы даже все до единого служители бога собрались вокруг неведомого мага Ночных Клинков, доказать они все равно бы ничего не сумели — ну, встряхнул он пустым мешком... И что такого? Может, он налагает благоприятные и способствующие отысканию твари заклятия?..

— За ним! — шепотом бросил Конан. — Но держитесь у меня за спиной! Да сохранит нас Кром от того, чтобы он заметил нас первым!

Хашдад и вор поспешно исполнили приказанное — даже слишком поспешно. Конан полагал, что эти двое могут послужить приманкой для демона — но, похоже было, что они скорее развалят все дело, чем по-настоящему помогут.

И вновь Конан крался вслед за человеком в темном плаще. Даже самое зоркое око не смогло бы разглядеть силуэт сжавшегося, готового в любой миг к прыжку киммерийца. Человек в плаще шел, не оборачиваясь, как и в прошлый раз.

Конан ощутил первый толчок какого-то смутного пока еще беспокойства. Этот парень не мог идти так уверенно!

Неужели он не знал, что его тварь едва не прикончили прошлой ночью? Едва ли с его стороны было благоразумным идти вот так беспечно, не оглядываясь и не смотря по сторонам!

А, может, все же не доводить дело до встряхивания мешочка? Может, просто прикончить этого типа? Или, по крайней мере, оглушить? А потом пусть с ним разбираются местные жрецы...

Да, наверное, это было наиболее правильным. Конан убыстрил шаг, двигаясь по-прежнему беззвучно, точно призрак. Спина незнакомца быстро приближалась.

Киммериец уже обнажил меч, чтобы плащом опустить его на голову аколиту Ночных Клинков, когда человек перед ним внезапно развернулся — с такой быстротой, что даже стремительный киммериец не успел атаковать.

— Вот мы и встретились снова, мой дорогой Конан, — маг Пелий ощерил зубы в злобной усмешке. В следующий миг острие меча распорол его плащ. Пелий — он же Нелек Кахал, и один Кром ведает, какое из этих имен было истинным — успел отпрянуть лишь в последний момент.

— Я ждал тебя, киммериец, — сквозь зубы прошипел Пелий. — С того самого мига, как ты лишил нас Камня-Хранителя, так нужного моему Ордену! Было очень несложно поймать тебя на крючок, варвар. А теперь ты отправишься со мной и вновь займешь свое место — на гребной палубе нашего корабля! — Он высоко поднял правую руку, оставляя открытой грудь.

— А ты, оказывается, еще более живуч, чем крыса! — рявкнул киммериец, скрывая свое разочарование. Он был уверен, что от раны, нанесенной волшебным кинжалом, вышедшим из рук чародеев Белого Круга, маг уже не оправится...

— Если бы ты не попал в Камень-Хранитель, едва ли мы говорили бы с тобой! — отрывисто бросил Пелий. — Но чары Белых не враждуют между собой. Последнее, что успел сделать Хранитель, — это сохранить меня!..

На этом разговоры кончились. Конан атаковал мгновенно и стремительно.

Острые клинка проскрежетало по невидимому стальному щиту, не дойдя примерно локтя до горла Пелия. Маг громко расхохотался.

— Глупец! Я защищен заклетами! Тебе никогда не совладать со мной! А теперь я укрошу терзающего город демона! И докажу всем, что именно ты навел его на Бодей!

У Конана перехватило дыхание. Похоже, Пелий был прекрасно обо всем осведомлен, и теперь чародей явно играл на публику — вернее сказать, на жрецов-соглядатаев, что наверняка следили за каждым его шагом. Понятно, почему он пожертвовал тайной Камня-Хранителя — драгоценность сгинула безвозвратно, так что пусть себе жрецы Индры знают об этом! Зато они удостоверятся, что он, Пелий, не подозревает об их присутствии...

Конану потребовалось не больше одного мгновения, чтобы разгадать нехитрую игру своего врага. Похоже, мага и впрямь окружали защитные заклинания — а это значит, простым клинком эту защиту не пробить...

Киммериец резко повернулся на месте. Описав полный оборот, тяжелый, хорошо раскрученный меч врезался в незримую защиту Пелея, точно таран в городские ворота. Клинок не одолел чар, однако сбил мага с ног и отшвырнул к стене дома. В следующий миг Конан уже оказался на поверженном противнике. Чародей не успел ничего сделать, а северянин могучей рукой вдавил ярко сияющий шарик на эфесе в невидимый щит Пелея.

Раздалось шипение, повалил багровый пар — словно плавился лед вокруг раскаленного металлического бруска. Чары не выдержали — серебряный шар, похоже, впитал в себя и силу сторожевого демона, поверженного Конаном в подземельях, и силу твари Ночных Клинков, которую северянин серьезно ранил прошлой ночью.

Лицо прижатого к земле Пелея исказилось. Глаза полезли из орбит, рот искривило мукой; он весь задрожал крупной дрожью. Серебро одолевало силу его защитных заклинаний, хотя Конан по-прежнему лежал «на воздухе» — между ним и Пелием ничего не было видно, хотя их разделял примерно локоть пустого пространства.

Маг был безоружен — как видно, он слишком понадеялся на свое волшебство. Впрочем, он, наверное, и не собирался убивать северянина — ведь «твое место на гребной палубе!» — бросил он в запале...

Руки волшебника скользнули под плащ. Мелькнул знакомый Конану кожаный мешочек; торопясь, волшебник лихорадочно рвал прочные сыромятные завязки.

Он совершил ошибку, этот Пелий, непрослительно грубую для такого сильного чародея, вдобавок — входящего в Орден Ночных Клинков.

— Эгро! Аутергар, эгро! — взревел вдруг Пелий, справившись с завязками. — Изыди, демон! Чую плоть твою, чую дух твой, пришедший сбывать жатву смерти на улицах Бодей! Изыди! Эгро! Аутергар, эгро!

Эта тирада явно предназначалась для соглядатаев. На самом же деле — догадался северянин — маг пытался натравить своего зверя на него, Конана.

«Дерьмо ты, а не маг, — внезапно мелькнуло в голове варвара. — Настоящий маг бы не допустил подобного...»

Алый шарик на эфесе уже почти достиг горла волшебника. Выпустив черный мешочек, Пелий попытался ударить Конана кулаком в кадык — напрасная попытка! Киммериец играючи отшвырнул руку врага, да так, что костяшки пальцев сухо треснулись о камни мостовой, а лицо Пелия исказилось от боли.

Однако прикончить плененного в своем прозрачном коконе мага Конан все-таки не успел. В дело вступила тварь Пелия, и ее холодные цепкие пальцы потянулись к сознанию киммерийца. Демон был тут, совсем рядом, и в распоряжении Конана оставались считанные секунды. Он постарался использовать их с наибольшей пользой.

Оттолкнувшись от невидимого щита, варвар вскочил на ноги. Глаза его горели, из горла рвался леденящий душу волчий вой — исконный боевой клич киммерийских кланов. Многие в Велитреуме помнили этот клич до сих пор — с того самого дня, как дикая орда северных варваров взяла город на щит и почти сровняла его с землей. Конан ясно видел врага. Демон думал о нем — и оживали какие-то неимоверно древние обереги и заветы, еще в младенчестве наложенные на Конана. Люди севера береж-

нее хранили память и знания, были ближе к стихиям и духам лесов, озер, рек и гор; в трудную минуту все это могло пригодиться. Так или иначе, Конан видел врага. Видел туманное облачко, зависшее над мостовой; видел оставленный его оружием след — большое темное пятно, значительно темнее, чем остальное «тело» демона, видел уже потянувшиеся к его лбу прозрачные ледяные пальцы; и, по-прежнему оглашая замершие в страхе улицы Бодей своим боевым кличем, Конан сам прыгнул вперед, навстречу гибельному призраку.

Удар! Бесплотная рука, несущая безумие и смерть, столкнулась с раскаленным серебряным шаром — и тотчас же вспыхнула. Демон поспешно отдернул длань — двух пальцев на ней как не бывало. Оставался только один.

Однако не стоило забывать и о Пелии. Помятый маг сумел встать, вновь заухав и зарычав, совершая руками какие-то пассы — надо полагать, добавлял сил своему призрачному псу, потому что демон внезапно сорвался с места и закружился вокруг Конана — быстрее, быстрее, еще быстрее...

Киммериец усмехнулся. Он сам отлично владел этим приемом — несложным, но порой весьма действенным, особенно если превосходишь врага не силой, а быстротой. Улучив мгновение, он прыгнул к ближайшей стене. Демон, описывая круг, не успел остановиться, со всего размаха врезавшись в ее глинобитную поверхность.

И тут оказалось, что беспрепятственно проникать сквозь окна, ставни, двери может лишь длинная рука демона. Его же бесплотное «тело» пробило толстый слой глины — и рванулось обратно.

Но было уже поздно. Конан ударил эфесом вперед, целясь точно в облако пыли, внезапно вспухшее на стене. Выпад, шипение, треск, взметнулись прозрачные языки холодного пламени... Киммериец на миг ощутил короткое сопротивление, как будто его меч встретил некую упругую преграду; однако она тотчас же и пропала. Эфес сухо стукнул о дно глубокой выемки.

Под ноги киммерийца скатилось несколько капель маслянистой черной жижи — все, что осталось от демона Ночных Клинков.

Пелий, словно в трансе, наблюдал за всем происшедшим. Похоже, мельком подумал Конан, кинжал Белого Круга все-таки обошелся ему не столь уж дешево — сил у чародея, по крайней мере, явно поубавилось.

Расправившись с демоном, Конан решительно шагнул к его поводырю. Пелий, разом утратив всю свою величественную осанку, слабо пискнув, метнулся в сторону; похоже, чары, ускоряющие бег, он наложить еще мог. Миг — и чародей исчез во тьме улицы.

Конан вытер пот. Дело оказалось нелегким. Один Кром ведает, почему киммериец видел незримого для прочих врага. И теперь пора было спешить в гавань — нельзя было дать Ночным Клинкам уйти.

Вбросив меч в ножны, Конан устремился в погоню.

Однако, когда он оказался на пирсе, было уже поздно. На галере звонко и часто били тимпаны. Якоря были уже подняты, и корабль начал двигаться к выходу из гавани. И тут внезапно с черной палубы донесся отчаянный крик, крик ужаса и отчаяния, отчаяния настолько бездонного, когда смертному остается уповать только на Вышние Силы.

— Спаси-и-те! Я... Лиджена!.. Меня... — но тут крик оборвался, как будто вызывавшей внезапно заткнули рот.

Конан вздрогнул. Только этого ему не хватало! Проклятая девчонка, она опять угодила в передрагу! И как же эти Ночные Клинки ухитрились ее сцапать?!

Киммериец сплюнул со злобой. Похоже, маг Пелий отнюдь не дурак... быстро разобрался что к чему и дал деру... Ну что ж, попытаемся выжать хоть что-то полезное из бодейских жрецов...

Северянин вздохнул и отправился за кузнецом и вором. Ему хотелось спать. Завтра — он чувствовал — ему придется покинуть Бодей. Хорошо бы только теперь узнать — куда двигаться дальше?

Они явились к жрецам за второй частью награды на следующее утро, сами уже целиком и полностью готовые к дороге.

В главный храм Индры их не пустили. Верховный жрец, имени которого Конан так никогда и не узнал, ждал их возле бокового придела, с тем чтобы провести в свои покои, находившиеся в дальнем боковом крыле здания.

Внутри Конана встретила монашеская аскетичность. Голые стены, голый пол, простая деревянная лежанка, простой стул и простой стол, заваленный свитками.

— Итак, Конан из Киммерии, мне стало ведомо, что ты прикончил демона, — проскрипел старик. — Но мне все еще неизвестно другое. Зачем ты затеял ссору с почтенным Пелиём, известным магом, членом братства Ночных Клинков, выпедившим в город с той же целью, что и ты? Вы не поделили добычу?

— Это была моя работа, — спокойно возразил киммериец. — Город Бодей дал ее мне. Это я должен был убить демона! Я, а не какой-то там Пелий. Делиться с ним наградой я совершенно не собирался.

— Жадность и стяжание — два тяжких греха! — Жрец назидательно поднял палец. — Для тебя будет лучше, Конан, если ты отринешь эти мирские соблазны...

Киммериец вспомнил пламенную речь, произнесенную им перед айодхьоским приказчиком, и невольно усмехнулся. Все они одинаковы, эти отцы-монахи. Все призывают отказаться от радостей плоти, но при этом сами отнюдь не спешат отказываться от власти...

Старый жрец распространялся еще долго о пути смирения и добродетели, так что Конан вконец потерял терпение. Наконец служитель Индры выдохся и сделал перерыв, чем немедленно и воспользовался киммериец.

— Послушай, почтеннейший, я взял с тебя совсем немного золота, и надеюсь получить кое-что еще. Нет, не деньги и не драгоценности — а правдивые вести. Расскажи мне о Ночных Клинках! Раньше я никогда не слышал о таком ордене...

— О! — Старик, казалось, обрадовался возможности поговорить еще. — Садись, сын мой, ибо повесть моя будет длинной...

Она и впрямь затянулась. Жрец говорил и говорил, перечисляя имена людей, стран и городов, с легкостью повествуя о событиях столь давних, что даже самые древние из древних преданий народа Киммерии не сохранили и слабого отблеска памяти тех дней...

Ночные Клинки гнездились далеко на юге. На побережье великого океана, на юго-западе от Вендии. Там высилась их неприступная крепость, державшая в ужасе все племена чернокожих на много миль окрест. Год за годом, шаг за шагом Ночные Клинки — соединившие в себе людей всех рас — возводили там, среди девственных лесов громадного континента, исполинскую империю, равной которой мог считаться разве что Ахерон. Но Ночные Клинки учили опыт своих предшественников: окружавшие их твердыни лесные племена были разрозненны, разъединены, погрязли в сварах и спорах на тему — «чьи боги истиннее». («Глупцы, — заметил по ходу дела жрец, — всем ведь ведомо, что бог един и имя ему — Индра Вседержитель!» Конан придерживался на этот счет иного мнения, но счел за лучшее промолчать.) Пользуясь этим и разумно не угнетая местных сверх меры, Ночные Клинки не боялись ни мятежей, ни восстаний.

Каким же богам поклонялись они сами, никто толком не знал, а аколиты этого ордена никогда ничего не рассказывали. За последние годы они распространили свое влияние далеко на север — им платили дань даже кочевые племена на южных рубежах Иранистана. Там не без помощи Ордена стремительно набирало силу молодое разбойничье государство под названием Датха. Султаны Датхи, защищенные поясом пустынь, через которые вели ведомые только им тайные караванные тропы, зачастую совершали опустошительные набеги на север, восток и запад...

— Как мне добраться до владений Ордена? — не выдержав, перебил Конан старика.

— Это нелегко, — вздохнул тот. — Корабли в их столицу не плавают — кроме их собственных. Но зачем тебе туда, сын мой? После ссоры с их аколитами едва ли тебя будет ждать там радужный прием!

— Это неважно, — Конан покачал головой. — Спасибо тебе за вести, почтеннейший, да упокоит Кром твои седины! Скажи, не известно ли, куда могла направиться та галера, что стояла в бодейской гавани? Понимаю, что едва ли, но все же...

— Отчего же? Жрецы тщательно собирают подобные сведения — кто, куда, когда и с чем отправился. Это помогает в торговле... Так вот, скажу тебе, что судя по грузу, эта галера направлялась в Маранг — порт в Иранистане. Оттуда рукой подать до Датхи — груз наверняка предназначался ее султану. В Маранг ты попадешь легко...

Вскоре Конан знал даже имя капитана, способного быстро переправить его туда.

Прощаясь, киммериец почтительно — как и положено по обряду его родины — поклонился жрецу, уважая его годы.

— И вот еще что, достойнейший. Демона, что терзал твой город, выпустил маг Пелий, аколит Ночных Клинков, чародей Ордена Нерг. Я не могу строго доказать это — но поверь мне! Когда речь идет о жизни и смерти, киммерийцы не лгут.

Старый жрец побледнел.

— Ты уверен, сын мой?! Ты совершенно уверен?

— Как только может быть уверен смертный, сталкиваясь с волшебством, — пожал могучими плечами Конан. — Когда галера этих самых Клинков вновь пожелует в вашу гавань, не спускайте с нее глаз! Не пускайте никого из ее команды дальше портовых кабаков! Не разрешайте им слоняться по Бодеей ночью!.. А еще лучше — вообще запретите им сходить на берег!

Старый жрец выглядел растерянным.

— Но, сын мой... Они приносили немалый барыш городу, они покупали много наших товаров... и всегда платили золотом...

— Они подгребали Бодеей под себя, — нагнувшись и пристально глядя прямо в глаза старику, сказал Конан. — Они подгребали его под себя, разве ты не понял, почтенный? Их демоны подрывали бы веру в Индру... а потом Бодей сам упал бы им в руки, как перезрелый плод... Подумай над моими словами, почтенный!..

— Я подумаю, — медленно ответил жрец. — Но ответь и ты мне на один вопрос, о Конан из Киммерии — зачем ты преследуешь Орден Ночных Клинков? Чего ты ищешь? Ты могуч и доблестен, но, боюсь, этот враг тебе не по плечу.

Глаза северянина сузились.

— Именно в этом я и хочу разувериться, — бросил он на прощание, круто повернулся и вышел.

* * *

Не теряя времени, Конан и Хашдад в тот же день отплыли из бодейской гавани — на корабле под гордым названием «Морской Кот». С ними увязался и воришка Пхарад — ему, похоже, наскучили жрецы его родного города.

— Мир хочу посмотреть, — так объяснил он киммерийцу свое решение. — Глядишь, господин, я тебе еще пригожусь... Маранг, говорят, — веселый город...

— Смотри не довеселись до смерти, — проворчал Хашдад. Он был мрачен. Кузнеца неожиданно настигла морская болезнь — его, просидевшего столько времени на гребной скамье галеры!

— А что мы станем делать там, в Маранге? — пристал вор к Конану. — Опять гоняться за этими типами с черной галеры? Ох, и натерпелся же я страху в тот раз!.. Думал, живым к самому Индре прямиком отправлюсь...

Пхарад беззаботно болтал о каких-то пустяках, однако Конан его уже не слушал. Все его внимание привлек далекий белый отблеск на самом горизонте. Парус! Со стороны открытого моря... Купец? — едва ли; торговцы предпочитают ходить вдоль берега, и только при угрозе шторма отгребают подальше в океан. Тогда — пираты?

— Капитан! — зычно окликнул шкипера Конан. — Эгей, капитан! Парус на зюйде!

Толстый бородатый шкипер мигом взлетел на самый верх кормовой надстройки. Он уже привык доверять остроте зрения своего пассажира — тот никогда не ошибался.

— Точно! Парус! Сохрани меня Нудун, это парус! — он всплеснул руками. — Пираты! А ну, пошевеливайтесь, свиньи, если не хотите надеть ошейники рабов!.. — напустился он на матросов.

Но людей и не требовалось подгонять. С ужасом косясь на возникшие возле горизонта чужие паруса, они стремглав бросились по реям. Тяжелые полотнища захлопали, ловя ветер; отдыхавшие гребцы схватились за весла. Здесь не было рабов — только вольнонаемные из Гильдии Гребцов; все могучие молодые парни. Шкипер спешил раздать оружие.

Пхарад, побледнев, замер возле борта, не в силах оторвать взгляда от приближающихся врагов. Хашдад держался куда лучше — спокойным, твердым голосом он попросил у капитана топор потяжелее и теперь поигрывал им, примеряя оружие к ладони.

— Шкипер! А щит и шлем у тебя найдутся? — Киммериец не без основания полагал, что отражать вражеский abordаж в основном придется ему.

— Найдутся, найдутся! — отозвался запыхавшийся моряк. — Иди, примерь... А щиты вон — вдоль стены. Бери самый тяжелый. Я уж и забыл, когда его последний раз кто в руки брал...

Доспехи оказались неожиданно хороши. Щит — надежный, толстый, окованный железом, с острой стальной пикой в середине. Он и впрямь сделан был для какого-то великана — и пришелся как раз впору Конану.

Тем временем стало ясно, что уйти от пиратов не удастся. Дул свежий южный ветер, и, несмотря на усилия гребцов, «Коту» было не оторваться от приближавшегося галеона. Катапульт на торговом судне, увы, не было — а вот у пиратов они имелись, и те не замедлили привести свою машинерию в действие.

— Похоже, на катапультах у них настоящий мастер, — сквозь зубы процедил Конан, когда первое же каменное ядро с галеона, описав крутую дугу, с треском врезалось в корму «Морского Кота».

Однако пиратам, похоже, судно нужно было по возможности целым и невредимым, поэтому стреляли они больше для острастки.

Суда сближались. На палубе галеона густо стояли стрелки — их было куда больше, чем на «Коте».

— Шкипер, гони всех вниз! — взревел Конан. Он слишком хорошо знал, что за этим последует. Настоящий ливень стрел — а целиться пираты, увы, умели отлично. Лучники перебьют всех, кого смогут — после чего корабль достанется пиратам, считай, без потерь.

Совет Конана оказался как нельзя кстати. Миг спустя с галеона полетели стрелы — десятками, хрустко вонзаясь в палубу и борта. Киммериец, в отличие от остальных, не ушел вниз. Укрывшись за мачтой, он ждал, держа наготове меч. К полному изумлению северянина, он заметил, что серебряный шар на его эфесе начал слабо светиться...

«Так вот оно что, — мелькнуло в голове Конана. — Значит, это не просто пираты... Ну, Пелий, ты и хитрец!»

Однако времени на дальнейшие размышления у киммерийца просто не осталось. Умело маневрируя, пиратский корабль навалился на жалобно скрипнувший борт «Морского Кота». Полетели abordажные крючья. В тот же миг северянин с ревом бросился вперед — навстречу визжащей волне морских разбойников, смуглокожих и невысоких, судя по узким глазам — уроженцев Кхитая. В этом не было ничего странного — кхитайские искатели приключений, случалось, забредали даже к берегам Стигии и Аргоса...

На призывный клич Конана отозвались матросы и гребцы «Морского Кота». Трюмные крышки полетели в стороны, вооруженная кто чем команда бросилась в контратаку. Впереди всех шагал с высоко поднятым топором Хашдад; бодейского же вора нигде не было видно.

Две людские волны сшиблись. Конан привычным движением выбросил вперед меч, и первая его жертва, обхватив руками пронзенный живот, повалилась на палубу. Доски окрасились алым.

Тяжелый щит и надежный шлем помогли Конану врезаться глубоко во вражеские ряды. Кого мог он рубил

мечом, кого мог — сбивал с ног щитом, стараясь при этом еще и зацепить врага стальным острием, что украшало щит. В несколько мгновений Конан оказался возле борта, оставив за собой восемь трупов.

Это несколько отрезвило пиратов и придало смелости защитникам «Морского Кота». С дружными криками моряки навалились на узкоглазых; могучие гребцы, орудуя мечами, топорами и дубинами, даже начали теснить врага.

Но, похоже, кто-то изрядно башковитый надоумил пиратов, как поступать, если на борту — Конан-киммериец. Откуда-то с палубы галеона послышался заунывный вой, повеяло холодом. Желтокожие пираты внезапно отхлынули назад, вереща от ужаса. Их примеру последовали и защитники «Морского Кота» — и было от чего!

Среди мачт галеона медленно разворачивались полупрозрачные серые крылья. Вот появилась безобразная змеиная голова... вот вспыхнули алым огнем глаза... Существо хрипло вскаркнуло и сорвалось с места. Грубая плоть досок и бревен не служила для него препятствием; оно шагнуло вперед и тотчас же оказалось совсем рядом с Конаном.

Красные глаза в упор уставились на добычу. Тварь натравили на киммерийца, именно на него — однако демон был непрочь и поразвлекся. Одна из его лап внезапно утратила прозрачность, серовато-стальные когти обхватили вокруг талии вопящего от ужаса пирата и потащили несчастного к пасти чудовища. Челюсти тоже стали из призрачных вполне обычными, голова человека оказалась между них, они сопились — и тело рухнуло на палубу. Из обрубка шеи хлестала кровь. Голова прокатилась по пищеводу и исчезла в волнах серой мглы. Ею, очевидно, чудовище решило закусить.

Палуба «Морского Кота» быстро пустела. Желтолицые пираты откатились назад, в большинстве своем перепрыгнув обратно на галеон, и никакие самые строгие приказы не могли их остановить. Команда «Кота» забилась в трюмы и на гребную палубу, не решаясь высунуть и носа. Один человек, впрочем, все-таки решился — Хашдад.

Держа топор наперевес, он спокойно шагнул из-за угла кормовой надстройки. Тварь не обратила на него никакого

внимания — она вперила взгляд своих красных глаз в Конана, решив, очевидно, зачаровать его, так же как змея — пичугу.

Зарывав, словно бешеный волк в смертельной схватке, Конан прыгнул вперед первым. Меч свой он уже держал эфесом вперед. Выпад!.. Но светящийся шар пронзил пустоту — плоть демона существовала в какой-то иной реальности, и честное серебро, неоскверняемый металл, посвященный великим древним богам, ничего не мог сделать на сей раз. Шарик лишь засветился еще ярче, словно пылая гневом на собственное бессилие.

А вокруг спокойно плескалось море, и ярко светило солнце, и вообще великому океану не было никакого дела до двух сцепившихся бортами скорлупок, на одной из которых широко развернулись крылья твари из неведомых краев по другую сторону ночи.

Конан ловко увернулся от протянувшейся к нему когтистой лапы толщиной с его собственный торс. Усилием воли он отбросил тянущиеся к душе цепкие пальцы страха и неуверенности. Как только ты усомнился в своей победе — считай, что уже мертв. В схватке побеждает тот, кто крепче верит в то, что именно он возьмет верх.

Пока тварь разворачивалась, киммериец ринулся через борт. Прыжок — и он уже на палубе галеона. За спиной раздался резкий недовольный свист — демон поворачивался.

Шар на эфесе киммерийца засветился еще ярче. Здесь, здесь, где-то здесь, совсем близко... совсем рядом... Тот, кто выпустил этого демона... Вниз! Мелькнуло перекошенное от ужаса узкоглазое лицо — Конан рубанул наотмашь. Тело тупо стукнулось о доски и покатилося вниз по трапу. Туда, за ним, за ним!

В эти мгновения варвара вел острый охотничий инстинкт. Не владея заклинаниями, не зная чар, он твердо знал, что идет навстречу своему главному здесь врагу — волшебнику, что послал серую тварь на борт «Морского Кота».

Полумрак нижних палуб, испуганный топот — все разбегались перед киммерийцем, словно перед самим Богом-Разрушителем. Никто не дерзнул преградить ему до-

рогу — никто, кроме лишь одного, в котором Конан тотчас же и без ошибки узнал аколита Ордена Ночных Клинков.

Низенький толстяк, пороссячи глазки заплыли жиром; он не трясется от страха, он стоит и ждет, скрестив руки на груди. Из одежды на нем только ярко-алые широкие шаровары. На шее — три тяжелые, толстые золотые цепи. Больше — по крайней мере на виду — нет никакого оружия.

— Вот мы и встретились, Конан-киммериец, — шипит толстяк, повторяя ту же фразу, что произнес и Пелий в Бодее. Как они все уверены в себе, эти черные волшебники! Как они презирают всех прочих! Как они ненавидят всех, а пуще всего — друг друга! Как они радуются поражениям тех, кто, казалось бы, стоит с ними плечом к плечу! Толстяка ничему не научили две неудачи Пелия. Наверное, он мнил себя непобедимым...

Где-то совсем рядом захлопали широкие крылья. Тварь, что могла спокойно двигаться сквозь стены и земную плоть, торопилась на зов своего повелителя.

Однако она опоздала.

Конан атаковал со всей нерастроченной яростью. И грубое проклятие, сорвавшееся с языка киммерийца, быть может, оказалось куда действеннее всех чар и магических формул. Толстяка защищал невидимый щит, клинок Конана скользнул по прозрачной броне, однако теперь северянин знал, что делать в таких случаях. Как и в Бодее, раскаленный серебряный шар вдавился во вражескую защиту, им киммериец опрокинул толстяка навзничь.

Но ехидная усмешка исчезла из маленьких заплывших глазок только когда багряный шар вдавился толстяку в горло.

Он переоценил себя и недооценил Конана, этот мастер чародейств из Ордена Ночных Клинков. Он был слишком самоуверен. Он полагал, что его защита остановит любую атаку киммерийца, в то время как его призранный зверь прикончит дерзкого.

Глаза толстяка в один миг раскрылись широко-широко — за миг до того, как вырваться из орбит висящими на алых шнурах плоти кровавыми ягодами. Он закри-

чал — но крик тотчас же и оборвался. Защита его исчезла, и за спиной Конана раздался жалобный и бессильный вой — зверь Ночных Клинков погибал, лишенный подерживавшей его воли мага.

Конан поднялся. На полу в луже крови плавало мертвое тело. Где-то совсем рядом были пираты... и киммериец не был бы киммерийцем, если бы вышел сейчас из боя.

На палубе галеона никого не было.

— А ну, все за мной! — взревел Конан, взмахивая мечом. — Покажем этим псам, что такое настоящие моряки!

Ответом ему стал яростный рык команды «Морского Кота». Перепрыгнув вновь на его палубу, Конан подобно урагану обрушился на противостоящих ему желтокожих пиратов.

Схватка завязалась нешуточная, поскольку пираты тоже сражались за свои жизни. Несмотря на все мастерство Конана, перевес начал клониться на сторону морских разбойников — они все же лучше умели владеть оружием, чем большинство с «Морского Кота».

Гибли матросы, гибли молодые гребцы; фронт людей Конана оказался рассечен надвое, Хашпад оказался среди тех, кого теснили к носу; Конан оборонял корму и пока не отступил ни на шаг. Его меч производил настоящее опустошение во вражеских рядах; подставляемые клинки ломались, легкие щиты лопались, в то время как тяжелое, окованное сталью шипастое чудовище на левой руке киммерийца порой разило не хуже доброго меча.

Дело могло бы обернуться совсем скверно для «Морского Кота» и его команды, если бы не один ловкий бодейский воришка.

Неожиданно раздался глухой треск, словно где-то совсем рядом рвались веревки. Конан бросил быстрый взгляд — абордажные канаты лопались один за другим, между бортами судов появилась полоса воды... Вдобавок над палубой галеона неожиданно закурился дымок — предвестник самого страшного бедствия в море для деревянных судов...

А потом над планширом «Морского Кота» появилась донельзя довольная физиономия Пхарада!

И предводитель кхитайских пиратов быстро смекнул, что с такими потерями он на своем месте не задержится. Владыка Поднебесной может сурово спросить с нерадивого капера, потерявшего много искусных солдат и не доставившего ожидавшуюся добычу. Верно, золота, полученного от Ночных Клинков, было явно недостаточно...

Кхитайцы отхлынули обратно. Миг — и их тела посыпались в воду. Они торопились обратно, стоптать и загасить стремительно разгоравшийся огонь. Им было не до добычи...

Глава XII

После этого происшествия в глазах шкипера и всей команды «Морского Кота» авторитет Конана взлетел на недостижимую высоту. Корабельный кок из кожи вон лез, чтобы угодить им. Кузнец и вор неожиданно смутились, киммериец же принимал почести как нечто само собой разумеющееся. Словом, до Маранга они добрались с наивозможными удобствами.

Дорогой Конан как мог подробно расспрашивал шкипера о самом городе, об окрестных племенах — и о султанате Датха. Исполдволь, намеками и околичностями Конан старался вызнать как можно больше и об Ордене Ночных Клинков — киммериец не верил, что в портовых тавернах Маранга не передаются из уст в уста самые причудливые слухи об этом таинственном сообществе.

Бхидал, шкипер — пожилой, коренастый вендиец, отвечал обстоятельно и многословно. Правда, попутно он не забывал поинтересоваться, чего это ради на галере пиратов появился демон да почему этот демон — это ясно видели все! — охотился, похоже, именно за почтенным Конаном из Киммерии...

Маранг в рассказах капитана выглядел обыкновенным портовым городом, где звучала многоязыкая речь, где встречались корабли со всех концов земли — от Ванакхейма до Кхитайя. Маранг был городом-государством, наподобие Замбулы еще до тех времен, как она оказалась под туранским протекторатом. Правили там эмиры; правили как везде. Умного и рачительного государя сменял его бездарный сынок или же, напротив, у горького пьяницы и распутника внезапно появлялся серьезный и рассудительный наследник. Севернее Маранга вдоль побережья располагалось еще с полдюжины похожих полисов; раньше они частенько воевали между собой, но появление в пустыне султанов Датхи заставило прибрежные города сплотиться. Увы, это не помогло. Султаны очень быстро сколотили из бедуинов отличную конницу; и нищие, испокон веку одевавшиеся в рубища кочевники вдруг поняли, что наводить страх на окрестные города — очень даже прибыльное занятие. Чем они с тех пор успешно и

занимались. Дважды эмиры Маранга объединяли силы приморья — и оба раза походы на Тлессину — так именовалась столица Датхи — заканчивались полными провалами. Половина войска погибала от жары и жажды, вторую половину датхейцы брали в плен. Они нуждались в рабах — в тысячах рабов. Тлессина, цветущий оазис в самом сердце пустыни, о котором побывавшие там купцы рассказывали всякие небылицы, мог существовать лишь благодаря неустанному труду рабов, содержавших в исправности оросительные каналы, возделывавших поля и убиравших урожай... Все рабы в Датхе принадлежали только султану. А уж Солнцеподобный, в свою очередь, мог дарить их своим сподвижникам.

От датхейского разбоя не стало житья на караванных тропях, что вели на север, в глубь Иранистана, и на запад, к Стигии. И лишь на южном тракте кочевники никогда не появлялись — ибо это был тракт Ордена Ночных Клинков.

Но самое интересное Конан услышал уже под конец. Вода в Датхе была божеством, Дарительницей Жизни. Ей поклонялись. Ей приносили жертвы. Ей возводили храмы. И по слухам — в главном храме Текучей Влаги помещалась священная клепсида, перенесенная, согласно словам самих датхейцев, из некоего священного места, где она была «обретена» посланцами султана — и притом сравнительно недавно.

Конан встрепенулся. Неужели ему повезло? И он сможет выполнить данное Тару на безымянном острове слово?..

Там, где любой хайбориец, развращенный цивилизацией, лишь цинично пожал бы плечами, Конан рисковал жизнью, стремясь во что бы то ни стало отплатить спасшему ему жизнь плененному богу. Где-то его, Конана, можно было даже назвать наемником этого бога — потому что его, как ни крути, наняли отыскать эту самую Священную Клепсиду — а заплатили авансом всю сумму. Конану ничего не стоило обчистить царский дворец или купеческий особняк — но, когда ему отпускали что-то в долг, он никогда не пытался увильнуть от уплаты. Тем более что месть Ночным Клинкам была и его целью...

— Ты говоришь, Священная Клепсида?.. Ты уверен, почтенный Бхидал? Ты не ошибся?..

— Кто же может утверждать что-то наверняка, когда говорит о Тлессине! — вздохнул шкипер, оглаживая бородку. — Оттуда, любезный мой Конан, приходят одни лишь сказки. Кто-то промолвил первым, другой подхватил, третий переиначил — и готово! Пока не побываешь в столице этого самого Солнцеподобного, ни в чем не сможешь быть уверен!

— Понятно, — Конан сдвинул брови. — А как туда попадают? Они торгуют с побережьем?

— А как же! Они обложили данью приморские города, и золота у них теперь достаточно. Торгуют повсюду! Караваны идут через пустыню все время — кроме разве что сезона пыльных бурь. Бедуины говорят, что когда танцуют Духи Пустыни, люди должны оставаться возле своих очагов, ибо не должно им мешать занятиям бессмертных... Так что если ты примкнешь к каравану... Но, учти, там за пришельцами — очень строгий надзор. Никуда дальше рыночной площади их не пускают. Схваченным за Белой Чертой — это они обвели те места, где чужакам дозволено бывать — немедленно отрубают головы. Даже не надевают ошейника! Хотя рабы у них мрут, как мухи, и они все время покупают новых — или захватывают силой...

— Ясно, — усмехнулся Конан. — Учили медведя пчелы, как ему нужно мед добывать... Или овцы волка охотиться...

— Что-что? — не понял шкипер. Конан произнес последнюю фразу на своем родном языке.

— Нет, ничего, поговорка есть такая там, где я родился... Ты не поможешь мне, Бхидал? Мне очень нужно попасть в Тлессину. Быть может, у тебя есть знакомый купец, которому нужен хороший охранник?

— Да полным-полно таких. Но, учти, если ты даже и сбежишь, и стража не схватит тебя — то, если тебя недосчитаются, всех караванщиков продадут в рабство. А это та же смерть, только более медленная и мучительная... Особенно если в каменоломнях. Там половина аж в первый день помирает...

— Ясно, — проронил Конан, и больше словоохотливый шкипер не добился от него ни слова.

Благополучно миновав капризные моря, «Морской Кот» бросил якорь в гостеприимной гавани Маранга. Здесь морская душа, устав от тягот долгого плавания, могла развернуться вволю — и портовые заведения Бодей по сравнению с марангскими казались строгими монастырями... Конану же ближайшие к пирсам кварталы очень напомнили до боли знакомую Пустыньку. Здесь пили, резались, дрались, играли на деньги и на чужие жизни, занимались любовью в любое время дня и ночи, не слишком стесняясь окружающих. Как и в Пустыньке, тут лучше было сделать вид, что ты ничего не видишь и не слышишь.

Черной галеры Ночных Клинков в порту не оказалось. Шкипер «Морского Кота» довольно быстро сумел разузнать, что корабль врагов Конана опередил их самое большее на день. Галера очень быстро разгрузилась и ушла на юг.

Конан скрипнул было зубами — неужто белокурую Лиджену увезли в самую цитадель мрачного Ордена? Один Кром тогда ведает, как ей помочь...

Он уже совсем было решил, что похищенная им девушка обречена на жуткие муки в подземных застенках, когда расторопный Бхидал принес неожиданную весть — рабыню со светлыми волосами видели среди прочего груза, привезенного черной галерой!

Это значило, что Лиджена здесь, в Маранге.

Конан, Хашдад и Пхарад, провожаемые благословениями всей команды, торжественно, словно короли, сошли на берег. Бодейский вор тут же вознамерился было отправиться на промысел, и лишь железная длань Конана, ухватившая Пхарада за шиворот, удержала вендийца от несомненно пагубного для его души пути.

— Потом этим займешься, потом, ясно? — внушал киммериец повизгивавшему от страха Пхараду. — А не то я тебя сам сдам стражникам. Они на тебя быстро дюжину краж спишут!

— Так а что же нам делать? — пискнул Пхарад. — Я ведь больше ничего не умею...

— Иди на рынок. Толкайся там и слушай — что народ говорит про Тлессину. Понял? Сам ничего не расспрашивай. Только слушай...

Когда вор исчез, киммериец повернулся к Хашдаду.

— Мне надо пробраться в город этих проклятых датхеев. Там, похоже, осела та священная клепсида, будь она неладна, во имя Крома! Если я сумею вытащить ее отсюда... с одним долгом будет покончено, и мы сможем пощупать ребра самому ордену!

— Я иду с тобой, — спокойно отозвался Хашдад.

— Нет, — Конан покачал головой. — В Тлессине ты мне не помощник — только зря погибнешь или других на рабство обречешь... Мне от тебя нужна совсем иная помощь. Железные кошки — скуеешь?

— Кошки? Железные? — удивился Хашдад. — Конечно, сделаю. Только вот кузню найдем, и сделаю. А почему нельзя купить или заказать?

— Потому что закалывать их мы будем по-особому, — усмехнулся Конан. — Совсем по-особому. Не знаю, что из этого получится... но что не повредит — это точно. Ступай, ищи кузню! Встретимся на постоянном дворе «Сокол моря»...

Названный постоянный двор пришелся Конану весьма по вкусу. Во-первых, здесь отлично кормили, и в обмен на брошенную им серебрянную монету натащили такую гору снеди, что хватило бы целому изголодавшемуся десятку — впрочем, Конан как раз и ел порой за десяти-рых. Во-вторых, в заведении вертелись очень даже симпатичные милашки, весьма откровенные наряды которых не оставляли сомнений в роде их занятий.

Он успел весьма приятно провести время, когда его команда пожаловала с вестями. Первым вернулся Хашдад.

— Все в порядке, — сообщил он. — Кузню я нашел. Поторговался, правда, — хозяин залюбил цену... Но ничего, мы сговорились.

— Сколько? — поинтересовался Конан, зная скупость кузнеца.

Хашдад назвал цену. Разумеется, она оказалась смехотворно малой. Конан усмехнулся.

— Ты уверен, что не вырвал последний кусок хлеба у голодных детей владельца кузницы?..

Следом пожаловал Пхарад — глаза его блеснули, а карманы подозрительно оттопырились.

— О, какой это город! — Он восхищенно закатил глаза. — Какой прекрасный город! Куда до него нашему Бодою! Только теперь я понял, до чего же мне надоели эти жрецы!!!

— Дело говори! — прикрикнул Конан.

— Дело, дело... Такое у нас, значит, дело. Про Тлессину народ болтает разное, но ежели все это вместе сложить...

Тлессина стояла в самом центре обширной Датхейской пустыни, которая и дала имя всему султанату. Столица Солнцеподобного расположилась в большом оазисе, а поселения помельче были разбросаны окрест. Там зеленели обширные поля, обрабатываемые рабами. Саму же столицу опоясывало двойное кольцо стен, в котором имелись лишь одни-единственные неширокие ворота. Сложены стены были из какого-то редкостного камня, который доставили откуда-то с юга.

— Сколько народу погубили, пока довели — не счесть! — прибавил Пхарад уже от себя.

Болтали, будто этот камень крепостью не уступает алмазу и что крепостные стены Тлессины невозможно разбить никакими таранами. За стенами благоухали сады. Все, даже самые последние обозники в датхейском войске имели там дома. Пусть крошечные, но свои. В большинстве же своем бедуины по старой памяти продолжали кочевать по близлежащей пустыне, но уже никогда не отходя от столицы дальше чем на два перехода. Султан держал в крепости постоянное войско; в случае надобности оно возрастало в десять раз за один день.

— И еще тут эти, как их — провозвестники, что ли? — бегали, кричали — мол, слушайте все, пресветлый наш эмир желает изречь слово своему народу! Вечером, когда спадет жара — эмир будет говорить с балкона...

— Ну, а нам-то что? — удивился Конан.

— Так ведь о чем говорить-то станет! С дочкой-то эмирской — беда стряслась!...

Путь на черной галере остался в памяти Лиджены одним сплошным кошмаром. Нелек Кахал появился на судне в самый последний момент — корабль был уже готов вот-вот поднять якоря, и собравшиеся вокруг Лиджены моряки изошрялись в преподанных шутках на тему, в каких именно позициях они станут овладевать девушкой, если, конечно, начальство так и не соизволит явиться.

Однако же начальство соизволило, и шутники мигом убрались кто куда.

Нелек Кахал казался мрачнее ночи, чернее своего темного плаща. Вся его королевская осанка куда-то бесследно исчезла, глаза лихорадочно горели, он поминутно облизывал губы — словом, выглядел пропштафившимся лакеем, но никак не повелительным царедворцем. На Лиджену он бросил лишь один мимолетный взгляд, пробормотав сквозь зубы нечто вроде: «хвала тьме, хоть тут удалось...», и тотчас ушел к себе в каюту.

Лиджена не могла объяснить, отчего на палубе корабля ей постоянно хотелось броситься ничком и закрыть руками голову. Ее никто и пальцем не тронул, но сам воздух галеры, казалось, пропитан был флюидами страха.

Она боялась взглянуть вокруг — словно из-за мачты вот-вот могло показаться жуткое плотоядное страшилище. И, сжавшись в своем углу, под жалким навесом, кое-как защищавшим от свежего ветра, почти не двигаясь, оцепенев, Лиджена и провела все время до марангского порта.

Нелек Кахал лично свел ее на берег. В сопровождении полудюжины крепких парней, вооруженных короткими мечами, работорговец отправился не куда-нибудь, а прямо в эмирский дворец.

Вся процедура заняла не более нескольких минут. Лиджена оказалась перед неким толстяком в парчовых одеяниях, с короткими липкими от пота пальцами, одышкой и маслянистым взглядом профессионального развратника. Уплатив Нелеку, толстяк потащил ее за собой узкими переходами хозяйственной части дворца.

Лиджена шла следом, механически переставляя ноги, словно неживая кукла. Она видела только одно — жуткие глаза Нелека, его последний взгляд. Под высоким лбом

кипели тьмой два бездонных провала, уводившие куда-то вниз, в царство истинного ужаса, где нет и не может быть никакой надежды на спасение.

Этот взгляд жег и терзал, вплавляясь в самую сокровенную глубь сознания. Это был взгляд хозяина, навеки проставлявшего свое клеймо на купленной им скотине. И, можно было не сомневаться — он еще востребует свою собственность назад. И в очень скором времени...

Лиджена закрывала глаза, вновь открывала их — и по-прежнему огненный взор Кахала неотступно преследовал ее...

Словно в полусне, она следовала за толстяком, притащившим ее в какой-то закуток и деловито овладевшим — Лиджена не сопротивлялась, она почти ничего и не заметила. Было одно лишь отвращение от кислого запаха пота...

Потом, правда, с ней обошлись несколько лучше. Она попала в руки служанок, ее отмыли, переодели во что-то светлое, просторное, и в то же время — удобное, явно предназначенное для путешествия; явилась некая матрона и принялась втолковывать Лиджене ее обязанности. Девушка тупо кивала, почти ничего не понимая, но запоминая все услышанное накрепко.

Она становилась одной из прислужниц дочери пресветлого эмира, Илорет. Кажется, ее приставляли к Большому Набору Гребней принцессы — и что-то в этом роде. Лиджена не помнила, к чему именно, но, когда дошло до дела, обязанности свои она выполняла четко. Многочисленные служанки принцессы засыпали новенькую вопросами — кто, откуда, почему; Лиджена отвечала коротко и односложно, сама не помня, что говорит. Ее быстро оставили в покое.

Спустя еще несколько часов большой караванный поезд принцессы тронулся в путь — через пески к соседнему городу, где жила родня ее матери. Дорога считалась безопасной — страшные датхейцы, про которых говорили, что они прирастили есть человечину, там никогда не показывались, да и охрана у принцессы имела немалая...

Гонец примчался в Маранг на следующее утро — одинокий израненный конник, покрытый пылью и запекшейся кровью. Своей и чужой. Погоня измученного коня, он проскакал по городу, и обыватели испуганно косились ему вслед — это не предвещало ничего хорошего.

Возле ворот роскошного дворца черный вестник почти что свалился с седла на руки дюжим гвардейцам из тысячи «непобедимых».

— К... его светлости эмиру... — прохрипел воин. — Беда...

Его почти что на руках внесли по лестнице.

Был час приемов, когда эмир — право же, не самый худший правитель из тех, что знал древний Маранг — выслушивал знатных людей государства, имеющих что сказать государю.

Разряженная, надушенная толпа изумленно расступилась перед окровавленным гонцом.

— Ваше Величество... — прохрипел человек, падая на колени. — Велите казнить меня — но ваша дочь, принцесса Илорет... попала в руки датхайцев!

По залу прокатился стон. Супруга эмира (в Маранге придерживались моногамии) с жалобным вскриком лишилась сознания. Сам же эмир вскочил на ноги, сжав кулаки так, что захрустели кости.

— Как это случилось?! И что делала охрана?!!

— Охрана билась доблестно и вся полегла там, защищая Ее Высочество, — сурово возразил истекающий кровью гонец. — В живых остался только я один! А этих шакалов, пожирателей падали, налетело вдесятеро больше, чем было наших... Ее Высочество и всех ее служанок захватили в рабство!..

Новый стон. Все знали, как обращаются в Тлессине с захваченными чужими женщинами.

Гонец пошатнулся. На пропыленной одежде раползались свежие пятна крови. Не дожидаясь эмирского разрешения, придворный целитель шагнул вперед.

— Ваше Величество, этот человек умирает. Могу я распорядиться, чтобы его перенесли в более подходящее место?..

Эмир машинально кивнул — и тотчас же поднял руку в знак того, что сейчас будет говорить. В зале тотчас воцарилась мертвая тишина.

— Сим я объявляю вам... — эмир сделал невольную паузу: от сдерживаемых слез пресекся голос. — Объявляю вам, что моя дочь Илорет более не пребывает среди живых!

Общий вздох и смятение. Эмир официально провозгласил свою дочь покойницей.

— Быть может, плоть ее и продолжает жить, — медленно ронял слова эмир, — но это уже совершенно не важно. Наследница трона Илорет умерла! Да оденется в траур весь двор. Пусть глашатаи объявят о случившемся на всех площадях Маранга! И пусть они скажут также, что если найдется смельчак, который отомстит Тлессине за смерть моей единственной дочери, он получит столько золота, сколько сможет увезти на вьючном коне!..

* * *

Лиджена видела, как все это случилось. Роскошный паланкин, в котором ехала она и еще трое служанок принцессы, несли рослые и сильные верблюды. Караван двигался неспешным шагом — и вдруг где-то совсем рядом Лиджена услышала истошные крики людей.

— Датха! Датха! Я-хой! Я-хой!..

Служанки завизжали и бросились друг к другу, словно это могло как-то их защитить. Снаружи раздался зловеющий свист стрел... последние отчаянные команды начальника охраны... звон мечей...

Датхайские всадники налетели внезапно и со всех сторон. Они не стреляли, хотя лук имелся у каждого. Кривые вороненые клинки взлетели в воздух.

Крики, стоны, предсмертные проклятия и торжествующие вопли...

Боковой занавес паланкина с треском рассекла черная молния датхайского меча. Появилось смуглое горбоносое лицо, украшенное густыми черными усами. Губы растянулись в хищной усмешке, обнажая великолепные белые зубы.

— Итхи! — воскликнул датхеец, протягивая руку и хватая жалобно визжащую девушку.

На крик воина подоспели его товарищи, в несколько мгновений расхватав себе пленниц. Жадные руки общипывали их, поспешно срывая кольца, браслеты, серьги, наголовники — все, за что можно было выручить хотя бы медный грош.

Лиджена сохранила ледяное спокойствие. Она уже не боялась никого и ничего. Она не кричала и не билась, не кусалась и не вырывалась — словно была уверена, что с ней ничего не случится.

И у нее хватило сил досмотреть до конца этот страшный и кровавый кошмар — когда датхейцы, бегло осмотрев новообретенных рабынь, деловито принялись их сортировать. Самых молодых и хорошеньких — на пробу Солнцеподобному. Тех же, что попроще — тут же, на месте, разбирали себе воины. После чего они деловито валили добычу на песок, рвали одежды и вступали в свои права хозяев. А потом, когда стихали стоны, мольбы и вопли, так же деловито разжимали несчастным кинжалами зубы и вырезали языки. За языками следовали третьи фаланги пальцев — лишённые их женщины могли выполнять работу по дому, но не в состоянии были держать оружие. Пятеро рабынь умерло, не перенеся болевого шока... Принцесса Илорет была среди тех, кого вместе с Лидженой отобрали для султанского серая.

Потом была бешеная скачка через пустыню, и белые стены Тлессины, что внезапно выросли словно из-под земли...

* * *

Конан выслушал всех очень внимательно — сперва глашатаев, потом и самого пресветлого эмира. Брови у него сошлись; сосредоточенно глядя себе под ноги, он, казалось, что-то подсчитывает.

— Нет, не дойти! — наконец сердито бросил он недоуменно глядевшим на него Пхараду и кузнецу.

— Куда не дойти? — почтительно осведомился вор.

— До Тлессины этой, куда же еще!

— До Тлессины? — изумился Пхарад. — Зачем? Голову свою на султанский кол насадить?

— Мне нужно в Тлессину, — отчеканил киммериец. — Я пойду один.

— Ну нет, — Хашдад спокойно покачал головой. — Я с тобой.

— От тебя там никакой пользы! — сверкнул глазами Конан. — А если тебя схватят...

— Неужели ты надеешься вывезти ту самую клепсидру в одиночку? — поднял брови кузнец. — Это у тебя едва ли получится...

— Один я еще могу обмануть датхайцев, — бросил Конан. — А вот вместе с тобой — навряд ли!

— П-постойте... — испугался Пхарад. — Вы это серьезно, что ли?

Конан не удостоил его ответом.

— Эмир хотел видеть тех, кто дерзнет отомстить за его дочь, — негромко произнес Хашдад. — Я его понимаю. Пойдем, Конан — тебе ведь наверняка потребуется помощь...

* * *

Киммериец полагал, что вокруг эмирского дворца должна виться целая туча бывалых вояк, привлеченных щедрой наградой, — однако выяснилось, что он жестоко ошибся. Народ разошелся, растеся по узким марангским улочкам — и возле ворот из розового камня остались только молчаливые стражи.

Конан шагнул прямо к ним.

— Эй, приятели, пошлите-ка кого порасторопнее известить его светлость — или как там его зовут? — что Конан из Киммерии желает принять его службу и сравнять Тлессину с землей.

Глаза Хашдада округлились — точно так же, как и услышавших эту напыщенную тираду гвардейцев. Они с подозрением оглядывали черноволосого, голубоглазого великана, чьи мускулистые руки, казалось, могли запросто свернуть шею быку. (Так было и на самом деле, но об этом стражники не догадывались.) Стараниями жрецов Бодей Конан был хорошо одет, на поясе висело дорогое

оружие — после некоторого размышления воины вызвали десятника.

Ответа пришлось ждать недолго. Его светлость эмир Маранга требовал смельчаков сей же час к себе.

Эмир принял их в небольшом покое, разубранном драгоценными коврами. Стены украшала великолепная коллекция мечей и кинжалов — не хуже, чем у ведьмы Аттеи. На невысоком инкрустированном столике розового дерева дымилась курильница с редкими ароматами, рядом с ней располагалась чаша с фруктами. При виде этого угощения Конан недовольно скривился.

Эмир изумленно поднял брови, заметив выражение лица своего гостя.

— Я бы предпочел траве мясо, — откровенно ответил Конан.

Смелось голубоглазого северянина понравилась эмиру. Он был достаточно умен, чтобы отличать лесть от похвалы и твердость от дерзости...

Минуту спустя расторопные слуги внесли стол побольше, на котором дымилось жаркое.

— Итак? — Эмир сильно сдал за это время, но голос его оставался тверд. Он не позволял горю всецело овладеть собой.

— Меня зовут Конан. Я родом из Киммерии, — произнес северянин, твердо глядя в глаза повелителю Маранга. — И я берусь отомстить за твою дочь.

Гордый варвар опустил слова «Ваше Величество». Эмир сделал вид, что не заметил.

— Ты берешься окрасить кровью белые стены Тлессины? — Глаза у варвара были тверды как сталь и холодны, словно лед. Он не произносил красивых фраз. Он просто извещал, что сделает то-то и то-то; и у эмира ни на миг не возникло сомнение, что все случится именно так, как утверждает Конан-киммериец.

— Берусь, — не моргнув глазом, кивнул варвар. — Он, — Конан кивнул на Хашдада, — поможет мне в этом. У него свои счета с тамошними заправилами.

— Я не могу дать вам армии, — эмир с сожалением вздохнул и опустил плечи. — Датхайцы в пустыне словно дома, и люди побережья не выдерживают в их раскален-

ных песках. Самые искусные полководцы терпели неудачи — Тлессинский Оазис расположен в очень выгодном месте... Его легко оборонять.

— Мне не нужно войско, — спокойно бросил Конан. — Я отправлюсь туда один и сам сделаю все, что надо. Я надеюсь, что скоро ты обнимешь свою дочь!

Эмир вздрогнул, прикрывая глаза ладонью.

— Нет! Нет... Ты не знаешь, чужеземец Конан, что делают датхейцы с рабынями... Ты не знаешь...

— Ладно, там видно будет, — беззаботно махнул рукой Конан. — А теперь мне надо узнать все про этот султанат.

— Разумеется, но в чем же твой план? — нетерпеливо спросил правитель.

— План хорош, когда о нем не знаю даже я сам, — отшутился Конан. Эмир наклонил голову, подавляя гнев. От сидевшего перед ним варвара исходила какая-то странная, почти что пугающая сила; да, он и впрямь способен был утопить Тлессину в крови.

— Ты не ответишь мне? — Правитель сдвинул брови, не удержавшись.

— Отчего же? Отвечу, — Конан захрустел сочным боком молодого барашка. По подбородку покатились струйки мясного сока — киммериец ел так, как привык. — Отвечу! Я отправлюсь в Тлессину. Найду твою дочь и выведу ее из города. Потом мой товарищ, — кивок на молчащего, как рыба, Хашдада, — доставит ее в Маранг. Я же вернусь обратно. И тогда... сердце твое возрадуется мстью!

При этом выражение лица у Конана стало настолько свирепым, что даже видавший виды правитель невольно вздрогнул. Это была естественная, не напускная свирепость, свирепость волка, проистекающая от его природы, а отнюдь не от дурного характера... Он таков, каков есть.

— Что ж, план прекрасен, и помоги нам Митра исполнить его! Скажи мне, Конан из Киммерии, в чем ты сейчас нуждаешься? Чем я могу тебе помочь?

— Правдивым и подробным рассказом о Тлессине, — киммериец вытер руки о скатерть. — Больше мне ничего не нужно. У датхейцев наверняка полно ушей и Маранге... им незачем знать о наших приготовлениях.

— Мой визирь-ат-баши Факим долгие годы собирал все сведения о Тлессине и датхейцах. Думаю, что он сможет помочь тебе...

* * *

Факим оказался сухоньким коричневокожим старичком, любившим покурить кальян, рассеянно поглаживая при этом гладкий живот молоденькой невольницы — но при этом сохранившим остроту ума и глубину памяти. Он принял Конана и Хашдада в своем небольшом доме, даже не подумав прервать своего приятного занятия. Взоры Конана вспыхнули при виде обнаженного девичьего тела; рабыня ответила кокетливым взглядом и состроила северянину глазки.

Предъявленный эмирский фирман не произвел на Факима никакого внешнего действия. Старичок вновь лениво прикрыл глаза, и его ладонь легла обратно на обнаженный живот рабыни.

— Спрашивайте, — проронил визирь. Точнее сказать, бывший визирь — «ат-баши» в Маранге означало почетную отставку.

— Тлессина, — произнес Конан. — Все про этот город. Карту.

Визирь не усмехнулся — лежал себе по-прежнему с закрытыми глазами, да поглаживал переглядывавшуюся с киммерийцем девушку.

— Двойное кольцо стен, — вдруг отрывисто произнес Факим. — Конные патрули... пешие патрули... лучники на стенах... стража у колодцев...

Он говорил долго и со знанием дела. И, согласно его рассказу, Тлессина и впрямь могла бы назваться «неприступной». Несколько караванных трактов, что вели к ней от границ султаната, тщательно охранялись. Иным же путем дойти до города было невозможно — лучше мечей и стрел Тлессину охраняла безводная раскаленная пустыня.

Каждый купец, что прибывал в город, обязан был носить бирку. Никого из них не пускали дальше рыночной площади. Прислуга обязана была держаться вместе и никуда не отлучаться. Хозяин головой отвечал за каж-

дого из них. Рынок охранялся доброй полутысячей отборных султанских головорезов, свято убежденных в том, что инородцы созданы Вседержителем исключительно для того, чтобы они, датхейцы, могли бы купать свои черные клинки в их инородческой крови. Одержимая каким-то безумием, конница султана считалась непобедимой — люди бестрепетно умирали по первому слову своих командиров со счастливыми улыбками на губах. Сумасшедших атак датхейцев в открытом поле не остановил еще никто. Вот почему эмир Маранга не мог рисковать своим войском — за стенами города еще был шанс отбиться, в пустыне же — никогда.

— Я догадываюсь, что ты хочешь сделать, — бывший визирь отодвинул кальян и неожиданно остро взглянул прямо в глаза Конану. — Илорет была мне почти что внучкой... Я готов помочь тебе всем, чем смогу. Тебе надо пробраться в Тлессину — я готов отправиться с тобой. Составим караван... товаров у меня хватит. Ты минуешь первый пояс охраны... а потом — да сохранит тебя Митра! А обо мне не думай.

Конан посмотрел на старика с невольным почтением. Этот Факим шел на верную смерть, а киммериец всегда уважал мужество — даже во врагах.

— Нет, почтенный, — Конан отрицательно покачал головой. — Надеюсь, что такого удастся избежать. Если ты поведешь караван — это и впрямь будет очень хорошо, но... никто не пойдет в рабство. Это уж ты предоставь мне...

Пять дней спустя тяжело нагруженный караван с ароматическими маслами, драгоценными северными мехами и редкостными винами приблизился к Тлессине по дороге с северо-востока. Очевидно, он вышел из Дель Морги — небольшого портового городка севернее Маранга. К марангским купцам в последнее время датхейцы относились с особой подозрительностью — как же, украли дочку их правителя!

Устало шагали верблюды, устало брели немногочисленные караванщики, преодолев десятки лиг под палящим солнцем, в клубах вздымаемой ветрами красноватой пыли. Увы, не весь груз сохранился в целости — часть мехов, верно — недостаточно тщательно выделанная — протухла, и теперь караван влячил за собой по пустыне настоящий шлейф одуряющего зловония. Привлеченные лакомыми ароматами, со всех сторон слетались неведь откуда взявшиеся здесь мухи. Сухонький старый караванщик на чем свет стоит ругал проклятую жару и свое торговое невезение. Сопровождавшая караван охрана сочувственно кивала — купец не жался, выставляя утешение для доблестных воителей Датхи.

Был уже конец дня. Солнце опускалось, озаряя алыми лучами столпившиеся вокруг караванной дороги пальмовые рощи. Здесь, вблизи от Тлессины, воды было вдоволь, и бесплодная пустыня пышно расцвела.

Но сидевшему на крайнем верблюде человеку было явно не до этих красот. Он ожесточенно отмахивался от наседавших со всех сторон мух; тюк, притороченный к спине животного, невыносимо смердел. Сделав вид, что пытается поправить упряжь, человек нагнулся к поклаже.

— Конан! Конан, мы у ворот. Как ты там?..

— Как в печке, — раздался приглушенный ответ. — Хашдад! Там как — воняет?

— С ног валит, — подтвердил кузнец. — Не подойти.

— Хорошо! Ох, и дорого же обойдется эмиру эта вылазка!

Караван остановился, и Хашдад тотчас умолк.

Верблюды дружно заревели при виде высоких бронзовых ворот. Там, внутри, их ждал отдых — и вода.

Караванщик суетился, без конца дергая канат, привязанный к языку сигнального колокола. Наконец тяжелые створки начали медленно приоткрываться. Смуглолицый десятник, командовавший караулом у ворот, и толстопузый досмотрщик важно вышли навстречу гостям. Вслед за этой парой шагали датхейские воины — все с ятаганами наголо.

— Что-то я не знаю тебя, старик! — подозрительно бросил досмотрщик. — Впервые здесь?

— Почтенный слуга Солнцеподобного Повелителя Тлессины немного заблуждается, — последовал угодливый ответ. — Я, Факим из Дель Морги, водил сюда караваны, когда почтенный слуга Солнцеподобного повелителя еще не заступил по молодости лет на сей важнейший пост.

— Факим из Дель Морги? — немолодой десятник наморщил лоб, словно что-то припоминая. — Да, был такой, припоминаю...

— А я припоминаю тебя, доблестный Ирраван, да умножатся твои табуны и не оскудеют родники на твоих полях, — поклонился торговец.

— Хо! Смотри-ка! Ты меня тоже помнишь! — усмехнулся названный Ирраваном десятник. — Ладно, Фирдаз, этого старого шакала я тут не раз видел...

— Видел, не видел, а закон есть закон, — досмотрщик надулся от важности. — Ты не знаешь порядка? Что твои люди стоят? Пусть составляют опись. Товаров, людей и верблюдов. А я посмотрю, сойдутся ли они с описями этого твоего Факима...

Караванщик тонко улыбнулся — ядовитой, почти что змеиной улыбкой. Он точно знал, что за этим последует. Опись, составленная Ирраваном, непременно окажется длиннее собственной описи Факима — невесть откуда возьмутся «лишние» тюки. Во избежание споров и обвинений в попытках провезти товары беспошлинно — что влекло за собой немедленную продажу в рабство — купец поспешит «подарить» охране эти «лишние» товары.

— Так, посмотрим, посмотрим, что у тебя здесь, караванщик Факим... — бубнил тем временем досмотрщик

Фирдаз, листая толстыми сальными пальцами листы протянутой ему купцом описи. Люди десятника Ирравана принялись потрошить узлы и тюки.

— Кувшинов с вином глиняных, красным сургучом опечатанных — четыре десятка!..

— Пиши четыре с половиной, — не таясь, распоряжался Ирраван...

Воины тщательно обшарили весь караван, однако к тюку с гнилыми мехами даже не подошли — небрежно ткнули несколько раз копьями.

— Эй, эй, почтенные воины! — испуганно заверещал караванщик Факим. — Меха там сгнили — зачем же вы оскорбляете тонкий нюх почтенного Ирравана этой вонью?

Из дыры в тюке и впрямь потянуло таким одуряющим запахом, что воины, ругаясь, поспешили отскочить, зажимая носы и отмахиваясь руками...

Наконец все было готово. Перед досмотрщиком легла составленная Ирраваном опись — кривые буквы разъезжались кто куда, являя разительный контраст с каллиграфическим почерком старого Факима. Разумеется, отыскалось немало «лишних» товаров — главным образом среди спиртного; разумеется, Факим поспешил подарить «излишки» доблестным воинам, проклиная и сетуя на свое старческое слабоумие; разумеется, сперва Ирраван и Фирдаз отказывались, а потом, разумеется, согласились...

Покончив с товарами, принялись за людей. Их, впрочем, оказалось немного. Каждому на шею повесили здоровенную ярко-красную деревянную бирку. Снять ее было невозможно — железные дуги, охватывавшие шею, запирались на замок. Попытки снять бирку карались медленной смертью в кипящем масле.

— Итого десять... — высунув от усердия язык, выводил Фирдаз. — Все, караванщик Факим. Можешь проезжать. Раз ты уже бывал здесь, то знаешь, что ни ты, ни твои люди не имеют права переступить белой черты, выложенной камнем на рыночной площади. Заступивший за нее будет отправлен в каменоломни. Все ясно? Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не оказалось.

Тесная рыночная площадь Тлессины, пыльная, с валяющимися повсюду кучами верблюжьего навоза, приняла караван Факима. Хашдад наравне со всеми разгружал тюки; кипу испорченных мехов он пристроил сбоку.

Торговля началась сразу. Одни за другим подходили оптовики; после того как в их руках оказалась большая часть товара, настал черед домоуправителей знатных датхайцев...

К закату большая часть товаров была уже распродана, и Факим заторопился к воротам вместе со своим угрюмым помощником — не кем иным, как кузнецом Хашдадом. В поводу они вели трех оседланных коней.

— Что, Факим, уже собираешься назад? — почти дружелюбно окликнул торговца десятник Ирраван.

— Нет, о блистающей меч в правой длани Солнцеподобного, да продлятся его дни вечно! Я получил срочный заказ. Вот, гоню нарочного в Дель Моргу! Надеюсь, он успеет, пока меня не опередят!

— А-а... — протянул десятник. — Ладно. Ступай — мы его запишем. Приказчик... пять сменных лошадей при нем... Бирку давай! Она денег стоит...

Тяжелые ворота пропустили Хашдада и вновь захлопнулись у него за спиной. Он остался один — перед великой пустыней.

* * *

Наконец раздался Ночной Колокол. После этого сигнала всем верноподданным Солнцеподобного разрешалось вкушать хмельное; одновременно звон этого колокола означал прекращение торговли. Явилась рыночная стража, бдительно пересчитала людей Факима, еще раз строго-настрого запретила покидать очерченные белой линией пределы и удалилась. Наступила душная датхейская ночь.

Кипа испорченных мехов, на которую, естественно, так и не нашлось покупателя, внезапно зашевелилась. Конан раздвинул вонючие шкуры; затхлый воздух постоялого двора показался ему столь же чистым и благоуханным, как весной в горах Киммерии, когда цветут все высотные луга. Полуодетый, в одной набедренной повязке, киммериец неслышной тенью скользнул к выходу. За спиной у

него был приторочен меч, у пояса — пара кинжалов, кават и железный якорь-кошка — забрасывать на стены.

Над Тлессиной ярко светила луна. Хоронясь в густых ночных тенях, киммериец одним броском пересек рыночную площадь. Ему предстояло совершить невозможное — отыскать в громадном городе принцессу Илорет, не имея ни малейшего представления, кому досталась знатная пленница. Если верить эмиру и Факиму, Илорет была красива, значит — она скорее всего во дворце здешнего Солнцеподобного султана...

Конан оказался возле белой черты. Разгоняя тьму, здесь горели факелы, и, звеня оружием, расхаживала стража. Киммериец сжался возле груды каких-то мешков; сколь бы ни был велик соблазн сгрести за глотку местных сторожей, этого пока делать было нельзя. Поднимется тревога, датхейцы начнут прочесывать город... Сам варвар подобных облав ничуть не боялся, но его планам вытащить отсюда Илорет это могло помешать. И потому Конан терпеливо лежал и ждал — до тех пор, пока все патрули оказались достаточно далеко от того места, где он прятался, и тогда киммериец одним прыжком перемахнул через роковую белую черту, мгновенно растворившись в тени ближайшего дома.

Пробраться по ночному городу, пусть даже и наводненному стражей, не составило для Конана никакого труда. Слишком обширной была его практика, к тому же по-настоящему датхейцы следили только за прилегающими к рыночной площади улицами.

Дальше, дальше, дальше... Конан скользил, словно выпешший на охоту тигр — безмолвно и бесшумно; однако киммериец был во сто крат опаснее самого сильного и голодного хищника.

Нарядные дома и дворцы сменялись парками и небольшими храмами. Богатые лавки купцов соседствовали с воинскими домами. Наконец, пройдя через весь город, Конан оказался на просторной главной площади. С одной стороны высилась громада султанского дворца; с другой стороны — высилась громада главного храма Тлессины. И, едва оказавшись возле плотно закрытых по ночному

времени дверей, киммериец услышал слабое журчание текущей воды.

Похоже, что он попал куда надо.

Конан оглядел стены храма. Воистину, их строили специально для того, чтобы таким, как он, было бы как можно удобнее вскарабкиваться на крышу! Выступы, фигурные карнизы, какие-то статуи в нишах... Здесь сумел бы подняться любой киммерийский мальчишка.

Конан беззаботно усмехнулся и легко полез вверх. Ему нужно было окно... открытое окно, чтобы убедиться — так проклятая клепсидра и в самом деле здесь...

Однако все складывалось легко и просто только вначале. Здание храма являло собой как бы два громадных каменных куба, поставленных друг на друга: тот, что в основании — побольше, тот, что наверху — поменьше. На первую крышу Конан попал легко и без всяких затруднений. Однако там его ожидало сразу два неприятных сюрприза — вдоль ограждения ходила пара стражников, и стены верхнего куба были совершенно гладки. Высоко над головой на белом камне чернели провалы широких окон.

Пришлось пробираться ползком. Пока воины лениво главели на расстилающийся под ногами город, киммериец ужом скользнул ко второй стене.

Теперь предстояло самое сложное. Закинуть предусмотрительно захваченную с собой веревку на одно из окон так, чтобы стражи ничего бы не услышали. Киммериец раздумывал не более мгновения.

В набедренной повязке были предусмотрительно завязаны несколько ржавых железяк. Конан вытащил одну; раскрутил веревку и, одновременно со взмывшим вверх якорем, метнул вниз стальную болванку.

— Эй! Что это? Ты слышал? — Стражи опрометью кинулись к перилам.

— Да нет, ничего страшного. Упало что-то...

— А мне показалось — звук шел сверху...

— Пить надо меньше! — последовал ехидный ответ.

Пока длился этот разговор, Конан молнией взлетел наверх и подтянул за собой веревку. Когда стражи проформы ради решили все-таки обойти вверенное их забо-

там строение, киммериец уже скрылся в темном проеме оконной ниши.

Открыть раму. Закрепить якорь. Скользнуть вниз...

Храм Текучей Воды был просторен, темен и тих. Негромко журчала вода, стекая в широкий круглый бассейн. На самом краю мраморной чаши высилась Священная Клепсидра.

Конан не удержался — чуть слышно присвистнул. Эта машина была ростом с него и ровно вдвое толще. Вся отливающая золотом и серебром, эта машина, похоже, весила немерено. Кром! Как же ее вытащить отсюда?!

Выяснив все, что хотел, Конан вскарабкался обратно в оконный проем. Что ж, пока в Тлессине хозяйничают датхейцы, клепсидру, похоже, не украдешь — тем более ему, резко выделяющемуся в толпе.

Что ж, не всегда прямой путь — самый короткий и легкий. Придумаем нечто похитрее...

Стража по-прежнему бродила вдоль края крыши. Некоторое время Конан наблюдал за ними. Нет, лучше не рисковать. Он не сомневался, что справится с этими датхейскими парнями в один миг — но исчезновение стражников вызовет тревогу в городе. А ему, Конану, она пока не нужна... Лучше испытать другой путь.

Он вновь спустил веревку внутрь храма. Немного не достает до полу — но ничего. Конан ловко скользнул вниз. Дернул веревку, на легу поймал железный якорь — он ни в коем случае не должен звякнуть о плиты — и мягкой волчьей походкой направился к дверям.

Они были заперты изнутри тяжелым железным засовом. Конан подождал у дверей, прислушался — ничего; тогда он отодвинул запор и выскользнул на улицу. Храмовый служка припишет незапертый засов собственной рассеянности и, чтобы избежать наказания, никому о нем не скажет...

Крадучись, Конан обогнул площадь. Да-а, неплохие были строители у того султана, что основывал город... Стены в четыре человеческих роста, гладкие, как стекло; и повсюду — стража.

Двадцать около главных ворот. По десятку возле ворот боковых. И лучники на гребне стены. Много лучников. По воину на каждые десять шагов...

Конан остановился, хоронясь в глубокой тени. Достойная задача. Несколько мгновений он раздумывал, а затем на его губах появилась кривая усмешка. Они могут стелиться все до единой двери, но одна-то дорога все равно останется. Без нее султану никак не обойтись...

Конан ширил шаг. Ночь не так длинна, а ему надо еще столько сделать! Как хорошо, что у старика Факима оказалась такая цепкая память!

Благополучно избегнув ночных патрулей, Конан выбрался к окраине Тлессины, отыскав неприметное серое одноэтажное здание, прилепившееся к самой крепостной стене. Ну что ж, пора и внутрь.

Он спокойно толкнул дверь и вошел внутрь. Тлела тусклая масляная копилка; уронив голову на худые руки, за колченогим столом спал парнишка лет четырнадцати. Кинжал Конана поднялся и опустился. Нет. Убить спящего по киммерийскому кодексу чести значило покрыть себя несмываемым позором.

Конан огляделся. Так... вторая дверь. Очевидно, ему туда.

Во второй комнате стоял хорошо знакомый запах. Конан попал куда следовало — к смотрителям султанских выгребных ям. Спасибо Веледу, крысиному императору воров Бодя — надоумил, где можно искать дорогу в оплоты сильных мира сего.

В полу имелся круглый каменный люк. Конан осторожно снял со стены коптящий факел, прихватил со стола три запасных, приподнял крышку и скользнул вниз, навстречу зловонию. Впрочем, проведя столько времени в дурнопахнущих мехах, он готов был смириться уже с любым запахом.

Система отхожих тоннелей Тлессины разительно отличалась от бодейской. Здесь не было никаких лабиринтов. Наполовину заполненный нечистотами тоннель вел прямо вперед, никуда не сворачивая. И — что оказалось особенно приятно — сбоку имелась поднятая над уровнем

грязной воды дорожка, вырубленный в камне уступ, по которому свободно мог идти человек.

С писком в разные стороны бросились всегдашние обитатели городских подземелий — жирные черные крысы. Конан шагал и шагал, факел в его руках горел ровно, пламя отклонялось вперед — верный признак, что там есть выход.

Старый визирь Факим умел смотреть и запоминать. А Конан умел спрашивать — и теперь он спокойно шел вперед, оставляя позади все бесчисленные пояса охраны.

Правда, встретились ему и решетки. Первую ему удалось вырвать из старой кирпичной кладки довольно легко, используя меч в качестве рычага. Со второй пришлось повозиться; однако он преодолел и эту преграду, про себя лишний раз благодаря марангского оружейника, сделавшего ему такие ножны, что они выдерживали любое усилие. Правда, и весили они немало...

Наконец тоннель стал ветвиться и сужаться. Настало время подниматься вверх.

Смотровой колодец тоже перекрывала запертая на замок решетка. Наверху негромко перекликались стражники; но едва ли они охраняли каждый спуск в подземелья, решил Конан. Скорее всего пути воинов пересеклись тут случайно.

Так оно и случилось. Вскоре голоса затихли, и киммериец взялся за замок. В свое время он слыл лучшим взломщиком Шадизара, Заморы и Арэнджуна; здесь же, в султанате Датха, еще не научились делать такие замки, чтобы они могли бы остановить Конана из Киммерии!

Вскоре запор клацнул и дужка отомкнулась. Сдвинув решетку, киммериец бесшумно выбрался наверх. Открыть люк, выскользнуть через него и вновь захлопнуть крышку было делом одного мгновения. Конан перевел дух и вытер честный трудовой пот. Он был во дворце повелителя Датхи.

Вот так — сколько ни выставляй вокруг охраны, а малая щелка все равно сыщется.

Конан загасил факел и осмотрелся. В лишнем свете не было нужды — все коридоры дворца хорошо освещались. Теперь нелишним было бы обзавестись одеянием

служки; в противном случае пришлось бы просто убивать всех, кто встретится ему на дороге...

Конан был в самой что ни на есть затрапезной, хозяйственной части дворца, неподалеку от кухонь и портомоен. Где-то неподалеку слышались голоса, падало что-то тяжелое — похоже, грузили доставленные припасы.

Конан прищурился, вспоминая слова Факима. Даже проныра-визирь не смог пробраться внутрь султанского дворца; приходилось полагаться только на его рассуждения, а не на факты.

Пудобнее перехватив меч, Конан двинулся прочь от кухонь. Ему нужен дворцовый гвардеец... и он его получит.

Случай представился очень быстро. Сменившийся с поста воин вразвалочку шагал к кухне, намереваясь, очевидно, перехватить стакан-другой винца; об опасности он не думал, и потому не успел даже вскрикнуть, когда крепкие, точно камень, руки сдавили ему горло. Миг — и жизнь покинула его.

Кольчуга гвардейца едва-едва налезла на могучие плечи Конана. Поверх нее киммериец накинул просторный плащ; хорошо еще, что впору пришлось шлем. Облачившись таким образом, Конан спокойно, не таясь, двинулся прочь, предварительно сбросив бездыханное тело в колодец.

Лабиринты дворцовых коридоров. Несмотря на глубокую ночь, здесь спали далеко не все. Вышагивала стража; сновали прислужники, готовясь к завтрашнему многотрудному дню. Во имя Крома, где же здесь может быть сераль?

Передняя часть дворца наверняка парадная, — раздумывал Конан. Значит, где-то в середине... То есть там, где я сейчас и нахожусь.

Обстановка вокруг становилась все роскошнее и изысканнее. Пол исчез под мягкими коврами; по стенам потянулись прихотливые мозаики. Тянуло дорогими благовониями. Ага! Стража! И — евнух!

Четверо рослых датхейцев сидели у опущенной решетки, за которой отбывал постылую ночную службу немолдой уже евнух — весь расплывшийся, обрюзгший, с каким-то бабьим лицом, безбородый... Он ловко обыгры-

вал в кости стражников. Конан остановился, невидимый в полумраке.

— А они как, ничего, эти новенькие? — жадно спрашивали евнуха воины. — Говорят, одну золотоволосую привели!

— Верно, верно, — кивал головой евнух, загребая очередную ставку. — Золотоволосая одна есть. Илорет-то, принцесса эта — она чернявая, а вот одна из ее служанок — у-ума! — он причмокнул. — Глаза что твое море. Волосы — чистое золото. Куда красивее, чем Илорет!

Конан почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Неустрашимый киммериец внезапно ощутил на лице леденящее дыхание Судьбы. Неужели Кром решил устроить ему еще и такое испытание — послал сюда Лиджену?!

«Да нет же, нет, — попытался успокоить сам себя Конан. — Откуда ей тут взяться? Небось, давно уже у папочки в своем Бодее. Мало ли золотоволосых красоток на свете?»

— Да, и сейчас их окончательно прибирают, потому что Солнцеподобный, — евнух выдержал торжественную паузу, как лицо, облеченное особым доверием, — собирался посетить сегодня свой сераль!

— Да будет благословен его отдых, — откликнулся один из воинов, очевидно, самый верноподданный.

— Да будет благословен, — подхватили остальные.

Конан стоял, сощутив глаза, как он обычно делал, размышляя. Перебить эту четверку? Можно, но решетка наверняка заперта, а евнух тотчас сбежит и поднимет тревогу. Нет, надо по-иному...

— Эй, привет, примите в компанию? — развалистой походкой киммериец вышел из-за угла, как ни в чем не бывало направляясь к караульщикам. — Во дворце какая-то тревога, запасных разослали по постам...

— Э, а ты кто? — удивился один из воинов. Конан совершенно спокойно плюхнулся на скамью рядом с евнухом, тотчас вытаращившим на него свои заплывшие жиром глазки. Киммериец держался совершенно естественно, сразу оказавшись в самой гуще датхейцев; и те,

недоумевающие, сбитые с толку, пропустили тот момент, когда северянин начал действовать...

Рука, крепкая, словно стальной зажим, схватила евнуха за ворот парчового одеяния, немилосердно треснув лбом о прутья решетки. Издав слабый и неопределенный звук, достойный страж серали плюхнулся на пол, словно вывернутое из квашни тесто.

Обездвижив евнуха — он лежал так, что Конан мог легко дотянуться до него — киммериец взялся за датхейцев, и с этими он уже не церемонился. Сам жесткий и жестокий, точно горный волк, Конан ненавидел зряшную жестокость, и рассказ Факима об отрезанных пальцах и языках рабынь поверг северянина в ярость. Длинный меч выпорхнул из ножен — лишь быстрый взблес сверкнул на лезвии.

Первый из датхейцев грудью напоролся на выпад Конана. Повернув меч в ране, Конан вырвал клинок и боковым ударом снес голову второму стражнику, уже замахнувшемуся черным ятаганом. Третий удар пронзил горло еще одному противнику и, наконец, четвертый угодил в спину самому сообразительному из всей четверки, который бросился наутек.

Конан покончил со всеми врагами, не отразив ни одного ответного удара. Схватка длилась не более двух секунд. Стальной вихрь оставил на полу четыре тела — и переходы дворца не огласило ни единым стоном.

Конан утрюмо усмехнулся, оттащил тела убитых гвардейцев в сторонку, набросил свежий ковер на залитый кровью пол. Потом, подтянув поближе бесчувственного евнуха, обшарил тело. Так и есть! Ключ от замка, запирающего эту решетку!

Конан вступил в святая святых султанского дворца. Здесь можно было не опасаться воинов — за порядком в этой раззолоченной темнице присматривали евнухи, и всего оружия у них были одни лишь плети.

Коридор вывел Конана в другой, существенно шире; прибавилось и масляных ламп на стенах. Ковры позволяли ступать совершенно бесшумно. По обе стороны коридора тянулись одинаковые двери, отличавшиеся друг от друга небольшими фигурками, прикрепленными на створ-

ках — лани, газели, антилопы, пантеры, львицы, встретила даже одна слониха. (Фигурка была очень тонкой работы со всеми необходимыми подробностями. Конан задержался на мгновение, с уважением прикидывая, что же это за дама удостоилась такого символа.)

Сейчас обитательницы комнаток, похоже, спали.

Коридор вывел Конана в просторный двухцветный зал. Громадные окна выходили в роскошный внутренний двор, в висячий сад султана. Журчал фонтан; зал был разубран с кричащей роскошью, весь в алом и золотом.

Теперь оставалось отыскать эту самую Илорет.

В зале Конану повстречался еще один евнух. Он торжественно спал. Конан аккуратно приставил к его горлу кинжал и свободной рукой зажал ему рот.

Евнух дернулся, просыпаясь; и, надо отдать ему должное, он сразу же понял, в какое положение попал. Весь покрывшись холодным потом, он почтительно отвечал северянину.

Да, новенькие были. Для серали Солнцеподобного в конце концов отобрали двоих — разумеется, принцессу Илорет, и вторую, очень красивую, с золотыми волосами, по имени Лиджена.

Конан почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Лиджена здесь! Предчувствие его не обмануло.

— Веди! — шепотом приказал Конан евнуху. Тот повиновался.

* * *

Илорет, принцесса Маранга, спала. Она была настолько измучена, что даже ужасы предстоящей участи отступили перед усталостью. Девушка знала, что они вместе с ее новой служанкой Лидженой, купленной перед самым несчастливым походом, предназначены для утех лично солнцеподобного султана — или же для его особо почетных гостей, коим повелитель Датхи хотел выказать свое дружеское расположение.

Внезапно ее щеки осторожно коснулись чьи-то пальцы. Испуганную попытку вскочить пресекла тяжелая ладонь, опустившаяся ей на плечо, а другая рука странного гостя крепко зажала ей рот.

— Эгей, твое высочество, — услышала Илорет спокойный, хоть и приглушенный голос. — Твой отец, эмир Маранга, просил меня вытащить его дочь отсюда.

Илорет с трудом подавила новый крик.

Перед ней на корточках сидел могучего телосложения воин, в обычной для гвардейцев султана одежде. Принцесса немедленно разрыдалась, припав к груди неожиданного избавителя.

В своем углу зашевелилась Лиджена.

— Вот и снова встретились, — по-вендийски бросил ей Конан.

— Что?!.. Это ТЫ?!.. — Лиджена вскинулась, словно при виде своего злейшего врага.

— Я, я, и оставим все разговоры на потом! Нам надо убираться отсюда!..

Однако в этот самый миг чуткое ухо киммерийца уловило голоса. Пока еще они были далеко, в конце длинного коридора — однако говорившие уверенной поступью направлялись именно сюда.

— Это... султан... и еще — посол... прибыл откуда-то издалека... с ним тут все так носятся... — быстро прошептала сообразительная Илорет.

— Посол? А что ему здесь надо?

— Наверно, султан решил угостить его нами...

Лиджена застонала.

Конан едва успел скрыться за портьерой, когда дверь распахнулась. Внутрь хлынул свет многочисленных факелов.

— Оставляю их вам, о наш любезный друг, — пророкотал низкий мужской голос с повелительными нотками. — Даже мы еще не возлагали на них длань! Надеюсь, достойный посол, вы оцените этот жест нашей признани!

— Солнцеподобный владыка Датхи слишком щедр со своим недостойным слугой, — послышалось булькающее бормотание. Говоривший был явно в годах и вдобавок страдал одышкой.

— Надеюсь, достойный посол, эти ящерики доставят вам удовольствие! — хохотнул султан, и дверь закрылась.

Вместе с тучным, облаченным в шитый золотом халат послом в комнату вошел и молодой воин, с тонкой кривой

саблей у пояса, разительно отличавшейся от принятых в Тлессине широких ятаганов.

Пыхтя, посол сбросил халат. Молодой воин бесстрастно принял драгоценное одеяние и застыл у двери с обнаженным клинком наготове.

— Ну, мои курочки, — пробубльнул толстяк, — раздевайтесь и давайте-ка сюда...

Молодой воин с усмешкой следил за происходящим — и, увы, не заметил осторожно шагнувшей вдоль стены тени. В следующий миг Конан нанес ему сокрушительный удар эфесом в висок. Стражник повалился, точно куль с мукой.

— Что?.. — начал было посол, и вмиг осекся — у его горла блеснула сталь.

— Молись, если можешь, — негромко проговорил Конан. Глаза его были холодны, как лед.

— А... нны-ы-ы... — только и успел выдавить из себя посол, за миг до того, как серое лезвие вошло ему в горло. Он умер беззвучно.

— Вот так-то, — хмуро бросил Конан, глядя на труп. — Пусть Солнцеподобный теперь сам отмазывается, как хочет, за смерть посланника... Эй, хватит дрожать! Вставайте!

Девушки и в самом деле тряслись от страха. Даже закаленная испытаниями Лиджена. Сейчас она решила, что лучше на время отложить свои планы отмщения. Пусть этот киммерийский варвар вытащит их отсюда... а потом она с ним посчитается.

Оставив трупы на полу, Конан повел освобожденных пленниц по коридору серая. Про себя он благодарил сурового Крома — видно, тому все же захотелось узнать, чем кончится приключение одного из его сыновей... Султан и его свита вошли через парадный вход в гарем — иначе отсутствие стражи было бы тотчас замечено.

Ключом, снятым с трупа евнуха, Конан вновь отпер решетку.

— Теперь уже близко, — шепнул киммериец пленницам.

Удача сопутствовала беглецам до тех пор, пока они не оказались возле самого досмотрового колодца. Очевидно, кто-то во дворце все же заподозрил неладное...

Шестеро воинов почти бежали по узкому коридору, перебрасываясь короткими фразами:

— Не знаешь, что случилось?

— Нет. Просто сказали устроить посты. Эти, которые у сераля, не ответили на вызов...

Ого, подумал Конан, здесь, похоже, придумали нечто поновее обходов! Не ответили на вызов... Скажи пожалуйста, какие быстрые!

Скрыться беглецам было некуда. До спасительного колодца оставалось не более двух десятков шагов. И Конан принял неравный бой.

Он ринулся вперед молча, словно бросающийся на добычу безжалостный снежный барс. Метательный нож сверкнул в воздухе, вонзившись в горло передовому стражнику; в следующий миг началась кровавая вакханалия.

Коридор был узок, и одновременно Конану могли противостоять только двое. Второго датхейца северянин убил мгновенно — страшный прямой удар разорвал кольчужную рубашу и глубоко погрузился в грудь неудачливого воина.

Киммериец успел выдернуть клинок и отвести рухнувший сверху удар. Ответный выпад северянина был столь же гибельным, как и первый.

Против него осталось всего трое противников. Варвар действовал с такой быстротой, что они не успели поднять тревогу. И они не успели сообразить, что самым правильным для них было бы бежать, а не сражаться...

По мечу Конана проскрежетал черный ятаган. В ответ Конан со всей силы рубанул противника по плечу. Добротн откованная кольчуга датхейца выдержала, однако не выдержали кости. Воин в беспамятстве повалился на пол; двое его братьев дрогнули. Еще одного Конан сразил возле самого люка, что вел в досмотровый колодец, а последнего неожиданно уложила Лиджена, с неженской силой метнув ему вслед тот самый нож, которым Конан свалил первого из повстречавшейся им шестерки.

Кровь щедро пропитывала ковры. Скрыть ее и тела было уже невозможно, и Конан, стараясь по возможности

не наследить, откинул крышку люка. Оттуда вырвалась волна зловония.

— Нам... туда? — Илорет скривилась от отвращения.

— Туда, туда, если не хочешь, чтобы твою голову выставили для всеобщего обозрения насаженной на кол! — рявкнул киммериец.

Он торопливо поджег факел от одной из свечей, и трое вырвавшихся из сераля начали путь во тьме.

Путь по тоннелю прошел без происшествий, и всю дорогу Конан мучительно соображал, хватит ли у датхейцев ума сообразить, куда делись беглецы? Если султан успеет послать кого-то и перекрыть выход — то он, Конан, проиграет.

Когда они добрались до конца вонючей подземной груды и оказались возле самой крышки люка, киммериец услышал наверху голоса. Илорет в отчаянии зажала себе рот ладонями, Лиджена же просто до крови прокусила губу, чтобы не вскрикнуть.

— А ну, отвечай, почему отперто, а? — гремел один из голосов, явно принадлежащий кому-то из начальников. — А что если они нырнули сюда?!

— Да чего ж им сюда нырять-то! — отчаянно возражал второй голос — ломающийся мальчишеский басок. — Там же решетки!

— Гм... Решетки... Это верно... Так значит, ты говоришь — не спал?

— Клянусь моей верностью Солнцеподобному!

— Ладно... — начальственный голос помягчел. — Смотри же! Головой ответишь, если что!

«Если что, если что», — усмехнулся про себя Конан, откидывая крышку.

Парнишка-надзиратель не успел даже охнуть. Кулак киммерийца отбросил его к дальней стене.

— Быстрее! Прочь отсюда! — скомандовал северянин. — На крышу! А потом на стену! Быстрее, сейчас здесь будет жарко!

— Я... боюсь! — пискнула Лиджена. — Высоко... я боюсь!

— А султана с его палачами ты, значит, не боишься?! — шепотом гаркнул Конан. — Быстро наверх!

Плоская крыша. Конан одним движением забросил наверх, на городскую стену, свой верный якорь-кошку с привязанным к ней тонким канатом, в один миг взлетел вверх.

— Обвязывайтесь! Вместе, обе сразу!

Втащить на стену двух легких девушек было для Конана парой пустяков. Не развязывая их, киммериец подтолкнул Илорет с Лидженой к внешнему краю стены.

— Спускаемся, пока нас тут не накрыли!

Однако и это прошло гладко.

И лишь когда настала очередь Конана, из мрака вынырнул совершавший обход воин. Сперва он вытаращил глаза от изумления; потом раскрыл рот, собираясь поднять тревогу, но крик его прервался в тот миг, когда пудовый кулак киммерийца врезался в челюсть стражнику.

— Слушай меня внимательно, пес Датхи, — Конан наклонился к самому лицу опрокинутого им на спину солдата. — Отправляйся к твоему султану и скажи ему следующее — что Конан Киммерийский похитил из султанского сераля двух новых наложниц, убил посла и предлагает султану, буде у него возникнет желание, встретиться с ним, Конаном, через четырнадцать дней на краю Эварских холмов. Передай ему, что там я сотру с лица земли и его самого, и все его войско, как бы велико оно ни было! Это будет конец Датхи, и я сам — слышишь? — сам набью чучело из кожи, которую сдеру с твоего повелителя! Ты понял? Повтори! Да потише, иначе, клянусь Кромом, я найду себе иного посланца!

Задышавшись от бешенства и пережитого унижения, воин повторил слова северянина.

— Ну вот. А теперь я слегка свяжу тебя и заткну тебе рот. Тебя скоро найдут, так что до встречи у Эварских холмов!

Сноровисто исполнив свое намерение, Конан бесшумно перевалился через край стены и исчез в темноте.

Там, внизу, держась вне досягаемости взоров караульных, ждал с лошадьми Хашдад.

— Удалось! — ахнул он при виде Конана. — А это... кто это?!

— Видать, у нас судьба — выручать Лиджену, дочь Чесму, из всяких интересных приключений вроде отхожих мест императора Веледа и султанских сералей Тлесси-ны! — заметил Конан, садясь в седло. — Эй, гоните! До

рассвета нам надо оставить позади самое меньшее три десятка миль!

И они прищипорили коней.

Всадники были уже далеко, когда в небе за их спинами, там, где осталась Тлессина, в небо взлетела, разбрасывая огнистые искры, первая сигнальная стрела.

— Кажется, мое послание доставлено, — заметил Конан. — Теперь нужно ждать погони!

Но даже самые лучшие псы султана не могли взять след в мертвых песках.

Рассвет беглецы встретили возле одного из потайных колодцев, обозначенных на карте Факима. Рядом с каменным жерлом, уходившим вглубь к водоносным слоям, лежали шестеро воинов-датхейцев, все мертвые. Конан и Хашдад застигли их врасплох. Двоих уложили метательные ножи, трех зарубил киммериец и одного — его спутник.

— Поворачиваем на восток, — распорядился Конан. — Мы уже достаточно оторвались. Теперь нас так просто не найти...

Ориентируясь по солнцу и составленным Факимом подробным приметам, маленький отряд продолжил путь.

По пути Конан и Илорет непринужденно болтали, так, словно все опасности были уже позади. Принцесса была умна, хороша собой (хоть и уступала Лиджене, как заключил киммериец, дотошно оглядев обеих девушек).

— Отец непременно сделает тебя начальником его гвардии, — говорила Илорет, и ее ручка словно бы невзначай касалась могучей длани киммерийца. — Я очень прошу тебя, доблестный Конан — прими этот пост! Маранг нуждается в твоей защите... и я бы очень хотела, чтобы мой родной город стал бы и твоим домом...

К полному своему изумлению Лиджена обнаружила, что всякий раз, когда Илорет начинала весело щебетать с северянином, ее, Лиджену, охватывает ярость. Она попыталась уверить себя, что все дело в том, что эта дура-принцесса ведет себя так, словно они все уже были в безопасности и находились не среди враждебной пустыни а на великосветском приеме — однако при этом Лиджена отлично понимала, что суть здесь совсем в ином.

Она отчаянно ревновала этого бандита — сама не зная почему.

Патрули и разъезды датхейцев прочесывали все вокруг. Отборные отряды помчались по тропам, ведущим к Маранге и Дель Морге. На отличных конях, датхейские сотни летели быстрее ветра, — и один из них торопился прямо по следам Конана и его спутников.

Погоню беглецы обнаружили, стоя на высоком холме. Пустыня кончалась, уступая место сухой травянистой полустепи. Далеко-далеко внизу, на самом пределе своего острого взгляда, Конан различил множество черных точек. Не приходилось гадать, кто это такие и зачем скачут сюда.

— Илорет! Лиджена! Гоните коней дальше. Хашдад! Охраняй их. Я задержу датхейцев!

— Как?! Их же там не меньше сотни! — изумился кузнец.

— На всякую силу своя хитрость найдется, — усмехнулся киммериец. — Гоните, и хватит болтать! Я от вас не отстану.

Тропа круто поднималась вверх от последних песчаных барханов по безжизненному каменистому склону. Конан залег на гребне, раскладывая перед собой предусмотрительно захваченные припасы. Лихих всадников пустыни ожидал неприятный сюрприз...

Закончив, Конан вернулся к тому месту, где остались его седельные сумки. Лишний раз провел точильным камнем по мечу — и приготовился.

Ждать пришлось недолго. Затопали копыта, взвилась пыль; всадники с ходу ринулись вверх по неширокой выемке с крутыми и отвесными скатами, где шла тропа.

Конан резко рванул веревку.

Переднему жеребцу — судя по богатству плюмажа, на нем скакал сотник — подсекло ноги, и конь тотчас же рухнул. Датхеец полетел через голову лошади — и, упав, забился в агонии.

Весь передовой десяток вместе с ним тоже валялся на земле. Острые шипы, щедро рассыпанные киммерийцем, впивались в копыта лошадей, не ведавших подков. Кони вставали на дыбы, сбрасывая всадников — прямо на жду-

щие их толстые отточенные острия, от которых не спасали прочные кольчатые рубахи. Воздух огласился истошными воплями раненых; задние ряды датхейцев осаживали коней, останавливаясь перед мгновенно перекрывшим дорогу кровавым месивом из людских и лошадиных тел.

Добрых два десятка всадников было выведено из строя. Конечно, если бы датхейцы ехали не спеша, а еще лучше — колонной по одному, таких потерь бы не было; однако же они мчались сломя голову, и вдобавок — по пять в ряд...

Справа и слева склоны были слишком круты, чтобы подняться на лошади. Да и человеку вскарабкаться было очень нелегко — требовались веревки, клинья и немалый опыт. Ни того, ни другого у датхейцев не было. Им оставалось только штурмовать преграду в лоб.

Похоже, воины султана это отлично понимали. Отступив к подножию каменистого склона, они громко проклинали беглецов, размахивали руками, но... теряли и теряли драгоценное время. Весь каменный желоб был усыпан острыми шипами, по которым не могла идти прославленная конница Тлессины. Нужно было сперва вручную убрать все колючие сюрпризы и уж потом двигаться дальше.

Конан решил прибавить им паники. Стрельба из лука не относилась к числу его наивысших талантов, однако с небольшим арбалетом он справлялся неплохо. Положив оружие на камни, киммериец тщательно прицелился и, дождавшись, когда десяток спешенных воинов пошел вперед убирать разбросанные на дороге шины, спокойно нажал на спуск.

Десятник схватился за пробитую навылет грудь и опрокинулся в пыль. На таком расстоянии, почти в упор, от мощной арбалетной стрелы не спасала никакая кольчуга.

Ответом киммерийцу стал настоящий взрыв бессильной ярости. Если бы все обрушившиеся на его голову проклятия весили хотя бы как птичье перо, его, несомненно, раздавило бы в лепешку.

Датхейцы поспешили убираться на почтительное расстояние.

Киммериец усмехнулся. Хорошая вещь правильная карта — когда она оказывается под рукой в нужное время. Теперь этим датхайцам придется попотеть, прежде чем они окажутся наверху! Скакать же в обход — это потерять целый день, а то и больше...

Киммериец потянул за рычаг, взводя арбалет. Наложил толстую железную стрелу и приготовился ждать.

Воины султана совещались недолго. Очевидно, каждый из них уже видел себя в каменоломнях за неисполнение высочайшего повеления; наверное, только поэтому они решились на отчаянный шаг.

Спешившись, три десятка воинов выхватили ятаганы и, подбадривая себя отчаянными воплями, ринулись к устью каменного желоба. Еще четыре десятка лучников натянули тетивы, готовясь прикрыть прорыв товарищей.

Увы для них, Конан занимал превосходную позицию. Попасть в узкую естественную бойницу, откуда он посылал свои стрелы, смог бы только настоящий мастер. Первый залп датхейцев пропал втуне — стрелы лишь бессильно звякали о камень.

Конан выстрелил в ответ — и крайний в наступавшей шеренге мечников рухнул замертво. Ввести — наложить стрелу — прицелиться — нажать на спусковой крючок.

И вновь его стрела уложила правого крайнего.

После третьей меткой стрелы датхейцы, похоже, поняли, кому из них судьба уготовила гибель в следующий момент. Воин, оказавшийся на правом краю шеренги, в ужасе заметался, пытаясь укрыться за спинами товарищей. На миг ему это удалось, и стрела Конана уложила того, кто занял его место.

Это внесло в ряды султанских храбрецов полный разброд. Крайним быть никто не хотел. Вся правая половина шеренги немедленно бросилась врассыпную. Левая чуть поколебалась, однако тоже отхлынула назад. Сотник этого отряда был давно уже мертв, как и тот старший из десятников, что должен был занять его место, и некому было восстановить порядок в дрогнувших рядах датхейцев...

Они вновь отступили и принялись совещаться. Им было о чем поговорить. Конан вновь усмехнулся. Откро-

венно говоря, на их месте он тоже бы задумался... Другое дело, если бы в их рядах нашелся воин, равный умением и ловкостью ему, Конану...

Однако такового у датхейцев явно не имелось, и теперь все, что им оставалось делать — это толпиться за пределами досягаемости конанова арбалета, да сотрясать воздух витиеватыми, но, увы, совершенно бесполезными проклятиями.

Некоторое время спустя они предприняли вторую попытку. Перед этим десятники что-то горячо втолковывали своим воинам, очевидно, живописуя мучения и пытки, что ожидают их, если отряд упустит беглецов. На сей раз датхейцы, поняв бесполезность луков, все пошли пешими. Стрелы Конана сбили пятерых — строй заколебался было, кое-кто повернул назад — десятники сами принялись рубить трусов. Оставив человек пятнадцать убитыми, датхейцы добрались-таки до низа желоба. Помогая себя яростными воплями, датхейцы начали подъем. Каждый шаг давался им очень дорого — ведь нужно было не просто подняться, а еще и убрать с дороги шипы...

Конан не пожалел колючих гостинцев. Как не жалел теперь стрел. От сотни датхейцев осталось не более трех десятков человек, когда они преодолели две трети склона.

«Теперь пора», — сказал себе киммериец. Свежие, отдохнувшие лошади уже ждали его. Конан отполз назад и вскочил в седло.

Когда датхейцы окончательно расчистили дорогу и провели по ней своих лошадей, киммериец был уже далеко.

Жалкие остатки высланного султаном отряда решили было продолжать погоню — но каменистый гребень служил естественной границей владений Маранга и на равнине встречались сильные патрули — числом до полусотни. Один из таких отрядов и появился на горизонте — после чего датхейцы повернули назад.

Конан нагнал Хашдада и девушек уже почти возле самых ворот Маранга. Илорет, не стесняясь, бросилась с нему на шею; а Лиджена поджала губы.

— Я не сомневался, что ты проведешь их, — приветствовал киммерийца Хашдад.

— А то нет, — усмехнулся Конан. — Ну, теперь давай во дворец! Сказать по правде, выпить холодного вина было бы сейчас очень кстати!

Жители Маранга толпами выбегали на улицу, бросив свои повседневные дела. Двое храбрецов из далеких заморских стран сумели выручить их принцессу, светлую Илорет, дочь эмира! Да, да, они выкрали ее из самой Тлессины, из-под носа тупого разбойника, именующего себя «султаном», из его нечестивого сераля!

Когда Конан и его спутники добрались до дворца, весть уже достигла ушей эмира.

Нет нужды описывать слезы радости, обмороки и все прочее, сопровождающее счастливое возвращение домой, когда позади осталась страшная опасность. Эмир лично повел Конана и Хашдада к спешно составляемым пиршественным столам, однако киммериец отрицательно покачал головой.

— Я рисковал не один. Должен вернуться мудрый Факим — тогда можно будет и праздновать. А пока — пропустим по кубку доброго вина просто так!

— Желание спасителя моей дочери — закон, — учтиво произнес эмир. — Да будет так!..

— Кстати, я назначил султану Тлессины встречу — на Эврарских холмах, — как бы невзначай бросил Конан. — И, думаю, после этой нашей встречи ты, почтенный эмир, сможешь присоединить Датху к своим владениям.

— Как?! — Эмир едва не поперхнулся дорогим вином. — На Эврарских Холмах?! Да ведь там — самое раздолье для его конницы! Если я вышлю туда войска, султан превратит их в пыль за одну атаку!

— Войск не потребуется, — невозмутимо заметил Конан. — Лишь пять десятков лучников — да, и побольше стрел. Но со стрелами нужно будет кое-что сделать...

— Поступай как сочтешь нужным, доблестный Конан! — Эмир хлопнул в ладоши, подзывая слугу. — Письменный прибор! И Хранителя Печати!

Приказ был написан тотчас же. Согласно ему Конан получал власть едва ли не равную эмирской. Все его, Конана, распоряжения должны были выполняться мгновенно.

венно, «как если бы исходили от самого пресветлого повелителя Маранга», гласил манускрипт.

— Вот так, — кивнул Конан, рассматривая вычурную вязь выведенных золотыми чернилами букв. — Хашдад! Пошли! У нас очень много работы...

Лиджена смотрела вслед Конану большими аквамаринными глазами. «Почему он не разговаривает со мной? Неужели он спасал только эту плюху Илорет, которая так и виснет у него на шее, а меня прихватил с собой просто так, раз уж случилось?..»

* * *

В положенный срок благополучно прибыл Факим. Посмеиваясь, старый визирь рассказал, какой переполох поднялся в Тлессине той ночью...

— Если б не спешка, — мелкими глотками смакуя терпкое вино, говорил старик, — датхейцы наверняка бы догадались, что без нас тут дело не обошлось. Счастье, что у них не хватило ума связать Хашдада и похищение из сераля! Ночью, после побега, стражники, естественно, ворвались на рыночную площадь, устроили повальный обыск... Ну да нам-то что? Мы, бедные караванщики, только стенали, воздевали руки к небу и молили доблестных воинов пощадить нашу старость... — Факим вновь ядовито улыбнулся. А слух о твоём вызове султану, Конан, стал уже притчей во языцех — о нем судачат на каждом углу. Султан клянется, что сдерет с тебя живым кожу и вывесит на всеобщее обозрение перед храмом Матери-Воды; и еще он обещал, что умирать ты будешь не менее двух седмиц... Вся Датха всполошилась. Солнцеподобный султан пообещал вывести против тебя не менее десяти тысяч войска — Эвраровы Холмы ему прекрасно известны. Впрочем, там сейчас сильные ветры — в лицо датхейцам, так что использовать луки они вряд ли смогут...

— Совсем не смогут, — кратко отмолвил киммериец, в свою очередь поднося к губам золотой кубок.

— Послушай, доблестный Конан, но неужели же ты хотя бы в двух словах не можешь сказать, в чем состоит твой план? — не выдержал эмир. Северянин усмехнулся. Его взгляд, устремленный на владыку Маранга, был весь-

ма красноречив: «подобное любопытство свойственно скорее базарным торговкам, о пресветлый эмир!»

— Все выяснится в свое время, — заметил Конан, вставая. — Мне пора. Лучники отобраны, стрелы приготовлены. Ждите хороших известий!

Слегка поклонившись — видно было, что придворным манерам его пришлось бы обучать еще очень и очень долго — он быстро вышел.

* * *

Тлессина кипела, словно адский котел. По улицам беспрестанно скакали конные, бежали пешие скороходы; все арсеналы были распахнуты настежь. Сотники и тысячники лишний раз проверяли оружие и амунизию — предстоял большой султанский смотр, после чего войско выступало к Эврарским холмам. Владыка Датхеи не намерен был отказываться от брошенного ему дерзкого вызова.

Десяток за десятком, сотня за сотней выезжала на просторный плац прославленная, непобедимая конница Датхи. Белые и розовые плюмажи, шелковые струящиеся по ветру стяги, целая радуга парадных плащей... Прочие обитатели Тлессины сгрудились в отдалении — никто не сомневался, что Солнцеподобный вернется с победой. Там, на Эврарских холмах его наверняка будет ждать войско Маранга, быть может — даже нескольких приморских городов; но что непобедимым соколам пустыни эти медленные крабы в своих тяжелых панцирях? Летучие эскадроны Датхи смогут их одним ударом. Сперва засыплют стрелами, а потом, когда те смешаются, ударят накоротке длинными копьями, рассекут на несколько частей и вот тут-то и начнется самое интересное — когда доблестные всадники Солнцеподобного будут рубить бегущих и вязать пленников... Много прибавится рабов на полях и в каменоломнях после этого сражения! Нет смысла штурмовать высокие стены Маранга; а вот схватиться в открытом поле со всей его силой — что может быть лучше?

Даже самый последний обозник в Тлессине не сомневался в победе. И даже странный рассказ о том, как один человек остановил целую сотню и хитростью перебил

почти семьдесят человек, никого особенно не встревожил. Выживших тихо заковали в колодки и отправили на золотые рудники. Их родные также были проданы в рабство...

На великолепном чисто-белоснежном коне его Солнцеподобное величество владыка Датхи объезжал строй своих полков. Пятнадцать тысяч всадников — вся ударная мощь Тлессины.

Нет, он не повторит глупых ошибок того сотника, что повел людей на шипы, надменно думал султан, любясь четкими прямоугольниками всадников. Сперва — разведка; и только потом удар! Только глупцы учатся на чужих ошибках, с важностью сказал сам себе повелитель Тлессины. Я — не такой, я — иной, я по праву владею Датхой! И когда все войско этого надменного Маранга будет вбито во прах, тогда, тогда... Тогда я поведу мои полки к самому морю! Маранг рухнет к моим ногам, визжа и умоляя о пощаде — потому что все его воины будут вырезаны у Эврарских холмов! И я, конечно, сперва смилюсь, а когда они поверят и распустят сопли — отдам город на три дня моим храбрецам! Клянусь Ночными Клинками, моими благодетелями — всадники Датхи заслужили небольшое развлечение.

Тысячи копыт ударили в пыль. Дрогнула земля под ногами чистокровных неудержимых скакунов. Затрепетали на ветру бело-желтые знамена. Султан взмахнул рукой — и лавина непобедимой кавалерии, еще не знавшая ни одной неудачи в открытых боях, понеслась на восток — к Эврарским холмам.

* * *

— Все все поняли? — Конан тяжелым взглядом обвел свое небольшое войско. — Еще раз повторю. Растянуться. Факелы держать зажженными. Паклю в масле намочить! Стрелять по моему сигналу!

В самой середине гряды трепетало на ветру знамя Маранга. На виду, не скрываясь, четко видимый на фоне неба, верхом на горячем жеребце — подарке эмира — сидел Конан, избоченившись и положив руку на эфес. Он не собирался прятаться.

Рядом замер молчаливый Хашада. Откровенно, от кузнеца здесь не было никакого толку — но оставаться в городе он наотрез отказался.

Далеко на горизонте появилось первое пылевое облачко.

Армия султана достигла края Эрмирских равнин, расстилавшихся перед Эврарскими холмами, утром назначенного для смертельного поединка дня. Разведчики отправились вперед, как только рассвело; а едва солнце изгнало из воздуха ночную прохладу, стрелки Маранга натянули на луки тетивы. Растянувшись длинной и редкой цепью вдоль гребня холмистой гряды, они стояли за жалкими подобиями валов и рвов, насыпанных на скорую руку и не могущих служить защитой, против всей мощи войнства Тлессины. Неприятельская армия приближалась.

Люди сжимали кулаки и вытирали вспотевшие от напряжения лбы. Горло пересыхало, а в спину дул и дул хороший, сильный ветер, донесшийся от самого океана... Его порывы неслись над сухими холмами, над равнинами, густо поросшими уже убитой солнцем высокой травой и мелким кустарником, разведали гордые знамена султанских тысяч и шелковистые хвосты коней. Солнце играло на шлемах и нагрудниках, блестело на тысячах заранее обнаженных клинков...

Конан оглянулся. Хлипковаты эти марангцы, как бы не разбежались... Тогда — конец всему. Даже ему, Конану, не устоять против пятнадцатитысячного войска.

Лучники ждали. Конан заверил их, что своей рукой прикончит того, кто выстрелит без сигнала. Его угроза вообще-то не была нужна — едва ли среди стрелков нашелся тот, кто сам, по собственной воле бросил бы вызов всему войску султана Датхи.

Приближаясь, войско султана поневоле сжимало ряды — южнее холмистой гряды были каменистые осыпи, где лошади легко могли переломать ноги, севернее — густо заросшая долина небольшой полусухой речушки. Кроме того, как донесли султану разведчики, перед ними нет ни ловушек, ни разбросанных шипов.

Войско Датхи казалось воплощением Смерти.

Конан, однако, по-прежнему не скрывал своего присутствия. Его мощную фигуру возле знамени Маранга было видно далеко окрест; и его расчет как раз и состоял в том, чтобы выманить на себя всю армию султана...

По шее и спине киммерийца тек пот, но лицо оставалось бесстрастным. Он рисковал по-крупному.

Несколько быстрых разведчиков отделились от основной массы войска, промчавшись впереди почти до самых холмов, и благополучно вернулись назад. Ловушек не было.

Султан выпрямился в седле и высоко поднял золоченую саблю.

— Ахайл, ахайл! — Боевой клич Тлессины разорвал тишину. Солнечные лучи дробились на тысячах вскинутых в едином порыве ятаганов. Конница датхейцев готовилась к решительному броску с криком, наводившим ужас не на одного врага в былое время...

— За нашего Капитана, ахайл!

Знамена заколыхались, салютуя командующему армией султана. Лучники Конана достали обмотанные паклей стрелы из котелков с маслом и приготовили факелы.

— За его величество султана, ахайл, ахайл!

Владыка Тлессины уронил золотую саблю. В тот же миг то же самое сделал и Конан.

Лучники подожгли обмотанные оголовки стрел, растянули тетивы и выпустили первый залп, целясь высоко в небо. Подхваченные свежим ветром, стрелы летели далеко...

Капитан Тлессины, скакавший во главе авангарда, презрительно рассмеялся. Неужто эти марангские болваны думают, что кони армии его величества султана испугаются огня?

Описав высокие дуги и оставив в небе полсотни дымных росчерков, стрелы ударили в землю перед еще не успевшими набрать ход рядами всадников Тлессины. Языки пламени лизнули пучки сухой степной травы, вцепились в кору кустов... Раздуваемые крепким ветром, десятки крошечных костерков дружно занялись, разгораясь стремительно и неудержимо. Повинуясь команде Ко-

нана, стрелки вновь натянули луки. Они дали и третий залп; четвертого уже не потребовалось.

Перед вырвавшимся вперед авангардом внезапно взметнулась гудящая стена пламени. Капитан еще успел повернуть коня — за миг до того, как огонь настиг его. Тело военачальника, умащенное благовонными маслами, вспыхнуло, точно факел; его предсмертный стон потонул в топоте копыт, громе барабанов и диком ржанье охваченных боевым безумием коней.

Высохшая степь в преизбытке давала пищу огню. Сухие стебли и ветки вспыхивали мгновенно, распуская по ветру длинные шлейфы искр. От каменных осыпей до речного ложа на запад стремительно катилась волна огня, вздымаясь выше голов всадников. Горели хвосты и гривы лошадей; пламя перебрасывалось с куста на куст, свиваясь в крутящиеся завесы.

В считанные мгновения лучшие воинские силы Тлессины оказались в огненной западне. Кони ржали и вставали на дыбы, не слушаясь ни поводов, ни шпор. Гордое войско в сто пятьдесят отборных сотен стало поживой на пиру демонов пламени. Напрасно крайние ряды искали спасения в осыпях или в полусухом речном русле — стоявшие на флангах лучники Конана выпускали стрелы дальше, чем те, что располагались в центре, и пламя охватывало войско султана полукольцом, отрезая единственный путь к спасению. Напрасно все, кто могли, повернули лошадей и, безжалостно нахлестывая их, пытались найти спасение в бегстве — потому что не родилось еще такой лошади, чьи ноги сумели бы обогнать сильный, пришедший с морских равнин ветер. Живые факелы метались по обугленной земле, один за другим затихая навсегда.

Стрелки Конана с ужасом глядели на разворачивавшееся перед ними истребление, не в силах отвести взоров. Вопли умирающих в страшных муках датхейцев, казалось лучникам, будут вечно звучать в их ушах. Смертоносный ветер уносил жуткое зловоние обгорелой плоти прочь от Эврарских холмов, тем не менее всем казалось, что этот запах будет теперь сопровождать их повсюду, и никакие ароматы не смогут окончательно изгнать его. Люди и

кони катались в агонии по черной, покрытой пеплом земле; остатки гордых султанских знамен валялись, втопанные в пыль, никчемные обгорелые тряпки...

Конан тронул поводья. На лице его ничего невозможно было прочесть. Спустившись с холма, он направился к своим стрелкам.

— Эй! Очнитесь! Вы, пентюхи, протрите зенки! — орал киммериец, словно не по его слову огонь только что прикончил пятнадцать тысяч человек. — Хватит пялиться! Подобрать луки! Спрятать стрелы! Стройся! Двигаем назад, к Марангу. Там вас всех ждет королевский прием!

Оцепеневшие люди молча повиновались. После того, что они видели, ни у одного не возникло бы желания хоть в малом перечить Конану из Киммерии, даже если бы у него и не было никакой эмирской грамоты.

* * *

Весь Маранг высыпал на улицы встречать героя. От главных ворот вдоль широкой торговой улицы до самого эмирского дворца стояла сплошная людская стена. Даже самая последняя лавчонка украсилась цветочными гирляндами. Конан и Хашдад въехали в ворота — и толпа тотчас же разразилась ликующими возгласами. Конан усмехался, подмигивал хорошеньким горожанкам и вообще вкушал заслуженную славу; Хашдад же ехал молча, опустив голову. За весь обратный путь он не проронил ни слова; а в редких взглядах, которые он изредка бросал на Конана, сквозил неприкрытый ужас. Былой его товарищ по галерному веслу недрогнувшей рукой отправил в огненный ад пятнадцать тысяч человек — и едет спокойно, как ни в чем не бывало, словно на Эврарских холмах он устроил не более чем небольшой безобидный фейерверк!

И Хашдад впервые задумался о том, что ради достижения своей цели киммериец и впрямь пойдет на все. Ему неважно сколько людей при этом будет зарублено, обезглавлено — или, скажем, сожжено. И если Конан и впрямь доберется до цитадели Ночных Клинков — можно не сомневаться, там не останется ничего живого. Вопрос

же в том, останется ли при этом в живых сам Конан... и те, кто дерзнут сопровождать его...

Пир, закаченный эмиром по случаю блистательной победы, оставил далеко позади все праздники и торжества Маранга. Конан ел за троих и пил за десятерых, словно вознаграждая себя за долгие лишения.

— Теперь надо довершить начатое, — словно равному, сказал киммериец эмиру. — Войско Тлессины уничтожено. Надо брать город!

— О, да, да! — закивал правитель Маранга. — Возглавишь ли ты мою армию, о доблестный Конан?

— Возглавить армию? Нет, это не для меня. Я дал... гм... обет вернуть в один храм некогда похищенную отсюда вещь, которая сейчас находится в столице Датхи... Больше мне там ничего не надо.

* * *

Поход на Тлессину был недолг и победоносен. Султан опрометчиво послал на Эврарские холмы всю свою армию; в городе осталось не более тысячи способных носить оружие. Столица Датхи сдалась без боя.

Эмир Маранга был настолько любезен, что снабдил Конана всем необходимым для перевозки этой самой Священной Клепсидры. И хотя киммериец всю сам смеялся над собой, слово, данное плененному богу, он намерен был сдержать во что бы то ни стало. Он непременно вернет клепсиду на ее место... Только для начала сам покончит с орденом Ночных Клинков.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПО СЛЕДУ НОЧНЫХ КЛИНКОВ-2:
ОТ ТЛЕССИНЫ И МАРАНГА ДО ЭНГЛАСА

Глава XV

Священная клепсида была в глубокой тайне припрятана в личной казне марангского эмира. Наступило время решать, что делать дальше.

Эмир пригласил Конана на прогулку по его саду. Сад был и впрямь хорош, но любезность правителя оторвала киммерийца от многообещающего свидания с одной двorcовой служаночкой, чем северянин был немало раздосадован.

Изысканная речь владыки Маранга лилась и лилась — плавно, неостановимо... Конан начинал чувствовать глухое раздражение — в Киммерии привыкли говорить открыто и прямо.

— Так все-таки, не согласится ли доблестный Конан занять место командира моей гвардии? — журчал эмир. — Теперь, когда Тлессина повержена... кто может противостоять войску Маранга, тем более если его поведет в бой прославленный Конан Киммерийский?

Северянин насторожился. Это становилось интересным. Неужто эмир решил обратить оружие против Ночных Клинков?..

Однако это оказалось совсем не так. Воевать со страшным, гнездящимся где-то на юге врагом он не хотел ни на йоту. Мирные города приморья — Дель Морга, давний торговый соперник Маранга, и прочие, помельче, — вот что эмир хотел бы прибрать к рукам, всячески убеждая Конана возглавить его войско и суля златые горы — пост наместника в Дель Морге, например...

Конан хмыкнул. Подобное ему нравилось — он был сыном своего века и белых риз не носил. Пожалуй, завершив дело с Орденом, вполне можно было бы и осуществить эту операцию... Хозяин Дель Морги — разве плохо?

Однако его природная осторожность подсказывала и иной возможный исход. Устрашенные города откроют ворота, он, Конан, и впрямь обоснуется в Дель Морге — а потом его настигнет внезапная смерть от чаши с отравленным вином. Эти южане... Киммериец насмотрелся на их обычаи в Шадизаре и Аренджуне, не говоря уж о Заморе. Сладкие речи и обильные возлияния — а потом предательский удар в спину!

Конан почесал затылок.

— Это, конечно, все очень хорошо...

— Но? — подхватил проницательный эмир. — В чем тут преграда?

— У меня осталось дело, — сдвигая брови, объяснил киммериец. — Мне надо покончить с Ночными Клинками — и пока я не расправлюсь с ними, ни за что иное браться я не могу. Хотя потом, конечно же, можно...

Эмир всплеснул руками, совсем как разочарованный купец, у которого сорвалась выгодная сделка.

— Зачем, зачем тебе это, Конан? Когда-нибудь потом, когда армия объединенных под властью Маранга городов обретет настоящую мощь, я заверяю тебя, я даю тебе слово, что мы непременно...

Конан едва заметно усмехнулся. Киммериец хорошо знал цену подобным обещаниям.

— Нет, достойный владыка. У нас в Киммерии не привыкли откладывать месть до завтрашнего дня. Боги помогают смелому! Я должен отправляться на юг.

— На юг... — эмир тяжело вздохнул. — На юге ты не найдешь ничего, кроме мучительной смерти — или же нового рабства. Подходы к крепости Ночных Клинков охраняет элементал, дух огня, покорный чародеям ордена — он испепелит тебя, как только ты приблизишься...

— Элементал? — Конан поднял брови. — С такими я еще не встречался... Что ж, значит, тем интереснее будет поход!

— Конан, Конан... — эмир вновь покачал головой. — Я понимаю, что ты не слишком-то доверяешь мне. Но чтобы уговорить тебя встать под стяги Маранга, я готов отдать тебе руку моей дочери Илорет!

Киммериец поперхнулся. Прелести наследницы Маранга, разумеется, не оставили его равнодушным, но слова эмира повергли северянина мало что не в смятение. Переспать — это пожалуйста, а вот все прочее... Разговор начал приобретать совсем дурной оборот. Кром! А тут еще эта болванка... то есть, тьфу, Священная Клепсида, каковую надлежит доставить в вендийский храм и каковую смогли понять лишь полдюжины крепких рабов — она-то остается здесь, в Маранге!

А еще Лиджена. Девчонка, умудрившаяся неведомыми путями угодить из Бодя в Маранг! Которую, Кр-р-ром! — все-таки придется тащить домой... ибо не пристало мужчине похищать таких девушек и не возвращать их... за немалый выкуп, разумеется.

Ладно. С южанами жить... Конан натянул на лицо улыбку.

— Почтенный эмир, твои слова меня убедили. Я согласен. Но только я прошу, — (слово это далось северянину нелегко — он привык брать и отнимать, но никак не просить!), — отпустить на свободу служанку твоей дочери по имени Лиджена. Ее надо отправить в Бодей... к ее отцу.

— Немедленно распоряжусь, чтобы ее отправили на самом лучшем нашем корабле! — энергично рубанул воздух ладонью эмир. — Я дам ей надежную охрану... и щедро одарю. Ты доволен?

— О, да! — кивнул Конан. — Как только она отплывет — мы займемся твоей армией, почтенный. Я думаю, небольшая муштровка ей не помешает...

Эмир пришел в восторг.

— О, нет, конечно же, нет, доблестный Конан! Я надеюсь на все необходимые полномочия...

— Чем-чем? — переспросил киммериец. Подобные слова он слышал впервые.

— Станешь командующим, вот что, — разъяснил эмир.

— А-а... ну, тогда ладно.

— То есть мы договорились? — обрадовался эмир.

— Ну-у... Где-то в главном... — протянул Конан. Любопытный северянин сразу же понял бы, в чем дело — прямодушные

и честные, киммерийцы презирали обман и почитали данное слово священным.

* * *

Все это время Лиджена проводила словно в глубоком сне. Сперва девушку вновь приставили к ее обязанностям; она выполняла их четко и монотонно, словно заводная кукла. Ее тормошили, расспрашивали — она отделялась односложными «да» или «нет». Потом, когда победоносная армия Маранга вернулась из Тлессины, освободив всех попавших туда в рабство жителей приморского города, Лиджену оставили в покое — рассказчиков и рассказниц хватало и без нее.

Ревность к Илорет, выказывавшей более чем откровенные знаки внимания Конану, промелькнула единственной искоркой прежних человеческих чувств. Промелькнула — и угасла.

И если сперва Лиджена еще способна была испытывать нечто вроде зависти, видя, как тонкая ручка принцессы Илорет словно бы случайно касается мощной, бугрящейся налитыми силой мышцами длани Конана, то потом пропало и это. Словно рабочая лошадь, что с завязанными глазами тупо крутит мельничье колесо, Лиджена выполняла свои обязанности. Ее хвалили и ставили в пример. Она не допускала ошибок, исполняла порученное точно в срок и с отменным старанием. Однако сама девушка едва ли осознавала, в чем заключается ее работа. Руки справлялись сами; сознание дремало, замороженное неотступным страшным видением глаз Нелек Кахала. Они, эти нечеловеческие, вынырнувшие как будто из преисподней глаза, не отпускали ни на миг Лиджену, постоянно глядя ей прямо в душу, выжигая в зародыше даже самую мысль о сопротивлении. Они, эти глаза, казалось, говорили ей — ты наша. Ты навсегда стала нашей, и мы уже тебя не отпустим. Настанет день, когда мы отдадим тебе приказ, и ты выполнишь его, даже если это будет приказ броситься в огонь или перерезать себе горло.

И Лиджена ждала. Гордая дочь Чесму совершенно перестала походить на себя, сделавшись тупой и покорной. Управительница была довольна — Лиджена не заводила

шашней с молодыми лакеями, хотя те сперва проявили к ней очень даже большой интерес. Однако стоило домогавшимся ее благосклонности поближе взглянуть в когда-то прекрасные аквамариновые глаза, теперь мертвенные и безжизненные, как охота переходить к объятиям у них резко пропадала.

Ничего не изменилось и после прихода потрясающей вести о том, что сам пресветлый эмир Маранга — да продлятся вечно дни его мудрого правления! — узнав от доблестного Конана, победителя датхейцев, о тяжелой участи Лиджены, дочери Чесму, решил отправить ее домой на специальном корабле, в сопровождении почетной стражи и с богатыми дарами. Лиджена равнодушно выслушала известие и молча пожала плечами.

— Как? Ты не рада? — опешили тормозившие ее товарки.

— Рада. Я рада, — ровным голосом произнесла Лиджена, и руки ее вновь потянулись за работой.

Испуганные служанки побежали за доктором — потому что Лиджена не иначе как повредила в уме от горя!

Явился эмирский целитель — сухонький старичок с острым взглядом и аккуратными, опытными руками. Он долго рассматривал ногти Лиджены, радужку ее глаз, заставлял высовывать язык, осторожно прощупывал пальцами живот; а, закончив, только развел руками:

— Все жизненные соки молоды и чисты. Ни одна из струящихся по жилам ликворов не замутнена и не замарана. Но вот желания жить — я не вижу вовсе! От такого может излечить только время. Время, время и ничего кроме времени. Время, покой и, — он вдруг лукаво усмехнулся, — покой и любовь! Хотя, конечно, когда любовное безумие овладевает молодыми, им становится не до покоя...

Лиджена выслушала речи целителя покорно, но равнодушно. Глаза Нелек Кахала внезапно ожили, приковывая к себе все ее внимание. Беззвучный голос медленно произносил какие-то фразы, какие — Лиджена не понимала. Словно тяжкие молоты, они крушили ее волю и силы к сопротивлению; она должна была что-то сделать, что,

зачем, для чего — неважно. Что случится после — неважно тоже.

Она отложила рукоделие в сторону, медленно встала. Она должна найти Конана. Она должна увидеть Конана. И...

Руки ее, словно у слепой, шарили по сторонам, на ощупь отыскивая что-то. Словно сомнамбула, она оставляла позади коридор за коридором, покой за покоем, пока не оказалась в кухне.

И она успокоилась лишь после того, как в ее руке оказался зажат громадный мясницкий тесак.

Пропажу не заметили. Лиджена набросила край накидки на украденное оружие и заторопилась к выходу.

Она должна разыскать Конана. Что она станет делать потом — ей скажут всезнающие глаза Нелек Кахала.

* * *

Конан сидел над картой южных пределов марангских земель. И, хотя эти карты пестрели белыми пятнами, главное на них все же было указано — высокие неприступные скалы, охранявшие вход в длинную бухту и сам замок, цитадель Ночных Клинков. Где-то в этих скалах таился элементар, дух одной из первичной стихий — Воды, Воздуха, Огня и Земли. И ведомое лишь капитанам Ночных Клинков чародейство открывало дорогу мимо свирепого духа. Конан усмехнулся. Эти южане! Любую горюшку они уже спешат прозвать «подпирающей небеса неприступной скалой», черпая в этом оправдание своему бездействию. На месте правителей Маранга Конан уже давно выжег бы этот замок, спалив в нем все, что может гореть, и, посредством таранов, обрушил бы его стены. Потому что всем ясно: еще несколько лет — и мощь Ночных Клинков станет такой, что не устоит не только Энглас, самый южный из семейства приморских городов, ни богатая Дель Морга, ни даже сам гордый Маранг.

Конан поднял голову над картой. Ну и приключение! Из Пустыньки на галеру Ночных Клинков, с галеры на остров плененного бога, с острова в Вендию, башня Аттеи, Бодей, Айодхья, вновь Бодей, плавание, Маранг, Тлессина, пожар на Эврарских холмах, вновь Тлессина... Очевидно,

Кром никак не может утомиться. Мрачный бог, для которого смертные служили не более чем занятыми игрушками, похоже, не хотел, чтобы игра закончилась так быстро.

Дверь негромко скрипнула. Киммериец поднял голову — на пороге перед ним стояла Лиджена. Конан удивленно поднял брови — до этого девушка старательно избегала его, и ему даже не удалось толком расспросить ее, как же она оказалась в Маранге...

— Лиджена!..

— Это я, Конан.

— Послушай, мне говорили, что ты нездоров...

— Я здорова, Конан.

Киммериец нахмурился. Девушка казалась неживой, двигающимся трупом. Аквамариновые глаза погасли, из них ушел тот неукротимый огонь, что полнил их раньше. Кажется, целая вечность минула с того дня, как он, Конан, выкрал ее из айодхьоского дома ее дяди Тайджи...

— Ну так расскажи же мне наконец толком, что с тобой случилось! — воскликнул киммериец, скатывая карту со стола. — Садись, давай выпьем доброго марангского винца; ты ведь уже знаешь, что эмир отправляет тебя домой, к отцу?

— Я знаю, Конан.

— А-а... — подозрения киммерийца усиливались с каждой минутой. — Ну, так рассказывай!

К вину Лиджена осталась совершенно равнодушной.

— Я выбралась из тоннелей на берег реки, — произнесла она, глядя в одну точку. — Потом пришла в дом к моему жениху Амрику Тохону. Он продал меня в рабство. Меня отвели на галеру, привезли в Маранг и тут продали дворцовому управителю эмира.

Это была непревзойденная по краткости и сдержанности речь — Лиджена как будто перечисляла принятую по описи старую рухлядь. Однако было в ее рассказе нечто, что удивило даже привыкшего к людской подлости киммерийца.

— Погоди, как ты говоришь? Твой жених продал тебя в рабство?!

— Амрик Тохон продал меня в рабство, — без выражения сказала Лиджена. — Я отомщу ему, и он умрет страшной смертью. Это случится после того, как я вернусь в Бодей. А сейчас я хочу сказать тебе, Конан, что люблю тебя.

Если бы перед киммерийцем оказался во плоти сам бог Кром, северянин едва ли удивился сильнее.

— Что-что?..

— Я люблю тебя, Конан, — повторила Лиджена, распахивая одежду. Мясницкий тесак незамеченным соскользнул на пол вместе с накидкой.

— Грм... — вырвалось у Конана. Вид прелестей Лиджены не оставлял его равнодушным — отнюдь не оставлял.

«Что я делаю?! — внезапно вспыхнуло в сознании девушки. — Ведь это же Конан! Да, он хорош собой, но... это ведь он украл меня! Это из-за него я оказалась в подземельях Веледа! Я поклялась убить его! И... теперь... я раздеваюсь перед ним? Я намерена отдаться ему?»

«Дура! — загремел в ответ тысячеголосый хор. — Ты должна повиноваться! Раздевайся дальше! Пусть он загорится при виде твоей наготы! Пусть он окажется на тебе и в тебе! Пусть он потеряет голову от страсти — а потом ты отомстишь!»

Она встряхнула тяжелой головой, налитой необорной болью. Перед глазами все мутилось. Обрушившийся на нее поток чужой силы смял и сокрушил возведенные ее собственной волей укрепления, стремительно захватывая власть над ее телом. Глаза Нелек Кахала перед ее внутренним взором горели нестерпимым пламенем.

Руки Лиджены сбросили последние покровы с ее жемчужно-розового тела. Она шагнула вперед, потянувшись к Конану.

Киммериец глухо зарычал. На его лице появилась хищная, звериная усмешка. Его ловят в ловушку? — что ж, пусть ловят, только сперва он отведаст прелестей этой красотки, до которой далеко всем чумазым марангским прелестницам!

Он протянул к ней руки.

«Люби его! Он твой! Люби же его! Я приказываю тебе! Повинуйся!»

Руки Лиджены коснулись могучих плеч киммерийца и мягко потянули силача вниз, на разбросанные одежды девушки.

Против этого не смог бы устоять даже самый закаленный постами и бдениями монах.

Лиджена опрокинулась на спину. Спустя миг они с Конаном стали любовниками.

Тело девушки охотно ответило на яростные ласки киммерийца, в то время как ее разум продолжал оставаться холодным и затуманенным. И тут голос под ее черепом заговорил снова: «Нож! Он подле тебя. Протяни руку. Сожми его. Тот, который сейчас на тебе, ничего не заметит. Давай же!»

Пальцы Лиджены повиновались. Грубая деревянная ручка мясницкого тесака оказалась в ее ладони. Она осторожно подняла руку — острое клинка смотрело точно под левую лопатку Конана, словно Лидженой в тот миг управлял опытный убийца.

«РАЗИ! РАЗИ! РАЗИ!» — грянуло в нее в ушах.

Клинок устремился вниз.

И — остановился.

Чьи-то сильные пальцы заламывали Лиджене руку, вырывая тесак из ослабевших пальцев. Она застонала и перестала сопротивляться.

Рядом с Конаном стоял Хашдад — и подле него Илорет. Глаза принцессы были полны слез.

«Дура! — напоследок услышала Лиджена. — Ты провалила все дело! Но ничего, ты нам еще понадобишься...»

Нельзя сказать, что, вставая под пристальным взглядом принцессы, Конан имел особенно победительный вид. Хашдад молча указал на мясницкий тесак.

— Она собиралась угостить тебя вот этим! Мы успели в самый последний момент!

Илорет плакала, с ненавистью глядя на лишившуюся чувств Лиджену.

— Эту шлюху завтра же заперют кнутами на площади Правосудия! И умирать она будет долго — от рассвета и

до заката! А ты, ты, ты... — она давилась слезами, не в силах произнести ни одного слова.

Конан только молча махнул рукой. Без толку спорить с девчонкой, вбившей себе в голову невесть что!

— Зачем она хотела это сделать? — задумчиво бормотал тем временем Хашдад, одевая бесчувственную Лиджену.

— Наверное, мстила за... — Конан бросил взгляд на Илорет и осекся.

— За что? — тут же подхватила принцесса. — Ты знал ее раньше?!

Кром! Все женщины одинаковы. Почему они так быстро решают, что имеют все права на него, Конана?! Не отвечая принцессе, киммериец повернулся к Хашдаду.

— И что ты хочешь с ней теперь делать?

— Сдать палачам эмира, — невозмутимо бросил кузнец. — Надеюсь, они сумеют узнать, кто послал эту девчонку прикончить тебя.

— Прикончить меня? Что за глупости! Она очутилась здесь немногим раньше нас! Никто не знал, что мы последуем в Маранг!

— Однако же кто-то узнал, — хладнокровно парировал кузнец.

— Может, Ночные Клинки? — предположил Конан. — Если Лиджену увез этот проклятый чернокнижник Пелий, то я ничему не удивлюсь. А если она под властью заклинания, то ее обвинять уже нельзя — противиться чарам может далеко не каждый... Так лучше бы позвать придворного волшебника, а не палача, Хашдад!

— Палача! — топнула ножкой Илорет. — Именно палача!

— Успокойся, прекрасная принцесса! — теряя терпение, гаркнул Конан. — Здесь все не так просто. Надо разобраться. Неужто не понять?

— Идем, — вместо ответа Илорет внезапно потянула Конана за руку и решительно захлопнула за собой двери. Они оказались в соседнем покое — он тоже был отведен Конану, однако киммериец не понимал надобности подобного и пользовался всего одной комнатой. Когда человеку

нужен простор, он идет странствовать под звездным небом, а не под лепными потолками.

— Так что же это в ней есть такое, чего нет у меня? — упреждая руки в боки, напористо спросила принцесса. — Что в ней лучше? Отвечай!

Конан промолчал. Ссориться с эмиром Маранга пока не входило в его намерения, но и уступать беззащитному натиску этой девчонки?!

— Слушай, принцесса! Я не стану обсуждать это с тобой. Я делаю то, что хочу, и никому не давал никаких обещаний, которые бы нарушил с Лидженой. Ее не надо осуждать. Она просто заколдована!

— Она-то да. А вот ты?

— Принцесса! — загремел Конан. — Я отвечаю только перед одним человеком — перед самим собой! Понятно?! Кажется, твое спасение стоит того, чтобы не досаждал мне вопросами!

И, отодвинув плечом ошарашенную принцессу, Конан вихрем вылетел из покоя.

* * *

Разумеется, эмиру обо всем доложили быстро — даже слишком быстро, по мнению Конана. Разумеется, эмир не оставил это без внимания — он прибыл лично, в сопровождении своих целителя, чародея и палача.

Мрачный Конан кивком указал на все еще лежавшую без чувств Лиджену.

— На нее, похоже, наложили заклятье. Надо разобраться в том, кто это сделал и как. Палач тут не нужен.

— Но, доблестный Конан! — запротестовал эмир. — Маранг мог лишиться своего лучшего воина! А ты утверждаешь, что палач не нужен! Быть может, эта девица только притворяется, что она под действием чар, чтобы уйти от наказания!

— С разрешения пресветлого правителя, его покорный слуга мог бы выяснить это, — негромко произнес спокойный приятный голос. Придворный волшебник эмира — средних лет, худощавый, горбоносый, с черными как смоль волосами и курчавой бородой — почтительно поклонился своему повелителю.

— Так действуй же! — энергично затряс головой владыка Маранга.

Водарились напряженная тишина. Чародей принялся водить ладонями над головой Лиджены, время от времени морщась, точно в кожу ему впились мелкие занозы. Спустя краткое время он вздохнул и поднялся.

— Увы, мой повелитель — эта несчастная и в самом деле околдована. Я узнаю магию ордена Нерг!

— Пелий... — выдохнул Конан. — Теперь понятно.

— Пелий? — удивился чародей эмира. — Пелий из ордена Нерг? Я знавал такого... Сильный был колдун... Правда, о нем уже давно никто не слышал...

— Он сменил род занятий, — усмехнулся Конан. — Перекинулся из волшебства в работоторговлю. А кроме того, он теперь один из братства Ночных Клинков.

— Невероятно! — воскликнул волшебник. — Да простит мне мой повелитель эту несдержанность — это невероятно! Он же был очень близок к Белому Кругу! Орден Нерг никогда не являлся с темными силами!

— В семье не без урода, — буркнул Конан. — Один выродок нашелся...

— Ты можешь снять с нее чары? — Эмир повернулся к чародею. Тот виновато развел руками и потупился.

— Увы, мой повелитель. Я могу прочесть эти чары, могу понять, кем они наложены... Но снять... Я ведь еще не имею полного достоинства мага...

— Да, да, я знаю, — раздраженно покивал эмир. — Хотя, право же, этот твой орден Ган слишком уж щепетил!

— Если мастера не представляют меня к последнему испытанию, значит, такова их воля, и силой тут ничего не сделаешь... Я сожалею, повелитель. — Волшебник склонил голову.

— Хорошо, хорошо, Неан, я не гневаюсь на тебя. Ты хороший чародей — лучший из всех, кого я знаю. Но посоветуй же нам, что теперь делать!

Конан и Хашдад выразительно воззрились на Неана.

— Самым разумным было бы поместить ее во дворец пресветлого повелителя, — предложил чародей. — В задних покоях, под строгим надзором — но без всяких

жестокостей. Она все равно что безумна, мой господин. Наставник моего ордена, почтенный Ганнарон, быть может, посоветовал бы лучше... быть может, он распутал бы чары, а я могу сказать, что их действие прекратится лишь со смертью мага Пелия...

— Ну, за этим дело не станет, — мрачно бросил Конан. — Дайте мне только до него добраться!

— Погодите, погодите! — эмир недовольно поднял руку. — Для чего нам обсуждать это? Раз эта девушка безумна и находится под властью чар, я поступлю, как мне советует достойный Неан. А добираться до мага Пелия... Разумно ли это, доблестный Конан? Вспомни, ведь у тебя были совсем иные планы! И мы даже договорились...

Киммериец стиснул кулаки — с этим эмиром, у которого язык становится медоточивее день ото дня, он ни о чем договариваться не станет! Теперь-то уж точно!

— Не тревожься, владыка Маранга. Киммерия держит свои обещания.

— Тогда, быть может, мы поручим эту несчастную заботам целителя, а сами обсудим планы переустройства моей армии?..

* * *

Побег Конан назначил на следующую ночь. У марангского эмира было слишком много желаний и слишком мало терпения. Киммериец не мог больше терять времени. Под кожей по-прежнему горели удары бичом, полученные на галере Ночных Клинков. Он жаждал мести, он, никому никогда не прощавший не то что пощечины, но и просто косого взгляда!

Однако уйти так просто ему не удалось.

Утром решающего дня до Маранга вновь докатились тревожные известия. Они пришли из Энгласа, того самого Энгласа, что волею судеб оказался на самом краю населенных земель. Весть, прилетевшая оттуда, была коротка и страшна, словно беспощадный удар кинжала наемного убийцы:

— Леопарды-оборотни! Леопарды-оборотни Ночных Клинков!

Леопарды-оборотни! — эмир Маранга вздрогнул. — Давненько мне не приходилось слышать ничего хуже... Даже когда пропала Илорет...

— Это почему? — полубопытствовал Конан. Киммериец был мрачен и вовсе не расположен вступать в разговоры по поводу каких-то там оборотней — однако дорога к ордену Ночных Клинков лежала именно через Энглас, и потому поневоле приходилось прислушиваться к подходящим оттуда известиям.

— Это шедевр какого-то злобного чародея. Звери куда сильнее и леопардов, и пантер, и львов, и тигров. Злобны и хитры необычайно. Могут принимать людское обличье. Когти их рвут кольчуги, словно шелк. Укус их смертелен — да что там укус! Даже крошечная царапина в пару дней погубит самого сильного и выносливого. Достаточно трех-пяти бестий, чтобы в несколько дней опустошить целую область. Это мсть! — эмир схватился за голову. — Ночные Клинки мстят мне и Марангу за взятие Тлессины!

— Разве нельзя двинуть против этих зверей войско, окружить и расстрелять из луков? — удивился Конан.

— Не так-то это просто. Днем оборотни, как правило, имеют облик человека. И лишь ночью становятся сами собой, творя кровавые дела. Охота на них смертельно опасна!

— Но если они настолько сильны и неуязвимы, почему же Ночные Клинки не пустили их в ход раньше? — продолжал недоумевать Конан. — С таким оружием они могли бы завоевать весь мир!

— Им все же что-то мешает, — признался эмир. — Быть может — заклятья таинственного Белого Круга, о котором так любит туманно упоминать мой Неан, никогда, впрочем, не рассказывая подробностей? Леопарды-оборотни появлялись несколько раз в прошлом, творили ужасное разорение, а потом внезапно исчезали. Мало кто связывал это в прошлом с Ночными Клинками — ведь последний раз чудовища вырывались на свободу аж двести лет назад!

— А почему же связали теперь?

— Благодаря Неана. Он растолковал мне, что подобные создания не могут появиться естественным путем. Их сотворил кто-то из сильных магов, принадлежащий к Черной Когорте. А дальше простой вывод — едва ли Ночные Клинки позволили бы хозяйничать на своих границах какому-то там залетному чародею! Значит, угроза исходит от них!

— Но почему же тогда порты Маранга и других городов по-прежнему открыты для их кораблей?

— Торговля с ними очень доходна, — пожал плечами эмир. — А купеческие гильдии всегда имели очень большой вес в Маранге. Им ничего не стоит поднять мятеж! Конечно, я подавлю его, но сколько это будет стоить крови и разрушений? Кому это на пользу? Разве что спесивой Дель Морге да еще самим Ночным Клинкам! Нет уж, подобного они от меня не дождутся. Неан бдительно следит за тем, чтобы они не творили в городе никаких чародейств, и пока нас еще ничем не побеспокоили...

Конан ухмыльнулся. Южане, одно слово. Враг у ворот, а они ради лишнего гроша прибыли готовы перерезать друг другу глотки!

— Ну, хорошо, — вслух произнес киммериец. — Так что же теперь хочет делать владыка Маранга?

— Как что? Просить доблестного Конана отправиться в Энглас и попытаться совладать с этой напастью!

— Грм... — прорычал северянин, опуская голову. Встреча с леопардами-оборотнями никак не входила в его намерения. Откровенно говоря, он предпочел бы и вовсе ее избежать.

— Доблестный Конан, подумай о сотнях невинных, что будут растерзаны и сожраны безжалостными чудовищами! Подумай о беспомощных детях!..

— Грм... Если владыка Маранга так озабочен этим, то нужно поднимать все войско! — отрезал киммериец. — В одиночку мне...

Он уже совсем хотел было сказать «не совладать», однако вовремя осекся. Как?! Ему, Конану Киммерийскому, в одиночку уложившему на Эварских холмах пят-

надцатитысячное войско, будет не под силу справиться с полудюжиной каких-то взбесившихся больших кошек?!

Эмир выжидательно смотрел на северянина.

Вообще-то Конан отнюдь не стремился к сражениям только ради сражения. Когда-то в ранней юности он и впрямь ходил в набеги ради самих набегов. Долгий срок, проведенный им в гладиаторских казармах Халогии, приучил его относиться к смертельным схваткам достаточно спокойно. Нет, он не разлюбил кровавые поединки, но теперь все же иногда думал, перед тем как ринуться в сражение.

И сейчас как раз был такой случай, что неплохо было подумать.

— Депутация Энгласа ожидается только сегодня к вечеру, — вновь заговорил эмир. — Однако я и так могу сказать — они упадут на колени перед Конаном и станут просить его спасти их городок. Человек, победивший Датху, в их глазах легко справится и с оборотнями.

— Грм... — раздалось в ответ. Подперев подбородок громадным кулаком, киммериец размышлял.

— Мне надо побольше разузнать об этих тварях, — выдал он наконец. — С кем бы мне потолковать?

— С Неаном, конечно же, с Неаном! — тотчас же подхватил эмир. — Он знает мало что не все об этих тварях!..

* * *

Неана киммериец застал за сборами. Волшебник аккуратно складывал в котомку необходимый походный скарб.

— Ты уходишь? — с порога спросил Конан.

Молодой маг обернулся, приветливо улыбнувшись северянину.

— Да, конечно. А как же иначе? Люди Энгласа в страшной опасности. Я намерен выйти уже сегодня.

— Ты надеешься совладать с оборотнями? — искренне удивился Конан. — Эмир говорил мне, что эти бестии едва ли не непобедимы...

На губах волшебника появилась невеселая улыбка.

— Увы, это почти что так. Они страшно, неописуемо сильны и хитры. Все жуткие рассказы о них, увы, нельзя отнести к бабьим сказкам.

— Но ты все-таки идешь?

— Конечно! — Неан пожал плечами. — Я не могу поступить иначе.

Конан нахмурился.

— Я хотел бы составить тебе компанию, чародей!

— Я не смел и надеяться... — улыбка Неана тотчас же стала куда шире. — Вдвоем мы их непременно остановим!

Вдвоем? Киммериец задумался. Хашдад, его верный спутник, вбил себе в голову, что должен следовать за Конаном везде и всюду, причем вне зависимости от желаний самого Конана. Иногда кузнец являл чудеса храбрости — как, например, возле башни ведьмы Аттеи — иногда же просто пребывал рядом с Конаном без всякой существенной пользы. Однако бросить его киммериец отчего-то не мог — северяне вечно хранят память как о добре, так и о зле. Хашдад сделал много хорошего — так что пусть. Другое дело, как он поведет себя при встрече в леопардами-оборотнями...

— Хорошо. Жди меня у городских ворот, как только сменится вторая вечерняя стража!

* * *

— Я иду с тобой, — ровно, без малейшего удивления отозвался Хашдад, когда Конан, ругаясь и плюясь, словно устыдившись собственного благородного поступка, объявил своему спутнику, что отправляется в Энглас охотиться за леопардами-оборотнями.

— Да зачем тебе это? — пытался переубедить его Конан. — Сожрут тебя там, вот и все. А кто тогда выполнит слово, данное Тару, Плененному Богу? Клепсидра-то по-прежнему здесь!

— Ничего со мной не случится, — совершенно спокойно сказал Хашдад. — И с тобой тоже, Конан. После Эврарских холмов я готов поверить, что тебе по силам ниспровергнуть даже бессмертных богов!

— За эту работу мне пока еще не платили, — отшутился Конан. — А вот за оборотней — да, и преизрядно!

— Зачем тебе золото, Конан, если мы идем сражаться с тварями Ночных Клинков?

— Золото всегда золото. Ты отказался от всего мирского, а я, знаешь ли, пока еще нет. Ладно! Раз ты тоже идешь — собирайся! Времени осталось всего ничего.

Провожать Конана, Хашдада и волшебника Неана опять высыпал весь город, как и в день их возвращения после победы на Эврарских холмах. Эмирской страже пришлось приложить немало усилий, расчищая дорогу.

Тракт от Маранга на юг был далеко не столько же широк и наезжен, что ведущие на север и запад. Однако сейчас забит он был до отказа — сплошным потоком шли напуганные жители Энгласа и его окрестностей. Судя по передававшимся из уст в уста вестях о целиком растерзанных деревнях, оборотни уже выполнили одну из задач — людей охватила паника, никто и не помышлял о сопротивлении. Все спешили спасти свои собственные жизни.

Путь до Энгласа занял два дня. Хозяин постоялого двора, где остановились Конан, Неан и Хашдад, уже заканчивал паковать последние узлы.

— Да, снимаемся, — кивнул он в ответ на немой вопрос чародея. — А что же нам делать-то, господин хороший? Только на вас вся и надежда. А пока — пока за стенами Маранга отсидимся! У меня там родня... А то слышали ли — в полудне ходьбы хутор весь вырезали! Людей сожрали, даже костей не осталось.

Энглас встретил путников зияющими провалами пустых окон. В нем осталась едва ли десятая часть жителей; все, кто мог — бежали. Не покинули город лишь те, кого нигде не ждали, да те, кто решил, несмотря ни на что, сражаться до последнего. Таких, увы, не набралось и полусотни, что дало Конану повод вновь презрительно процедить сквозь зубы:

— Южане, одно слово...

Энглас оказался маленьким и пыльным городком. Здесь пустыня ближе всего подступала к берегу океана, и ее горячее, знойное дыхание всюду спорило с влажными ветрами морей. Каменными в городке были только внешние стены — похоже, обитатели Энгласа ни о чем больше

и не заботились, кроме как о них. Дома в городке стояли в забросе — даже дома богатых, по местным понятиям, торговцев.

Формально Энглас был независимым торговым городом, однако вся власть в нем давно уже перешла в руки присылаемого Марангским эмиром судьи. Судья оказался мужественным человеком — отправив семью, сам он уехать отказался.

Он встретил путников на главной площади городка — пыльной площадке длиной шагов семьдесят и шириной примерно сорок. Маленький худощавый человек, не достававший Конану макушкой и до середины предплечья, он носил белую полотняную одежду, подобную той, что Конан видел в Тлессине.

— Пресветлый эмир, да продлятся вечно его дни, прислал мне весть с голубиной почтой, — он церемонно поклонился гостям. — Думаю, вас уже тошнит от высоких слов — поэтому пройдемте в дом, я постараюсь угостить вас с дороги и расскажу все, что знаю о нападениях леопардов-оборотней.

Судья оказался гостеприимным хозяином и толковым правителем. Из немногих местных смельчаков он создал нечто вроде дозорных отрядов, прочесывавших окрестности. Благодаря этому в Энгласе знали все — или почти все — о нападениях чудовищ.

Конан склонился над картой, испещренной разноцветными точками.

— Это что такое?

— Позвольте, я поясню, о доблестный победитель Тлессины. Оборотни шли с юга — от скалистой цепи Ар-Наммор, издавна разделявшей наши земли и владения Ночных Клинков — точнее, мы лишь недавно узнали, что их следует называть именно так. Всего чудовищ пять. Три самца и две самки. Все сведения об их нападениях отмечались здесь, на этой карте. Сперва оборотни шли редкой цепью. Путь каждого из них... — судья принялся водить по карте сухим коричневатым пальцем. — Они шли от хутора к хутору, от деревни к деревне. Нападали всегда ночью, в зверином обличи, когда они почти неуязвимы. Красные точки — это когда они уничтожали поголовно

всех, кого только могли. Желтые — если кому-то удавалось спастись чисто случайно. Синие — когда звери сами щадили кого-то.

Конан присмотрелся — синие точки встречались лишь возле самых скал. Дальше шли сплошь желтые с редкими вкраплениями красных, однако ближе к Энгласу желтизна исчезла напрочь.

Киммериец кивнул. Да, все было очень понятно. Звери шли не за пищей. Они шли убивать. И они убивали, все больше и больше пьянея от пролитой крови. Нетрудно было угадать, какая участь приготовлена Энгласу и лежащим севернее землям, где все еще оставалось очень много людей.

Оборотни никогда не нападали вдвоем. Только в одиночку. Конан повернулся к судье:

— Они что, охотятся порознь?

— Пока да. Пока. Но пути их можно проследить — а если, проследив, продолжить — то они все сойдутся на Энгласе!

— То есть они станут штурмовать город? Впятером? — удивился Неан.

— Это им будет сделать достаточно легко, — бледно улыбнулся судья. — Способных носить оружие в городе осталось не более пяти десятков. Остальные — беспросветная пьянь, которой все равно, жить или помереть.

— Тогда зачем оборотням лезть в Энглас? — вступил Хашдад.

— Верно! — подхватил волшебник. — Ведь к северу добычи куда больше!

Конан мрачно усмехнулся. В отличие от остальных, он понял все сразу.

— Да потому что пославшие их отлично знали, что мы, как последние идиоты, примчимся в Энглас! Потому что они охотятся за мной — понятно? Маг Пелий уже наверняка все доложил свои новым хозяевам, порази его Кром! А я... я уже насолил им достаточно. Да и Хашдад тоже. Так что в Энгласе они будут искать меня и прежде всего меня — хотя и от остальных, кого найдут, тоже не откажутся.

— Люди еще остались вокруг города? — спросил Хашдад. — Если да — то ведь уходить им нужно...

Судья покачал головой.

— Почти никого уже не осталось. Оборотням нужно либо идти на север, либо сворачивать сюда — если, конечно, выводы доблестного Конана верны...

— Понятно, — бросил киммериец, отрывая взор от карты. — А теперь я буду задавать вопросы — и у меня их накопилось изрядно. Во-первых — они способны превращаться при свете дня?

— Нет, — уверенно ответил Неан. — Только после заката, после того, как полностью скроется солнце.

— А если они останутся в зверином обличьи после рассвета?

Маг пожал плечами.

— Никто толком не знает. Раньше ходило поверье, что они сгорают, едва только их касаются первые лучи, но я смогу утверждать что-то наверняка лишь после того, как взгляну на них... Хотя бы издали. И, конечно — наложу заклятье.

— Смотри, как бы они сами на тебя не наложили бы... лапу, — мрачно хохотнул Конан. Ответом ему были кислые, вымученные улыбки остальных. Все понимали, что первый взгляд на оборотня может оказаться и последним.

— Так. Понятно. А как они выглядят, когда... это... в людском виде? Кто-нибудь их видел?

Судья отрицательно покачал головой.

— Нет. Их встречали лишь когда они нападали сами. И нападали они только ночью, как и положено.

— Ясно. То есть любой незнакомец может оказаться оборотнем? — Конан сжал кулаки.

— Ну... Наверное, да. Я выставил стражу в воротах — она никого без моего разрешения не пропустит. На ночь ворота мы крепко запираем и стоим на часах вдоль всей стены. Человек по ней не взберется, леопард — тем более...

— Видел я вашу стену... — проворчал Конан. — Влезет даже грудной ребенок!

— Но наверху стража, — попытался возразить судья. Киммериец лишь пренебрежительно махнул рукой.

— Влезет человек, а на стене обернется леопардом... И останутся от всей охраны одни только кости... Нет, сидеть и ждать в Энгласе я не стану. Тут нужно иное... — Он замолк и надолго погрузился в размышления.

Хашдад тотчас же замолчал тоже, словно имел право говорить лишь если в разговоре участвовал и северянин. Маг же и судья продолжали беседу, обсуждая, какие ловушки можно устроить на пути чудовищ, если они все же станут прорываться в город.

— Ладно! — Конан внезапно поднялся. — Я должен ехать.

— Что? Как? Куда? — раздалось три одновременных изумленных возгласа. — Из Энглас?

— Да, — Конан был уже около двери. — И я поеду один!

— Постой! — Неан сорвался с места. — У меня есть специальное заклятие для розыска этих тварей — по запаху их яда! Возьми меня с собой!

— Я отчего-то думаю, — медленно произнес Конан, — что у меня есть нечто получше заклятий, — и он крепко сжал сильной ладонью серебряный шар на эфесе.

* * *

Сильный и выносливый жеребец киммерийца отмерял железными ногами лигу за лигой. Точно коршун, Конан кружил по опустевшей местности вокруг Энгласа. Совсем недавно это была богатая земля, хорошо родившая и изобильная. Теперь же взорам северянина представляли одни лишь брошенные дома.

Конан искал следы. Не на дороге — утопанные, они быстро забывали всех, кто ступал по ним; не в воздухе — заклятье Неана осталось вместе с магом в Энгласе; варвар искал следы волшебства Ночных Клинков.

Однако заветный серебряный шар оставался обычным шаром теплого металла. Час проходил за часом, солнце все ниже и ниже опускалось к горизонту — а Конан так и не встретил ни одной живой души. Очевидно, оборотни поняли, что отсюда бежали уже все — кто мог и кто не мог, — и показываться тут в людском обличье означает выдать себя.

Конан совсем уж было собрался поворачивать коня, как вдруг ощутил спиной направленный ему между лопаток горящий голодный взгляд. Инстинкт северного варвара не мог ошибаться. Совсем рядом, за спиной появился враг — жестокий и беспощадный, которого нужно убить, иначе он убьет тебя.

Разумеется, Конан не обернулся. Одно легкое, незаметное чужому глазу движение — и меч вынырнул из ножен. Серебряный шар слегка светился — желтоватым.

Встреча произошла на краю брошенного хутора. Оборотень укрывался где-то среди построек; Конан остановился возле каменного венца колодца. К счастью, ворота и ведро имелись.

Киммериец напился, напоил коня и сел, словно намереваясь переобуться и освежить ноги. Вражеский взгляд преследовал его неотступно; однако сам оборотень не показывался. Похоже, судья был прав — эти люди-леопарды предпочитали охотиться в одиночку. И тот, что смотрел на Конана, был очень, очень голоден. Перед ним была вожделенная добыча — но до темноты оставалось еще немало времени. Что он станет делать — нападет, не меняя форму? Или все же превратится?

Несколько мгновений Конан сидел, словно бы отдыхая. Нет, он ошибся — на него смотрел не человек. Зверь. Превращение уже давно завершилось — но зачем же тогда тварь медлит? Или она тоже в нерешительности? Как же так, все бегут и прячутся, а этот отчего-то сидит здесь, словно в полной безопасности? Может быть, это неспроста?

Потянулось время. Зверь мог ждать — Конан нет. Когда наступит темнота, преимущество окажется у оборотня.

Киммерийцу не оставалось ничего иного, как самому двинуться в дом. Шарик на эфесе меча светился все ярче и ярче — тварь притаилась где-то совсем рядом...

Пинком ноги Конан распахнул дверь. Пусто и темно. На глинобитном полу свалены какие-то кадушки, мешки, мотыги и прочее; и, пока глаза Конана еще не успели привыкнуть к темноте, оборотень прыгнул.

Серебряный шарик полыхнул яростным пламенем. Чистый, белый, слепящий свет озарил убогое строение — и распластавшееся в великолепном прыжке длинное пятнистое тело.

Конан успел лишь упасть на одно колено. Полоснуть мечом — уже нет; тварь оказалась очень быстра. Однако существо в полете боком слегка задело светящийся серебряный шар — и воздух огласился яростным шипением.

Конан вскочил на ноги. Теперь оборотень оказался на ярком свету, а киммериец, напротив, в темноте, и северянин мог рассмотреть своего противника.

Да, такого врага можно было уважать. Под шкурой так и перекачивались мышцы, когти не уступали длинной кинжалам; глаза — сплошной огонь. С черных губ капала дымящаяся слюна. Идеальное оружие смерти.

Величиной тварь была примерно с крупного тигра.

И Конан, и оборотень замерли. Бестия все еще шипела от боли — серебряный шар оставил на ее боку длинный черный след, как будто опалил пламенем. И теперь она, похоже, и впрямь поняла, что имеет дело не с простым путником. Тварь явно колебалась.

Киммериец ждал. Леопард одним прыжком уйдет от его, Конана, атаки; оставалось только ждать, пока тварь нападет сама.

Зверь раздумывал долго; но наконец решился.

Он попытался обмануть Конана, этот хитрый и кровожадный зверь, одержавший несчетное число побед, навсегда запомнивший предсмертные вопли и крики умиравших в его когтях людей; и эта память пересилила. Оборотень качнулся влево, словно собираясь обогнуть дом; и в тот же миг прыгнул.

Это был поистине великолепный прыжок. Гибкое тело растянулось в воздухе, страшные лапы взметнулись, готовые опрокинуть врага страшным ударом в грудь, пасть приоткрылась...

Прыжок оборотня был настолько стремителен и быстр, что даже Конан не успел ничего сделать. Лишь в самый последний момент руки — похоже, даже без вмешательства его воли — выставили вперед эфес с зачарованным

шаром. В тот же миг сокрушительный удар отбросил Конана к дальней стене. Киммериец упал на спину.

И тотчас же раздался плач. Совершенно обычный, обиженный женский плач; молодой голос плакал с удовольствием, вздох, словно находил странное облегчение в слезах. На киммерийца никто не нападал, он не чувствовал боли; и запах яда, неотступно сопровождавший оборотня, вдруг бесследно исчез.

Рядом с Конаном, скорчившись и обхватив тонкими руками голову, горько плакала молодая девушка. На груди ее, между ключиц, чернело отвратительное, воняющее горелой плотью пятно ожога.

Конан ринулся на нее, словно коршун на добычу. Его рука сама нанесла удар. Оборотень в последний миг успел поднять голову, и взгляд больших, влажных черных глаз ударил киммерийца, словно тяжкая палица.

Эта девчонка был нечеловечески, неправдоподобно красива!

А миг спустя острое клинка с хрустом вонзилось в открывшееся горло, пронзило шею и выпило наружу у основания затылка. По струящимся волной волосам быстро-быстро потекли вниз алые струйки. Кровь хлестнула из страшной раны, оборотень вскрикнул и повалился.

Конан вырвал меч и, сам не зная зачем, перевернул стройное нагое тело. Да, она была поистине прекрасна. Казалось, в ней слиты черты всех самых красивых женщин, что когда-либо попадались Конану. Он, грубый северный варвар, привыкший скорее насиловать, чем ласкать, стоял совершенно растерянный и потрясенный перед этой убитой его мечом красотой.

Но дело надо было доделать. Неан советовал... Конана передрунуло от того, что ему предстояло сделать. Это будет стоить эмиру целый караван, груженный золотом, поклялся он себе.

Киммериец вынес труп во двор. Вся схватка заняла лишь несколько секунд; света было еще достаточно. Торопясь, северянин выкопал найденной тут же лопатой неглубокую яму, сбросил тело вниз и, заострив с одной стороны длинный кол, приставил его к груди убитой. Размахнулся камнем и ударил сверху.

Труп закричал. Затряслись воздетые к небу в жесте нечеловеческого отчаяния руки. Мертвые глаза приоткрылись — и на миг в них промелькнул тот самый, истинный огонь, что пылал в орбитах оборотня. А потом он угас — на сей раз навсегда. Тонкие точеные пальцы впились в края раны, словно стремясь разорвать ее, сделать шире, шире, еще шире — да замерли, потому что жизнь покинула их на самом пике усилия.

Конан забросал неглубокую могилу сухой, песчаной землей.

Пора в путь.

На прощание он осмотрел место схватки — и пальцы его внезапно нащупали нечто мягкое, пушистое, теплое... Вынес к свету — это оказался лоскут шкуры оборотня, неведомо как оказавшийся на полу. Киммериец спрятал его в седельную сумку. Будет что показать Неану.

Он взобрался в седло. Солнце уже совсем низко. Наступает ночь, а до Энгласа еще ехать и ехать.

— Ты убил мою сестру, человек, — услышал он. Конь в ужасе шарахнулся в сторону, едва не сбросив всадника. Позади, возле свежезакопанной могилы, стояла завернутая в легкую тунику девушка — точная копия убитой Конаном.

Совладав наконец с конем, киммериец резко бросил его на нового врага. Теперь он не даст овладеть собой постыдной слабости! Они решили, что так просто получают Конана из Киммерии — так вот же им!

Девушка легко уклонилась от копыт разъяренного болыю жеребца. Конан услышал ее смех, низкий, грудной, волнующий...

Однако она тоже ошиблась, недооценив киммерийца. Он кубарем скатился со спины скакуна, и вовремя — девушка слегка хлопнула того ладошкой по крупу. С диким ржанием жеребец мгновенно взвился на дыбы и рухнул замертво. Конана неминуемо придавило бы тушей, если бы не его ловкость.

— Ты убил мою сестру, человек, — вновь раздалось в тишине. — Ты будешь умирать долго, очень долго. Это я тебе обещаю.

— Не хвались прежде времени, — хрипло ответил киммериец. — Сначала возьми верх, а уж потом хвались!

Меч он держал острием вверх, готовый и рубить, и колоть. Взгляд его приник к прекрасному врагу... и против воли самого Конана северянин почувствовал, как в нем закипает кровь.

Эта девочка — неважно, оборотень она или нет — слишком хороша, чтобы прикончить ее, не узнав, а какова она на ощупь?

В таких обстоятельствах подобное могло прийти в голову разве что безумцу. Однако Конан уже и был таким безумцем — потому что в сухой земле бедного, разоренного крестьянского двора уже лежала одна такая красotka. И Конан помнил, что убил ее в тот миг, когда она не была готова к отпору.

Киммериец надменно усмехнулся прямо в лицо оборотню. Намеренно медленным движением убрал меч.

— Ну что, стакнемся, как тебя там? Давай, чего медлишь? Или ты умеешь царапаться только когда прячешься в кошачьем теле?

Девушка не ответила. Они с Конаном кружили лицо в лицо.

Киммериец первым шагнул к ней. Она не отступила. Затем он шагнул снова — теперь до оборотня можно было дотянуться руками — если прыгнуть резко и внезапно.

И Конан прыгнул. Желание воспламенило его кровь. Ему доводилось иметь дело с ведьмами и колдуньями — а вот с оборотнями — ни разу. А мрачный огонь в глазах его прекрасного врага отчего-то заставлял киммерийца всеми силами души желать, чтобы он погас, сменившись любовной истомой.

Пальцы Конана вцепились в плечи оборотня. В следующий миг он подсек девушке ноги и опрокинул на спину.

Боролась она отчаянно. Ловкая и гибкая, она дважды едва не вырвалась из рук Конана, однако ее сопротивление лишь распаляло варвара, доводя его до крайности. Накидка оборотня затрещала по швам, ладони киммерийца скользнули по гладкой горячей коже, и...

Она перестала сопротивляться. Вдруг, как-то разом, отчаянная борьба сменилась не менее отчаянной страстью.

Она сама вдруг потянулась к Конану, трепещущие губы приоткрылись, а руки обвили его шею — но отнюдь не с намерением задушить. Она ответила варвару с такой пылкостью, что казалось — вокруг них сейчас вспыхнет сам воздух...

Они рычали, точно два диких зверя. Тела их сплетались, точно в неистовой борьбе. На губах был вкус крови от сумасшедших поцелуев...

И потом, когда все было уже на исходе, достигнув в который раз самого пика блаженства, девушка внезапно вскрикнула — коротко и гортанно, словно птица — и потеряла сознание.

Конан медленно сел. Такого с ним еще не бывало. Ни одна красotka, ни одна, даже самая опытная куртизанка Заморы, Шадизара или Арэнджуна не смогла довести его до подобного умоисступления.

Он сидел и смотрел на распластанное рядом с ним богоподобное нагое тело. Вулкан страсти, вырвавшийся наружу, казалось, опалил даже землю вокруг. И эту девочку он должен сейчас убить. Убить — потому что потом такого случая уже не будет. Невольно варвар вспомнил энгласскую дорогу и толпы отчаявшихся людей на ней, в одночасье бросивших дома, поля, все нажитое, сорванных с мест одной только вестью о приближении страшной пятерки. И вот пятерка — после его, Конана, удара — превратилась в четверку, а еще один оборотень из этой четверки — вот он, в полной власти его, Конана...

Но рука тянуться к эфесу решительно отказывалась.

Девушка открыла глаза. Похоже было, что она удивлена.

— Я жива?

— Жива, — без выражения сообщил ей Конан. — А что?

— Значит, ты не смог... — Лицо ее скривилось, точно от горя.

— Не смог чего? — удивился Конан. Подобного он и впрямь не ожидал.

— Я была уверена, что ты убьешь меня, — внезапно услышал он. — Я проваливалась в счастье и думала, что

никогда уже не открою глаз... Что милостивая смерть наконец-то примет меня...

— Что ты говоришь?!

— Я вспомнила. Я все вспомнила... — и внезапно она ухватила киммерийца за руку неестественно горячими пальцами. — Идем отсюда. Идем, пока здесь не собрались остальные. Тогда тебе не жить. А я... теперь я тоже не хочу умирать, пока не отомщу!

Конан пристально взглянул на девушку. Не стесняясь, она сидела перед ним нагой, поджав под себя немислимо стройные ноги. Притворяется? Говорит правду?

— Хорошо, — после всего случившегося язык не слишком хорошо слушался киммерийца. — Пойдешь со мной. А зачем ты убила моего коня?

— Потому что хотела убить и тебя. А потом... когда ты дотронулся до меня... и потом... когда я... когда мы... я вспомнила... все-все-все вспомнила. Почему я стала такой. И кто должен за это ответить! — Ее глаза вновь дико блеснули.

— Но, быть может, нам удастся привести в себя и твоих братьев? — не слишком подумав, брякнул Конан.

— Их?.. О, нет, нет! Они — старые оборотни, уже давно забывшие о том, что такое — быть людьми. Их память пуста. А моя — моя еще не успела стереться. Не знаю, к добру или к худу... Может, было бы и лучше, если бы ты убил меня сейчас... А к могиле моей сестры... не замедлят явиться трое остальных оборотней... и против них тебе уже не устоять, даже если я буду сражаться вместе с тобой.

— Ну, это мы еще посмотрим... — начал было Конан, гневно сдвигая брови, но девушка умоляюще коснулась губами его заросшей жесткой щетиной щеки.

— Не надо смотреть. Надо мне поверить. Веди меня перед собой, со связанными руками, и убей меня, как только тебе покажется, что я завела тебя в ловушку. Но... на тот случай, что нас все-таки настигнут... лучше бы мне иметь свободные руки. Хотелось бы продать свою жизнь подороже!

— Послушай, ну хорошо, я верю тебе; а как тебя зовут?

Девушка наморщила лобик в напряженном раздумьи.

— А ведь я и не знаю... — сообщила она Конану некоторое время спустя. — Не помню, и все тут! Нет имени. Ничего нет. Дикий зверь. О, всемогущий Митра, скольких же невинных я убила! — Ее лицо задергалось, из глаз покатались слезы, оставляя дорожки на пыльных щеках. — Я ведь подала детей! Совсем крошечных... они кричали... мальчик звал маму...

Она вновь разрыдалась, бурно, горестно, самозабвенно.

Конан как мог осторожно положил ей на плечо руку.

— Послушай... не надо так убиваться. Если бы не ты — их убил бы другой оборотень. Разве мало их у Ночных Клинков? Больше скажу — тем более надо взять себя в руки и уходить отсюда. Нам еще предстоит немало сражаться, прежде чем мы доберемся до их замка — так что стоит ли класть жизни здесь?...

Каким-то чудом Конану удалось успокоить ее. Безымянная поднялась. Конь киммерийца был мертв; и теперь северянину и его живой добыче предстоял долгий переход через окутанную тьмой безлюдную местность до самого Энгласа.

Дорогу осилит идущий — они тронулись в путь.

Тьма сгущалась. Жаркие ночные тени выползали отовсюду, словно намереваясь преградить дорогу путникам. Девушка тихо и покорно шла впереди, однако говорить с ней Конан не мог — обострившиеся чувства северянина подсказывали, что враг вновь где-то рядом. Слабо светился серебряный шар на эфесе; очевидно, остальные трое оборотней подтягивались сейчас к песчаной могиле, чтобы справить по убитой Конаном свою собственную тризну, которую не может видеть ни один смертный.

Шли в молчании. Руки своей не то пленнице, не то новой любовнице Конан все же связал. Правда, хитрым узлом — сам он мог распустить его за секунду, другим бы на это потребовались часы — если, конечно, не поставить условием не перерезать веревки.

Что делать дальше? Добраться до Энгласа... быть может, пробиться с боем... Но что дальше? Слабое звено у оборотней он выбил. Теперь оставшиеся станут осторожнее... а, быть может, наоборот, разъярятся до последней степени и решат не уходить от Энгласа до тех пор, пока не расправятся с ним, Конаном...

Ночная дорога ложилась под ноги. Черными холмами появлялись и исчезали во тьме брошенные, опустевшие дома. Серебряный шар мало-помалу начинал светиться все ярче и ярче... Враги постепенно приближались — верно, шли по следу.

— Шире шаг, — утрюмо бросил Конан своей спутнице, мимоходом подумав, что надо будет все же придумать ей какое-нибудь имя, раз уж он решил пока ее не убивать. — Шире шаг, иначе они нас достанут...

— Они пока еще не знают в точности, где мы, — откликнулась девушка. — Твой шар... он сбивает им чутье. Быть может, мы и доберемся до твоего города... а там меня убьют.

Конан даже слегка опешил. Это было сказано совершенно спокойно, она просто напоминала о чем-то всем прекрасно известном, только по каким-то причинам не называемом вслух.

— Кто тебя убьет?

— Твои... твои сородичи. Люди. Я убивала их — теперь они убьют меня. Это закон. Это справедливо. Я забыла о нем в своем глупом желании выжить и отомстить, — она внезапно остановилась. — Мне нет смысла идти дальше, пленитель. Меня убьют твои... чтобы отомстить за своих погибших детенышей... то есть детей... а если даже ты меня отпустишь — меня убьют свои... потому что во мне — ненавистное им твоё семя. Они убьют меня сразу же, потому что я предала их проклятый род, а в их глазах нет преступления страшнее. Что ж, значит, так тому и быть.

В ее голосе слышались отрешение и покорность.

— Ну уж нет! — загремел Конан, забыв об осторожности. — Тебя убьют мои сородичи — что за чушь! Так я им и дам! Сперва им придется убить меня, а я в одиночку могу справиться со всеми, кто еще остался в этом проклятом Энгласе!!!

Он кричал, грозно потрясая кулаками. Сейчас он и в самом деле готов был перебить всех еще оставшихся в Энгласе, не исключая и своих товарищей, если только они и в самом деле решат лишить его законной живой добычи!

— Это ты сейчас так говоришь, — возразила она ему. — Я ведь тоже рождена женщиной. Я помню людские законы и порядки. Если большой правитель скажет — все должны подчиняться, ведь так? И ты подчинишься тоже... иначе они пошлют против тебя не одного воина, а десять... или десять раз по десять... или десять раз по десяти... и рано или поздно возьмут верх. Ты не из этих краев, а пришедшие в мир на этой земле очень не любят леопардов-оборотней. И нет такой силы, что заставила бы их сохранить мне жизнь!

— Все! — резко оборвал ее Конан. — Хватит болтать, пока твой братцы и впрямь не подобрался к нам вплотную! Я, Конан из Киммерии, клянусь тебе моим богом, суровым Кромом, что ни один волос не упадет с твоей головы без моего на то соизволения!

Он чувствовал, что девушка беззвучно улыбается в темноте — странной, дикой, влекущей улыбкой. Она ду-

мала, что знает все. Что ж, решил Конан, пусть думает. Для меня главное — дотащить до Энгласа... а там видно будет.

Вызвездило. Ночь властно вступила в свои права, должны были выйти на охоту хищники, однако сегодня опасаться их не было нужды — ужас перед оборотнями распугал все живое в округе. Львы, настоящие леопарды, белые песчаные тигры — все в страхе бежали. Округа была мертва. Ночь тупо молчала, вытупив бесчисленные глазницы звезд.

Лишь на заре Конан и его безымянная пленница увидели невысокие стены Энгласа. Киммериец заметно приободрился, плечи же девушки бессильно поникли.

— Сейчас... — услышал Конан ее шепот. — Они сожгут меня на огне... таком горячем, так больно кусающемся...

— Никто тебе ничего не сделает, — решительно заявил Конан и, схватив пленницу за локоть, потащил ее к воротам.

Его заметили. Радостно завопила стража, потрясая са- модельными копьями; и тут чей-то горящий ненавистью взгляд сзади заставил Конана обернуться.

Так и есть. Вдали, на невысоком придорожном холме стояли трое. Спокойно, самоуверенно, нагло. Стояли и смотрели в спину уходящему киммерийцу — и в спину его добыче.

Девушка съежилась, словно ее хлестнули бичом. Ноги у нее подкосились, и последние шаги Конану пришлось тащить ее на руках.

— Конан! — вихрем налетели на него разом Хашдад, Неан и энгласский судья. — Куда же ты пропал?! Мы уж было решили...

— А вот никогда не надо ничего решать заранее, — огрызнулся киммериец. — Нужно кое-что пострашнее этих самых оборотней, чтобы с Конаном могло что-нибудь случиться!

Хашдад неодобрительно покачал головой. Взгляды же всех остальных были уже прикованы к приведенной Конаном девушке.

— Великий Митра!.. — прошептал ошеломленный судья. — Отродясь не видел такой красоты!.. Кто ты, ответь мне?

— Она ничего не помнит, даже собственного имени, — принялся вдохновенно врать Конан. — Ее очень сильно напугали оборотни... Она выжила чудом, я наткнулся на нее, блуждая по пустыне...

— Тогда тебе сильно повезло, о дочь моя, — Неан так и буравил добычу Конана подозрительным взглядом. — Ты избегла когтей леопардов-оборотней... и встретила Конана, который сумел защитить тебя на обратном пути...

— Кстати, — как можно более небрежно бросил киммериец, — против нас осталось только три оборотня...

Все так и окаменели. Конан порылся в сумке и достал кусочек леопардового меха.

— Что скажете?

Неан мало что не выхватил трофей из рук северянина. Судья взирал на Конана с немим обожанием.

— Ты воистину великий герой, о Конан Киммерийский... За одну ночь тебе удалось уложить двух демонов!

Девушка слегка хихикнула. Северянин метнул на нее грозный взгляд, и она тотчас осеклась.

— Одного, — поправился Конан, слегка покраснев. — Второй... в общем, сам помер.

— Что-что? — у Неана, похоже, ум заходил за разум. — Сам помер? Это как? Как такое могло случиться?..

— Как, как... — заворчал Конан, не имея представления о том, как выкрутиться. — Так вот. Что, я у него спрашивал? А только сам я то видел. Помер он. Может, со своими подрался... Или еще что случилось...

— Оборотни убивают своих только если уверены в их измене, — покачал головой Неан.

— Ну, так значит, изменил он им! И хватит об этом. Вы что, мне не верите? Или вам, как эмирскому казначею, подавай эти, как их... а! Неопровержимые доказательства! Ух... Язык сломать можно.

— Да верим, верим, ты что? — Хашдад примирительно положил руку на плечо варвара. — Что мы здесь стоим? Да и девочке тут торчать незачем — после всего пережитого...

Решительно плюнув на приличия и пересуды, Конан после обеда потянул свою добычу за собой. Провожаемый красноречивыми взорами остальных, вместе с девушкой он скрылся в своей комнате — лучшей комнате, имевшейся в особняке энгласского судьи.

— А теперь говори! — велел киммериец оборотню. — Да смотри, как можно подробнее! Мне нужно знать, как одолеть эту троицу и спустить заодно шкуру со всех Ночных Клинков! А чтобы нам было проще говорить, я даю тебе имя — Ана.

— Ана... — медленно, точно пробуя слово на вкус, повторили вишневые губы. — Хорошо... Спасибо...

— Да ты про дело давай! — поморщился Конан — не любил зряшних благодарностей.

— Про дело... Слабых мест у оборотня нет. Ты справился с моей сестрой... потому что она сама этого хотела. И людская часть ее души не нашла иного способа совершить самоубийство, кроме как броситься на твой меч. Нас превратили не так давно. Это... — она прижала ладони к вискам и замотала головой, — это было так ужасно! Нет, нет, нет, я не могу вспоминать! Что они делали с нами... А потом на наши плечи натянулась звериная шкура и нас выпускали в загоны с рабами, чтобы мы утоляли голод человеческой плотью и вскоре уже не смогли есть ничего иного. Если бы я вернулась из этого похода, я бы стала такой же, как они... неподдающиеся, которым уже не поможешь, которых можно только убивать.

— Их можно заманить в ловушку? — нетерпеливо перебил ее Конан.

— В ловушку? О, нет. Они чувствуют любую западню. Этому их учили специально. Отравленные приманки на них тоже не действуют — они никогда не едят мертвечины, даже если умирают от голода. Хитры, быстры, ловки... ты не справился бы с ними в одиночку.

— Ну, это еще как сказать... — тотчас же буркнул Конан, который терпеть не мог, когда ему говорили «ты с этим не справишься».

— Как бы не говорить, а так и есть. Теперь трое оборотней точно знают, что произошло с моей сестрой и со мной. Все мысли их только о мести.

— И как же они станут мстить?

— Пойдутся ворваться в город. Каменные стены их, конечно, задержат, но особенно уповать на них тоже нельзя. В леопардовом обличьи прорвутся. И тогда...

— Что тогда?

— Тогда их встречу я, — спокойно сказала нареченная Аной.

Конан скривился. Несет девчонка невесту что — и сама не знает.

— Ну встретишь ты их — а дальше?

— Постараюсь захватить с собой хотя бы одного... Двое других достанутся тебе, мой избавитель.

— Не болтай. Мы возьмем их всех, всех троих! Скажи мне — они боятся серебра?

— Просто серебра — нет. Ночные Клинки учили это. А вот твой шар на эфесе... Он — да. Он полон сил, что могут одолеть заклятья. Зверя он заставит стать человеком — не сразу, правда, какое-то время спустя...

— А человека убить много легче... — задумчиво проронил Конан.

— Да, — кивнула Ана. — Много проще. Моей сестре хватило одного твоего удара... Думаю, остальные окажутся не крепче.

Конан сосредоточенно покивал.

— Ну, тогда пусть приходят!.. А сейчас — не заняться ли нам кое-чем более приятным?..

* * *

Оборотни ворвались в Энглас следующей ночью. Конан нес стражу на стенах; рядом с ним молчаливой тенью, лоскутом ночного мрака застыла Ана. Шагах в десяти, опершись на парапет, стоял Неан, что-то бормоча себе под нос — не то творил заклятия, не то молился... Хашдад с верным топором привалился к камням башни, привалился и закрыл глаза, словно старый солдат, умеющий мгновенно засыпать при первой возможности и мгновенно просыпаться свежим, готовым для боя. Судья, который

так и не успел назвать им своего имени, внизу, возле ворот, распоряжался немногочисленной ратью энгласев, кое-как вооруженных на случай, если дела пойдут совсем уж плохо.

Предшествующий день прошел в трудах. Конан перевернул вверх ногами весь городок, вконец измучив его немногочисленных обитателей. Теперь все было готово. Оставалось только спокойно ждать.

Леопарды не стали мешкать. Просверлив тьму, три высоких тени с вызовом остановились прямо напротив ворот.

— Смотрите, смотрите! — задохнулся Неан, с ужасом вытягивая руку.

Три громадных зверя — каждый в холке был по грудь взрослому человеку — с горящими огнем глазами неспешно направились к наглухо запертым воротам. Длинные хвосты нещадно хлестали их по бокам. Оборотни были в ярости и намеревались взять с Энгласа дорогую цену за свои потери.

Ану затрясло. Она поспешно отвернулась, закрыв лицо руками.

— Не могу, не могу!... Вожак... он зовет... он хочет, чтобы я превратилась... Нет!.. О-о-о!.. — Тело ее изогнулось дугой, словно в падучей.

— Держись! — гаркнул Конан, хватая девушку за плечи. — Неан! Успокой ее!

Леопарды медленно шли к воротам. Собранный судьей отряд копейщиков дрожал крупной дрожью и мочился в штаны от страха. Проснувшийся Хашдад с неожиданным спокойствием шагнул к парапету, растягивая длинный лук.

— Интересно, а как им понравится простая честная стрела?

Он отпустил тетиву, целясь в вожака. Зверь грациозно взвился в воздух, ловко поймав стрелу зубами, и тотчас же перекусил древко. Вместе с наконечником обломки стрелы тотчас исчезли у него в утробе.

— Ишь ты! — с невольным уважением пробормотал Конан. — Чтобы так жрать, нужно иметь крепкую утробу...

Хашдад выстрелил вторично. Теперь вожак на лету отшиб стрелу в сторону лапой.

— Этим ты его не возьмешь, — мрачно заметил киммериец.

Хашдад опустил лук. Оборотни и впрямь оказались слишком быстры и ловки. Они скользили во тьме черными неслышными тенями, и заметить их приближение можно было лишь по горящим огням глаз. Однако твари Ночных Клинков и не думали прятаться. Напротив, они наступали спокойно, гордо, давая всем полюбоваться своей силой.

— Хотел бы я знать, что они теперь задумали? — пробормотал Конан себе под нос.

Ана тем временем пришла в себя. Очевидно, ее бывшие сородичи убедились в том, что пытаться вновь подчинить ее не имеет никакого смысла. Опираясь на руку Неана, девушка шагнула к краю стены.

— Сейчас будут прыгать, — услышал Конан ее шепот. В тот же миг вожак и в самом деле прыгнул.

Это был потрясающий, великолепный прыжок. Казалось, живое существо не способно на такое — однако же нет. Тело леопарда распласталось в воздухе, он летел, точно на крыльях, и киммерийцу показалось, что оборотень сейчас в один миг окажется на гребне стены.

Однако тот все-таки не допрыгнул. Когти со скрежетом заскребли по камню. Конан нагнулся — чудовищу не хватило каких-то жалких шести-семи футов, и теперь оно висело, впившись когтями в стену, и яростно шипело.

Киммериец остолбенел на миг. Такого он не ждал.

Мощные задние лапы страшилища напряглись. Левая передняя лапа медленно потянулась вверх. Тварь явно собиралась закрепиться повыше и подтянуться...

— Кром! Они что, лазают по каменным стенам, словно по деревьям?!.. Эй, шест, Хашдад!

Кузнец оказался на месте; Конан двумя взмахами веревки прикрутил к жердине свой меч, так, чтобы заветный серебряный шар смотрел вперед. Просунулся в узкую бойницу и что было мочи ткнул вниз, целясь в глаз твари.

Леопард отмахнулся было лапой, и шест едва не вырвало из рук Конана — такой чудовищной силой была

наделена бестия — однако шар все же коснулся плоти оборотня.

Тварь закричала от невыносимой боли. Шкура на ее лапе, там, куда угодил серебряный шар, вспыхнула. Громоздкое тело конвульсивно дернулось, когти выскользнули из щелей, и оборотень тяжело упал вниз.

На стене разразились радостными криками.

Видя неудачу вожака, два других оборотня приостановились. Впрочем, ненадолго. Вожак поднялся, и, чуть прихрамывая на обожженную лапу, заковылял к воротам, не пытаясь уже взлететь на стену одним прыжком.

Все шло, как и рассчитывал киммериец. Надвратная арка была превращена им в настоящий склад — все немудреные боевые припасы, какие только могли быть сысканы в Энгласе и окрестностях, по его приказу сволокли сюда.

Горели костры под котлами со смолой. Громоздились увесистые валуны. Лежали пирамидой бревна. На других частях стены Конан тоже постарался оставить хоть что-то, но первый прыжок вожака оборотней пришелся как раз на «голый» участок. Тварь, похоже, специально прыгнула туда, где стояли люди.

Оборотни оказались под воротами. И тут выяснилось, что страхи были не напрасны — изогнутые стальные когти ударили в доски створок, раздался треск и хруст, полетели щепки... Твари словно в исступлении бросались на ворота, клыками и когтями всякий раз выдирая большие куски дерева.

— Смола! — взревел Конан. — Лейте!

И сам схватил первую корчагу.

Черные потоки низринулись вниз. Конан метко опустил свой ковш прямо на спину вожаку; завизжав, тот покатился по земле. Миг спустя рядом с ним так же катались, завывая от боли, двое его сородичей. На стене вновь ликовали.

— Это их тоже не задержит надолго, — с тоской обронила Ана, глядя на мучения оборотней. — Сейчас встанут...

И точно — звери на удивление быстро оправались. Теперь они стали куда осторожнее. Бросались на ворота

стремительными дальними прыжками, и, полоснув раз другой когтями, тотчас же отскакивали. Дело теперь шло у них куда медленнее; но и осажденные лишь зря расходовали смолу.

Впрочем, ожоги не прошли даром и для оборотней — роскошная шкура слезала пластами, на спине обнажились черные язвы. Движения стали чуть менее уверенными и точными — но лишь чуть-чуть, самую малость.

— Ворота вот-вот рухнут! — обрадовал Конана Неан. — Я пытаюсь поддерживать их заклинаниями, и это немного помогает... иначе оборотни разнесли бы створки в два счета...

Словно подтверждая его слова, снизу донесся долгий протяжный скрип — это один из зверей повис на петле, отчаянно пытаясь выдрать ее из разлохмаченных досок. Конан молча подхватил неподъемное бревно и метнул вниз. Раздался дикий вой — оборотень корчился на земле, придавленный тяжелым пальмовым стволом. Судя по его позе, ему должно было перебить позвоночник... но кто их знает, этих существ, может, им и это нипочем?

Однако оказалось, что после такого удара лучше отойти в сторонку и полежать. У ворот осталось только два зверя. Третий же, приволакивая задние лапы и громко завывая, потащился прочь, в темноту. Далеко, впрочем, не отошел — красные огни остановились шагах в тридцати от стен.

— Хашдад! Твой лук! Не оставляй ту тварь в покое! — скомандовал Конан. Кузнец последовал его совету, и первая же стрела, судя по жалобному визгу, попала в цель.

Однако в этот миг створки ворот не выдержали. Вожак бросился на правую всем телом — и она распахнулась. С торжествующим воем оборотни ринулись в пролом. Вскочил и пришибленный бревном третий — приволакивая ноги, он, тем не менее, довольно-таки резво заковылял к стенам. В боку у него торчала стрела Хашдада.

Позади ворот была возведена высокая баррикада, на которой сгрудилось все энгласское ополчение. По мысли Конана, ополченцы должны были встретить зверей частотоклом выставленных копий; однако в тот миг, когда затрещали ворота, мужество окончательно покинуло энг-

ласцев. С дикими воплями, бросая оружие, они ринулись наутек — а следом с утробным, леденящим кровь воем мчались два оборотня, словно гончие псы самой Смерти.

Одним стремительным прыжком они оба перелетели через жалкую баррикаду, разом оказавшись в самой гуще людей. Вой сменился рычанием, тем более страшным, что ему аккомпанировали душераздирающие предсмертные вопли несчастных энгласцев.

Чуть запоздав, в ворота ворвался третий оборотень; но тут Конан с остальными уже начал действовать.

Перед хромящим оборотнем внезапно появился почти не уступающий ему ростом и статью изящно-смертоносный зверь. Тем же огнем горели два яростных глаза, а когти, хоть и покороचे, наверное, даже превосходили остротой.

Ана начала свой бой.

Неан с искаженным от страшного напряжения лицом вскинул руки и что-то выкрикнул — на неведомом, давно мертвом языке — и с небес послушно низринулась ветвистая молния. Она нацелена была в жоака — но тот в последний миг сумел отскочить, и ему лишь слегка опалило бок. Второму оборотню повезло меньше — на спине вспыхнули остатки шерсти, он завертелся на месте, завывая и разбрасывая во все стороны алые искры.

А следом уже бежал и сам Конан. Хашдад, ни за что не желавший отставать, прикрывал его слева. Впереди энгласский судья, бледный как смерть, пытался ткнуть пикой в оскаленную морду жоака...

Третий оборотень и Ана несколько мгновений молча смотрели друг на друга, а потом зверь взвыл и ринулся на прошедшую превращение девушку. Два зверя сплелись в смертельной схватке, рыча и терзая друг друга.

Это был шанс, который Конан не мог упустить. Прервав опасность, он в один миг оказался рядом с воющим черным клубком и, едва завидев горящие огнем глаза зверя, что есть силы ткнул в них серебряным шаром эфеса.

Дикий вопль. Морда оборотня вспыхнула, он дернулся раз, другой... и на пыльную землю тяжело брякнулось

тело высокого светловолосого мужчины, настоящего гиганта, ни в чем не уступавшего самому Конану.

Рядом, тихо скуля, опустился мордой в сложенные передние лапы зверь-Ана. На боку и шее зияли глубокие раны.

Светловолосый приподнял голову. Взгляд его казался бессмысленным, точно у новорожденного. Он явно не понимал, куда попал и что происходит.

И тотчас же заклятье Ночных Клинков вновь начало действовать. Тело выгнулось дугой; послышался хруст безжалостно растягиваемых и перекручиваемых костей. Человек вновь становился леопардом.

На краткий миг он, похоже, понял, что происходит — на тот самый миг, пока клинок Конана, пронзив ему грудь, шел прямо к сердцу. Мертвое тело с хлещущей из раны кровью грянулось подле бесчувственной Аны.

У Конана не было времени гордиться победой или даже заботиться о своей помощнице. За его спиной два последних оборотня продолжали бой и, похоже, одерживали в нем победу...

Киммериец резко развернулся — и замер.

Оборотни смотрели на него и жутко скалились. Их шкура, лапы, пасти — все было густо вымазано в крови. Им тоже немало досталось — из бока второго леопарда торчал обломок копья — однако теперь они не сомневались, что победили. Их самый страшный враг стоял один, пусть и с наделенным странной силой мечом в правой руке, но — один. Изменница, помогавшая ему, лежала на земле и, похоже, умирала. Маг, тот, что свел молнию с неба, лишился чувств от мощи собственного заклятья.

Больше они никого не брали в расчет.

Сейчас киммериец, чувствуя, что смертный холод сжимает сердце, мог ясно читать в глазах своих врагов. Они пришли за ним. За ним одним. Уже трижды до основания разрушившим все планы Ночных Клинков — сперва в Бхарупе, с Камнем-Хранителем; потом в Бодее, с внушающим безумие демоном; и, наконец, в Тлессине, когда было догла сожжено все союзное Ночным Клинкам войско. Не приходилось удивляться, что владыки ордена решили покончить с дерзким раз и навсегда.

И вот — леопарды — оборотни.

Их осталось всего двое. Но — так же верно было сказать, что их еще целых двое!..

Конан вздохнул. Поудобнее перехватил меч. И — упругим шагом двинулся по кругу, норовя встать так, чтобы спину защищала стена. Оборотни с молчаливым презрением следили за его маневрами.

И тут в тишине басовито прогудела тетива большого лука. Выпущенная твердой рукой стрела вонзилась в шею второму оборотню. Тот взвыл, высоко подпрыгнул от боли — и ринулся на обидчика.

Вожак в тот же миг устремился к Конану. Казалось, за спиной у оборотня выросли крылья. Воздух упруго ударил киммерийца в лицо; когти заскрежетали по кольцам стальной рубахи, надетой под легкую накидку. Железо рвалось, словно гнилое вервие, однако свое дело кольчуга сделала — ядовитые острия не дошли до тела киммерийца.

Северянин лишь с огромным трудом избег гибельного удара. Да, этот оборотень был достойным соперником. Он не пошел в глубь улиц, где были приготовлены ловушки, он не потерял голову, увлекаясь резней беззащитных — он хотел прежде всего справиться с Конаном, разумно полагая, что после этого Энглас окажется в его власти.

Оборотень мягко коснулся земли. Он ничуть не был обескуражен промахом. Похоже, ничего иного он и не ожидал.

Противники начали извечный хоровод. Леопард пытался приблизиться к киммерийцу, Конан же искусно отступал, кружась и в свою очередь стараясь, чтобы его бока и спину прикрывало хоть что-нибудь. Второй оборотень скрылся — умчался в погоню за Хашдадом, столь удачно угостившим его стрелой. О том, что могло произойти за это время с кузнецом, Конан старался не думать.

Вожак оборотней описал полный круг. Ворота вновь оказались за спиной у Конана. И тут, не мудрствуя лукаво, оборотень прыгнул вновь. На сей раз его движение началось настолько незаметно, что Конан пропустил его начало и не успел отпрянуть. Руки успели лишь выставить

перед грудью эфес с серебряным шаром, уже оставившим здоровую черную отметину чуть ниже глаза вожака.

Зверь со всего размаха напоролся на выставленное оружие. Оно не могло остановить стремительный прыжок мощного тела, но напрочь разрушило, наконец, заклятье, удерживавшее звериную форму оборотня. В Конана со всего размаха врезалось уже обычное человеческое тело.

Удар, однако же, оказался страшен. Он опрокинул киммерийца, несмотря на всю его гигантскую силу. Оборотень оказался сверху, мощные, точно клешни исполинского краба, руки сошлись на горле северянина. Лицо оборотня нависало над Конаном, и глаза горели прежним алым колдовским огнем. Чары могли рассеиваться и вновь сгущаться, суть чудовища оставалась прежней. Его можно было остановить, только убив.

Огромным усилием Конану удалось разомкнуть смертельный ошейник. На горле киммерийца вздулись толстые, как корабельные канаты, синие жилы, кровь что было мочи проталкивалась вперед; оборотень ни в чем не уступал северянину.

Конану удалось согнуть колено. Оттолкнувшись что было мочи, он вырвался из смертельных объятий. Меч валялся на земле.

Оборотень торжествующе усмехнулся. Его тело задрожало, точно в лихорадке — он готовился к превращению. Краем глаза Конан заметил, что лежавшая на дороге Ана внезапно подняла голову, и глаза ее вновь осветились...

Вожаку потребовался один миг, чтобы вновь стать зверем. И, хотя он был весь изранен, хотя серебряный шар оставил глубокие ожоги — оборотень не собирался выходить из боя. Он был уверен, что победа уже рядом. Ведь у Конана не было меча!

Волосы зашевелились на голове у киммерийца. У него, естественно, остался прицепленный к бедру кинжал, но против демона этого было явно мало. И тем не менее руки выдернули короткий клинок из кожаных ножен.

Превращение завершилось. Зверь алчно уставился на киммерийца, и, упреждая его прыжок, Конан внезапно сам сорвался с места. Его попытку можно было назвать

сущим безумством — кидаться на оборотня, не имея даже нормального меча!

Однако зверь не ожидал этого тоже. Они сшиблись, пока оборотень еще не набрал всей своей убийственной стремительности, и его когтистая лапа нацелилась в горло Конану, но на сей раз кинжал оказался быстрее. Лезвие рассекло лапу и глубоко вонзилось в шею — слева, там, где проходят жилы.

Зверь взвыл и завертелся на месте. Конан получил еще один страшный удар в грудь, но устоял на ногах, обеими руками обхватив монстра за шею, прижимая к себе, словно ненаглядную возлюбленную. Кулак правой руки несколько раз врезался в основание черепа оборотня.

Наконец зверь все-таки отшвырнул его от себя. Кинжал остался торчать в ране, и оттуда толчками выбивалась кровь. Зверя слегка покачивало, словно подгулявшего матроса. Отчего-то это сравнение пришло на ум Конану, изрядно развеселив северянина. Он засмеялся — и с острым наслаждением увидел изумленный испуг на самом дне горящих огнем глаз зверя.

Они вновь застыли друг против друга. Кольчуга на Конане была порвана, больше защиты от нее не было никакой. Одна-единственная царапина, нанесенная острым когтем — и уже не помогут ни целители, ни чародеи. Оборотень, похоже, понимал это. Ему тоже пришлось несладко. Он терял силы. Ему надо было убить этого странного смертного — и отступить,лизать раны, отдохнуть; потом он справится со всем Энгласом и в одиночку.

Они бросились друг на друга разом — Конан и оборотень. В последний момент киммериец извернулся. Проскочил мимо и бросился к лестнице, что вела к надвратной арке. Завывая, оборотень развернулся и ринулся в погоню.

Конан опережал его на один шаг, не больше.

Лестница. Стертые каменные ступени. Вверх, вверх, скорее! Затылок чувствовал смрадное дыхание зверя. Вверх, вверх, вверх!

Забытый котел со смолой. Огонь под ним все еще горит. Развернуться — и пинком ноги направить весь

черный раскаленный пузырящийся поток в высунувшуюся из проема лестницы морду оборотня...

Это подействовало. С раздирающим уши воплем зверь покатился вниз, утопая в только что кипевшей смоле. Прыгая через черные дымящиеся лужи на ступенях, вслед ринулся Конан. В руках он сжимал какое-то копьё, наспех выхваченное из пирамиды.

Зверь выл, катаясь по земле, собственными когтями раздирая мало не в угли спаленную шкуру. Конана он заметил слишком поздно.

Острые копы с хрустом вошло твари под лопатку. Конан всем телом навалился на древко, наконецник уходил все глубже и глубже; тварь уже не вертелась, она судорожно билась в агонии. Могучая лапа переломила древко, но к тому времени копьё уже сделало свое дело. Оборотень вновь поднялся — но теперь его уже шатало по-настоящему. Из открытой пасти сочилась слюна по полам с кровью. Он уже не мог рычать, а только силпо хрипел. Все его тело превратилось в один громадный ожог. Очевидно, сознание оборотня начинало мутиться от боли, однако инстинкт самосохранения все еще действовал. Раненый зверь рванулся к полукрытым воротам Энгласа.

Конан бросился за ним. Не дать ему уйти! Иначе, вернувшись, он точно не оставит киммерийцу ни одного шанса...

Северянин повис на спине оборотня. Тот взвыл от боли — жесткие ладони Конана раздирали обожженную кожу — и вновь завертелся, пытаясь достать когтями задних лап своего мучителя. Напрасно — движения выходили медленными, Конан легко уклонялся. Пальцы киммерийца вцепились в голову оборотня, с силой клоня ее набок. Человек и зверь повалились в пыль возле самых воротных створок. Конан, рыча ничуть не слабее оборотня, выламывал ему шею, а тот, глухо хрипя и плюясь кровью, все еще пытался полоснуть киммерийца когтями.

Позвонки зверя затрещали. Из глотки вырвался истошный, почти что человеческий вопль. Тело затряслось в агонии; последнее усилие... страшная морда зверя сворачивается в сторону... тело вздрагивает в последний раз и замирает.

Конан с трудом поднялся. Его шатало. Руки горели от попавшего на них яда, и оставалось только молить Крома, чтобы отравы не проникла внутрь через какую-то мелкую царапинку.

Оборотень лежал неподвижно.

— Эй, есть тут кто? — Конану показалось, что он крикнул это очень громким голосом, в то время как на самом деле губы едва-едва шевельнулись.

Вокруг царила пустота. Кто мог, давно бежали. Ана по-прежнему лежала без чувств, по-прежнему в облике зверя. Ни Неана, ни Хашдада, ни судьи видно не было.

Шатаясь, Конан подобрал свой меч. Оборотень мертв... но для верности его надо еще пронзить колом... Он уже начал озиаться в поисках обломка своего копья, намереваясь пустить его в ход (не пропадать же добру!), как внезапно где-то неподалеку вспыхнули отчаянные крики. Выли, вопили и визжали несколько десятков голосов разом.

— К-р-р-ром! — выругался киммериец, пристегнув меч и, оставив оборотня на произвол судьбы, побежал туда, где кричали. Нельзя было забывать, что второе чудовище ушло глубоко в город.

Глава XVIII

Кричали и вопили не зря. Наверное, они орали так уже долго, все то время, пока Конан сражался с вожаком оборотней, просто киммериец их не слышал. Леопард угодил-таки в одну из приготовленных Конаном ловушек, точнее — в самую неудачную из них, которую и ловушкой-то назвать было нельзя. Старый дом, у которого были подпилены все поддерживавшие крышу столбы — рядом с настоящей ловушкой. Но ту оборотень миновал — словно почуял что-то — и, гонясь за живой добычей, забежал внутрь дома-западни. Напряглись канаты, затрещали падающие опоры, тяжело охнув, осела крыша, — но самого оборотня если и задело, то не смертельно. И теперь он рычал и бесился там, внутри — люди слышали, как трещало под его когтями старое сухое дерево. Ясно было, что он рано или поздно вырвется; а сжечь дом было нельзя — вместе с ним в пепел обратился бы весь город. Воды мало, а дома стоят впритык друг к другу... И, главное — все сухое, очень сухое... Искра — и полыхнет от края до края.

Люди суежились вокруг осевшего, ставшего вдруг каким-то приплюснутым дома, кто-то зачем-то тыкал копьями в отдушины, кто-то тащил веревки и для чего-то обвязывал торчащие во все стороны бревна, кто-то, не смотря ни на что, разводил костры, словно огонь остановил бы оборотня, как простого шакала. У стены, бесильно привалившись к ней спиной, сидел Хашдад — глаза закрыты, дышит хрипло, левая рука прижата к горлу — а вокруг него хлопотало несколько человек, возглавляемых Неаном и судьей.

— Конан! Ты жив! Хвала Митре и всем небожителям! — завопил молодой маг, едва завидев приближающегося поневоле нетвердой походкой киммерийца.

Судья всплеснул руками и, похоже, прослезился. Остальные усталились на киммерийца, точно на выходца с того света. Никому еще доселе не удалось выйти живым из схватки с оборотнем один на один.

Конан махнул рукой, веля всем замолчать. Прочистил горло, поглубже вздохнул — и гаркнул, стараясь, чтобы

все услышали его прежний голос, голос, которым он отдавал распоряжения здесь, в Энгласе:

— Так, и что тут происходит?

В ответ раздался целый хор голосов.

— А ну-ка, тихо! — рявкнул киммериец, и тут же наклонился к Хашдаду. — Что с тобой, дружище?

— Он очень быстро бежал, — шепнул Неан. — Оборотень неся за ним — и никак не мог догнать. Признаюсь, я никогда не думал, что в силах смертного развить такую быстроту! Не иначе, ему помогали сами боги.

— Боги... гм! — промывчал Конан.

— Почтенный Хашдад вбежал в дом-ловушку... а оборотень следом... а потом почтенный Хашдад упал посреди улицы, и до сих пор не может сам подняться... — озабоченно прибавил судья.

Хашдад уже сипел, сляясь что-то сказать — правда, пока это у него получалось не слишком хорошо.

— Все в порядке, дружище, — Конан положил руку ему на плечо. — С той зверюгой я покончил... Судья! Пошлите десяток закопать труп. Да чтобы не забыли колом проткнуть! Хотя нет. Того и гляди, уволокут еще и Ану... Смолу сюда тащите! Кипятки! Заливайте в каждую дырку! От смолы да от воды горячей небось не вспыхнет. А я к воротам пошел. Тварь эту скорее закопать надо...

Однако у ворот Конана ждал весьма неприятный сюрприз. Тела оборотня на земле не было. Как не было и тела Аны.

Последовавшие затем изощреннейшие проклятья заставили бы покраснеть даже старого морского волка. Облегчив душу, Конан склонился над следами. Их оказалось предостаточно — в тьму уводили две четких кровавых дорожки.

— Факелов, сожри вас Варуна! Да побольше! — рявкнул киммериец на свой разом ослабевший ногами отряд. — Идем за ними. Кто откажется, убью на месте! Ясно?!

Это было ясно всем и не требовало пояснений. Держа наготове меч, Конан отправился в путь во главе десяти человек. Наспех собранные кони пугались страшного запаха оборотней, и плохо слушались седоков. Несмотря на ночь, идти по следу было легко — факелы давали доста-

точно света, а черная кровь зверей оставляла прекрасно видимые даже в сумраке большие пятна.

Оборотни шли медленно. Очевидно, и вожак, и Ана были на самом краю смерти. Широко рысившие лошади должны были вот-вот их настигнуть.

А потом из мрака донеслось полное бессильной ярости рычание, и кони тотчас остановились. Они не понимали, что их страшный враг уже при смерти.

Вожак оборотней стоял на невысоком холме и злобно рычал на присевшую у подножия Ану. Та не отвечала — только смотрела вверх, неотрывно и неотступно.

Испуганные люди остановились. Конан спрыгнул на землю, и, держа меч так, чтобы оборотень видел налитый желтым пламенем шар на эфесе, шагнул навстречу чудовищу.

Оборотень глухо зарычал. В этом рычании слышалась смертная тоска — он понимал, что столкнулся со слишком сильным для себя противником, но и отступать ему было уже некуда. Выгнув дугой изуродованную спину, он рычал, ненавидяще глядя на Конана уже приутасканными глазами.

Киммериец двинулся вверх по склону. Оборотень рычал все сильнее, когти его скребли землю, глаза разгорались; он готовился к своему последнему броску.

Невольно Конан приостановился, отдавая дань уважения мужеству врага.

— Ты мог бы стать моим другом, и тогда мы славно сражались бы вместе, прикрывая друг другу спины, — вполголоса произнес он. — Но Кромю угодно было, чтобы мы стали врагами. Да будет так, и да победит сильнейший!

Оборотень прыгнул.

Однако прыгнул он огнюдь не на Конана — а мимо киммерийца, туда, где стояли лошади отряда и толпились испуганные энгласцы.

Меч Конана зацепил острием бок оборотня, но было уже поздно. В один миг зверь оказался возле лошадей. Это было единственно верным решением. Спешив всех без исключения преследователей, он сумел бы уйти, несмотря на потерю крови и оставляемый четкий след.

Ана упругой молнией рванулась наперерез вожаку. Звери сцепились.

Конан что было мочи оттолкнулся от земли, громадным прыжком оказавшись сразу у подошвы холма. Зверь уже терзал бока лошади Конана, Ана лежала на земле, отброшенная в сторону... Однако большего оборотень сделать уже не успел. Меч Конана вошел ему в основание шеи, вырвался назад из раны — для того, чтобы в пузырящийся кровью разрез ударил сияющий желтым светом серебряный шар.

Это стало последней каплей. С душераздирающим жутким воплем оборотень подскочил в воздух — с тем, чтобы грянуться обратно на землю неживой грудой окровавленного мяса.

Конан подошел вплотную, для верности еще раз вогнал в горло меч и пару раз с хрустом повернул клинок в ране. Зверь даже не дернулся, он был уже мертв.

— Яму копайте! — хрипло приказал Конан перепуганным, дрожащим энгласцам. — Да кол сверху в эту тварь вбить не забудьте! Поняли меня?

Ответом послужили жалкие торопливые кивки. Конан склонился над Аной. Она была еще жива. Горящие глаза приоткрылись, словно говоря «Я не сдамся так просто!» Звериные контуры дрогнули, поползли, и миг спустя на руках киммерийца оказалась вся израненная и залитая кровью девушка.

— Эй, носилки сюда! — рявкнул киммериец. На робкое замечание кого-то из копавших землю людей, что, мол, откуда ж их взять, носилки-то, Конан проревел следующее: — Где хотите! Хоть из-под земли, а чтоб были! Из упряжи свяжите, спали вас Митра!

Прошло не так уж мало времени, прежде чем процессия двинулась обратно в Энглас.

Там все оставалось по-старому. Хашдад малость пришел в себя и смог даже встать. Несмотря на то, что на пойманного в ловушку оборотня были вылиты все запасы смолы и до дна вычерпаны городские колодцы, он так и не сдох, хотя рычал теперь заметно тише. Конан порекомендовал Ану заботам Неана — больше от чародея толку все равно не было — и задумчиво уставился на повалившийся

дом. Стараниями энгласцев куча руин скорее напоминала теперь какое-то древнее подземное чудовище — все было черным-черно от пролитой смолы. Отдельные бревна торчали, точно лапы неведомого существа.

Присвистывая, Конан осмотрел поле предстоящего боя. Энгласцы почтительно следовали за ним, не дерзая нарушать своими вопросами его многомудрое уединение.

Решился только Хашдад.

— Что будем делать с последней тварью, Конан?

— Что делать, что делать, — угрюмо проворчал киммериец. — Ждать! Пока сам наружу не вылезет. Кром! Неужто мне придется торчать здесь, не смыкая глаз?...

Эта перспектива привела Конана в состояние, близкое к умоисступлению. Все время здесь! Ни бокала вина, ни девушки! Кром! Ну что за участь!

* * *

Лиджена лежала на спине, глядя в потолок невидящими, широко раскрытыми глазами. Нелек Кахал вновь в упор смотрел на нее, и взгляд его прямо-таки полыхал огнем. Он говорил — точнее сказать, он кричал, изрыгая проклятия вперемишку со словами заклинаний. Его вопли складывались в приказы — не исполнить которые Лиджена не могла. Ей предписывалось — любым путем выбраться из дворца! Любым путем оказаться в Энгласе, и как можно скорее! А там — убить Конана-киммерийца! Сделать это можно будет совсем просто — достаточно подойти к нему вплотную. Остальное за нее сделает он, Нелек Кахал, он же — маг Пелий. Конан нанес ордену существенный, очень существенный ущерб. Единственное искупление — смерть! И он, Конан, умрет, чего бы это ни стоило ему, Нелек Кахалу!

Время от времени маг хватался за грудь, заходясь в жестоком кашле, и тогда становилась видна тугая повязка под одеждой и медленно расплывающееся по холстине кровавое пятно... Рана, нанесенная неотразимым кинжалом Аттеи, доставляла могущественному адепту ордена Нерг предостаточно неприятностей.

Наконец страшный голос умолк. Глаза остались. Они по-прежнему жгли Лиджену, но у девушки давно уже

иссякли последние силы к сопротивлению. Она встала, подошла к двери. Заперто. Навалилась сильнее — створки даже не дрогнули. И тут ей почудилось, что она вновь слышит слова Нелек Кахала, только на сей раз обращенные не к ней, а к кому-то еще — лживые и угодливые слова:

— Нет, великий магистр... Ей не выйти, великий магистр! Нет, я не остопоп, великий магистр... О! Я остопоп, великий магистр! Да, да конечно... раз так... пусть горит...

Глаза вернулись. Голос на сей раз безмолвствовал. Наступила странная и страшная тишина... а потом Лиджена внезапно почувствовала, как тело ее наливается жуткой, звериной, нечеловеческой силой. Сперва она ничего не чувствовала — а затем по телу начала волнами прокатываться обжигающая боль, словно кто-то пытал Лиджену каленым железом. Она упала на пол, заламывая руки, не в силах молиться, не в силах даже кричать — чужая воля запечатала ей уста. Она только мычала и каталась по полу, ломая все, что было в ее небольшой комнатке. Стоял неопиcуемый грохот.

На шум прибежали стражники. Медный засов отодвинулся. Двое вооруженных, крепких мужчин осторожно заглянули внутрь — и в тот же миг Лиджена бросилась на них, точно бешеная тигрица. Она царапалась и кусалась, она пустила в ход кулаки, колени и локти, она забыла обо всем в кровавом порыве убивать — и остановилась лишь когда на полу осталось два распростертых тела с перегрызенными горлами. Лиджена сделала это своими собственными зубами — холеными жемчужными зубками, коими так восхищался некий Амрик Тохон...

Она перешагнула через трупы. Усталости не было. Кто-то извне вливал в нее поистине исполинские силы. Откуда и зачем — неважно. Она должна повиноваться приказам. Приказам... Приказам... А всех, кто попытаются помешать ей выполнять эти приказы... приказы... — она будет убивать. Как тех двоих стражников.

Она прошла длинными коридорами. Ее дважды пытались остановить — один раз девушка-служанка принцессы Илорет, из тех, что попали вместе с дочерью эмира в Тлессину.

— Стой, Лиджена, стой!

Лиджена повернулась к кричавшей. Служанка заданно охнула — Лиджена была вся перемазана кровью. Девушка попыталась было шарахнуться в сторону, но поздно — железная рука безумной стиснула плечо служанки и одним движением вырвала напроць огромный кусок мяса вместе с костями. Захлебываясь криком, девушка осела на пол. Лиджена равнодушно перешагнула через бьющееся, истекающее кровью тело и мерным шагом двинулась дальше.

Крики служанки привлекли внимание, во дворце поднялась тревога. Громыхая оружием, со всех сторон бежали стражники. Кто-то громогласно распоряжался, приказывая закрыть ворота и вызвать лучников.

Лиджена беспрепятственно прошла по коридорам и оказалась в просторном дворе. Ворота были уже заперты; перед ними развернулись в цепь стрелки, с трех сторон надвигались мечники... Ловить одержимую никто не собирался. Приказ был четок и прост — убить!

Стрелы засвистели сразу же, как только Лиджена появилась на открытом месте. Расстояние было небольшим, лучники дворцовой охраны славились своим искусством — казалось, они тотчас же утыкают одержимую стрелами, превратив в подобие подушечки для игл. Однако ж нет! Лиджену даже не оцарапало. С мертвенным, неестественным спокойствием она шла и шла вперед; стрелы свистели справа, слева, ломались о каменные плиты, которыми был вымощен двор — но ни одна так и не попала в девушку.

— Заговоренная! — истошно завопил кто-то из лучников.

— Заговоренная! — несколько глоток подхватили панический крик.

— А ну-ка, ну-ка, тихо! — загремел командовавший здесь сотник. — Трусов сгною на каторге! Лучше целься, недоумки!

Однако угрозы не подействовали. Стрелы продолжали сыпаться градом — а Лиджена шла, целая и невредимая.

Мечники попятились перед ней. Ясно было, что они столкнулись с магией — а как бороться с волшебством, не будучи волшебником?

Один из воинов посмелее — совсем молодой, красивый, смуглый — шагнул навстречу Лиджене, широко размахнувшись клинком и готовясь развалить тело девушки надвое — от плеча до пояса — одним ударом.

Лиджена спокойно вскинула руку. Сталь зазвенела о сталь, клинок бессильно отскочил от ее нагой руки. Живая плоть отразила меч лучше самого прочного щита. Второй, свободной рукой, Лиджена ударила воина в грудь — и из-под панциря потекла кровавая каша. Несчастного отбросило на несколько шагов; целой осталась только голова, все остальное превратилось в какое-то невообразимое крошево из мяса и костей.

Остальным марангским воинам этого хватило. Не слушая более сотника, они ринулись наутек, спасая свои жизни. Лиджена не обратила на их бегство никакого внимания. Подошла к воротам, отодвинула тяжелый засов и оказалась на площади перед эмирским дворцом. Мертвым, четким, неживым шагом она двинулась в глубину лабиринта узких улочек Маранга. Ее путь лежал на юг. Повинуясь приказам Нелек Кахала, пославшего ей великую силу ордена Нерг, Лиджена направлялась в Энглас. Там, где был Конан.

* * *

Ждать прорыва оборотня киммерийцу пришлось не так уж долго. Заря едва-едва вскарабкалась на край неба и поудобнее устроилась, приготовившись наблюдать за небывалым поединком — человек против зверя-оборотня — как леопард сумел-таки выбраться наружу.

Затрещал настил крыши. В разные стороны брызнула щепка, и в проломе появилась уродливая бапка зверя. Вся обожженная, ошпаренная, лишившаяся остатков меха, она была ярко-розовой, местами даже алой. На спине и боках не осталось, что называется, ни одного живого места — но тем не менее оборотень не собирался сдаваться просто так.

Конан устроил свой пост на самой крыше повалившегося дома. Оборотень не мог не чутя своего врага, и это донельзя бесило зверя. Он попытался прорваться поближе к Конану — чего только и добивался северянин. Сперва в страшную морду ударил серебряный шар, а миг спустя в горло вонзился клинок.

Так погиб пятый, последний оборотень. Проследив, как торжествующие энгласцы поволокли тяжелую тушу к заранее выкопанной яме, Конан широко зевнул. Хотелось спать... наваливалась усталость. Все-таки он немало сражался за эти день и ночь...

Как-то там Хашдд? И Ана?

Киммериец вытер меч подошвой и зашагал прочь, к дому судьи, не слыша восторженных возгласов, которыми его провожали энгласцы-могильщики.

* * *

По пустой южной дороге шла светловолосая девушка. Шла одна, не глядя под ноги и вперив неподвижный, замороженный взгляд куда-то в далекий, недостижимый горизонт. Над нею тускло светили звезды — их словно присыпало серой пылью. Где-то невдалеке, в сухих песчаных холмах завывали гиены, но Лиджена не обращала на них никакого внимания. Она шла и шла, ведомая стократ сильнейшей волей, не в силах сопротивляться, не в силах даже убить себя...

Ветер дул с моря, и, верно, донес сладкий запах чело-вечины до стаи гиен, что охотилась неподалеку. Шесть зверей некоторое время осторожно крались по пятам Лиджены, но потом осмелели и, выждав момент, бросились на добычу со всех сторон.

Вожак вцепился в руку Лиджены, однако тотчас же с жалобным визгом разжал зубы и мешком шлепнулся в пыль — челюсти зверя были искрошены, клыки превратились в пыль; в следующий миг обрушившийся сверху кулак размоzzжил голову зверя, пробив череп и погрузившись в мозг. Гиена дернулась и замерла.

Собратья погибшего не сразу разобрались, что к чему. Раз за разом они бросались на непонятого, неуязвимо-го врага, но лишь напрасно ломали зубы об обрешую крепость железа плоть. Лиджена даже не уворачивалась и не

отбивалась — она просто крошила черепа гиен один за другим. Стая потеряла пятерых и лишь после этого отступила — злобно ворча и щерясь, но со страхом в глазах.

Не глядя на них, Лиджена шла дальше.

Ночь сменилась рассветом, а девушка даже не помыслила об отдыхе. Щеки ее запали, глаза лихорадочно блеснули — но о том, чтобы остановиться, и речи быть не могло. Вперед! Только вперед! В Энглас! К Конану, который один может избавить ее от пытки взором Нелек Кахала!

Она даже не задумывалась, что все до одной мысли — включая и последнюю — ей внушает не кто иной, как сам Нелек Кахал, он же — маг ордена Нерг по имени Пелий...

Встало солнце. Здесь, ближе к Марангу, тракт охраняли воины эмира. Застава с рогатками, на всякий случай. Несмотря на то, что сюда были посланы лучшие, воины все равно до дрожи в коленях боялись неуязвимых, непобедимых оборотней. Никакими угрозами сотнику так и не удалось заставить хоть кого-то встать на стражу. И потому, когда появилась Лиджена — одна-одинешенька в покинутой людьми земле — все, разумеется, приняли ее за одну из числа оборотней. Ее появление было встречено дикими криками; бросая копья, солдаты разбежались кто куда, думая лишь о спасении собственных жизней. И, как бывает всегда — трусы и впрямь спаслись, а те два десятка во главе с сотником, которые все же не забыли свой долг, полегли в дорожную пыль...

Они стреляли из луков и метали копья — напрасно. Никакое оружие не могло сейчас причинить вреда Лиджене. В ход пошли мечи; и тут началось самое страшное. Легкие на первый взгляд прикосновения ладоней девушки — и человек, корчась, падал на землю с переломанными, размолотыми в крошку костями. Лиджена была сейчас словно бездушная машина смерти. Если ее не трогали — не нападала и она. Но если уж нападали — живым не уходил никто.

Оставив на дороге два десятка бездыханных тел, она миновала заставу и двинулась дальше. Ее ждал Энглас.

* * *

А в самом Энгласе царило ликование. С оборотнями было покончено; страшная гроза снята, и можно было возвращаться к привычной жизни. Судья немедленно погнал спешного гонца в Маранг и велел всем горожанам готовиться к праздничному пиру.

* * *

Именно этого гонца и встретила на своем пути Лиджена.

* * *

Молодой энгласец чуть не свалился с лошади при виде мерно шагающей по дороге белокурой фигурки. Что она здесь делает? Как попала?

Он поспешно осадил лошадь.

— Эй! Ты кто?

Лиджена не ответила. Неживой ее взгляд скользнул по злосчастному парню, и она прошла мимо. Спрыгнув с седла, он схватил незнакомку за руку... и в тот же миг страшный удар сломал ему горло. Захлебываясь кровью, он сполз на землю; в утасяющих глазах застыло недоумение...

Лиджена перешагнула через труп и двинулась дальше.

* * *

Конан и Хашдад держали свой собственный секретный совет на вечную тему — что делать дальше? Как всегда, киммериец стоял за немедленное и активное действие, а благоразумный кузнец советовал немного обождать.

— Да чего ждать?! — начинал кипятился Конан. — Надо идти на юг. До владений Ночных Клинков рукой подать. Ты что, хочешь, чтобы мы отправились обратно в Маранг?

— А что? — удивлялся Хашдад. — Славный город. Девушки в нем ласковые. Я, может, и вовсе осяду здесь!

— Ну, твое дело, — скрипел зубами киммериец. — А я вот точно знаю, что мне не будет покоя, пока я не поквитаюсь с теми, кто выкрал меня и посадил на цепь!

Никому и никогда еще не удавалось безнаказанно вытворять такое с Конаном-киммерийцем!

— Но что ты сделаешь один против такого ордена? — не сдавался Хашдад. — Едва ли они попадутся в столь несложную ловушку, как султан Глессины!

— А я говорю тебе, что я заставлю их заправил жрать верблюжье дерьмо! — заорал Конан, грохнув по столу кулаком так, что столешница жалобно загрещала. — Это так же верно, как и то, что меня зовут Конан!

— Да не сердись, не сердись! Знаю я, что тебя зовут Конан. Но рассуди здраво — у тебя есть хоть какой-то план? Ты видел в глаза, как выглядит крепость Ночных Клинков?

Киммериец обиженно засопел.

— Не видел, — признался он. — Но это и не важно! Как действовать, решим на месте. Главное сейчас — добраться до этого замка, чтобы Кром заставил его провалиться сквозь землю!

— А там еще какой-то стихийный дух, посаженный точно сторожевой пес, — напомнил Хашдад. Киммериец лишь беззаботно махнул рукой.

— А, что нам!.. Справимся и с духами. Где наша не пропадала!

— Ну, нет! — воспротивился кузнец. — Лезть наобум — это не по мне. Ты бы хоть с Неаном поговорил.

— Это мысль! Ведь эмиру он все равно ничего рассказать не успеет... А клепсидра... будь она неладна... не пропадет. Выручим.

Неан лишь озабоченно покачал головой в ответ на просьбу Конана поподробнее рассказать об охранном духе возле цитадели Ночных Клинков.

— Вы задумали небывалое дело. — Маг с восхищением покачал головой. — Небывалое, но и столь же безнадежное. Элементал — его зовут Циондид — очень силен и свиреп. Это Дух Огня! Испепеляющие молнии — его оружие; и разят они без промаха. Он повелевает ветрами и бурями, и может в один миг потопить любой корабль. Залив в его полной власти. Укрыться там негде — берега скалисты и обрывисты. Правда, мне доводилось слышать, что там, в глубине залива скалы испещрены подземными кавернами — там в незапамятные времена селились драконы.

— Пещеры? — заинтересовался Конан. — Где селились драконы? Ты можешь это нарисовать?

Неан с легким оттенком превосходства кивнул.

— Разумеется. Как я уже говорил, Орден Ночных Клинков занимает меня уже давно... Я старался собирать правдивые вести, не совсем, правда, представляя, зачем они могут мне понадобиться... Однако же вот понадобились!

Судя по нарисованному магом аккуратному наброску, выходило, что до заветных пещер надо одолеть едва ли не половину залива.

— Н-да... — проворчал Конан. — Что ж, ничего не поделаешь. Правда, я не верю, что путь по воде — единственный... Мы, киммерийцы, сызмальства приучены лазать по скалам, и я бы мог...

— Несомненно, — кивнул Неан. — Но там целая горная страна. Безводная и безжизненная, населенная одними лишь сторожевыми демонами. Не забывай, почтенный Конан, что горы эти возведены не по прихоти творивших этот мир Великих Древних Богов. Скалы тянутся на добрый день пути к северу и югу от залива. Едва ли ты, даже с твоим несказанным умением, сможешь там пройти.

— И все-таки я должен буду попытаться, — заметил Конан. — И только если я потерплю неудачу — не раньше! — я испробую водный путь.

— И все-таки идти в одиночку против целого ордена бессмысленно, — вздохнул волшебник. Конан не ответил.

— Когда мы выходим? — спокойно осведомился Хашдад.

— Сегодня! — отрубил киммериец. — Сейчас.

* * *

Лиджена уже не застала киммерийца в Энгласе. Она поняла это, еще только подойдя к городским воротам — сломанная створка до сих пор валялась на земле. Девушка постояла некоторое время, словно размышляя — а затем двинулась дальше. Она видела след Конана так же четко, как если бы он был намалеван пылающе алой краской. Погоня продолжалась...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
НОЧНЫЕ КЛИНКИ:
ВОЗМЕЗДИЕ

Глава XIX

Я терпеть не могу воду! — шипела Ана, точно самая настоящая кошка. — Зачем, ну зачем нам было лезть в эту скорлупку? Ну да, через скалы идти трудно...

— Там просто невозможно идти, — твердо ответил девушке-оборотню Хашдад, усиленно работая веслом. — Ты бы, наверное, прошла. А вот мы — нет.

Конан угрюмо молчал, слушая все это. Киммериец не привык отступать — а отступить перед скалами ему пришлось. Там не было дорог, не было тропинок; одни отвесные, отполированные до блеска кручи. Впервые северянин не мог найти ни малейшей зацепки для пальцев — даже самой крошечной. После трех дней бесплодных усилий они повернули к побережью, где их дожидалась благоразумно спрятанная лодка.

Было раннее утро, когда они, подгоняемые свежим попутным ветром, увидели перед собой широко распахнутую пасть пролива. Здесь, на юге, в царстве голубой и бирюзовой морской стихии, этот мрачный залив казался перенесенным сюда откуда-то с дальнего севера: вода черна, скалы серы, на склонах кое-где притулились чахлые карликовые сосны...

— Это Циондид, — шепотом произнесла Ана. — Он высасывает тепло из воздуха... он питается этим... Все злобные элементалы таковы.

— Ну, что ж, посмотрим, так ли он крепок, этот твой дух, — Конан налег на весла. — Шевелись! Шевелись, если не хочешь отправиться к Морскому Деду раньше срока!

Залив был совершенно пуст и мертв. Ни шороха, ни плеска, ни дуновения. Здесь, в самом сердце владений элементала, он был полностью властен над погодой. Подгоняемая сильными гребками, лодка быстро продвигалась

вперед. Вот по бокам вздыбились скальные стены... вот они начали сужаться...

Резко, зло и тонко завыл ветер. По поверхности воды побежала рябь. Где-то в вышине над головами раздался глубокий вздох, словно невидимый великан прочищал там легкие.

— Навались! — зарычал Конан.

Хашдад равнодушно пожал плечами и налег на весла. Ана, вытянувшись и замерев, точно тугая струна, смотрела куда-то вверх, словно ее нечеловеческие глаза видели там нечто сокрытое от взоров ее спутников.

— Еще немного... — вырвалось у Конана.

Ветер усиливался с каждой секундой. Только что безоблачное небо начали стремительно затягивать низкие косматые тучи отвратительного грязно-серого цвета.

Лодка уже довольно сильно углубилась в залив.

Первая волна хлестнула через борт, обдав брызгами Ану — та даже не поежилась, хотя воду и в самом деле терпеть не могла.

— Пора, — негромко сказал Конан. — Ана, на весла! Девушка повиновалась мгновенно.

Конан сложил ладони рупором и поднес их ко рту. Миг спустя мощный голос киммерийца перекрыл даже свирепый вой ветра.

— Циондид! Слушай меня, Циондид!

Этого, похоже, элементал не ждал и на миг растерялся. Ветер выл, но не усиливался, лодка словно на крыльях летела вперед.

— Циондид! — вторично выкрикнул Конан. — Я зову тебя, Циондид!

Все замерло. Хашдад увидел, как побелели костяшки на судорожно стиснутом кулаке киммерийца. Оно и понятно — старый Кром не принимал к себе утопленников. Кузнецу в этой связи было легче — солнечноликому Митре было совершенно все равно, как именно одно из его бесчисленных чад рассталось с жизнью.

Конан выпрямился во весь рост, стоя на носу лодки. Ловко балансируя, он продолжал:

— Циондид, я прибыл сюда, в твои владения, как посол. Для тебя я принес слово и весть! Потопишь ли

ты мою лодку или все-таки выслушаешь то, что я обязан передать тебе?

Упругая волна хлестнула нос суденышка. Конана окатило с головы до ног, однако киммериец сделал вид, что ничего не заметил. Ветер внезапно взвыл надрывно-высоко и вокруг лодки образовалось нечто вроде островка затишья. А в небе стали медленно проявляться смутные очертания чего-то громадного, дрожащего, словно раскаленный воздух над железной крышей...

Неожиданно элементар ответил — голосом, неотличимым от шуршания ветра в скалах.

— Циондид здесь! Кто ты, смертный, осмелившийся назвать себя посланцем? Отвечай, и быстро, не то я разобью твою лодку и тебя о скалы! Кто послал тебя?

Конан ответил со страшным спокойствием, от которого по спине Хашдада заструился обильный пот.

— Меня послал преславный Ишон, владыка острова Драконий Рог! Как его посланник я требую, чтобы мне было разрешено причалить к берегу!

Волны с разных сторон все сильнее и сильнее бросались на лодку, однако Конан и бровью не повел. Вместо того чтобы пытаться удержать равновесие или как-то развернуть суденышко, он сделал Хашдаду и Ане знак сушить весла, словно они уже все были в безопасности, а Циондид умерил свой гнев.

Нехитрая ловушка подействовала. Сбитый с толку элементар и впрямь утишил волны. Лодка плавно скользила по ровной, зеркальной глади. Ана и кузнец вновь взяли за весла. Мимо проплывали береговые скалы.

— Ты требуешь слишком многого, смертный! — громынул Циондид. — Правь свое посольство!

Конан отрицательно покачал головой.

— Как посланец великого Ишона я не могу говорить, пока нога моя не будет стоять на твердых камнях!

Казалось, Циондид колеблется. Лодка продолжала двигаться.

— Смертный! Отвечай Циондиду, или же тело твоё сожрут рыбы!

Конан гордо выпрямился.

— Нужно преславный и прославленный на всех пяти океанах Циондид совсем лишен чести, что встречает угрозам посланца великого Ишона?

Элементар не ответил. Однако на некоторое время волны успокоились.

— Гребите сильнее! — приказал Конан Хашдаду и Ане. — Здесь причалить негде...

И вновь тишина. Конан до рези в глазах пытался разглядеть обещанный Неаном крохотный каменистый пляж — все напрасно.

— Смертный! — проревел Циондид. — Я жду уже достаточно долго. Отвечай же, произнеси слова, что вложены в твои уста элементаром Ишоном!

Ветер вновь загудел. Лодка начала угрожающе раскачиваться.

Конан набрал полную грудь совсем по-северному холодного воздуха.

— Циондид! Много времени под моими стопами не было ничего, кроме лишь зыбких деревянных палуб! Дай мне место, где я мог бы ступить на твердую землю, и я немедленно передам тебе послание могучего Ишона.

— Сейчас ты получишь просимое, смертный! — Голос элементара, казалось, полнит злая насмешка. В следующий миг лодку окатило волной леденящего холода. Вода возле бортов на глазах замерзала, превращаясь в лед.

— Чем тебе не твердь? — насмехался Циондид. — Выходи на нее и говори, смертный! Я уже устал ждать!

— Разве лед не есть та же вода? — стараясь, чтобы зубы не стучали от жгучего холода, выкрикнул Конан. — Неужто могучий Циондид не может подождать, пока посланец Ишона высадится на берег?!

— Это запрещено! — в ярости взревел элементар. Правда, поток его ледяного дыхания, к счастью, прекратился. Лодка легко высвободилась из ледового плена. Хашдад и Ана всю налегали на весла.

— Разве могучий Циондид может кому-то служить? Разве может кто-то повелевать великим Циондидом? — ответил Конан. — Кем может быть запрещено высаживаться на эти берега, кроме самого лишь великого Циондиды?

Элементал не ответил. Слова киммерийца попали не в бровь, а в глаз.

— Я могу обратить твою плоть в пепел, так, что не останется даже костей! — взвыл дух в бессильной ярости.

— Великий Циондид бесспорно может. Но, если он может, отчего же он отказывает нам в таком пустяке, как твердая земля под ногами?

Наступило поистине страшное затишье — как бывает перед всеокрушающим ураганом. И в этот момент Конан заметил пещеру — и узкий галечный пляж перед ней, словно кто-то, прогрызая ходы в неподатливом камне, сваливал в море все накопившиеся мелкие обломки.

— Заворачивай! — взревел Конан. Ана и Хашдад поднажали; весла мало что не гнулись в их руках. Лодка стрелой полетела к крошечному пляжу — единственному месту, где можно было пристать.

Прыгали прямо в воду — какую-то вязкую, холодную, совсем не похожую на ласковую воду южных морей.

— Наверх, к пещере! — скомандовал Конан, и, повернувшись к простору залива, стал ждать. Циондид не замедлил:

— Твое посольство, смертный! Я жду! Я теряю терпение!

В воздухе пахло, точно во время грозы — убийственной свежестью молний. Циондид тратил последние остатки терпения, неудержимый и гневливый, как и все стихийные элементалы.

— Те слова, что великий Ишон поручил мне передать могучему Циондиду, очень длинны и важны! Они касаются весьма тонких вещей.

Ана взлетела наверх одним прыжком. Тонкие пальцы вцепились в край черного зева пещеры; девушка ловко подтянулась и, перевесившись, сбросила веревку Хашдаду. Тот вскарабкался вверх с такой быстротой, словно за ним гнались все до единого леопарды — оборотни Ночных Клинков.

— Вельми, вельми невежлив могучий Циондид! Он требует, чтобы необыкновенно важные слова были бы переданы ему в спешке, не должным образом, пока посланец могучего Ишона еще не отдохнул. Но, разумеется,

могучий Циондид исправит ошибку и позволит послу удалиться для краткого отдыха?

— Ты забываешься, смертный! — волны в ярости бросились на берег. — Твои жалкие домогательства воспаляют меня! Ты будешь стерт во прах!

Конан уже карабкался вверх по веревке. Вот и холодный вход... Пещера... низкий свод... корявые стены... это и впрямь словно бы прогрызено в сплошном камне...

Пол внезапно затрясся. Удар Циондиды заставил трепетать даже глубокие корни скал.

— Отвечай, смертный! — бушевал элементал. — Передай мне посланье Ишона!

— Ну так слушай, чванливый погодный дух, только и умеющий, что мутить воду в своей луже! — что было мочи крикнул Конан. — Великий Ишон повелел мне сказать, что он бросает тебе вызов на смертельный бой! И он велел мне сказать тебе, что нет большего унижения для духа, чем служить цепным псом у мерзких колдунов!

Ответом стал неистовый рев. Вода в заливе закипела; волны бросились на берег, захлестывая низкий вход в пещеру.

— Я обращаю тебя во прах, ничтожество! — ревел элементал. — Я срою скалы до основания, чтобы добраться до тебя! Не думай, что пещера защитит тебя от моего гнева! Я чувствую твой страх, козявка!

Волна с ревом ударила о берег. Потоки воды хлынули вверх по пещере, норовя сбить Конана с ног; однако он стоял крепко, упершись руками в низкий свод.

— Циондид! Да взбаламуть ты хоть весь океан — тебе никогда не добраться до меня!

Усиленный пещерой голос вырвался наружу. Казалось, Циондиду дали пощечину.

Элементал ответил немедленно. Прямо из воздуха над кипящей водой залива вырвалась белая молния, ударившая в скалу рядом с входом в пещеру. Гранит моментально расплавился и потек вниз ярко-алыми струями. С шипением взвились белые султаны пара. Гремел гром, сотрясая скалы, выл ветер, волны, как безумные, кидались во все стороны... Конан мельком подумал, что случилось с

их несчастной лодчонкой. Хорошо еще, что Ана захватила с собой кое-какие припасы...

— Слаб, слаб Циондид! — как можно более глумливо выкрикнул Конан. И вновь — пещера странным образом усилила его голос, так что элементалу снаружи он казался даже громче его собственных громов.

— Слаб Циондид! Ничтожны его огненные копья, если смертный так легко может устоять перед ними!

Дикий вой ярости. Молнии одна за другой били в скалу, отрывая от нее громадные оплавленные глыбы. Стаями фантастических птиц взлетали снопы искр.

— Слаб, слаб Циондид! — Конан поспешно зажал уши. И вовремя — окончательно выведенный из себя дух обрушился на скалу со всей своей мощью. Гром, казалось, сейчас вытрясет из тела киммерийца саму его душу; камень горел, вода в заливе кипела, пылающие обломки скал взлетали высоко в затянутое тучами небо. Огненный меч вновь рубанул по камню — и внезапно настала тишина.

Распаленный до последнего предела, Циондид вложил в удар слишком большую мощь — большую, чем мог себе позволить.

Наступала тишина. Угасли молнии. Затих ветер. Разгладилась поверхность воды. Потрескивая, остывала оплавленная, истерзанная скала. Элементала Циондиды больше не существовало.

Конан нашел Хашдада и Ану забившихся в самый дальний конец драконьего логова. Судя по всему, если здесь и жил дракон, то очень небольшой, быть может — из молодых. Логово было покинуто давным-давно, ветры выдули отсюда даже память о драконьем запахе — но кое-что от прежнего хозяина все же осталось. Нет, не блистающий меч, не исполненное чародейской силы волшебное кольцо или таинственный камень-амулет. Нет. Всего-навсего заржавленный старый ключ. Конан поднял его, повертел и так, и эдак — ему, профессиональному взломщику, интересны были любые ключи, а этот имел настолько замысловатую бородку, что даже киммериец затруднился бы подобрать к нему отмычку.

— Драконы, особенно молодые — они что птицы: частенько таскают блестящее, — заметила Ана, разглядев находку варвара.

— Пригодится, — решил северянин, пряча ключ в карман широких кожаных штанов. — Этот ключ — наверняка из орденового замка... кто знает, может, замок так и не был сметен?

Хашдад только рукой махнул в ответ на это явно нелепое предположение.

— Послушай... а почему все так тихо?

— Мой план удался, — пожал плечами Конан.

— Твой план? Какой?

— Вывести этого тупого духа из себя, пока он не растратит все силы, кромсая скалу, — охотно пояснил киммериец. — Прием рискованный, но верный. Меня ему обучил, помнится, один маг из Светлых.

— А Ишон? Он-то откуда взялся?

Конан усмехнулся.

— Никакого Ишона нет и никогда не было. Но разве ж чванливый элементал признается в том, что чего-то не знает?... Так что для нас главным было дотянуть до пещеры... а дальнейшее уже вышло само собой.

Киммериец умолчал о том, что, несмотря на холод, спина его вся была покрыта потом.

— Лодку-то, небось, в щепки размолотило..., — прокричал Хашдад, сползая вниз.

Его слова оказались пророческими. Утлое суденышко то ли сорвало и унесло волнами, то ли испепелило молниями Циондиды — но, так или иначе, лодки путники лишились.

— Поплывем так, — пожал плечами Конан. — Зря я, что ли, меха с собой таскал?

Они плыли в холодных водах залива. Очень холодных водах, и киммериец уже с тревогой думал о том, сколько они выдержат, когда они словно бы пересекли некую границу, разом окунувшись в блаженное тепло тропических морей. Циондиду принадлежал далеко не весь залив. Владельцы замка Ночных Клинков тоже любили купаться.

А потом высокие скалы как-то постепенно сошли на нет, на берега выплеснулась зелень, а впереди, на высоком

холме, пловцы увидели высокие шпили Замка Ночных Клинков.

— Ух ты... — вырвалось у Конана.

Замок был воистину прекрасен. Изящные розовые и белые башни, с перекинутыми меж ними высокими арчатými мостиками; элегантныe крылья жемчужно-серых колоннад, спускавшихся к самой воде; строгие фасады дворца, проглядывавшие между башнями. Крепостных стен не было вовсе. Все строение скорее напоминало увеселительный охотничий дворец беспечного короля-жизнелюба, чем мрачную твердыню изуверов-волшебников.

Конан, Хашдад и Ана выбрались на берег примерно в полулиге от розовых башен. Тихо журча, к заливу из леса сбегали ручейки. Джунгли подступали к самой воде; пальмы купали в ласковых волнах длинные зеленые листья, в каждый из которых Ана могла бы завернуться, как в плащ.

— Теперь вперед, — шепотом приказал Конан. — Ана! Ты знаешь подходы?

— Знаю, — голос девушки-оборотня дрожал от скрытой ненависти. — Я все помню, не сомневайся, Конан!

Краем залива они дошли до той черты, где джунгли уступали место аккуратной зеленой лужайке вокруг самого замка. Перед путниками лежало открытое, просматривавшееся из бесчисленных окон пространство. Миновать его незамеченными не было никакой возможности.

— Тут должны быть входы в подземелья, — прошептала Ана. — У Ночных Клинков множество отнорков... одним из них выпускали меня... охотиться в джунглях... — Ее передернуло от ужаса и отвращения. — Я попытаюсь найти...

— А замок я беру на себя, — подхватил Конан.

Однако до самого вечера им так и не удалось ничего найти. Крепость жила, между башнями сновали люди в коричневых мантиях, им раболепно кланялись босоногие слуги в коротких ярко-желтых куртках и таких же штанах. Конан заметил, что все слуги были чернокожими, в то время как среди облаченных в мантии встречались и белые, и желтые, и даже красные цвета кожи. Орден

Ночных Клинков принимал всех, без различия меж расами.

— Кром! — вырвалось у киммерийца, когда они вновь уткнулись в берег залива, описав широкую дугу вокруг замка. Позади остались три дороги, по которым сплошным потоком двигались обозы — тяжело груженные в замок, порожние — из него.

— Хотел бы я знать, для чего им такая прорва съестного, — пробормотал киммериец, провожая взглядом очередной гурт скота не менее чем в сотню голов. — Этим можно прокормить десяти тысячное войско!

Загадка пока осталась без ответа.

Ана, не найдя заветного выхода, совсем приуныла.

— Я... я не смогу найти его, оставаясь человеком, — призналась она, когда солнце начало уже садиться. — На нем... защитные чары. Прятали от людей... но я найду.

Ни Хашдад, ни даже Конан не успели остановить ее. Короткое шипение — словно рассекаемый клинком воздух — и на месте очаровательной Аны вновь возник стремительный, хищный леопард — оборотень, готовый к смертельному броску. Хашдад невольно попятился.

Зверь замер на мгновение, черные губы дрогнули — словно в усмешке — и Ана мягкой, неслышной кошачьей поступью двинулась в лес. Люди последовали за ней. Мельком Конан подумал, что это, наверное, опрометчиво — превращаться в зверя Ночных Клинков совсем рядом с их цитаделью, где тебя могут вновь заставить повиноваться посредством чар; но было уже поздно. Оставалось надеяться только на Крома да еще на свою удачу.

Они наткнулись на тщательно замаскированный люк только спустя несколько часов. Вовсю светила луна; как назло, было полнолуние. Лесные призраки скользили у них за спинами, крылатые упыри роняли на легу капли горячей слюны — но, признавая в Ане одно из созданий Ночных Клинков, нападать так и не решились.

Леопард остановился перед ничем не примечательным холмиком, густо покрытым какими-то ползучими, выющимися растениями. Несколько ударов мощных лап содрали с земли зеленый обманный плащ; обнажилась черная земля.

— И где тут замок? — поинтересовался Конан, с недоумением озирая рыхлые комки. Света было все-таки недостаточно.

Ана поскребла лапой. Рыхлая земля подалась, тускло блеснула нетронутая ржавчиной сталь широкого люка.

«Не трогай!» — захотелось крикнуть Конану. Очень уж подозрительно выглядела эта девственно чистая, свежая сталь под слоем влажной, сырой земли. Да нормальное железо вмиг покрылось бы ржой!

Однако было уже поздно. Леопард мягко коснулся люка — там, где виднелась черная точка замочной скважины. Глаза Конана сощурились — он готов был поклясться, что мгновением раньше там ничего не было. Ну, раньше не было, теперь есть — что ж поделаешь! Попытаемся... Он извлек бережно сберегавшийся в пути набор отмычек и принялся за работу.

Замок поддался не сразу. Он долго негодуя скрипел, скрежата и кряхтел, словно возмущаясь творимым над ним насилием; наконец клацнул, щелкнул и отомкнулся. Хашдад и Конан вдвоем едва-едва отвалили тяжелую стальную плиту.

— Это ж в какой кузнице ковалось? — озадаченно пробормотал Хашдад, окидывая необычно гладкую поверхность люка взглядом знатока. — Простым молотом так не прокуешь...

— Потом рассуждать станешь, мастер! — зашипел на Хашдада Конан. — Давай за мной!

Они нырнули в черноту. Несколько торопливо сломанных смолистых веток послужили факелами. В их трепещущем свете Конан увидел уходящий вдаль прямой коридор с гладкими, облицованными камнем стенами.

— Хорошо хоть тут дерьма нет, — мрачно пошутил киммериец. — А то третий раз в нем купаться...

— Тише! — внезапно раздалось шипение Аны. — Погасите свет! И ни слова больше! Здесь твари, с которыми я разберусь сама. Ваша работа начнется позже...

Сказала — и черной молнией рванулась вперед. Конан и Хашдад молча переглянулись и старательно затушили горящие ветки. Тьма навалилась тотчас же, словно могильный камень.

Конан дернул кузнеца за рукав. Нало идти вперед.

Оттуда, из мрака, внезапно донесся сдавленный писк, а затем — отвратительный хруст, словно чьи-то челюсти перемалывали жертве кости. И вновь. Писк, скрежет, короткий вой... Во тьме вспыхнула пара зеленых огоньков — чьих-то глаз, вспыхнула и тотчас погасла, накрытая чьей-то стремительной тенью. Вскоре все стихло.

Ана возникла перед ними, словно гончий пес самой Смерти. Лапы и морда зверя были окровавлены.

— Там было много дозорных. И сторожей. И тех, кто пожирает. Теперь их никого нет. Путь открыт.

Они двинулись. Прошли полсотни шагов, и под ногами захлопало. Ана, неожиданно нагнувшись, несколько раз с видимым наслаждением лизнула еще неостывшую кровь в лужицах. И, точно разом устыдившись своего порыва, виновато повесила голову... Конан положил тяжелую ладонь на шею зверя.

— Ничего. Скоро все кончится... Ты станешь человеком...

Тоннель вскоре кончился.

— Впереди дверь, — сообщила Ана, отлично видевшая в полном мраке. — Заперта. Изнутри.

— И как же мы войдем? — пробормотал Хашдад, обращаясь по большей части к самому себе.

— Уж как-нибудь да войдем, — еле слышно прошипел Конан. — Молчи лучше!

Пальцы киммерийца осторожно ощупали края двери. Деревянная. Обита железом. Края тоже прикрыты железной пластиной. Так... теперь петли... Что?! Петли все штырями вверх?! Опытный взломщик не мог ошибиться. А ну-ка, навалимся, навалимся!..

Конан подсунул под нижний край двери свои знаменитые ножны — те самые, которыми он выламывал решетки из кирпичной кладки в подземельях Тлессины. Вдвоем с Хашдадом они навалились на рычаг. Дверь заскрипела — однако створка, пусть медленно и нехотя, поползла вверх. Вскоре, все покрытые потом, они сняли дверь с петель.

— Эх, мастера! — пренебрежительно свистнул Конан. — Крепости, элементарно цепными псами служат, а

дверь нормальную сделать не могли! Да любой купец в Заморе знает, что штыри на петлях должны смотреть в разные стороны — один вверх, а другой вниз!

Они оказались в другом коридоре, шире и выше прежнего.

— Здесь в стенах полно дверей, — шепотом сообщила Ана. — Но ничего. Найду по нюху. Давайте за мной!

Пустынной темной галереей они двинулись дальше. Хашдад брел как ни в чем не бывало, однако Конан внезапно замер на одной ноге, ухватив кузнеца за плечо. Киммериец чувствовал, что Ана тоже застыла, а коснувшись ладонью холки леопарда, понял — шерсть на загривке зверя встала дыбом.

Откуда-то из тьмы перед ними долетел тонкий-тонкий звук, быть может — визгливый старческий смех, или... Конан не мог подобрать определения услышанному. Но отчего-то кровь застыла в жилах при этих звуках.

— Что там? — одними губами спросил северянин леопарда.

— Не знаю. Страшно!

Киммериец сжал зубы и прислушался. Тишина. Только кровь шумит в ушах. Здесь не капала со сводов вода, не шелестели крылья летучих мышей; и только впереди их поджидал Ужас. Поджидал спокойно и уверенно, зная, что его им не миновать.

— Может, пойдем в другую сторону? — предложил Хашдад.

— Нет. Он нас учуял. Теперь не отстанет, — ответила Ана. Голос оборотня дрожал.

— Да кто он? — не унимался ничего не слышавший и не чувствовавший кузнец.

Ана хотела что-то ответить, но тут тьме наскучило ждать, и она сама полилась им навстречу. Киммериец одним движением выхватил меч — серебряный шар внезапно запылал чистым белым огнем. Яркий свет залил стены тоннеля, яркий и ровный, словно в подземелье вспыхнуло новое солнце.

Конан ожидал увидеть скалящиеся зубы, когтистые лапы, налитые кровью глаза, чешуйчатую броню... Однако

тоннель был пуст, совершенно пуст! Северянин услышал, как коротко охнула Ана.

— Эй, чего стоим? — как ни в чем не бывало поинтересовался Хашдад. — Дорога ж свободна!

— Молчи! — обливаясь холодным потом, процедил варвар. Да, избалованные городами жители юга уже утратили тот особый варварский инстинкт, которым природа в полной мере одарила киммерийца — умение чувствовать те незримые существа, что бродят по самой грани нашего и призрачного миров, так и норовя полакомиться чужой жизнью, выпив душу несчастного с той же легкостью, как человек выпивает стакан воды. И вот именно такой монстр и противостоял им сейчас в пустынном подземном коридоре. Видеть его было нельзя; но и Конан, и Ана очень четко чувствовали его присутствие.

— Он заколебался, — легким, как дуновение ветра, голосом сообщила девушка-оборотень. — Твой шар! Он смущает его...

В тот же миг Конан шагнул вперед, держа меч за противоположный эфесу конец. Взмах — и сияющий шар пересек тоннель сверху вниз, а затем справа налево. Неожиданно у самой стены вокруг шара взвился вихрь желтого пламени, и на миг стало видно высокое, совершенно не похожее на человека существо, вроде большого колышавшегося полотенца с громадной черной пастью в середине тела. Тварь конвульсивно дернулась — и ушла в камень стены.

Ана одним прыжком кинулась следом.

— Шар! Скорее, пока он не затянул камень вглухую!

Конан что было сил ткнул эфесом туда, где скрылся призрак-кровопийца. К его полному удивлению, эфес погрузился в гладкую плиту стеной облицовки точно в воду. Вновь брызнуло желтое пламя, но на сей раз оно смешалось с придавленным, предсмертным хрипом. Миг — и все исчезло.

— Все, — услышал Конан из уст Аны. — Можно идти дальше. Ты его прикончил.

Дальше по коридору им не встретилось ничего интересного. Ана долго перебежала от одной двери к другой, выискивая некий ей одной ведомый запах. Наконец она замерла — возле ничем не примечательной двери, даже не усиленной железом.

— Это здесь. Я узнала запах. Самый безопасный путь внутрь — через зверинец Ночных Клинков.

— А звери там в клетках? — подозрительно осведомился Хашдад.

— Не... нет. Они на свободе. Там большой подвал, место хватает на всех... — Девушка-оборотень внезапно ошутимо вздрогнула. — Они там живут... сражаются за самцов и самок... совокупляются... рожают новых монстров... — В голосе ее послышалось рыдание, как будто она вспомнила какой-то давний кошмар, который долго и безуспешно пыталась забыть.

— И ты называешь это самым безопасным путем? — хмыкнул кузнец.

— Других я не знаю, — коротко ответила Ана.

Эту дверь Конану и Хашдаду взламывать не пришлось — она запиралась со стороны коридора. Они осторожно приотворили створку. В щель сочился острый звериный запах, какой-то мокрой псины или чего-то подобного. Здесь царил непроглядная тьма; серебряный шар на эфесе Конана перестал светиться.

Зато впереди в изобилии вспыхнули алые, зеленые, желтые парные точки глаз. Возле самого пола и чуть ли не под самым потолком. Только глаза, ничего больше. Только глаза — но этого хватило, чтобы даже у бесстрашного Конана мороз пошел по коже.

«С такой их пропастью нам не справиться», — успел подумать он за миг до того, как его ноги все решили сами, сделав единственно верное и возможное сейчас — рванулись вперед со всей быстротой, на какую только были способны. Рядом с Конаном мчалась Ана, чуть позади топал и пыхтел Хашдад. Пока звери не опомнились...

Звери и впрямь не опомнились, зато со всех сторон внезапно полыхнул яркий, болезненно ударивший по глазам свет. А за светом последовал хохот. Отраженный стенами, стократно усиленный, он казался хохотом какого-то исполина.

Конан, Хашдад и Ана замерли посреди просторного, хоть и низкого подвала. Под ногами лежал светлый морской песок. А по углам жались, тонко скуля, те самые обитатели зверинца — причудливые помеси известных зверей Юга. Пораженные ужасом, они скулили и подвывали, чувствуя присутствие Господина.

Шерсть вдоль хребта Аны встала дыбом. Сверкнули оскаленные клыки; леопард был готов к бою, вот только на них никто пока не нападал. Издевательский смех отзвучал и угас; никаких слов за ним не последовало. Животные по-прежнему испуганно визжали, прижавшись к стенам.

— Кром! — вырвалось у Конана. — Кто-то решил, что у него будет неплохое развлечение. Ну что ж, он его получит!

С этими словами он сорвался с места. И тут же жавшиеся по углам твари внезапно тряхнули оцепенение.

Тут были львы с пастями крокодилов и крокодилы с гротескными клювами орлов, вдобавок ко всему рептилии были снабжены еще и тонкими газельими ногами — очевидно, для быстрого бега. Тут были жирафы, у которых шеи напоминали тела питонов, а морды — головы акул. Тут были псы, у которых челюсти достигали в длину доброго локтя. Тут были крылатые крысы — здоровенные твари, не меньше обычного северного волка, с серыми перепончатыми крыльями, как у их собратьев, летучих мышей. И еще какие-то жуткие создания, разглядывать которых Конану было уже недосуг.

На них бросились со всех сторон. Правда, Ана упредила — леопард пятнистой молнией прынул вперед, клыками и когтями расчищая дорогу к дальнему концу длинного подвала, где виднелась широкая решетка и три двери в ней.

Против ожидания звери двигались не слишком быстро и ловко — сказывалось то, что слеплены они были наспех,

кое-как. Хотели вывести смертоносных бойцов, улучшали, переделывали — да ведь только Те, что Творили в Начале, куда умнее были. И ни к чему теперь крокодилу нога антилопы, а орлу — пасть акулы.

Твари двигались неуклюже, но их было слишком много. Первый же удар Конана перебил змеиную шею «жирфа»; второй вспорол чешую на голове газельеного аллигатора. Ана оставила за собой целый шлейф: четыре или пять бьющихся в агонии тел, со вспоротыми брюхами и перекушенными глотками. Хашдад действовал не столь эффективно, однако и он заставил отступить пару насевших было на него крылатых крыс — этим тварям, надо сказать, крылья только мешали. Несколько мгновений спустя все трое путников оказались уже у решетки. Дверь была заперта на засов, но просунуть между прутьями руку и отодвинуть железную чушку ничего не стоило. Конан, Хашдад и Ана оказались в просторном полуподвальном зале, с выкрашенными в белое стенами. Стояли мраморные скамьи, мраморные же столы, — на которых еще остались валяться какие-то пергаменты. Похоже было, что отсюда убегали поспешно, в панике.

Под потолком в стенах виднелись узкие зарешеченные оконца. Они были черны — наверху тянулась ночь — однако просторный зал был весь залит магическим светом, таким же, как и зверинец.

И вновь раздался издевательский смех.

Конан в ярости рубанул мечом воздух.

— Будь ты проклят, мерзкий колдун! Ты следишь за нами и развлекаешься? Ты думаешь, что прихлопнешь нас, как мух, когда это развлечение тебе наскучит? погоди, грязный чародей, я еще вобью тебе в глотку твою же собственную книгу заклинаний! Посмотрим, кто будет смеяться последним!

Ответа не было. Смех не повторялся.

— Они выследили нас, — Конан повернулся к Хашдаду и Ане. — Выследили, и...

— Надо забить им в брюхо этот хохот, — спокойно сказал кузнец. — Если они решили, что мы настолько слабы, что сами упадем к ним в руки — что ж, пусть думают!

Хвост леопарда с силой хлестал по бокам. Ана готовилась к решительной драке — если не победить, то хотя бы подороже продать свою жизнь. Вот только драться было пока что не с кем.

Позади, за решеткой, шипели и рычали, прижав морды к решетке, уцелевшие твари. Впереди лежал пустой мраморный зал, отчего-то напомнивший Конану роскошную мертвецкую; в дальней стене виднелись двери.

— Ну, минуем и это... А что же дальше? — проворчал Хашдад.

Ему никто не ответил. Ночные Клинки откровенно потешались над тремя попавшими в их тенета жертвами. Хозяева замка могли тянуть еще долго, очень долго — пока бы им и в самом деле не наскучила эта забава. А тогда — щелчок пальцами, и Конан, Хашдад и Ана превращаются в горсточку пепла...

«Нет! — стиснув зубы, рявкнул сам себе Конан. — Да будь они такими всемогущими, им не было бы нужды подсылать меня к ведьме Атте... и уж едва ли я тогда выбрался бы живым из Бодей... не говоря уж про демонов на пиратском корабле и зачарованную Лиджену в Маранге... Что-то не выходит у вас, господа Ночные Клинки. Вы, конечно, можете потешаться — но, похоже, я все же посмеюсь последним!»

— Пошли вперед, пока ноги идут! — Конан первым решительно шагнул к дальней двери, ведущей из мраморного зала. — А кого рубить, там видно будет.

Следующий коридор был разубран с варварской роскошью. Там, где стены не были покрыты изысканными гобеленами (золотое и серебряное шитье, алмазы, сапфиры, рубины и все прочее — но на редкость безвкусно!), виднелась отделка драгоценным деревом — черным, белым и розовым. Деревянные панели покрывала глубокая, искусная резьба, и тут же, совершенно не к месту, строгая гармония узора нарушалась нелепой инкрустацией. Казалось, что местным хозяевам и впрямь некуда девать деньги. Они, как могли щедро, сыпали свои сокровища на каждом шагу. В нишах стояли статуи — разумеется, тоже только золотые или серебряные. В глазах начинало рябить от обилия роскоши.

Конан напоказ плюнул на прекрасный, расшитый всеми цветами радуги ковер и для верности растер плевком ногой.

— Эй, вы, жалкие черви! — проорал он, обращаясь в основном к лепному потолку. — Может, хватит прятаться, как трусливым псам? Выходите! И пусть наши мечи померяются силами!

В ответ раздался только знакомый издевательский смех.

Со злобы Конан рубанул мечом по высокому инкрустированному ларцу. Дорогая мебель жалобно затрещала, полированную поверхность пересекла длинная трещина.

Вновь раскаты хохота. И вновь ни одного слова.

В коридоре было достаточно света — хотя ни одного факела Конан так и не увидел. Без окон, проход напоминал внутренности какого-то исполинского зверя. Ана нерешительно потопталась на месте, потом свернула влево. Конан и Хашдад двинулись за ней.

Им по-прежнему никто не препятствовал. Можно искрошить в щепки всю обстановку, можно устроить пожар — невидимые хозяева будут только смеяться над твоими детскими попытками избежать приуроченной тебе судьбы.

Шли молча. Гнев у Конана начал постепенно затихать. Северянин вновь смог прислушаться к своим чувствам — и они-то, эти чувства, с неожиданной настойчивостью стали вызывать перед его глазами образ скрытого глубоко под землей Сердца. Сердца этого замка, Сердца, полного гнилой, но огромной мощи, которой, точно вампиры кровью, и питались многочисленные заправилы Ордена Ночных Клинков.

Конан даже приостановился. Видение было настолько ярким, настолько живым и реальным, что он едва не замахнулся мечом — громадный кровавый мешок, окутанный паутиной алых и синих жил, пульсировал у него прямо перед глазами.

— Ана! — однако девушка-оборотень уже сама поворачивалась к Конану.

— Да... я тоже вижу. Сердце... только вместо крови — гной и яд... Нужно разрубить его — и тогда падет весь орден...

— А ты уверена, что это не наваждение, насланное самими же Ночными Клинками? Быть может, они просто хотят заманить нас в ловушку?

Вместо ответа леопард повернул морду к недоуменно взиравшему на них Хашдаду.

— Тебе что-нибудь чудится? — в упор спросила кузница Ана.

— Мне? Чудится? Да с чего ты взяла? — удивился Хашдад.

— Вот. Если бы это была работа Ночных Клинков, мы бы все почувствовали одинаковое. А так... это кто-то пытается достучаться до нас, Конан. Я слышу этот зов, потому что была сотворена в этих стенах... А ты слышишь, потому что в тебе еще живы древние чувства твоего народа...

Образ Сердца не исчезал. Он подернулся было рябью, словно по воде забарабанили капли дождя — однако не исчез. Вокруг него начало разворачиваться нечто вроде схемы — ведущие вниз лестницы, спуски, переходы, мосты над бездонными подземными реками, отряды стражников — и людей, и зверей — на перекрестках... Словно чья-то могучая воля указывала им путь в самые глубины земли, к корням силы ордена Ночных Клинков.

— Нас зовет кто-то! — с отчаянием выкрикнула Ана. — Зовет... я должна идти...

— Нет! — Конан обхватил леопарда за мощную шею. — Это западня! Тебя заманивают!

Видение внезапно взорвалось изнутри. Сердце исчезло в огненном вихре, и зазвучала странная мелодия, дикая, древняя, — и наполненная таким нечеловеческим отчаянием, что Конану стало не по себе. Неужели и это — морок искусных чародеев? Он не хотел верить в это... Но ничего другого на ум ему не приходило.

Ана, казалось, сейчас потеряет рассудок. Ее неудержимо тянуло туда, вниз, к пылающему сердцу. Но а если это капкан? С этими всемогущими магами ухо надо держать

востро. Иначе они тебя быстро... за решетку и в зверинец. Да еще и крокодилюю пасть приделают.

— Чего вы беситесь? — недоумевал Хашдад. — Мало ли что кому привидится. Мне вот, например, ничего не видится. Так что ж теперь мне делать?

Конан не ответил. Бесконечный коридор уходил вдаль. Идти по нему можно было долго, очень долго — но что бы это дало?

Видение меж тем потускнело. Но потускнело не просто так. Казалось, кто-то громадной метлой хочет смести прочь все его лохмотья — в то время как изображение отчаянно сопротивляется.

И тут Конан решил. Судя по всему, у них впервые появился выбор — либо идти дальше по коридору, либо попытаться прорваться в подземелья. Посмотрим, что скажут здешние хозяева!

— Идем вниз, Ана, — негромко сказал киммериец оборотню. Леопард стрелой сорвался с места, ринувшись к ничем не примечательной двери шагах в двадцати от них.

— Лестница вниз начинается здесь, — услышал севернин лихорадочный шепот зверя.

И тут же начались неприятности.

Дверь оказалась заперта, и стояло Конану со всей силы всадить в нее меч, как из разруба брызнул искрящийся поток пламени — вход охраняло заклинание.

— Кром! — взревел киммериец. — Опять эти проклятые штуки!

В ярости он ткнул в дверь эфесом. Раздался тяжелый скрежет, словно неведомая сила выдирала из камня намертво врезанные в него железные петли. Сноп искр исчез; дверь окуталась удушливым серым дымом. Чихая и кашляя, люди поспешно отскочили; Ана смешно трясла головой и отфыркивалась.

Однако серебряный шар сделал свое дело. Охранявшее дверь чародейство было разрушено. Створки превратились в жалкую грудку обгорелых досок.

За порогом и впрямь оказалась лестница, ведущая вниз. Грубые каменные ступени, сильно стертые тысяча-

ми и тысячами ног, отполированные бесчисленными касавшимися их руками. Света здесь уже не было.

Оттуда, из глубины, сплошным потоком шел жаркий и сухой воздух, словно там, в неведомых подземельях, всю пылали громадные кузнечные горны.

Воздух замерцал. Тусклое серебристое свечение разливалось перед ними; идти стало трудно — они словно бы брели по груди в вязкой глине. И все же путь им пока ничего не преграждало — ни падающих с потолка решеток, ни смыкающихся каменных губ-давителей... Обычные защитные устройства, коими изобилует любой хайборийский замок, здесь отсутствовали. Может, потому, что этой лестницей ходили только свои?..

Или же Конан сейчас шел именно туда, куда хотели Ночные Клиники.

* * *

Лиджена безостановочно шла на юг. Заклятие Пелия поддерживало в ней силы, девушка не нуждалась ни в сне, ни в еде, ни в питье. Раскаленная пустыня была ей нипочем. Влажные леса, по колено утопавшие в застойных теплых болотах, кишавших отравными гадами — тоже. Она брела и брела, проваливаясь то по пояс, то по самую грудь, скользкие водные твари ордами бросались к ней, однако, нечувствительная к яду, Лиджена просто рвала в кровавые клочья длинные извивающиеся тела, швыряла их прочь — пожива для пожирателей падали — и шла дальше.

Она одолела леса. Вложенное разумом мага знание помогло девушке отыскать дорогу к цитадели Ночных Клинок. Взметнувшиеся перед ней розовые башни означали для Лиджены только одно — она сможет наконец найти Конана, и ее служба окончится.

Она шла по дороге, ровным и быстрым шагом, обгоняя неспешно тащившиеся повозки, запряженные волами. Чернокожие погонщики с изумлением и страхом взирали ей вслед — но, чувствуя Печать своих жестоких хозяев, не дерзнули ни заговорить с путешницей ни, тем более, заступить ей дорогу. Кое-кто робко кланялся ей — она не отвечала, не поворачивала головы, что лишь уси-

ливало общий ужас. Слух о том, что идет Белая Дева, полетел по лесным деревенькам, где обитали многочисленные данники Ордена...

У парадных ворот дворца Лиджена на миг приостановилась. Она чувствовала себя необычно сильной. Здесь, вблизи от самого Пелия, наложившего свое заклинание, чары были особенно мощны. Сейчас девушка могла, наверное, пройти сквозь каменную стену и даже не заметить. Но человеческое, никуда не исчезнувшее, разумеется, направило ее к воротам...

* * *

Каменная лестница вывела Конана, Хашдада и Ану в просторный купольный зал. Он был расположен не слишком глубоко — свод его выложили руки каменщиков, а не проточили подземные воды. В зале царил тот же самый яркий, невесть откуда льющийся свет. Вдоль стен, по кругу стояли резные скамьи черного камня. Стены покрывали мозаики — насколько успел понять Конан, картины посвящены были прославлению некоего божества, показу его триумфов над бесчисленными и непонятно какого происхождения врагами. В середине зала, как и положено в любом уважающем себя храме, имелся алтарь — здоровенная отполированная каменная глыба сложной формы, чем-то напоминавшая раковину улитки. Высотой эта раковина была в два добрых человеческих роста. Наверх, к овальному углублению, вела спиральная каменная лестница.

— Там они приканчивают жертвы, — шепнула Ана.

— А почему они пропустили нас так далеко? — шепотом осведомился Конан. — Как ты полагаешь, что они могли замыслить?

— Ночные Клинки очень любят острые и кровавые развлечения, — еле слышно отозвалась Ана. — Я помню... меня ставили с пятью пленниками... а до этого не кормили три дня... Я помню смех... они смотрели, как я... ох!.. пожираю людей... и смеялись...

— Развлечения... — прорычал Конан, крепче стискивая меч. — Посмотрим еще, во что им обойдутся эти развлечения!

В дальнем конце зала в стене виднелся широкий черный проем. Оттуда медленно и лениво выплывали вьющиеся ленты голубого дымка. Ана внезапно задрожала вся, от усов до кончика хвоста:

— Там! Это — там! Сердце — там! Оно зовет меня! Зовет! Зовет!..

Совладать с собой девушка-оборотень на сей раз не смогла. Конан рухнул ей на спину, обхватывая шею могучими руками, пригибая к полу мохнатую голову — напрасно. Даже его исполинская сила не могла здесь помочь. С легкостью стряхнув его руки, Ана стремительными упругими прыжками устремилась вперед, к разверстой пасти черного тоннеля — и пропала из глаз.

И тут началось самое веселое.

Контуров черных скамей дрогнули, начав таять и расплываться. Каждая из них оказалась группой тесно сжавшихся друг с другом воинов. Заблестели доспехи. Широкие наконечники копий наклонились, приняв боевое положение. Конан и Хашдад оказались в плотном кольце.

Но этого было мало. За спинами копейщиков появились лучники. Вскоре на северянина и его спутника было нацелено никак не меньше полусотни смертоносных наконечников. Киммериец услышал, как Хашдад легонько вздохнул.

— Ну, вот и все... Надоело им играть, как я погляжу...

Конан сцепил зубы и поднял меч. Живым они его все равно не получат. Все чувства варвара напряглись до предела — он старался угадать тот момент, когда стрелки могут спустить тетивы...

Из черного тоннеля, оттуда, где скрылась Ана, неспешно появились трое. Одеты они были чрезвычайно сложно и вычурно — сложной формы алые накидки, расшитые замысловатыми узорами, фиолетовые плечевые повязки, изукрашенные золотом, широкие пояса, все так и сверкающие от украшавших их самоцветных камней. Возраст это были люди в годах, но еще не старики. Смуглокожие, они тогчас напомнили киммерийцу обитателей Стигии, проклятой страны, бывать в которой он терпеть не мог. Мрачный культ Сета, Великого Змея, повелителя мрака и смерти, который исповедовали стигийцы, Конан считал отвратительным. Кроме того, в Стигии существо-

вал весьма неприятный обычай приносить чужеземцев в жертву своему жестокому богу...

Троица остановилась шагах в десяти от Конана и Хашдада, разглядывая их с явным любопытством. Никто не произнес ни звука; кузнец спокойно стоял рядом с Конаном, обнажив оружие, хотя и должен был понимать, что спасения нет. Быть может, если бы рядом с ним не оказался бы сейчас Хашдад, Конан и попытался бы сыграть в опасную игру — рвануться первым, вызвать стрелы в пустое место, а там... как будет угодно жестокому Крому, любящему кровавые поединки. Однако недотепа-кузнец болтался рядом — уж он-то, конечно, не сообразит, что делать, и его враз утыкают стрелами... В иное время киммерийцу было бы наплевать на это — но, когда позади осталось столько пройденных вместе дорог и пережитых опасностей, что-то не давало северянину поступить столь естественным для варвара образом.

Молчание затягивалось; и тут Конан внезапно увидел, как Хашдад изменился в лице, вглядевшись попристальнее в черты одного из явившейся троицы. Кузнец сперва побелел, затем побагровел; на скулах его заиграли желваки. Заправили же Ночных Клинков по-прежнему молчали, наслаждаясь, судя по всему, беспомощностью окруженных воинов.

— Это ты командовал, когда твои демоны сожрали мою семью! — внезапно взвыл Хашдад. В голосе его не осталось почти ничего человеческого — это был рев смертельно раненного зверя, умирающего, но еще способного прихватить с собой и удачливого охотника. Забыв обо всем, кузнец ринулся вперед. Конану ничего не оставалось, как последовать за ним.

— На пол! — успел проорать Конан, повисая на окаменевших плечах Хашдада, когда воздух вокруг них весь оказался пропит белоперенными стрелами.

Случилось чудо. Скомандуй Конан мигом раньше — и лучники успели бы снизить прицел. Скомандуй секундой позже — но тогда им обоим уже не пришлось бы ничего командовать, их пронзило бы насквозь. А так — волею сурового Крома их не задело.

«Знать бы, действует ли тут заклятье, отводящее удар от этих злодеев, так чтобы погибали бы слуги и рабы, как на галере?» — успел подумать Конан. В следующий миг

Хашдад нанес удар — лезвие вспороло грудь крайнему слева из трех заправил, однако тот и ухом не повел. Хашдад вырвал клинок, ошалело уставившись на холодно улыбнувшегося ему врага. Конан выругался. Заклятье действовало.

Однако, сцепившись с троицей начальствующих, Конан и Хашдад обезопасили себя от лучников. Те не осмеливались стрелять — очевидно, от оружия своих таинственное чародейство не защищало.

Конан бросился на пытавшегося сохранить невозмутимость Ночного Клинка, точно тигр на добычу. Киммериец не рубил мечом и не бил кулаками. Вместо этого он сгреб жертву в охапку и потащил за собой к тому самому черному проходу, в котором исчезла Ана.

Хашдад последовал его примеру.

Единственный оставшийся командир молча взмахнул руками. Наставив копья, воины Ордена сплошной стеной двинулись вперед. Похоже, они решили справиться с пленниками голыми руками.

Волоча упирающихся предводителей Ордена, Конан и Хашдад насколько могли быстро пробирались по широкому, полутемному тоннелю. Он полого спускался в глубь земли; навстречу хлестал горячий жесткий ветер.

Воины Ночных Клинков были уже рядом. Положение, собственно говоря, было безвыходным. Неуязвимые для стали, Ночные Клинки рано или поздно сомнут варвара с кузнецом, после чего... Успеть бы перерезать себе горло!

Спуск продолжался довольно долго; по некоему странному капризу воины Ордена не торопились кидаться на Конана и Хашдада...

Наклонный тоннель закончился еще одним залом. Он оказался настолько громаден, что углы его тонули во мраке — сжатый в середине зала свет не добирался туда. Эта исполинская пещера ни в чем не напоминала роскошный и торжественный верхний храм. Здесь властвовали сталь и огонь.

Посреди зала пылал круглый очаг — не менее полусотни шагов от края до края. В очаге жарко горел огонь — языки пламени вздымались и опадали, свиваясь в диких фигурах исступленного танца. Над очагом болталась устрашающего вида железная решетка; ее поддерживали четыре прикрепленные к углам толстые черные цепи. Справа

и слева от очага виднелись какие-то железные рамы, поставленные стоймя; а за очагом, на широком и длинном каменном постаменте, в окружении чего-то, сильно напоминавшего железную корону (из камня вверх торчали острые стальные клыки в рост человека из вороненой стали), Конан увидел то самое Сердце, что привиделось ему в коридорах дворца...

Громадное, наполовину вросшее в камень сердце. От него отходили толстенные, словно пальмовые стволы, арты — пять или даже шесть, там где у обычного человека их всего одна. Сосуды бились, пульсировали, словно в них с бешеной скоростью мчалась кровь — в такт биениям огромного сердца.

Именно от сердца, похоже, и расходилась та одуряющая вонь, от которой, по мнению Конана, можно было бы запросто отбросить копыта.

А еще киммериец увидел, что на одной из железных рам — правда, пока еще не придвинутых к очагу, — бьется, извивается и в бессильной ярости грызет железо цепей девушка-леопард Ана.

«Попалась-таки...» — мельком успел подумать киммериец, за миг до того, как воины Ночных Клинков наконец-то окружили их возле самого очага.

Конан взглянул в полные злобного торжества глаза схваченного им вожака. «Ну, и что ты смог мне сделать? — казалось, говорил этот взгляд. — Ты не можешь ни убить меня, ни искалечить, ни даже причинить боль. Здесь, в Замке, защищающее нас волшебство особенно сильно. Каждый твой удар, обрушенный на меня, сокрушит кого-то из несчастных пленников, запертых в наших тюрьмах...»

«Да, я не могу ни убить тебя, ни даже изувечить! — читалось в ответном взоре киммерийца. — Но это не помешает мне испробовать еще и это!»

Трудно сказать, что подсказало Конану единственно верное в тот миг решение. Быть может, это было даже то самое сердце, что мерно билось, отделенное пляшущим пламенем. Киммериец одним рывком вздернул внезапно обмякшего человека себе на плечо и шагнул так близко к пламени, насколько позволял жар.

— Эй, еще шаг — и он полетит туда!

Голос варвара звучал настолько свирепо, что никто даже не усомнился в том, что киммериец исполнит свою угрозу.

Это подействовало. Воины остановились в неуверенности, косясь на последнего из тройки заправил Ордена, оставшегося на свободе. Несколько мгновений тот, верно, колебался — однако затем резко вскинул обе руки вверх. Пленники Конана и Хашдада разом тонко завопили от ужаса.

Копейщики шагнули вперед.

— Да будьте вы все вовеки прокляты! — взревел Конан так, что, казалось, от его крика заколебалось даже пламя в огромном очаге. Киммериец легко, словно крысу, швырнул вопящего человека в огненную пасть и шагнул навстречу врагам, готовый, несмотря ни на что, драться до последнего. Его примеру последовал Хашдад.

У брошенных в пламя еще хватило сил подняться и, оглашая зал дикими воплями, в которых не осталось ничего человеческого, сделать несколько шагов к краю огненной купели. Чудовищные фигуры, распялив охваченные пламенем руки, качаясь, поднялись было среди пляшущих рыжих языков — и рухнули. По капищу пополнил отвратительный запах паленого.

Однако Конану было уже не до этого — потому что воины Ордена со всех сторон обрушились на него...

Первого Конан с легкостью перебросил через себя, швырнув в огонь. Второй попытался ткнуть его мечом — Конан перехватил кисть воина в воздухе, резко крутнул — кость хрустела, человек дико завопил, и северянин, впевшись в ослабевшую руку, ударил мечом, точно своим собственным. Воин, совершенно не ожидавший атаки, не успел ни защититься, ни хотя бы просто отшатнуться. Клинок вошел точно в горло несчастного; тело обрушилось на пол.

Варвар торжествующе расхохотался. Ему казалось, он нашел управу на неуязвимых и непобедимых мечников. Заклятье не защищало их от оружия своих, до тех пор, пока эфес оставался в руке воина Ордена. Если бы Конан сам взял клинок в руку — его врагов защитило бы чародейство. Однако сейчас заклиятие было бессильно.

Человек в руках киммерийца болтался, словно тряпка — от боли он лишился чувств; однако, разумеется,

драться таким образом с опытными фехтовальщиками долго было невозможно. Киммериец сразил еще троих, прежде чем на него навалились со всех сторон. Ревя, словно бешеный горный медведь, Конан трижды распыливал воинов Ордена, тела одно за другим летели в огонь... Он не остановился даже при виде того, что к горлу уже связанного Хашдада приставили острый нож и чей-то гнусавый голос предложил киммерийцу сдаться, поскольку если он этого не сделает, его друга немедленно прирежут. Конан даже не повернул головы. Впереди была смерть, одна только смерть, и если Хашдад умрет от быстрого и милосердного удара кинжалом в горло — это будет очень хорошо. Потому что в противном случае — муки и пытки, вынести которые не в силах смертного человека.

Конан успел отправить в огонь еще пятерых, прежде чем его все-таки сумели сбить с ног. Он еще пытался бороться, но сверху на него навалилось слишком много людей. Даже громадная сила северянина имела свои пределы. Ременные петли одна за другой охватывали его руки и ноги, и вскоре он оказался спеленут, словно новорожденный младенец.

Его не били, не пытались оглушить — а просто подняли на ноги. В пылающем очаге еще кричали умирающие; один, весь в огне, пытался перевалиться через край. Кто-то из солдат брезгливо пнул недавнего товарища ногой в грудь, и горящая фигура с последним отчаянным воплем опрокинулась на спину, исчезнув навсегда.

Пол под ногами был скользким от крови. В беспорядке лежали тела — те, кого Конан успел пронзить клинком орденового воина. Лица окружавших варвара солдат были исполнены священного ужаса — понятно, никому еще не удавалось так сражаться в самом сердце силы Ордена Ночных Клинков!

Ряды тяжело дышавших воинов раздвинулись, и показался третий из вожakov Ордена. Двое его собратьев уже стали горячим пеплом в неугасающем огне очага; но, похоже, оставшегося в живых это ничуть не волновало.

Высокий, осанистый, с длинным узким лицом и прищуренными глазами, вожак Ночных Клинков показался Конану обычным стигийцем. Внимательные черные глаза несколько раз пристально оглядели северянина с головы до ног. Жрец, колдун — или как там его еще могли звать? — не произнес ни слова. По его знаку Конана подняли и потащили к одной из железных рам. Рядом, устав биться, бессильно повисла на цепях Ана. К соседней раме уже прикрутили Хашдада.

И — как-то разом все кончилось. Солдаты строились и покидали подземное капище; убитых и раненых Конаном бросили в огонь, несмотря на мольбы и вопли еще живых.

Увечные не нужны Ордену.

Варвар, кузнец и Ана остались втроем — если не считать мерно бившегося чудовищного сердца за очагом. Голова девушки-леопарда дрогнула и медленно поднялась. Глаза были мутны от боли; говорила оборотень с трудом.

— Вы... не умерли... как... плохо... Теперь... нас... сперва... поджарят... но мы не умрем... а потом... ох! — Ее дыхание пресеклось от ужаса, голова бессильно мотнулась из стороны в сторону.

— Что зря пугаться, — прохрипел киммериец. — Нам осталось недолго... но я все равно буду...

— Ты уже ничего не будешь, жалкий червь! — загромыхало под сводами. Голос шел откуда-то сверху, из внезапно сгустившегося облака черноты. Говоривший торжествовал, упиваясь своей победой. — Настал твой последний час! Трепещи, ибо после ужасных мук ты, истерзанный и молящий о смерти, окажешься пред очами нашего Бога, и да возвеселят его твои душа и плоть!

— Эй, ты, не грозись, невидимка! — собрав все мужество и силы, рявкнул Конан. — Покажись, если ты такой смелый!

— В должный час ты увидишь меня, — ответил глумливый голос. — Увидишь и ужаснешься, ибо я есть Исторгающий сердца! Когда я произнесу великое заклина-

ние, сердце твое, послушное моему зову, само вырвется у тебя из груди, стремясь в мои руки!

— Что-то мне не становится страшно, колдун! Придумай что-нибудь поновее! А такими рассказами только и можно, что пугать глупых старух да бесштаннх детишек!

— Глупец! — гремел голос, разгневавшись не на шутку. — Скоро, о, совсем скоро — едва только лучи зари озарят наш замок — лучи зари, угодные Пище Бога — мы начнем обряд! И твоя душа, жалкий смертный, ляжет прахом под стопами нашего великого Бога, Косца Смерти, который выкосит без жалости всех нечестивцев, предоставив весь мир во власть нам, его верным последователям!

В голосе явственно слышалось безумие. Он то завывал, то хрипел, то рычал, то принимался едва ли не петь.

— Теперь я уйду, жалкие твари. Ожидайте здесь своего конца. Ручаюсь, умирать вы будете долго, очень долго! — голос злорадно хихикнул. — Я знаю тебя, знаменитый вор. Шахизара, Аренджуна и десятка других городов. Но и тебе, несмотря на всю твою ловкость, не удалось одолеть великий Орден Ночных Клинков!

Конан очень хотел бы ответить — «Ну, это мы еще посмотрим!», однако пришлось сцепить зубы и проглотить оскорбление. Да, на сей раз он, похоже, проиграл, и проиграл всерьез. Кром! Я честно дрался, и не моя вина, что все так получилось...

Наступила тишина. Неведомый Исторгающий скрывается. Плясали языки пламени, билось громадное сердце, гоня неведомо куда отравную кровь. Хашдад опустил голову на грудь и начал шевелить губами — похоже, молился.

Разум Конана лихорадочно искал путей к спасению. Киммериец попытался ослабить цепи — напрасно, закреплены они были на совесть. Попытался раскатать раму — тоже не удалось. Она стояла на широком и остойчивом основании. Исчерпав весь арсенал доступных ему движений, Конан замер. Похоже, оставалось только ждать. Ждать чуда.

Лиджена вплотную подошла к воротам замка. Конан был там, внутри, она чувствовала это так же четко, как гончий пес чует свежий след дичи. Заклятье Пелия все еще работало, вливая в Лиджену все новые и новые силы — но и отупляя при этом разум. Даже страшные глаза Нелек Кахала приутихли, подернулись пеплом, и уже не оказывали такого, как прежде, действия на девушку. Сказать по правде, Лиджена уже почти и забыла о таком. Каждый, даже самый дальний уголок его сознания, был занят Конаном. Ни о чем ином думать она не могла.

Ворота. Хорошие, прочные ворота. Створки для порядка обиты кое-где бронзой, но для крепостных все же недостаточно крепки. Шла последняя четверть ночи, восток уже окрасился розовым; солнце было готово приняться за свои каждодневные дела.

Обозы остались далеко позади. Они приблизятся к грозному для погонщиков замку позже, когда станет светлее. Так что сейчас Лиджене никто не помешает.

Девушка решительно толкнула обитую бронзой створку. Раздался треск, петли вырвало из камня стен; с протяжным скрежетом, чертя железом белые дуги по камню, створка рухнула внутрь. И Лиджена ощутила, что на нее обрушивается словно бы невидимая огненная река. Все тело охватил сухой, нестерпимый жар... Вспышка боли... Глаза Нелек Кахала вновь становятся яркими и повелительными, они надменно и настойчиво приказывают что-то девушке, однако — эти чары уже не имели над бедняжкой прежней власти. Конан, Конан, Конан — гудело под крышкой черепа, и ничто уже не могло совладать с этим.

Не теряя времени, Лиджена вступила внутрь. Она чувствовала, как рвет плечами и грудью тонкие, невидимые жгучие нити; девушка не знала, что это под ее неистовым напором ломаются и рушатся сложные системы оборонительных заклиний, что защищали вход во дворец. Там, где простого смертного разрезало бы пополам, Лиджена отделалась лишь несколькими незаметными порезами.

Из караульни с воплями выбегала стража. Точнее сказать, это была не стража, а скорее приказчики, ведавшие приемом утренних караванов; но мечи и шлемы были на всех. То ли дань традиции, то ли кто-то из Ночных Клинков не мыслил ворот без живых, а не чародейских охранников...

Лиджена не обратила на них никакого внимания. Что они могут ей сделать, эти суетящиеся людишки? Помешать? Вот уж нет! Ее теперь не остановит никто. Она доберется до Конана... доберется до Конана... а потом все сразу станет замечательно и хорошо.

Один из караульных замахнулся на Лиджену мечом. Не поворачивая головы, девушка вырвала оружие и, подхватив несчастного стража за шиворот и пояс, одним ударом о колено сломала ему позвоночник. Отшвырнув обмякшее тело и даже не обернувшись, Лиджена миновала надвратную арку. Позади нее раздался грохот — камни свода, не выдержав столкновения враждующих заклятий, рушились вниз, на головы оторопевшим дозорным.

Лиджена миновала небольшой внутренний дворик и распахнула резную дверь собственно дворца Ночных Клинков. Здесь уже царил настоящий переполох.

— Что это? Кто это? Великий Косарь Смерти, защити нас!

— Пелия! Это девчонка Пелия!

— Нелека сюда!

— Смотрите, на нее не действует чародейство!..

— Тихо все! — внезапно проревел гнусавый голос, в котором Конан без труда бы узнал своего бывшего собеседника с очень милым именем Исторгающий Сердца. — Нелек Кахал! Останови свою куклу! Если это сделаю я своей силой, от дворца не останется камня на камне!.. — раздался целый хор жалобных воплей и причитаний.

Не обращая ни на что внимания, Лиджена спокойно шла по роскошно убранным коридорам, лесницам и анфиладам. Никто не дерзал заступить ей путь; а голос Великого Исторгающего все гремел и гремел под лепными потолками, точно яростный гром во время весенней грозы.

— Нелек Кахал!.. Немедленно сюда! Немедленно!..

Ему внезапно ответил другой голос, голос мага Пелия, запыхавшегося от быстрого бега.

— Согласно повелению, я готовил...

— Все приказы отменяются! — проревел Исторгающий. — Немедленно останови своего гомункулуса!

— Да-да, я незамедлительно... — и Пелий, отряхивая одеяние, внезапно шагнул навстречу Лиджене из какого-то завешенного портьера угла.

— Повинуйся! — тягуче, нараспев завыл чародей, делая какие-то пасы руками. Лиджена, не замедляя шага, шла прямо на него. Ее остановившиеся глаза смотрели прямо в лицо Кахалу — однако девушка не чувствовала больше ни страха перед ним, ни его власти. Маг перестарался. Он слишком хорошо выполнил задание своего хозяина. Он заставил Лиджену думать только о Конане — и тем самым своими руками закрыл для себя дорогу к ее сознанию. Он накачивал ее силами, и теперь применить к проклятой девчонке одно из Уничтожающих Заклятий (что действуют, как известно, лишь на небольшом расстоянии!) означало поднять на воздух весь замок со всеми его обитателями. Любое превращение, любая трансформация Лиджены привели бы к высвобождению колоссальной магической энергии — что грозило всеобщим концом. У Пелия оставался только один выход — вновь взять Лиджену под свой контроль.

И он пытался. Он честно пытался — однако по лицу его бежали струи пота, его корчило от боли, и он прижимал ладонь к заткнутой, но до конца не зажившей ране, нанесенной ему Конаном в тот день, когда был разбит Камень-Хранитель, за которым столь долго и столь неудачно охотился Орден Ночных Клинков...

Пелий терял силы. Отступая перед Лидженой, перед своим собственным творением, он вновь и вновь произносил Слова Силы, Управляющие Заклятья, накладывал чары Повиновения и Послушания — все напрасно. Лиджена едва видела его. Конан! Конан! Конан! — звучало в ее сознании...

В отчаянии маг выхватил из-за пояса кинжал и, трижды плюнув на лезвие, попытался полоснуть девушку им по горлу. Лиджена внезапно приостановилась. Эта вещь в руках какого-то смутно знакомого человека была отчего-то опасна. На лезвии дымился смертельный для нее, Лиджены, яд...

Ответный удар последовал мгновенно. Выбив кинжал из рук мага, Лиджена со всей силы швырнула вопящего Пелия головой о стену. Не помогло никакое магической искусство. Череп волшебника разлетелся вдребезги, словно переспелая дыня. Оставив на драпировке громадное кровавое пятно, безголовое тело сползло вниз, оставшись лежать неподвижно. С такой раной не смог бы справиться даже самый сильный чародей...

И тут вновь по роскошным покоем дворца пронесся яростный визг Исторгающего.

— Проклятый глупец!.. Братья, спешите все немедленно вниз — нам надо успеть провести обряд и подчерпнуть силы у нашего бога! Тогда мы остановим чудовище...

Лиджена шла все дальше и дальше.

* * *

Конан в недоумении глядел на опрометью врывающихся в зал членов Ордена. Развевались мантии, руки были в ужасе воздеты, рты разорваны криками ужаса. Целые толпы их бросились к рамам, на которых были распяты беспомощные пленники. Заскрипели железные колеса. Рамы поползли к огню.

В то же время другие жрецы младших рангов начали мрачное, торжественное песнопение, обещая своему богу много-много жертв, много-много сладкой и теплой крови зарезанных на его алтаре — если он даст им сейчас нужную силу.

Конана толкали сильнее всех. Он обогнал рамы своих товарищей по несчастью; огонь начинал жестоко обжигать.

И в этот миг пение прервалось.

В зал вошла Лиджена.

Конан опешил едва ли не сильнее всех. А эта-то откуда здесь взялась?

С губ девушки сорвался торжествующий крик. Так мог бы, наверное, завывать голодный дух на давно забытом всеми кладбище; в голосе Лиджены не осталось ничего человеческого.

— Остановите ее! — надрывался Великий Исторгающий.

Вся было напрасно. Волна жрецов накатилась было на Лиджену — и в тот же миг в разные стороны полетели изувеченные тела. Без руки, без ноги, без головы, разорванные пополам...

Лиджена прошла сквозь беснующуюся, обезумевшую от крови толпу как коса над травами. Прошла — и остановилась перед Конаном, глядя ему прямо в глаза.

— Я нашла тебя, Конан. Это хорошо. Теперь ты умрешь, — произнесли бледные губы с забрызганного кровью лица.

Киммериец не успел ответить. Руки Лиджены одним рывком разорвали цепи, притягивавшие северянина к раме. На краткий миг Конан освободился... и, видя смерть в безумных глазах жертвы колдуна, использовал этот миг, как только мог.

Никто из Ночных Клинков не озаботился поднять оружие киммерийца, так и оставшееся валяться на месте его первой схватки. Доли секунды хватило варвару, чтобы выхватить меч из ножен. В следующий миг серебряный шар эфеса врезался Лиджене в висок. Конан не умел шутить, когда речь шла о его жизни и смерти.

Рука киммерийца и голова девушки окутались серым дымом, очень похожим на тот, что появился, когда Конан взламывал дверь, ведущую к подземному капищу. Лиджена без чувств рухнула на пол; и тут на Конана со всех сторон ринулись вопящие жрецы Ордена.

— Наш бог! Он появится, когда сожрет этого! Наш бог!..

Конану пришлось отступить. Под ногами неожиданно оказалась пульсирующая, полная кровью жила, что брала начало от чудовищного сердца на постаменте. Киммериец не глядя рубанул мечом — брызнул огненный фонтан,

раздался глухой подземный гул, по стенам кое-где побежали трещины. И тут северянин услышал голос.

Чистый, нежный и прекрасный, он обращался к варвару с одной-единственной просьбой. Не словами — слов говоривший не знал. Но в нем была такая нечеловеческая тоска и такое отчаяние, что никакие слова и не требовались. Конан понял, что от него хотят.

«Убей меня!»

Одним прыжком Конан оказался на возвышении, подле бешено бьющегося сердца.

«Убей меня!»

Северянин знал, что ему едва ли суждено выбраться отсюда живым. Но выбора не было.

Меч со свистом рассек воздух, и на боку сердца появилась широкая и длинная рана. Края ее начали расходиться; на пол хлынул янтарный огонь. В ужасе вопили жрецы; не пытаясь сопротивляться, они обратились в бегство.

По полу стремглав бежали сотни янтарных пылающих струек. Они воспламеняли даже камень. Сердце билось и корчилось в агонии, а Конан уже срывал последние остатки цепей с Аны и Хашдада.

Потом было бегство. Подземный гром грохотал и ворочался совсем рядом, все горело и рушилось, метались ополоумевшие жрецы; Ана сумела вывести киммерийца и Хашдада наружу. Уже у самого выхода им попался небольшой отряд жрецов, еще сохранявший подобие порядка; они тащили закрытый паланкин.

— Это он! — взвыла Ана. — Исторгающий! Это он превратил меня!..

Ее атака была стремительна и неотразима. Гибкое тело взвилось в воздух и рухнуло на кожаный полог носилок. Треск и хруст; носильщики бросили паланкин, рассыпавшись в разные стороны...

— Не давай им уйти! — орал варвар, рубя направо и налево. Хашдад не отставал от него, орудуя подобранным мечом.

Из остатков паланкина в разные стороны летели кровавые ошметки. Появились тонкие длинные ноги в фио-

летовых обтягивающих чулках, словно у аренджунской куртизанки. Ноги задергались, однако еще миг — и Ана с утробным урчанием взвилась, держа в зубах окровавленное сердце своего врага...

Конан и его спутники едва успели выбежать на улицу, как подземелье сотряс страшный взрыв. Дворец сложился, словно домик, выстроенный детьми из тонких листов рисовой бумаги; из всех окон выметнулось пламя. Рушились башни и стены, все это проваливалось в подземелье, перекрытия не выдерживали, и пылающая масса уходила еще глубже...

На месте гордого дворца осталась лишь громадная черная воронка не меньше лиги в поперечнике.

И еще Конан видел, как над клубами огня и дыма взвилось дивное, сказочное золотисто-шафранное существо, похожее на прекрасную птицу с длинным, словно у павлина хвостом...

«Спасибо, Конан», — услышал киммериец.

Эпилог

О дальнейшем догадаться легко. Без особых приключений Конан, Хашдад и Ана выбрались с пепелища. Магия Ночных Клинков погибла, девушка вновь стала сама собой; кузнец же нес на плече бесчувственную Лиджену.

Пути их разошлись в Маранге — Хашдад остался в этом городе, Ана же двинулась куда-то на север, в Дель Моргу, где жили ее родители, не перестававшие оплакивать дочь. Лиджену, почти все время спавшую, милостью эмира на его собственном корабле и впрямь отправили в Бодей. Вместе с ней отплыл и Конан — правда, для этого пришлось выкрасть священную клепсидру, а потом тайно погрузить ее на корабль...

* * *

Когда Конан-Киммериец вновь появился в таверне Абулетеса, все разом замолчали, уставившись на новоприбывшего точно на восставшего из могилы покойника.

— Чего выперлись? — угрюмо бросил обществу варвар, проходя прямо к стойке. — Эй, толстяк, если я узнаю, что ты сдал мою комнату, пока меня не было...

Абулетес облился холодным потом. Он, естественно, сдал комнату Конана — не стоять же ей пустой! И, похоже, пришел черед расплаты...

— Ты ни о чем не хотел бы поговорить со мной, юноша? — старик в сером плаще, бритый наголо, с ясными, смешливыми глазами, в упор смотрел на киммерийца из своего угла.

— С тобой?.. — Конан внезапно застонал, схватившись за голову — виски пронзила острая мгновенная боль. — Я... я помню... ты пришел...

— Пойдем и поговорим, — старик решительно подхватил Конана за руку, увлекая вверх по лестнице. — Ты отлично справился, мой мальчик. Ничего иного я от тебя и не ждал. Священная Клепсидра водружена на место, орден Ночных Клинков ниспровергнут, а я — я, столь... м-м-м... жестоко забросивший тебя на галеру ордена, могу наконец отдохнуть...

Конан стоял, глядя на старика полубезумными глазами. Конечно! Как он мог забыть! Ему долго толковали про этот Орден, про страшное зло, таящееся в его подземельях... об одном Магическом существе, плененном, подобно Тару, в этих подземельях, которого кровавыми жертвами и отвратительными заклинаниями превращали в страшного слугу Змея-Сета... Конан вспомнил, как он с презрительным смехом оттолкнул старика, когда тот виновато развел руками в ответ на его, Конана, вопрос — а сколько он, Конан, получит, если возьмется за такое дельце?..

«Ты все равно его исполнишь», — сказал тогда маг — как бишь его звали? — неважно; кто-то из Белых, ясно...

Никогда не торгуйтесь с волшебниками. Даже с белыми.

Содержание

Изгнанник с Серых Равнин

О. Эйриксон

Глава 1	Ночной бродяга	5
Глава 2	В покоях Короля	8
Глава 3	Один на один с Головой	21
Глава 4	Королевский совет	26
Глава 5	Волшебник Пелиас	31
Глава 6	Начало пути	39
Глава 7	Дорога к морю	47
Глава 8	Асгалун	53
Глава 9	Пока корабль плыл	78
Глава 10	Джунгли	81
Глава 11	Святылище	90
Глава 12	Камень мертвых	97
Глава 13	Поединок	104
Глава 14	Смерть Зольдо	111
Эпилог		116

Конан и Ночные Клинки

С. Корджи

Часть 1

Ночные Клинки:
От южных морей до Вендии

Глава 1		121
Глава 2		142
Глава 3		157
Глава 4		177

Часть 2

Ночные Клинки:
Вендия, Бодей

Глава 5		190
Глава 6		203
Глава 7		217
Глава 8		229
Глава 9		245

Часть 3

По следу Ночных Клинков:
от Бодея до Тлессины

Глава 10		256
Глава 11		273
Глава 13		307
Глава 14		324

Часть 4

По следу Ночных Клинков-2:
от Тлессины и Маранга до Энгласа

Глава 15		340
Глава 16		353
Глава 17		370
Глава 18		387

Часть 5

Ночные Клинки:
Возмездие

Глава 19		400
Глава 20		414
Глава 21		429
Глава 22		438
Эпилог		438

ИЗДАНЫ:

1. КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ
2. КОНАН И БОГИ ТЬМЫ
3. КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА
4. КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ
5. КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР
6. КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ
8. КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ
9. КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
10. КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ
11. КОНАН И ДАР МИТРЫ
12. КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ

В ТИПОГРАФИЮ СДАНЫ:

13. КОНАН: ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

ВЫХОД: ЯНВАРЬ 1996

15. КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ

ВЫХОД: ФЕВРАЛЬ 1996

ЧИТАЙТЕ В ЯНВАРЕ 1996 ГОДА!

ТОМ 7

КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА

*
Том ранее был анонсирован под рабочим названием "Конан и Зеркало Грядущего"

О. Эйрикссон, С. Корджи

КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Редактор *Михаил Нахмансон*

Художник *Павел Степняк*

Технический редактор *Сергей Арефьев*

Корректор *Нина Натарева*

Издательство Тролль
410027 г. Саратов, Одесская ул., 9.

Лицензия № 010945 от 05.05.1993 г.
Сдано в набор 20.09.95. Подписано в печать 30.09.95.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Тираж 25 000 экз.

Заказ 1543.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати. 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., 15.

**КАЖДЫЙ МЕСЯЦ
НОВЫЙ ТОМ О КОНАНЕ**

В СЕРИИ ИЗДАТЕЛЬСТВ «ТРОЛЬ» И «СЕВЕРО-ЗАПАД»!

ВПЕРВЫЕ !

В КАЖДОМ ТОМЕ МАТЕРИАЛЫ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

О БЕССТРАШНОМ ВОИТЕЛЕ!

**ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ
КОНАНА**

НАПИСАННАЯ *ЛЕОНОМ СПРЭГ ДЕ КАМПОМ*

И ЕГО ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
«ХАЙБОРИЙСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ»!

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ *ЛИНА КАРТЕРА*
«РЕАЛИИ ХАЙБОРИЙСКОЙ ЭПОХИ»

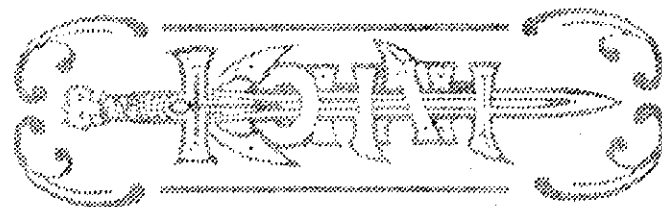
ВУДОРАЖАЮЩИЕ ВООБРАЖЕНИЕ МАТЕРИАЛЫ
ЧЭЙЛЕРА МИЛЛЕРА «ВЛАДЬКА ЧЕРНОГО ТРОНА».

АЛПАНА ГОВАРДА
«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КОНАНА».

СЕНСАЦИОННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
ЛЕОНА СПРЭГ ДЕ КАМПА
«КАК Я РЕДАКТИРОВАЛ КОНАНА».

ЭССЕ *ПОЛА АНДЕРСОНА*
«ИСКУССТВО РОБЕРТА ГОВАРДА»

И МНОГОЕ ДРУГОЕ!

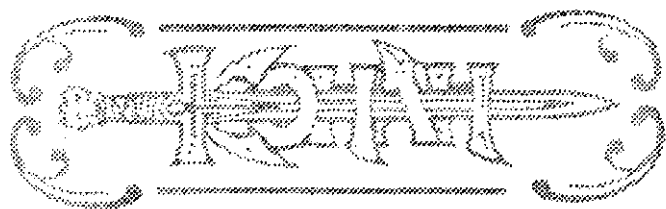
МАЙКЛ МЭНСОН

КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ

.... Любви Дайомы - владычицы Острова Снов, помогается один из сильнейших колдунов Черного Круга стигиец Пта-Рамсес, что обитает за Ванахеймом, на далеком севере, в замке Кро Ганбор у ледяного моря...

У острова Дайомы терпит крушение пиратский корабль и в живых остается лишь черноволосый синеглазый киммериец Конан, который становится пленником прекрасной колдуньи, и та обещает ему подарить свободу, если он поклянется выполнить ее поручение и убить зловещего стигийца. Варвар вынужден согласиться выполнить опасное поручение и получить заколдованный кинжал, ибо только заговоренным оружием можно поразить Адепта Зла. Но Дайома не слишком доверяет клятвам недавнего вора и пирата и оттого посылает вместе с ним своего верного слугу Израйна, сотворенного волшебством из глыбы гранита. И вот неустрашимый Конан и каменный голем отправляются на другой край света, чтобы вонзить зачарованный клинок в сердце Пта-Рамсеса...

Писатель *Майкл Мэнсон* знаком нашим читателям по роману "Конан и Дар Митры". Творчество этого автора отличается высокое писательское мастерство и тщательное продумывание мельчайших деталей, что позволяет ему достигнуть максимального реализма в описании противоречивого мира Хайборийской эры.

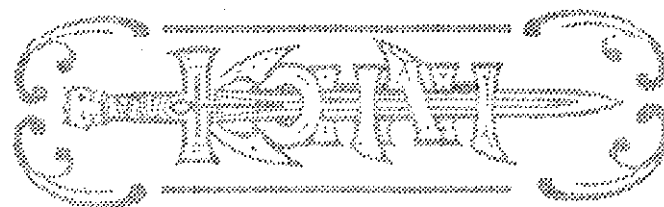
КРИСТОФЕР ГРАНТ И НАТАЛИ О'НАЙТ

КОНАН: ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

... Наследник аквилонского престола Валерий, принц Шамарский возвращается из долгих странствий по хайборийским землям. Он скучает в сытой и спокойной Тарантии, где пиры сменяются охотами, а боевые мечи ржавеют потускневших ножнах, ведь аквилонского короля Вилера давно уже не прельщают военные трофеи и бряцание оружия.

Но силы Зла не дремлют. Коварный Амальрик Торский, посланник немедийского сюзерена, завистливый и капризный принц Нумедидес, жрец-еретик Ораст и опальный наследник бельверусского престола Тараск жаждут власти и золота. Ни убийства, ни измена, ни сговор с силами Хаоса не страшат их, и вот наступает время Огня и Крови - Время Жалящих Стрел. В эти суровые для Аквилонии времена на службу в королевскую гвардию поступает отважный киммериец Конан, еще не зная, что всего через несколько зим он наденет золотой обруч аквилонской короны на свою голову с волосами цвета воронова крыла... Романы молодых авторов *Кристофера Гранта* и *Натали О'Найт* изящно написаны, их сюжет оригинален и сможет удовлетворить самый взыскательный вкус.

В настоящий том вошли два первых романа тетралогии "СКРИЖАЛЬ ИЗГОЕВ" - "Зеркало Грядущего" и "Время Жалящих стрел".

КРИСТОФЕР ГРАНТ И НАТАЛИ О'НАЙТ

КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА

... Едва взойдя на престол, Нумедидес пытается расправиться со своими недавними союзниками. И вот принц Валерий, изгнанный из родных земель, чернокнижник Ораст, чудом избежавший костра, обманутые коварным Нумедидесом немедийские вельможи Амальрик и Тараск, клянутся отомстить своему вероломному собрату. Орасту удастся расшифровать таинственные письма древнего ахеронского манускрипта, именуемого среди Посвященных Скрижалю Изгоев где сказано: власть над миром сосредоточена в зловещем, амулете, багрово-красном камне, что зовется Сердцем Аримана. И вот Валерий и Ораст отправляются в бесконечные скитания по миру, надеясь отыскать пифонский Талисман Зла. Отныне их жизнь - долгий путь с Мечом и Посохом. Они мерзнут в снегах Карпашских гор, изнывают от зноя в барханах Хаурана, задыхаются от ядовитых испарений китайских джунглей. Меру, Вендия, Кусан, Камбуя и Утара предстают перед их взорами. Они сражаются с демонами, чудовищами и зловещими созданиями неведомых стран и вот наконец заветный талисман у них в руках, но... Нумедидес давно повержен, а трон Тарантии занимает черноволосый гигант с глазами цвета сапфира, имя которого Конан из Киммерии... Но Врата Хаоса уже открыты и теперь вся мощь зловещей реликвии должна обрушиться на нового короля Аквилонии...

Романы молодых английских авторов *Кристофера Гранта* и *Натали О'Найт* динамично написаны, от них поистине невозможно оторваться. В настоящий том вошли заключительные романы тетралогии "СКРИЖАЛЬ ИЗГОЕВ" - "Меч и посох" и "Талисман Зла".

